

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

2025 Том 22 № 3

СЛОВО, ОБРАЗ, ЗНАК: ЧУВАШСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ

Приглашенные редакторы:

Ирина Юрьевна Кириллова, Альбина Федоровна Мышкина

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

Главный редактор

Бахтикирева Улданий Максумовна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

Почетные редакторы

Стивен Дж. Келлман, PhD, профессор, Техасский университет Сан-Антонио, Соединенные Штаты Америки

Канагараджа Суреш, доктор филологии, профессор, кафедра прикладной лингвистики английского языка, директор Центра миграционных исследований, Пенсильванский университет, Соединенные Штаты Америки

Заместитель главного редактора

Валикова Ольга Александровна, PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: valikova-o@rudn.ru

Ответственный секретарь

Овчаренко Ульяна Владимировна, кандидат филологических наук, педагог дополнительного образования кафедры русского языка и межкультурной коммуникации института русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Аминева Венера Рудалева — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

Андрущенко Елена Анатольевна — доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий Отделом литератур народов России и СНГ, Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, Москва, Российская Федерация

Арзамасов Алексей Андреевич — доктор филологических наук, заведующий лабораторией многофакторного гуманитарного анализа и когнитивной филологии, Казанский научный центр РАН, Республика Татарстан, Российская Федерация; профессор, институт русского языка, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Ахмедова Нигора Рахимовна — доктор искусствоведения, профессор, академик, Академия художеств Узбекистана, главный научный сотрудник, Института искусствоведения Академии наук Узбекистана, Ташкент, Республика Узбекистан

Биткеева Аиша Николаевна — доктор филологических наук, профессор, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Борговякова Тамара Герасимовна — доктор филологических наук, профессор, директор института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии; профессор, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова, Республика Хакасия, Абакан, Российская Федерация

Гарипова Гульчир Талгатовна — доктор филологических наук, профессор, Российский государственный университет имени А.Н. Косыгина, Москва, Российская Федерация

Валуцьева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Узбекский государственный университет мировых языков, Ташкент, Республика Узбекистан

Ефремов Николай Николаевич — доктор филологических наук, профессор, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения Российской академии наук, Республика Саха, Якутск, Российская Федерация

Курilenko Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

Кучукова Зухра Ахметовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, Республика Кабардино-Балкария, Нальчик, Российская Федерация

Ламжаа Чимиза Куер-ооловна — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии РАН, Москва, Российская Федерация

Марусенко Михаил Александрович — доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Хельсинки, Финляндская Республика

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация

Сальникова Екатерина Дмитриевна — доктор культурологии, кандидат искусствоведения, заведующая сектором художественных проблем массмедиа, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва, Российская Федерация

Сулэйменова Элеонора Дюсеновна — доктор филологических наук, профессор, вице-президент МАПРЯЛ, Казахский национальный университет имени аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

Султанова Рауза Рифатовна — доктор искусствоведения, профессор, заведующая центром искусствоведения, Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова Академии наук Республики Татарстан, Республика Татарстан, Казань, Российская Федерация

Тишков Валерий Александрович — академик РАН, заместитель академика-секретаря отделения историко-филологических наук, научный руководитель института этнологии и антропологии имени Никлухо-Маклая РАН, Москва, Российская Федерация

Хилханова Эрзеэн Владимировна — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям, Институт языковедения РАН, Москва, Российская Федерация

Хузеев Иран Сергеевич — доктор филологических наук, профессор, Владикавказский научный центр Российской академии наук, Владикавказ, Российская Федерация

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики, Московский государственный областной университет, Москва, Российская Федерация

Шафранская Элеонора Федоровна — доктор филологических наук, профессор Института гуманитарных наук, Московский городской университет, Москва, Российская Федерация

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Сайт журнала: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (открытый доступ)

4 выпуска в год (ежеквартально)

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Индексирование: РИНЦ (НЭБ), ВАК, DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, ResearchBib

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы билингвального образования, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 года журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству специалистов в области русофонной и транслингвальной литературы, культурологов, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделяется краеугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения второго языка в когнитивном и прагматическом аспектах и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редакция журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик в рамках билингвального образования;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

---

Редактор *И.Л. Панкратова*
Редакторы англоязычных текстов *У.М. Бахтикиреева, В.П. Сиячкин*
Компьютерная верстка *Н.В. Маркеловой*

Адрес редакции:
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Почтовый адрес редакции:
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6
Тел.: (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Подписано в печать 26.09.2025. Выход в свет 30.09.2025. Формат 70×108/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».
Усл. печ. л. 23,10. Тираж 500 экз. Заказ № 1264. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-08-61; publishing@rudn.ru

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Volume 22 No. 3 (2025)

WORD, IMAGE, SIGN: CHUVASH HUMANITIES IN THE 21ST CENTURY

Guest Editors:

Irina Yu. Kirillova, Albina F. Myshkina

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3

<http://journals.rudn.ru/polylinguality>

Founded in 2004

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Uldanai M. Bakhtikireeva, Doctor of Philology, Professor, Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru

HONORARY EDITORS

Steven J. Kellman, PhD, Professor, University of Texas at San Antonio, United States of America

Suresh Canagarajah, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Applied Linguistics of English; Director of the Center for Migration Studies, University of Pennsylvania, United States of America

VICE-EDITOR, EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. Valikova, PhD, Associate Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: valikova-o@rudn.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Ulyana V. Ovcharenko, Candidate of Philology, Teacher of Continuing Education, Department of Russian Language and Intercultural Communication, Institute of Russian Language, RUDN University, Moscow, Russian Federation

E-mail: ovcharenko-u@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Venera R. Amineva, Kazan Federal University, Kazan, Russian Federation

Prof. Elena A. Andrushchenko, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Alexey A. Arzamazov, Laboratory of Multifactorial Humanitarian Analysis and Cognitive Philology, Kazan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation; Russian Language Institute, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Nigora Akhmedova, Academy of Arts of Uzbekistan; Institute of Art History of the Academy of Sciences of Uzbekistan, Tashkent, Republic of Uzbekistan

Prof. Aisa N. Bitkeeva, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Tamara G. Borgoyakova, Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology; Khakass State University named after N.F. Katanov, Republic of Khakassia, Abakan, Russian Federation

Prof. Gulchira T. Garipova, Russian State University named after A.N. Kosygin, Moscow, Russian Federation

Prof. Irina I. Valuytseva, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Makhanbet Dzhusupov, Uzbek State World Language University, Tashkent, Uzbekistan

Prof. Nikolay N. Efremov, Institute for Humanitarian Research and Problems of Indigenous Peoples of the North, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Yakutsk, Russian Federation

Dr. Viktoriya B. Kurilenko, RUDN University, Moscow, Russian Federation

Prof. Zakhra A. Kuchukova, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik, Russian Federation

Prof. Chimiza K. Lamazhaa, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Mikhail A. Marusenko, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

Prof. Ekaterina Y. Protasova, University of Helsinki, Finland

Prof. Zoya G. Proshina, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

Prof. Ekaterina D. Salnikova, State Institute of Art Studies of the Ministry of Culture of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora D. Suleimenova, Kazakhstanian Association of Teachers of Russian Language and Literature; Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Kazakhstan

Prof. Rauza R. Sultanova, Art History Center, G. Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

Prof. Valery A. Tishkov, N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation

Prof. Erzhen V. Khilkhanova, Institute of Linguistics of RAS, Moscow, Russian Federation

Prof. Irlan S. Khugaev, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz

Prof. Georgiy T. Khukhuni, Moscow State Regional University, Moscow, Russian Federation

Prof. Eleonora F. Shafranskaya, Moscow City University; RUDN University, Moscow, Russian Federation

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba, Moscow

ISSN 2618-897X (Print); ISSN 2618-8988 (Online)

Journal homepage: <https://journals.rudn.ru/polylinguality> (Open Access)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Indexed by Russian Index of Science Citation (eLibrary.ru), DOAJ, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, WorldCat, Dimensions, Cyberleninka, East View, ResearchBib

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of translingual literature, bilingual education, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, crosscultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of L2 in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation specialists in the field of translingual literature, culture experts, philosophers, and other representatives of the Humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- publication of the results of experimental methods of teaching and learning of second language;
- the study of language processes in multicultural environment;
- the study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at: <https://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

E-mail: bakhtikireeva-um@rudn.ru; valikova-o@rudn.ru

Editor *I.L. Pankratova*

English Text Editors *Uldanai M. Bakhtikireeva, Vladimir P. Sinyachkin*
Computer design *N.V. Markelova*

Address of the editorial board:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Postal Address of the Editorial Board:

6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; e-mail: ptpj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price.

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St, Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3 Ordzhonikidze St, Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 955-08-61; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО, ОБРАЗ, ЗНАК: ЧУВАШСКАЯ ГУМАНИТАРНАЯ НАУКА В XXI ВЕКЕ

От приглашенных редакторов выпуска 469

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

Долгова А.П. Тенденции в сфере глагольного управления в чувашском языке: соотношение билингвизма и динамики узуса 474

Лебедев Э.Е. Категория залога в чувашском языке 489

Studentsov O.R. Markers of Colloquial and Journalistic Functional Styles of the Modern Chuvash Language (Маркеры разговорного и публицистического функциональных стилей современного чувашского языка) 501

Лукина И.П. Проблема лексикографирования чувашских топонимов в аспекте лингвострановедения 512

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Кузнецова Т.Н., Корнилов Г.Е., Яковлева Г.Г. Сопоставительный анализ перевода чувашских имен прилагательных на русский и немецкий языки (на материале поэмы «Нарспи» К. Иванова) 523

Маркова М.А. От словосочетания до сложного предложения: синтаксические особенности библионимов в чувашском и русском языках 540

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

Дегтярёв Г.А. Проблемы поиска функционально-семантических соответствий при переводе религиозного дискурса с иносистемного языка: из опыта чувашских переводов 556

ЛИНГВОКУЛЬТУРА

Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Концептуальная оппозиция ДРУЖБА — ВРАЖДА в чувашской и русской лингвокультурах 569

Gavrilov A.D. Chuvash Ethnoblogging as a Communicative Phenomenon: Bilingual and Transcultural Aspects (Чувашский этноблогинг как коммуникативный феномен: билингвальный и транскультурный аспекты) 588

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Rodionov V.G. Evolution of the Author's Picture of the World According to the Model 'Self/Other' in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period (Эволюция авторской картины мира по модели «свой — чужой» в творчестве чувашских писателей пореволюционного времени) 601

Кириллова И.Ю. Феномен авторского жанрового определения в творчестве драматурга Николая Терентьева 613

Мышкина А.Ф. Репрезентация мистического (Н. Петровская) и магического (Х. Кор-тасар) в художественной литературе	624
Никифорова В.В. Выражение «чувашского мира» в творчестве Ефрема Еллиева	635
Софронова И.В. Поэтика свободного стиха в творчестве Станислава Садура	645

ИСКУССТВО

Кондратьев М.Г. Волжско-камский этап истории чувашской музыки: источники и методы реконструкции	656
Мордвинова А.И. Эволюция концепта «национальное» в живописи художников Чувашии XX в.	670
Малинина А.А. Репрезентация образа невесты в живописи чувашских художников	682
Бушуева Л.И. Великая Отечественная война в судьбах и творчестве композиторов и музыковедов Чувашии	698

ИНТЕРВЬЮ

Гаврилов А.Д. Интервью с Юрием Николаевичем Исаевым (к 95-летию Чувашского государственного института гуманитарных наук)	708
---	-----

АКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

Новые книжные издания	717
-----------------------------	-----

CONTENTS

WORD, IMAGE, SIGN: CHUVASH HUMANITIES IN THE 21ST CENTURY

From the Guest Editors of the Issue	469
--	-----

LANGUAGE IN SYSTEM

Dolgova A.P. The Tendencies in the Sphere of Verb Government in the Chuvash Language: Correlation Between Bilingualism and the Dynamics Usage	474
Lebedev E.E. The Category of Voice in the Chuvash Language	489
Studentsov O.R. Markers of Colloquial and Journalistic Functional Styles of the Modern Chuvash Language	501
Lukina I.P. The Problem of Lexicography of Chuvash Toponyms in the Aspect of Linguistic and Foreign Studies	512

COMPARATIVE LINGUISTICS

Kuznetsova T.N., Kornilov G.E., Yakovleva G.G. Comparative Analysis of Translation of Chuvash Adjectives into Russian and German by the Example of the Poem ‘Narspi’ by K. Ivanov	523
Markova M.A. From a Phrase to a Complex Sentence: Syntactic Features of Biblionyms in Chuvash and Russian Languages	540

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

Degtyarev G.A. The Issues for Functional-Semantic Correspondences Searching in Religious Discourse Translation from a Foreign Language: The Experience of Chuvash Translations	556
---	-----

LINGUOCULTURE

Borisova L.V., Ivanova A.M., Chueva E.V. Conceptual Opposition FRIENDSHIP — ENMITY in the Chuvash and Russian Linguocultures	569
Gavrilov A.D. Chuvash Ethnoblogging as a Communicative Phenomenon: Bilingual and Transcultural Aspects	588

LITERARY DIMENSION

Rodionov V.G. Evolution of the Author’s Picture of the World According to the Model ‘Self / Other’ in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period	601
Kirillova I.Yu. The Phenomenon of Author’s Genre Definition in the Work of Playwright Nikolai Terentyev	613
Myshkina A.F. Representation of the Mystical (N. Petrovskaya) and Magical (J. Cortazar) in Fiction	624

Nikiforova V.V. The Expression of the ‘Chuvash World’ in the Works of Efrem Elliev	635
Sofronova I.V. Poetics of Free Verse in the Works of Stanislav Sadur	645

ARTS

Kondratyev M.G. The Volga-Kama Stage of the History of Chuvash Music: Sources and Methods of Reconstruction	656
Mordvinova A.I. The Evolution of the ‘National’ Concept in the Painting of Chuvashian Artists of Twentieth Century	670
Malinina A.A. Representation of the Bride’s Image in Paintings by Chuvash Artists	682
Bushueva L.I. The Great Patriotic War in the Lives and Works of Composers and Musicologists of Chuvashia	698

INTERVIEW

Gavrilov A.D. Interview with Yuri Nikolaevich Isaev (on the 95th anniversary of the Chuvash State Institute of Humanities)	708
---	-----

CURRENT LITERATURE

New Book Editions	717
-------------------------	-----

DOI: 10.22363/2618-897X-2024-22-3-469-473

EDN: ACAVJM

ОТ ПРИГЛАШЕННЫХ РЕДАКТОРОВ ВЫПУСКА

Чувашия — одна из уникальных республик Поволжья с богатым историческим и культурным наследием. Расположена она в самом сердце европейской части Российской Федерации, на живописных берегах реки Волги, где издревле в мире и согласии сосуществовали славянские, тюркские и финно-угорские народы. В поликультурном пространстве России Чувашия выделяется своим внутренним разнообразием, колоритным природно-культурным ландшафтом, яркой и самобытной традиционной культурой.

Чуваши (самоназвание — *чӳваш*, *чӳвашсем*) — древний народ. Чувашский язык входит в тюркскую группу алтайской языковой семьи и остается единственным живым языком ее булгаро-хазарской ветви. Он сохраняет в себе древнейшие черты прототюркского языка. В современной России насчитывается около 1,1 млн чувашей и по своей численности они входят в пятерку многочисленных народов Российской Федерации. Кроме Чувашской Республики чувашаи преимущественно расселены в Татарстане, Башкортостане, Ульяновской, Самарской, Тюменской, Томской, Оренбургской, Саратовской, Нижегородской и других областях.

Ведущим центром исследования истории, археологии, этнографии, языка, литературы, фольклора и искусства чувашского народа сегодня является Чувашский государственный институт гуманитарных наук. За свою 95-летнюю историю учеными научно-исследовательского учреждения были подготовлены и изданы сотни фундаментальных трудов по языкознанию (И.А. Андреев, А.Е. Горшков, В.Г. Егоров, И.П. Павлов, В.И. Сергеев), литературоведению (М.Я. Сироткин, А.В. Васильев (Вазан), Ю.М. Артемьев, В.Г. Родионов, Г.И. Федоров), фольклористике (Н.Ф. Данилов, Г.Ф. Трофимов (Юмарт), Е.С. Сидорова), истории (И.Д. Кузнецов, В.Д. Димитриев, П.В. Денисов, А.В. Изоркин, И.И. Бойко, В.Н. Клементьев), этнологии (В.П. Иванов, А.К. Салмин, Г.Б. Матвеев), искусствоведению (Ф.А. Романова, А.А. Трофимов, М.Г. Кондратьев, А.И. Мордвинова).

Современные филологические и искусствоведческие изыскания сотрудников института гуманитарных наук связаны с переосмыслением пройден-

ного пути и обобщением накопленного опыта. Они продолжают заложенные предшествующим поколением ученых-гуманитариев традиции и ведут научные поиски в новых направлениях. Так, усилия языковедов направлены на реализацию многотомного проекта «Строй чувашского языка», в рамках которого проводятся многоаспектные исследования системы и структуры современного чувашского языка, а также основные области его функционирования. На сегодняшний день в линейке этой серии уже изданы тома, посвященные морфологии, фонетике и фонологии, словообразованию и синтаксису чувашского языка. Приоритетными являются исследования чувашского языка в сопоставлении с другими тюркскими языками (Э.Е. Лебедев), а также истории литературного языка (О.Р. Студенцов) и синтаксиса (А.П. Долгова). О своей перспективности заявляют и исследования в области лингвокультурологии (А.М. Иванова, А.Д. Гаврилов).

Особый научный интерес представляет создание различных словарей. Под руководством известного чувашского лексикографа и лексиколога Г.А. Дегтярева идет подготовка 6-томного «Толкового словаря чувашского языка» (4 из которых уже изданы), историко-этимологического словаря «Топонимия Чувашского Поволжья». Наряду с ними на базе института разработана платформа «Национального корпуса чувашского языка», и сегодня ведется успешная работа по пополнению ее базы данных.

Вторая ветвь современных филологических изысканий связана с исследованиями в области общих проблем чувашского литературоведения и критики, теории и методологии литературы и литературной истории, сравнительно-сопоставительного изучения национальных литератур. Чувашские литературоведы успешно решают поставленные перед собой задачи — изучения истоков чувашской словесной культуры (В.Г. Родионов), истории развития чувашской драматургии (И.Ю. Кириллова) и современного литературного процесса (А.Ф. Мышкина, В.В. Никифорова, И.В. Софронова).

Современная чувашская фольклористика сформирована как самостоятельное научное направление. Главным проектом фольклористов на данном этапе является составление полного Свода чувашского устного народного творчества (Г.Г. Ильина, Н.Г. Ефремова-Ильина, О.Н. Михайлова). В рамках данного проекта на сегодня издано 13 томов только на чувашском языке и 4 тома на чувашском и русском языках. Параллельно ведется работа по подготовке монографии «Чувашский фольклор», посвященной исследованию фольклорных жанров.

Разработкой проблем формирования и развития традиционной культуры и профессионального искусства чувашского народа плодотворно занимаются чувашские ученые-искусствоведы М.Г. Кондратьев, А.И. Мордвинова, А.А. Малинина, Л.И. Бушуева, А.Н. Зарубин.

В настоящий выпуск журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» вошли статьи филологов и искусствоведов Чувашского государ-

ственного института гуманитарных наук и Чувашского государственного университета им. И.Н. Ульянова. Наряду с ведущими учеными в номере представлены работы начинающих исследователей. Тематически номер получился разноплановым, освещающим актуальные вопросы в области чувашского языка, литературы и искусства.

Руководство ЧГИГН и авторы выражают огромную благодарность редакции журнала «Полилингвильность и транскультурные практики» за поддержку идеи выпуска данного номера, за высокий профессионализм, четкую организацию работы и внимательное отношение к авторам.

Кандидат филологических наук, доцент

Ирина Кириллова

Доктор филологических наук, доцент

Альбина Мышкина

ENG

FROM THE GUEST EDITORS OF THE ISSUE

Chuvashia is one of the unique republics of the Volga region, with a rich historical and cultural heritage. It is located in the heart of the European part of the Russian Federation, on the picturesque banks of the Volga River, where Slavic, Turkic, and Finno-Ugric peoples have coexisted in peace and harmony since ancient times. In the multicultural space of Russia, Chuvashia stands out for its internal diversity, colorful natural and cultural landscape, and vibrant and distinctive traditional culture.

The Chuvash (self-designation — *чӑваш, чӑвашсем*) are an ancient people. The Chuvash language belongs to the Turkic group of the Altai language family and remains the only living language of its Oghur branch. It preserves the most ancient features of the Proto-Turkic language. There are about 1.1 million Chuvash people in modern Russia, making them one of the five most populous peoples of the Russian Federation. In addition to the Chuvash Republic, the Chuvash are mainly settled in Tatarstan, Bashkortostan, Ulyanovsk, Samara, Tyumen, Tomsk, Orenburg, Saratov, Nizhny Novgorod, and other regions.

Today, the Chuvash State Institute of Humanities is the leading center for research into the history, archaeology, ethnography, language, literature, folklore, and art of the Chuvash people. Over its 95-year history, scientists at the research institute have prepared and published hundreds of fundamental works on linguistics (I.A. Andreev, A.E. Gorshkov, V.G. Egorov, I.P. Pavlov, V.I. Sergeev), literary studies (M.Ya. Sirotkin, A.V. Vasilyev (Vazan), Yu.M. Artemyev, V.G. Rodionov,

G.I. Fedorov), folklore studies (N.F. Danilov, G.F. Trofimov (Yumart), E.S. Sidorova), history (I.D. Kuznetsov, V.D. Dimitriev, P.V. Denisov, A.V. Izorin, I.I. Boiko, V.N. Klementiev), ethnology (V.P. Ivanov, A.K. Salmin, G.B. Matveev), art history (F.A. Romanova, A.A. Trofimov, M.G. Kondratyev, A.I. Mordvinova).

The modern philological and art history researches conducted by the staff of the Institute of Humanities is linked to a rethinking of the path taken and a generalization of the experience gained. They continue the traditions laid down by the previous generation of humanities scholars and conduct scientific research in new directions. For example, linguists are working on a multi-volume project entitled “The Structure of the Chuvash Language,” which involves multifaceted research into the system and structure of the modern Chuvash language, as well as the main areas of its functioning. To date, volumes devoted to the morphology, phonetics and phonology, word formation and syntax of the Chuvash language have already been published in this series. Priority is given to research on the Chuvash language in comparison with other Turkic languages (E.E. Lebedev), as well as the history of the literary language (O.R. Studenetsov) and syntax (A.P. Dolgova). Research in the field of linguoculturology (A.M. Ivanova, A.D. Gavrilov) also shows great promise.

The creation of various dictionaries is of particular scientific interest. Under the guidance of the renowned Chuvash lexicographer and lexicologist G.A. Degtyarev, a 6-volume “Explanatory Dictionary of the Chuvash Language” (four volumes of which have already been published) and the historical-etymological dictionary “Toponymy of the Chuvash Volga Region.” Along with these, the institute has developed a platform for the National Corpus of the Chuvash Language, and today successful work is underway to expand its database.

The second branch of modern philological research is related to studies in the field of general problems of Chuvash literary studies and criticism, theory and methodology of literature and literary history, and comparative studies of national literatures. Chuvash literary scholars are successfully accomplishing their tasks — studying the origins of Chuvash verbal culture (V.G. Rodionov), the history of the development of Chuvash drama (I.Yu. Kirillova), and the contemporary literary process (A.F. Myshkina, V.V. Nikiforov, I.V. Sofronov).

Modern Chuvash folklore studies have developed into an independent academic discipline. The main project of folklorists at this stage is the compilation of a complete collection of Chuvash oral folk art (G.G. Ilyina, N.G. Efremova-Ilyina, O.N. Mikhailova). As part of this project, 13 volumes have been published in Chuvash alone and 4 volumes in Chuvash and Russian. At the same time, work is underway on a monograph entitled “Chuvash Folklore,” dedicated to the study of folklore genres.

Chuvash art historians M.G. Kondratyev, A.I. Mordvinova, A.A. Malinina, L.I. Bushueva, and A.N. Zarubin are fruitfully engaged in the study of the formation and development of the traditional culture and professional art of the Chuvash people.

This issue of the journal “Multilingualism and Transcultural Practices” includes articles by philologists and art historians from the Chuvash State Institute of Humanities and the I.N. Ulyanov Chuvash State University. Along with leading scholars, the issue also features works by novice researchers. Thematically, the issue is diverse, covering current issues in the field of Chuvash language, literature, and art.

The leadership of the Chuvash State Institute of Humanities and the authors express their deep gratitude to the editorial board of the journal “Polilinguality and Transcultural Practices” for supporting the idea of publishing this issue, for their high professionalism, clear organization of work, and attentive attitude towards the authors.

PhD in Philology, Associate Professor

Irina Kirillova,

PhD in Philology, Associate Professor

Albina Myshkina

ЯЗЫКОВАЯ СИСТЕМА

LANGUAGE IN SYSTEM

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488

EDN: ACUIAM

Научная статья / Research article

Тенденции в сфере глагольного управления в чувашском языке: соотношение билингвизма и динамики узуса

А.П. Долгова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ enzenz@yandex.ru

Аннотация. Влияние чувашско-русского двуязычия на речевое поведение билингвов проявляется в том числе и в нарушениях узуальных правил, которые, в свою очередь, приводят к изменениям в грамматической системе чувашского языка. Основное внимание в исследовании уделено анализу изменений в области синтаксической сочетаемости в глагольно-субстантивных словосочетаниях чувашского языка, происходящих под воздействием доминирующего русского языка. Актуальность темы обусловлена прежде всего возрастающим влиянием грамматической системы русского языка на особенности речи носителей чувашского языка, являющихся в абсолютном большинстве двуязычными. Имеющиеся в чувашском и русском языках различия в составах средств, связанных с глагольным управлением, приводят к интерференционным явлениям в глагольной сочетаемости чувашского языка. Цель работы — проследить основные тенденции в динамике не только в узуальном употреблении (разговорный язык, публицистические тексты и др.), но и в кодифицированном литературном языке (отражающиеся, например, в нормативных словарях). Изменения в правилах глагольного управления в чувашском языке и в предпочтениях тех или иных конструкций, как падежных, так и послеложных, изучены в хронологических рамках с начала XX в. по настоящее время, особое внимание уделено последним нескольким десятилетиям. Изменения в структуре некоторых моделей глагольно-субстантивных словосочетаний чувашского языка, наблюдающиеся в течение всего этого периода, представляют собой смену способа или средства синтаксической связи компонентов. В основном это замена падежного способа послеложным или одной формы (падежной или формы внепадежной системы) другой формой.

Ключевые слова: чувашский язык, узуальная норма, кодификация нормы, билингвизм, глагольное управление, синтаксическая сочетаемость глагола

© Долгова А.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Долгова А.П. Тенденции в сфере глагольного управления в чувашском языке: соотношение билингвизма и динамики узуса // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 474–488. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488>

The Tendencies in the Sphere of Verb Government in the Chuvash Language: Correlation Between Bilingualism and the Dynamics Usage

Alevtina P. Dolgova^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ enzenz@yandex.ru

Abstract. The influence of Chuvash-Russian bilingualism on the speech behavior of bilinguals reveals in violations of usage leading to the changes in the grammatical system of the Chuvash language. The special attention is paid to the analysis of changes in the field of syntactic combinability in verb-nominal collocations of the Chuvash language influenced by the dominant Russian language. The topicality is due to the increasing influence of the Russian language grammatical system on the speech peculiarities of the Chuvash speakers who are mainly bilingual. The differences between the Chuvash and Russian languages in the composition of means related to verb government lead to interference phenomena in the verb combinability of the Chuvash language. The aim of this paper is to observe the main tendencies in dynamics both in usage (spoken language, publicistic texts and etc.) and the codified literary language (normative dictionaries). The changes in the rules of verb government in the Chuvash language and preference for certain constructions, both case and postpositional, are studied chronologically from the early XX century to the present, special attention is paid to the last few decades. The changes in the structure of some models in verb-nominal word collocations of the Chuvash language, observed throughout this period, represent the change in the way or means of components' syntactic connection. It is mainly the replacement of the case-forms by the postpositional ones or one form (case or non-case system form) by another one.

Key words: the Chuvash language, usage, norm codification, bilingualism, verb government, syntactic verb combinability

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Dolgova, A.P. 2025. "The Tendencies in the Sphere of Verb Government in the Chuvash Language: Correlation Between Bilingualism and the Dynamics Usage." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 474–488. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-474-488>

Введение

Языковая норма, формирующаяся в среде носителей того или иного языка в ходе речевого общения, обрабатывается и закрепляется в общественном употреблении как узуальная норма. Литературная (стандартная) норма основывается на узуальной норме и представляет собой кодифицированную

норму, официально закрепленную системой правил в словарях, справочниках, учебниках. Эти правила носят прескриптивный и императивный характер, воспринимаются как гарант единства и стабильности стандартного языка. Для узуальной нормы характерны вариативность, подвижность, она является источником изменений стандартной языковой нормы. В фиксации узуальной нормы преобладает дескриптивный подход.

Как известно, развитие языка основывается на противодействии двух тенденций: с одной стороны, это стремление к устойчивости и сохранению существующей системы, с другой — к ее адаптации к изменяющимся условиям, преобразованию, совершенствованию. Таким образом, язык представляет собой постоянно меняющееся явление. Наиболее значительные перемены происходят в словарном составе, синтаксический уровень в этом отношении отличается большей стабильностью. Тем не менее и синтаксис подвергается изменениям. На сегодняшний день отсутствуют обобщающие работы, посвященные системному анализу инновационных изменений в синтаксическом строе чувашского языка. В имеющихся публикациях в основном представлены частные наблюдения над отдельными синтаксическими явлениями, представленными в текстах печатных средств массовой информации и разговорной речи, интерпретирующимися в большинстве случаев как нарушения нормы¹. Изменения в синтаксическом строе современного чувашского языка нуждаются в анализе, систематизации, теоретическом обобщении. Особенно актуален вопрос определения роли иноязычного влияния в процессе трансформации языковых норм, источником которой является чувашская речь билингвов.

Обсуждение

Изучение тенденций, имеющих место на уровне словосочетаний, актуально в первую очередь в связи с необходимостью дальнейшей нормализации литературного чувашского языка. При решении задач в этой области следует учитывать аспекты диахронии и синхронии, дифференцировать факты изменения нормы, связанные с развитием языка, и факты нарушения нормы как следствие немотивированных отклонений от общепринятого употребления. Актуальны проблемы кодификации языковых норм, связанные с распространенной в узусе вариативностью, в числе которых значатся и модели глагольно-

¹ См.: Горшков А.Е. *Си хысăмахпа пур чухне те вырăнлă усă куратпăр-и?* [Всегда ли уместно использование послелогога *си?*] // Ялав. 1971. № 11. С. 32; Павлов И.П. *Пенсие е пенси сине тух?* [Выйти в пенсию или на пенсию?] // Хыпар. 1991. 19 ноября; Федотов М.Р. «Мана авланасшăн мар...» [«Не желает на мне жениться...»] // Коммунизм ялавĕ. 1990. 23 декабря; Его же. *Валли хысăмах пирки* [О послелогоге *валли*] // Хыпар. 1999. 20 января; Никифоров Г.Л. *Сăмаха тĕрĕс те витĕмлĕ кала* [Используй слово правильно и веско] // Хыпар. 2018. 30 января; и др.

субстантивных словосочетаний. В чувашской языковедческой практике при наличии вариативности способа выражения того или иного содержания решение, как правило, выносилось в пользу одного из способов. Предпочтение отдавалось «исконному» варианту, считавшемуся наиболее точно соответствующим устоявшемуся системному строю языка. Однако необходимость расширения функциональных возможностей языка приводит к многочисленным заимствованиям, прежде всего лексическим. Первенство по числу среди неологизмов принадлежит терминам, специальным словам и сочетаниям. Заимствование путем калькированного перевода нередко влечет за собой еще и освоение синтаксических моделей языка-донора. Таким образом, иноязычные элементы проникают не только в словарный состав, но и в грамматическую структуру языка.

Возрастающее воздействие иноязычной грамматической системы на речь носителей чувашского языка связано с экстралингвистическими факторами, прежде всего с возрастающей ролью функционально доминирующего русского языка. При этом характер влияния русского языка на письменный чувашский язык и на разговорную речь чувашей имеет свои особенности. На речевом поведении билингва, кроме необходимости переключения с грамматического кода одного языка на код другого, сказываются еще недостаточная компетентность в родном языке и низкий уровень престижа языка своего этноса у чувашей. Следствием этих обстоятельств является то, что несоблюдение норм родного языка порицается общественностью далеко не всегда. Трансформации в синтаксическом строе письменного чувашского языка возникают еще в 20–30-е гг. прошлого века, и связано это, в первую очередь, с появлением многочисленных переводных текстов разного объема (от отдельных лексем до многостраничных законодательных актов на страницах периодических изданий, крупных произведений классиков русской художественной литературы и учебных изданий по различным дисциплинам общеобразовательной школы). Первые признаки этих тенденций отмечаются и в чувашских текстах XIX — начала XX в. (в переводах православных и просветительских текстов, на страницах первой чувашской газеты «Хыпар», издававшейся в 1906–1907 гг.).

В настоящее время на территории проживания чувашей доминирует русскоязычное пространство — наблюдается обилие текстового, аудио- и видеоматериала как в реальной жизни, так и в виртуальном мире. Чувашское население практически полностью двуязычно, носитель чувашского языка чуть ли не с рождения оказывается в двуязычном окружении. Информационная среда на русском языке во много раз превышает среду чувашеязычную. Билингв, владеющий обоими языками приблизительно в равной мере, в ходе коммуникации периодически переходит с одного языка на другой, часто — со смешением кодов одного языка с кодами другого. Подобные интерференционные

явления обнаруживаются на всех уровнях языковой структуры: фонетики (акцент), лексике и фразеологии (употребление иноязычных лексем и устойчивых сочетаний), грамматики (образование слов или их форм, организация словосочетаний и предложений по структурным схемам иного языка).

Типична ситуация, при которой знания в области второго языка билингва находятся на недостаточно высоком уровне, и по этой причине в процессе коммуникации он ориентируется в большей степени на родной язык. Однако в случае с билингвами — носителями миноритарных языков чаще наблюдается обратное явление, при выстраивании речи нередко элемент русского языка приходит на ум быстрее, чем элемент чувашского. В современной отечественной лингвистике существует трактовка сути подобных фактов (применительно к «англизации русскоязычного сообщества») как когнитивного сдвига, когда «связи между коммуникативным намерением и его вербальным воплощением по-английски крепче, чем по-русски у некоторых носителей русского языка» [1. С. 30].

Отклонения от исконной грамматической нормы в чувашской устной речи, как правило, происходят в ходе соотнесения грамматических систем чувашского и русского языков. Если в таком сравнении обычно «проигрывает» неродной (второй) язык, то в сообществах с родным миноритарным языком происходит обратное — в проигрыше оказывается менее используемый в сообществе родной язык, даже если он был для говорящего первым из усвоенных языком. Двухязычный чуваш нередко производит речь на родном языке, выстраивая мыслительную деятельность на русском. Доминирование в мыслительной деятельности грамматических норм русского языка при значительном расхождении в грамматическом строе двух языков приводит к частому использованию в речи иноязычных конструкций (возможно, даже только с чувашскими лексемами), впоследствии — к изменениям и в строе чувашского словосочетания в языковой системе.

Синтаксический уровень языка считается достаточно устойчивым и подверженным трансформациям в наименьшей степени. Все же, по наблюдениям лингвистов, синтаксис реагирует на экстралингвистические факторы, по сравнению с морфологией, заметно активнее. Однако не все инновационные процессы происходят под иноязычным влиянием. Иногда то, что на первый взгляд кажется нарушением синтаксической нормы, может оказаться закономерным продолжением тенденций, развивающихся на базе структурных ресурсов грамматической системы самого языка.

На современном этапе, под которым мы подразумеваем рубеж веков начиная с середины 1980-х гг., многие инновации в структуре чувашского словосочетания возникают и регулярно воспроизводятся в основном в публицистических текстах или в разговорной речи, из которых переходят в язык художественной литературы, затем фиксируются в словарях. Публицистика

занимает в настоящее время ведущие позиции в стилевой структуре и русского литературного языка: «...по силе и масштабу влияния на развитие литературного языка, формирования языковых вкусов, речевых норм он превосходит художественную речь. Особенно велика роль в этих процессах СМИ. Многие новые средства литературного выражения рождаются и проходят апробацию сначала в публицистическом стиле» [2. С. 314–315]. К взаимоотношениям различных стилей чувашского языка и литературного языка, на наш взгляд, данное утверждение не совсем применимо, так как здесь прослеживаются несколько иные тенденции. Долгое время основным источником кодификации норм чувашского литературного языка служил симбиоз художественной литературы, газетно-журнальной периодики и частично радиовещания. Ситуация начала меняться в начале нынешнего века. Если в конце 1980-х — 1990-е гг. печатное слово имело еще непререкаемый авторитет и силу, публицистический стиль оказывал решающее влияние на литературный язык (при незначительном участии разговорной речи), то нынешняя ситуация отличается другими трендами. Теперь преимущество за разговорным языком, подверженным мощнейшему воздействию со стороны русского языка. Интерференция, возникающая по этой причине на всех уровнях, — главный фактор, влияющий на тенденции трансформаций в чувашском языке. Кодифицированный чувашский язык, отражающийся в современных словарях, научных грамматиках и учебных пособиях, в некоторых моментах начинает заметно отличаться от разговорного чувашского языка (да и от языка публицистики тоже), следовательно, появляются признаки разрыва между кодифицированной и узуальной нормами.

Речевой практике билингва при использовании второго языка (языка, в котором они менее компетентны, а в нашем случае нередко таковым выступает родной язык) присуще стремление к экономии усилий, двуязычный человек непроизвольно ищет пути наименьшего сопротивления, чтобы достичь «симметрии, состояния двуязычного изоморфизма» [3. С. 43]. Речь в таком случае характеризуется максимальной репрезентацией явлений, совпадающих в родном и доминирующем языках, и игнорированием различий. Так, нередко носитель чувашского языка при построении высказывания на этом языке выбирает модель синтаксической конструкции русского языка, языка с более широким кругом функций, вследствие этой многофункциональности успешно развивающегося и широко представленного в окружающем пространстве. Экономия усилий при подборе конструкции для выражения того или иного содержания интуитивно вынуждает сделать выбор в пользу русской речевой логики.

Если говорить о грамматике современного чувашского языка, то можно заметить, что наиболее активные изменения происходят в структуре словосочетания. Дело в том, что словосочетание, будучи номинативной единицей,

представляет собой соединение двух знаменательных слов, но означает одно понятие, которое выражается главным словом и конкретизируется зависимым от него компонентом. В конечном итоге словосочетание с его сложной синкретичной природой «оказывается феноменом лексико-морфолого-синтаксическим» [4. С. 75], близким по своим некоторым признакам к лексике — самому изменчивому уровню языка. Структурные изменения в словосочетаниях поддаются наблюдению и легко обнаруживаются: «...изменения в системе словосочетаний происходят значительно быстрее, чем в системе предложения... могут быть обнаружены на протяжении сравнительно коротких промежутков времени и происходят часто на глазах одного поколения» [5. С. 5].

В структуре русских и чувашских глагольных словосочетаний имеются заметные расхождения. Правила глагольной синтагматики заложены в синтаксической сочетаемости (валентности) глаголов, то есть грамматическую форму соединяемых слов диктует синтаксическая сочетаемость определяемого слова, в нашем случае — глагола. Способность глагола управлять той или иной формой другого полнозначного слова заложена в морфосинтаксической системе языка, конкретно — в лексико-грамматической характеристике глагола, или, в иной терминологии, в актантной структуре глагола.

В системе глагольного управления русского и чувашского языков прослеживается определенный межъязыковой изоморфизм: в обоих языках глагольно-субстантивные словосочетания строятся по моделям, содержащим падежные формы существительных (или слов и словоформ иных частей речи, использующихся в функции субстантива), обусловленные синтаксической валентностью (сочетаемостью) глагола.

Основное формальное различие в этих языках — использование, кроме падежных форм, в русском языке предлогов, в чувашском — послелогов. В то же время предлоги и послелогов являются функционально соотносимыми категориями, следовательно, и по отношению к ним можно говорить о межъязыковом изоморфизме. Расхождения же касаются конкретных функционально-семантических характеристик — как падежных категорий, так и предлогов и послелогов, последние различаются еще и позициями относительно зависимых от глаголов компонентов (препозиция в русском и постпозиция в чувашском).

Чувашский язык отличается большим, чем в русском языке, количеством глаголов, требующих в качестве зависимого слова немаркированных имен (существительных или прилагательных): *кёнеке вула* «читать книгу», *купӑс кала* «играть на гармонии», *эрне кан* «отдыхать неделю», *йӑнӑш сыр* «писать с ошибками». Кроме того, одно и то же синтаксическое значение в этих языках может выражаться совершенно разными способами или разными средствами. Это несовпадение обусловлено закономерностями ограничений сочетаемости

слов в разных языках, имеющими отношение не столько к лексическим значениям глагола, сколько к правилам синтаксических связей между сочетающимися словами.

Сопоставительный анализ структуры глагольно-субстантивных словосочетаний русского и чувашского языка показывает, что для русского языка преобладающим типом являются словосочетания с маркированным (падежным и предложно-падежным) подчинением (то есть с синтаксической связью управления), а для чувашского языка — словосочетания и с немаркированным (форма основного падежа), и с маркированным (падежным, послеложным, падежно-послеложным) подчинением. Таким образом, для современного русского литературного языка характерно предложно-падежное глагольное управление больше, чем для чувашского — падежно-послеложное.

В течение XX в. в чувашском языке наблюдался рост числа моделей глагольных словосочетаний с послеложной связью за счет уменьшения количества моделей с падежным управлением. С этими процессами непосредственно связано и численное увеличение послелогов за счет десемантизации форм так называемых служебных имен (существительных и прилагательных, семантика которых имеет отношение в основном к пространственным значениям: *си* ‘поверхность’, ‘верх’ — *синчен* ‘о’, ‘про’; *хыс* ‘зад’, ‘задняя часть’ — *хысçан* ‘после’; *урлă* ‘поперечный’ — *урлă* ‘поперек’, ‘через’ и др.). Нередко лексемы из данной группы трактуются как послелоговые даже в случаях, когда они сохраняют полнозначность, только на том основании, что в некоторых контекстах они функционально соответствуют русскому предлогу. Так, по аналогии с русским словосочетанием *положить в мешок* создается чувашское сочетание *хутаç айне хур* (буквально: мешок + во внутренность + положить, т. е. ‘положить внутрь мешка’) вместо *хутаça хур* (глагол с зависимым существительным в форме датива). С точки зрения структурного строения словосочетание *хутаç айне хур* — сложное, состоящее из сочетаний *хутаç айне* (словосочетание с маркированной вершиной: определение *хутаç* ‘мешок’ и определяемое *айне* ‘внутренность’ в форме третьего лица категории принадлежности) и *айне хур* (глагол *хур* ‘положить’, требующий существительное в дативе, и зависимое слово *айне* в соответствующей форме). Ряд примеров, подобных этому, можно продолжить: *автобуса кёр* — *автобус айне кёр* ‘зайти в автобус’; *машинаран тух* — *машина айнечен тух* ‘выйти из машины’; *арчаран ил* — *арча айнечен ил* ‘взять из сундука’

Действительными переходами существительных в послелоговые можно считать редкие случаи вроде *синчен* в значении русских предлогов ‘о (об)’, ‘про’. В конструкциях *пурнăç синчен калаç* ‘разговаривать о жизни’, *пурнăç синчен шухайшла* ‘размышлять о жизни’ словоформа *синчен* (*си*, *сий* ‘поверхность’, ‘верх’ в форме аблатива) полностью десемантизировалась и грамматика-

лизировалась, трансформировавшись в послелог. Выбор на эту словоформу изначально пал, видимо, по аналогии с русским предлогом *над* (*задуматься над жизнью*). В других тюркских языках аналог русских предлогов *о* (*об*) и *про* (в функции обозначения объекта разговора, размышления и т. д.) имеет иное происхождение; сравните: татар. *турында, турыда, хакында*; башкир. *тураһында*; казах. *туралы*; узбек. *хақида*, турецк., азербайджан. *haqqında*, якут. *туһун*, тувин. *дугайы, дугайында* и т. д.

В тюркологии до середины XX в. группа слов в форме падежей с пространственной семантикой (датель / директив, локатив, аблатив, комитатив), а также некоторых прилагательных (также с пространственной семантикой) квалифицировалась большей частью как категория послелогов. После публикации Н.К. Дмитриева [6] сложилась традиция трактовать их как служебные имена, занимающие промежуточное положение между полнозначными именами и послелогом. В вопросе дифференциации действительных послелогов, служебных имен, полнозначных существительных, прилагательных и наречий в тюркологии до сих пор нет единого мнения [7; 8]. Некоторые из форм так называемых служебных имен чувашского языка полностью десемантизировались и используются как послелог. В основном они употребляются в функции близких по семантике предлогов русского языка, например: *телефон тӑрӑх калаҫ* ‘говорить **по** телефону’ — вместо *телефонна калаҫ*. Но в современных текстах достаточно часто встречается и сочетания типа *сукмак тӑрӑх таврӑн* ‘вернуться **по** тропинке’ — вместо *сукмакна таврӑн*; *кӗпер урлӑ каҫ* ‘перейти через мост’ — вместо *кӗперне каҫ*; сравните: *Акӑ пӗр ҫын кӗперне каҫса пырать ҫырманна*. К. Иванов («Нарспи») ‘Вот один человек переходит речку по мосту’, в которых в качестве аналога русского предлога используется слово, по морфологической природе являющееся именем существительным или прилагательным с пространственным значением и не потерявшее своей семантической самостоятельности.

Послеложное управление заменяет не только падежное управление, но и управление, оформленное грамматическими формами так называемой внепадежной системы (в данной ситуации мы придерживаемся трактовки исследователя чувашской морфологии В.И. Сергеева [9. С. 180–187]): *сурсӗр таран лар* — *сурсӗрчен лар* ‘сидеть до полуночи’, *чӑваш чӗлхи ҫине куҫар* — *чӑвашла куҫар* ‘перевести на чувашский язык’; некоторые грамматические значения могут выражаться при помощи трех разных средств: *ача нек савӑн* — *ача евӗр савӑн* — *ачалла савӑн* ‘радоваться как ребенок’. Часть подобных моделей уже утвердилась в качестве кодифицированной нормы.

Наиболее высокую частотность в современной чувашской речи имеют формы слова *ҫи* (*ҫий*) ‘поверхность’, в том числе грамматикализовавшиеся формы датива (*ҫине*) и аблатива (*ҫинчен*). Словоформа *ҫине* (буквально ‘на поверхность’) в сочетании с именем существительным употребляется

как эквивалент русского предлога *на*: *сётел сине хур* буквально ‘положить на поверхность стола’, то есть ‘положить на стол’. Словоформа *сине* в современной чувашской речи по аналогии употребляется и в сочетаниях, соответствующих русским словосочетаниям с предлогом *на*, замещая собой падежные формы: *ман сине шан* ‘надейся на меня’ — вместо *мана шан*; *автобус сине лар* ‘сесть на автобус’ — вместо *автобуса лар*. В публикациях по культуре чувашской речи часть подобных примеров расценивается как нарушение нормы. Сочетания типа *купӑс синче выля* ‘играть на гармони’ (вместо *купӑс кала*), *пенси сине тух* ‘выйти на пенсию’ (вместо *пенсие тух*), *Нина сине силлен* ‘сердиться на Нину’ (вместо *Нинӑна силлен*), *кимё синче ярӑн* ‘кататься на лодке’ (вместо *кимёне ярӑн*) уже в течение нескольких десятилетий порицаются как случаи ненормативного употребления, однако количество таких моделей в разговорной речи не только сокращается, но и множится.

Вместе с тем расширение употребления предложно-падежных форм за счет беспредложных (в случае с чувашским языком — употребления послеложно-падежных форм за счет беспослеложных) — скорее всего, общая черта языков, совмещающих синтетические и аналитические черты, в том числе и русского языка. Причиной этого является, как указывают исследователи, стремление к дифференциации значений полисемантических падежей при помощи дополнительных средств выражения того или иного значения. Увеличение роли предлогов в оформлении приглагольных второстепенных членов предложения — это черта и русского языка, фиксируемая еще с XVII в. [10. С. 426–428].

В современной чувашской речи встречается и вариантность, создавшаяся из-за изменений в употреблении падежных форм чувашского языка: *чавсана сырт* — *чавсаран сырт* ‘кусать локоть’, *яла тунсӑхла* — *ялийӑн тунсӑхла* — *ялсӑр тунсӑхла* — *ялтан тунсӑхла* (а также с послеложной связью *ял пирки тунсӑхла*) ‘соскучиться по деревне’.

Вариантность средств в системе чувашского глагольного словосочетания к настоящему времени практически стала нормой. В ряде случаев она тоже служит разграничению значений, выражаемых тем или иным падежом. К примеру, творительный падеж в чувашском языке может выражать синтаксическое значение не только комитатива (совместности) (*юлташна кил* ‘прийти с другом’), но и инструменталиса (орудия) (*пурӑна сыр* ‘написать мелом’), локатива (места) (*урампа пыр* ‘идти улицей’), темпоратива (времени) (*ирпе вӑран* ‘проснуться утром’), каузатива (причины) (*пуля лекнипе вил* буквально ‘умереть попаданием пули’), образа действия (*пётём вӑйна пус* ‘нажать всей силой’) и др. Значение некоторых из приведенных словосочетаний современный носитель чувашского языка может выразить при помощи других синтаксических спо-собов: *юлташна пёрле кил* ‘прийти вместе с другом’, *урам тӑрӑх пыр* ‘идти по улице’, *ирхине вӑран* ‘проснуться утром’, *пуля лекнӑрен*

вил ‘умереть из-за попадания пули’, *пётём вайран пус* ‘нажать изо всех сил’. Действительно, процесс изменения норм может быть вызван внутренними причинами, возможно, причина в развитии письменного чувашского языка и расширении круга функций, выполняемых им, однако выбор форм реализации этого процесса происходил и продолжается, на наш взгляд, под влиянием русского языка.

Изменение синтаксического сочетаемостного потенциала глагола может быть результатом развития семантики (в том числе под иноязычным влиянием). Появление нового значения в семантической структуре глагола может повлечь за собой возникновение новых валентностных потенций. Рассмотрим на примере изменения синтаксической сочетаемости глагола *пер* ‘стрелять’. Первоначально этот глагол со значением ‘кидать, бросать’ образовывал сочетания по модели «глагол + немаркированная форма существительного в функции объекта» (*чул пер* ‘кинуть камень’; *чул* — в форме основного падежа, соответствует русской форме винительного падежа) или «глагол + существительное в форме творительного падежа в функции инструмента и/или объекта» (*чулна пер* ‘кинуть камнем’; *чулна* — в форме творительного падежа). Со временем этот глагол начал использоваться для выражения значения ‘стрелять’ (в татарском языке подобное значение развилось у глагола *ат*, родственного чувашскому глаголу *ывйт*, в диалектах — *ыт*, *ут*). С появлением огнестрельного оружия данный глагол стал использоваться уже для обозначения стрельбы из пицалей, ружей, пушек, ракетных установок и т. д. Что касается формы слова, зависящего от этого глагола, то в течение последних 100–120 лет идут трансформации, из-за которых долгое время фиксируется вариативность, что отражается и в словарях, изданных в разные годы: *пужалба пер* ‘выстрелить из ружья’²; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’, *пйшал перекек* ‘стрелец’, *пйшал перекек салтак* ‘стрелок’, *Салтаксем пйшал перессё* ‘У солдат идет стрельба’, в то же время *пйшалта пени* ‘стрельба’, *салтаксен пйшалта немелли вырйн* ‘стрельбище’³; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’⁴; *тупй перессё* ‘стреляют из пушки’⁵; *пйшал пер* ‘стрелять из ружья’⁶; *пйшал[тан]*

² *Золотницкий Н.И.* Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань : Тип. Имп. ун-та, 1875. С. 47.

³ *Никольский Н.В.* Русско-чувашский словарь / Издание Переводческой комиссии при Управлении Казанского учебного округа. Казань : Центр. тип., 1909. С. 539.

⁴ *Егоров В.Г.* Чувашско-русский словарь / Чуваш. научно-исслед. ин-т социального и культурного строительства ; отв. ред. С.Ф. Фомин. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1935. С. 346.

⁵ Там же. С. 348.

⁶ Чувашско-русский словарь / Научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР ; под ред. М.И. Скворцова. Москва : Рус. яз., 1982. С. 283.

пер ‘стрелять из ружья’⁷; *пулеметна пер* ‘стрелять из пулемета’⁸; *рогаткăна пер* ‘стрелять из рогатки’⁹; *ухă пер* ‘пускать стрелу’, *ухăна пер* ‘стрелять из лука’, *ухăна перекен* ‘лучник’¹⁰; *автоматна пер* ‘стрелять из автомата’¹¹; *винтовкăна пер*, *винтовкăран пер* ‘стрелять из винтовки’¹²; *пăшал пер* ‘стрелять из ружья’¹³; *тунăна пер* ‘стрелять из пушки’¹⁴; *ухăна пер* ‘стрелять из лука’¹⁵.

Таким образом, в различных двуязычных (чувашско-русских и русско-чувашских) словарях уже в течение полутора столетий отражается вариантное употребление форм слов со значением инструмента при глаголе *пер* ‘стрелять’: номинативной, комитативной и аблативной. Анализ наибольших по объему двуязычных словарей показывает, что имя существительное, зависимое от глагола *пер* ‘стрелять’, в форме аблатива в качестве варианта немаркированной формы впервые было представлено в «Русско-чувашском словаре» 1971 г.: *пăшал(тан) пер* ‘стрелять из ружья’¹⁶, хотя примеры такого употребления массово появились в газетных публикациях и произведениях писателей-фронтовиков еще в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. А наличие примеров *пăшалтан дублетна пер* ‘стрелять из ружья дублетом’¹⁷, а также встречающиеся как в устной, так и письменной речи фраз, выстроенных по типу *рогаткăран чулна пер* ‘стрелять из рогатки камнем’, *ухăран наркăмăшланă сёмренне пер* ‘стрелять из лука отравленной стрелой’, — свидетельствует о расширении сочетаемостного потенциала глагола. Дополнение актантной структуры глагола еще и актантом-средством (к имеющемуся уже актанту-инструменту) приводит к функциональному распределению форм двух падежей: комитатив становится выразителем средства (*сёмренне пер* ‘стрелять стрелой’), функция выражения инструмента переходит к аблативу (*ухăран пер* ‘стрелять из лука’). Этот процесс в некоторой мере имеет

⁷ Чувашско-русский словарь / Научно-исслед. ин-т языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чуваш. АССР ; под ред. М.И. Скворцова. Москва : Рус. яз., 1982. С. 285.

⁸ Там же. С. 313.

⁹ Там же. С. 335.

¹⁰ Там же. С. 520.

¹¹ Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь: в 2 томах. Т. 1 : А–Р / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семёновой ; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2021. С. 24.

¹² Там же. С. 151.

¹³ Там же. С. 557, 560.

¹⁴ Скворцов М.И. Чувашско-русский словарь: в 2 томах. Т. 2 : Р–Я / под ред. Г.А. Дегтярёва, А.П. Долговой, И.П. Семёновой ; Чуваш. гос. ин-т гуманитар. наук. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. С. 325.

¹⁵ Там же. С. 377.

¹⁶ Русско-чувашский словарь / под ред. И.А. Андреева и Н.П. Петрова. Москва : Советская энциклопедия, 1971. С. 762.

¹⁷ Чувашско-русский словарь. С. 97.

отношение к явлению, отмеченному Д.Ю. Апресяном как невозможность «одновременной реализации форм со значением инструмента и средства в том случае, когда обе они выражены творительным падежом» [11. С. 128]. Смена нормы в чувашской синтаксической системе происходит в данном случае из-за стремления преодолеть грамматическую омонимию, возникшую под воздействием внешних обстоятельств, но форма выражения при этом выбирается под влиянием грамматической системы русского языка.

Заключение

Одна из тенденций, прослеживающихся в динамике норм чувашского языка с начала XX в. по настоящее время, имеет отношение к сфере синтаксических связей слов. За последние полтора столетия произошло значительное расширение функциональных возможностей глагольного управления при помощи послеложной связи. Фиксируются также изменения в употреблении падежных форм чувашского языка, в частности, в некоторых глагольных словосочетаниях наблюдается смена одной грамматической формы зависимого компонента другой формой. Процесс, как правило, зарождается в устной речи или в языке публицистики, затем переходит в тексты художественной литературы, в конце концов часть новых моделей фиксируется в словарях. Таким образом, частые нарушения узуальных правил нередко приводят к изменениям в кодифицированных нормах, следовательно, и в грамматической системе языка. Рассмотренные в данной работе факты изменения синтаксических норм чувашского языка в области глагольного управления свидетельствуют о трансформациях в способах и средствах синтаксической связи как по внутренним законам, так и под влиянием русского языка. Владение двумя языками, не совпадающими по своей грамматической структуре (в частности в моделях глагольного управления и сочетаемости глаголов), в двуязычном обществе с функционально преобладающим русским языком приводит к постепенному увеличению в миноритарном чувашском языке конструкций, выстроенных по логике языка с иным структурным строем.

Динамика узуальной нормы, отражающая совокупность реальных употреблений тех или иных вариантов языковых единиц в диахронии и синхронии, представляет несомненный интерес для лингвистики с точки зрения изменений, происходящих в речи билингвов — носителей миноритарного языка, под влиянием доминирующего в обществе языка или же по каким-то внутренним законам, заложенным в грамматической системе самого чувашского языка. Для более глубокого исследования проблем трансформации грамматических норм чувашского языка и их причин требуется более широкое изучение структуры словосочетаний с применением анализа дистрибуции глагола.

Список литературы

1. Бондаренко О.Р. Англизация коммуникативного пространства современной России: Что дальше? // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2019. Вып. 3 (819). С. 22–34. EDN: BHIEAI
2. Солганик Г.Я. Публицистический стиль // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. Москва : Флинта ; Наука, 2003. С. 312–315.
3. Знаменская Т.А. Проблема билингвизма и его влияния на языковую личность // Инновационные проекты и программы в образовании. 2014. № 3. С. 42–46. EDN: SEWRWB
4. Головин Б.Н. Основы теории синтаксиса современного русского языка. Нижний Новгород : Изд-во Нижегород. ун-та, 1994. 170 с.
5. Шведова Н.Ю. Активные процессы в современном русском синтаксисе : (словосочетание). Москва : Просвещение, 1966. 155 с.
6. Дмитриев Н.К. Служебные имена в турецком языке // Советское языкознание. Т. 3. Ленинград : Ленингр. научно-исслед. ин-т языкознания, 1937. С. 129–145.
7. Зарипова И.Ф. Роль послелогов в системе подчинительной связи слов в татарском языке // Вестник Башкирского университета. 2009. Т. 14. № 4. С. 1417–1420. EDN: KZFLVH
8. Черкесова З.Б. О соотношении служебных имен, существительных, наречий и послелогов в тюркских языках // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2010. № 5. С. 138–143. EDN: MWINYP
9. Сергеев В.И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 400 с.
10. Иванов В.В. Историческая грамматика русского языка. Москва : Просвещение, 1964. 451 с.
11. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 1 : Лексическая семантика (синонимические средства). Москва : Языки русской культуры; Восточная литература, 1995. 472 с.

References

1. Bondarenko, O.R. 2019. "Anglicization of the communication environment of modern Russia: What next?" *Vestnik of Moscow State Linguistic University. Humanities*, issue 3 (819), pp. 22–34. EDN: BHIEAI Print. (In Russ.)
2. Solganik, G.Ja. 2003. "Publicistic style." *Stylistic encyclopedic dictionary of the Russian language*. Moscow: Flinta; Nauka publ., pp. 312–315. Print. (In Russ.)
3. Znamenskaja, T.A. 2014. "The problem of bilingualism and its effect on the personality speaker." *Innovative projects and programs in education*, no. 3, pp. 42–46. EDN: SEWRWB Print. (In Russ.)
4. Golovin, B.N. 1994. *Fundamentals of the theory of syntax of the modern Russian language*. Nizhnij Novgorod: Publishing House of the Nizhny Novgorod University publ. Print. (In Russ.)
5. Shvedova, N.Ju. 1966. *Active processes in modern Russian syntax: (combination of words)*. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
6. Dmitriev, N.K. 1937. "Service names in Turkish." *Soviet linguistics*, vol. 3. Leningrad: Leningradskij nauchno-issledovatel'skij institut jazykoznanija, pp. 129–145. Print. (In Russ.)
7. Zaripova, I.F. 2009. "The role of postpositions in the system of subordination of words in the Tatar language." *Vestnik Bashkirskogo universiteta*, vol. 14, no. 4, pp. 1417–1420. EDN: KZFLVH Print. (In Russ.)
8. Cherkesova, Z.B. 2010. "About correlation of the service parts of speech, nouns, adverbs and postpositions in Turkic languages." *News of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*, no. 5, pp. 138–143. EDN: MWINYP Print. (In Russ.)
9. Sergeev, V.I. 2017. *The morphology of the Chuvash language: inflection, shaping and forming*. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj institut gumanitarnyh nauk publ. Print. (In Russ.)

10. Ivanov, V.V. 1964. *Historical grammar of the Russian language*. Moscow: Prosveshhenie publ. Print. (In Russ.)
11. Apresjan, Ju.D. 1995. *Selected works, vol. 1: Lexical semantics (synonymous means)*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury; Vostochnaja literatura publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Долгова Алевтина Петровна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0009-0006-8445-7877, eLibrary SPIN-код: 5576-1718. E-mail: enzenz@yandex.ru

Bio note:

Alevtina P. Dolgova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-8445-7877, eLibrary SPIN-code: 5576-1718. E-mail: enzenz@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500

EDN: ADLXQU

Научная статья / Research article

Категория залога в чувашском языке

Э.Е. Лебедев

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ edlebed@gmail.com

Аннотация. В традиции чувашского языкознания залого глагола в последнее время не выделяются в отдельную словоизменительную категорию. Формы с этими значениями обладают особыми признаками, среди которых главным является неспособность соответствующих аффиксов сочетаться со всеми глаголами. Именно из-за их нетотальности чувашские языковеды относят эти формы к сфере словообразования. Вопрос определения грамматического статуса указанных форм актуален по причине необходимости установления точного состава грамматических форм и категорий глагола в чувашском языке. Рассмотрена краткая история изучения глагольных форм с залоговыми значениями в чувашском языкознании, проводится сопоставление с подобными формами в других тюркских языках. В свете тенденций развития исследований глагольной морфологии в современной отечественной тюркологии автором для решения сложных вопросов грамматики предложено применение функционально-семантического подхода, который во главу угла ставит содержательную сторону языкового знака. В соответствии с ним для определения грамматического статуса формы в первую очередь должен быть задействован семантический фактор. В случае с залогом необходимо установить, образуется ли при присоединении соответствующего аффикса новое слово или он служит лишь для изменения формы слова. Так как значениями залога признается передача различных субъектно-объектных отношений, автор приходит к выводу, что в случае с указанными формами нового слова не образуется, так как действие остается прежним. Следовательно, здесь налицо словоизменительный процесс и эти формы составляют словоизменительную категорию глагола.

Ключевые слова: категория залога, понудительный залог, возвратный залог, словоизменительная категория

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лебедев Э.Е. Категория залога в чувашском языке // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 489–500. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500>

© Лебедев Э.Е., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Category of Voice in the Chuvash Language

Eduard Ev. Lebedev

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ edlebed@gmail.com

Abstract. In traditional Chuvash linguistics, the voices of a verb have not been recently singled out as a separate inflectional category. The forms expressing such meanings have special features; the main one is the inability of corresponding affixes to combine with all verbs. Thus they are referred to the sphere of word formation. The problem of determining the grammatical status of these forms is relevant because of the necessity to establish the correct composition of grammatical forms and categories of the verb in the Chuvash language. The article deals with a brief history of verb forms' study with voice meanings in the Chuvash linguistics and they are compared with similar forms in other Turkic languages. According to the author, the application of functional-semantic approach to solve complex grammatical questions, in particularly the content side of language sign is of primary in the light of the development of verb morphology research in modern Russian Turkology. Due to this the grammatical status determination of a form should be considered through the semantic factor. Analyzing the voices it is necessary to establish either the corresponding affix attachment forms a new word or it serves to change the word form. Since the meanings of the voice are stated to convey various subject-object relations, the author concludes that these forms do not form a new word as the action remains unchanged. Consequently, there is a word-formation process and these forms constitute the word-formation category of the verb.

Key words: category of voice, incentive voice, reflexive voice, inflectional category

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Lebedev, E.E. 2025. "The Category of Voice in the Chuvash Language." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 489–500. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-489-500>

Введение

Изучение форм, передающих залоговые значения в чувашском языке, имеет относительно долгую историю. Уже в «Сочинениях, принадлежащих грамматике чувашского языка», упоминается значение страдательного залога [1. С. 49], а в списке, представленном в издании на страницах 52–62, имеются глаголы, оформленные аффиксами залогов (прежде всего понудительного) [1. С. 52–62]. Но собственно научное изучение этих форм начинается с работы Н.И. Ашмарина «Материалы для исследования чувашского языка» [2]. Несмотря на то, что со времени выхода этого труда прошло более 120 лет, вопрос о грамматической природе залога в чувашском языке, по нашему мнению, остается открытым и по сей день, чем и обусловлена актуальность настоящей статьи. Ее цель — раскрыть основные особенности чувашских форм со значениями залогов и на базе этого обосновать наличие (или отсутствие) словоизменительной категории залога.

Обсуждение

Обзор литературы по этому вопросу будет правильным начать именно с упомянутой выше монографии Н.И. Ашмарина. Описание соответствующих форм автор приводит в разделе, посвященном словообразованию глагола, в соответствии с чем мы можем судить о его отношении к грамматической сути залога. По мнению ученого, страдательный залог в чувашском языке отсутствует, а аффиксы *-н* и *-л* образуют только форму возвратного залога [2. С. 292–293]. Также им отмечается, что примеры со взаимным залогом «не очень многочисленны» и что его формы образуются при помощи аффиксов *-ш* (*-ӓш/-ӓш*) и *-ç* [2. С. 295]. Автор приводит случаи, когда глаголы с залоговыми аффиксами не имеют исходной формы, и случаи образования глаголов при помощи тех же аффиксов от именных частей речи [2. С. 292–296]. Основное внимание ученого уделено наиболее распространенной залоговой форме в чувашском языке — форме понудительного залога. Среди аффиксов, образующих эту форму, он указывает такие как *-ар/-ер*, *-т*, *-тар/-тер* и *-ттар/-ттер* [2. С. 302–307]. В работе приводится достаточно точный анализ семантики и особенностей залоговых форм.

Продолжая традицию, начатую Н.И. Ашмариным, В.Г. Егоров в разделе коллективной монографии «Материалы по грамматике современного чувашского языка. Часть первая. Морфология», посвященном глаголу, также признает формы залогов словообразовательными. Им рассматриваются возвратный, страдательный, взаимный и понудительный залоговые группы так называемых возвратно-средних глаголов [3. С. 166–176]. Ученый, в отличие от Н.И. Ашмарина, выделяет форму страдательного залога, образуемую при помощи аффикса *-н*, отмечая, что эта категория имеет в чувашском языке «лишь очень слабые зачатки» [3. С. 168]. Определенным шагом вперед является и разбор чувашских глаголов с медиальным значением, круг которых также «крайне ограничен» [3. С.170].

Нельзя здесь обойти вниманием две статьи Г.Е. Корнилова (одна в соавторстве), опубликованные им в 1969 и 1975 гг., которые несколько выделяются в ряду других работ, посвященных формам и значениям залогов. В них рассмотрены способы передачи значений каузатива [4], пассива и рефлексива [5], и выполнен анализ всех возможных оппозиций и диатез, образующихся лексическим или грамматическим способом в чувашском языке. Статьи имеют большое значение в вопросе создания общей теории каузативности, рефлексива и пассива, а также в какой-то степени — в области прикладного языкознания. Позиция автора в отношении грамматического статуса соответствующих форм однозначная — они, по его мнению, являются «словообразующими» [5. С.47].

В монографии 1965 г. И.П. Павлова «Хальхи чӑваш литературӑ чӑлхи. Морфологи» говорится о категории залога в чувашском языке. Так как

параграф, посвященный этой категории, представлен в разделе «Глаголсен пулăвĕ» (Словообразование глагола), можно предположить, что речь идет о словообразовательной категории [6. С. 207–215]. Автор утверждает, что, по мнению тюркологов, аффиксы залога произошли от словообразовательных аффиксов, и в чувашском языке словообразовательная природа форм таких залогов, как возвратный и взаимный, наблюдается особенно ярко. Она проявляется в отсутствии у них способности сочетаться со всеми глагольными основами — на эту способность влияют как лексическое значение глагола, так и значение аффикса. Страдательный же залог и вовсе не развился, объединившись с возвратным [6. С. 207]. В ряду чувашских форм залога ученый выделяет и исследует основной, возвратный, взаимный и понудительный залогов [6. С. 208–215].

М.Р. Федотов в своей работе «Чувашский язык в семье алтайских языков. Часть III» делает упор прежде всего на этимологическую составляющую залоговых форм. Но наряду с этим приводит и некоторые интересные идеи в отношении их семантики, в частности страдательности и возвратности [7. С. 70–74].

В 2012 г. выходит коллективная монография «Чăваш чĕлхи» (Чувашский язык), где параграфы, посвященные формам с залоговыми значениями, подготовил Л.П. Сергеев. Собственно термин «залог» в них даже не упоминается. Автор подробно перечисляет значения этих форм, указывает на их продуктивность или непродуктивность и на другие их основные особенности. Их описание по уже установившейся традиции выполнено в разделе «Словообразование глагола» [8. С. 250–252].

В двух частях монографии И.П. Павлова «Современный чувашский язык», которые вышли в 2014 и 2017 гг., также упоминаются залоговые формы. В первой части ученый рассуждает о наличии омонимии между словообразовательным и формообразующим аффиксом со значением залога. Тем не менее полноценной категории залога, по его мнению, в чувашском языке не установилось, так как ни один из залоговых аффиксов «не употребляется в той мере, какая нужна формообразовательным аффиксам». Другими доводами словообразовательной сущности этих форм у И.П. Павлова являются их зависимость от лексического значения глагола, возможность присоединения к ним других словообразовательных аффиксов (*çапăçу* «битва, драка»), способность к сочетанию двух залоговых форм. Также автор считает, что тенденция к созданию новых форм с указанными значениями в современном чувашском языке заметно ослабла. В синтаксисе наблюдается постепенный отказ от употребления слов в страдательной форме [9. С. 180–181]. Во второй части своей монографии, которая посвящена словоизменительным формам, И.П. Павлов вновь возвращается к категории залога и приводит по сути те же самые аргументы их деривационного характера, к которым добавлены утверждения о невозможности постановки аффиксов отрицания *-ма/-ме* и *-мас/-мес* перед

формой залога и о выражении этими формами семантики переходности и непереходности [10. С. 201–204]. Однако ученый пишет и о морфологических (читай — словоизменительных) свойствах залога в чувашском языке. Прежде всего, это передача значения отношения действия к его производителю, благодаря чему эти формы можно объединить в категорию залога. Кроме того, явную грамматичность демонстрирует понудительный залог, аффиксы которого могут присоединяться ко всем глагольным основам [10. С. 204–205].

Завершаем наш обзор литературы книгой В.И. Сергеева «Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование» (2017). Интересующие нас формы ученый рассматривает в параграфе, озаглавленном в виде вопроса — «Есть ли залоговые формы в чувашском языке?». Прежде всего, им приводятся разные точки зрения тюркологов на грамматическую природу залогов в тюркских языках. Часть из них относят залоговые формы к сфере словообразования, другая признает их словоизменительными формами, которые однако не могут сочетаться со всеми глаголами, наконец, третья часть исследователей считает их словоизменительными без каких-либо оговорок только по семантическому содержанию [11. С. 273–274]. Сам В.И. Сергеев придерживается мнения о разнородности залоговых форм в чувашском языке и во главу угла ставит признак тотальности употребления. Если соответствующий аффикс способен сочетаться со всеми глагольными основами, то форма является словоизменительной, если нет — словообразовательной. Соответственно, формы со значениями возвратного, страдательного и взаимного залогов необходимо признать словообразовательными, а формы понудительности, обладающие тотальностью, — словоизменительными. Однако автор идет дальше и утверждает, что такие алломорфы понудительного залога, как *-ap/-ep*, *-am/-em* и *-m*, относятся к словообразованию. А аффиксы *-tap/-ter* и *-mtap/-mter*, по его мнению, являются словоизменительными только тогда, когда участвуют во вторичном залогообразовании — *пӗлтӗрттер* «заставить известить» [11. С. 275–280].

Категория залога в чувашском языке обладает некоторыми примечательными особенностями, которые, впрочем, можно обнаружить и в других языках, относящихся к тюркской языковой семье. По нашему мнению, в исследуемом языке можно выделить три формы с залоговыми значениями (основной залог не входит в этот ряд по причине отсутствия у него формального показателя) — возвратно-страдательный залог с аффиксами *-ӑн/-ӓн* и *-ӑл/-ӓл*, взаимно-совместный залог, образуемый при помощи таких показателей, как *-ӑç/-ӓç*, *-ӑш/-ӓш* и *-аш/-еш*, и понудительный залог с аффиксами *-m*, *-am/-em*, *-ap/-ep*, *-tap/-ter* (*-mtap/-mter*). При этом первые две формы залога обладают небольшой валентностью, сочетаясь с весьма ограниченным кругом глаголов.

Несмотря на то, что не все ученые признают наличие страдательного залога в чувашском языке, мы выделяем его по причине того, что примеры

с формами, обладающими соответствующим значением, все же имеются: *тытӑн* «быть пойманным», *уҗӑл* «открываться», *хупӑн* «закрываться» и др. Однако этот залог объединился с возвратным залогом, и если страдательное значение может передаваться при помощи всех указанных выше алломорфов, то возвратное значение передается по преимуществу посредством аффикса *-ӑн/-ён*. Отметим, что образование формы возвратно-страдательного залога происходит как от непроизводных, так и производных глаголов. В первом случае в качестве основы выступают только глаголы тюркского происхождения, что указывает на их бóльшую древность: *пуӑлӑн* «быть загороженным», *пухӑн* «собираться», *витён* «покрываться» и др. Среди же форм, образованных от производных глаголов, нередко встречаются и заимствованные основы. Так как большинство из них в свою очередь образуются от словообразовательного аффикса *-ла/-ле*, возвратно-страдательный залог здесь выражается аффиксом *-н*: *пуслан* «начинаться», *хатёрлен* «готовиться», *индустриализацилен* «индустриализироваться» и др. Среди особенностей этой залоговой формы можно выделить то, что иногда она не добавляет никакого дополнительного значения в основу глагола: *канашла* и *канашлан* «советоваться», *хӑр* и *хӑрӑн* «сохнуть». Возможно, в отношении этих примеров можно говорить об исчезновении у формы на *-ӑн/-ён* залоговой семантики. Другой особенностью является то, что в некоторых случаях глагольная основа может принимать оба варианта аффиксов возвратно-страдательного залога без каких-либо отличий в служебном значении: *сарӑл* и *сарӑн* «расстилаться, быть разостланным», *җӑрӑл* и *җӑрӑн* «меситься». Отметим также, что у формы возвратно-страдательного залога может быть особое значение, не связанное ни с возвратностью, ни со страдательностью. В подобных случаях нельзя определить конкретного производителя действия и оно не является возвратным. В тюркологической литературе это значение принято назвать «медиальным» [12. С. 202; 13. С. 497]: *илтён* «слышаться», *таврӑн* «возвращаться», *тӑкӑн* «литься», *тӑсӑл* «тянуться» и др.

Взаимно-совместный залог также имеет двойное название, которое отражает два основных значения этой формы — взаимность (действие совершается двумя лицами по отношению друг к другу): *паллаш* «знакомиться», *курӑш* «видеться» и совместность (действие совершается несколькими лицами одновременно): *кӑшкӑраш* «кричать вместе», *шутлеш* «перешучиваться». Общей семантикой, позволяющей объединить эти два значения, является совершение действия более чем одним лицом. Неслучайно в некоторых тюркских языках эта форма может передавать и значение множественности [13. С. 531–533]. Среди алломорфов со значением взаимно-совместного залога наиболее древний — *-ӑҗ/-ёҗ*. Он может образовывать соответствующую форму только от непроизводных глагольных основ, что как раз и доказывает его древность: *җанӑҗ* «драться», *тытӑҗ* «хватать друг друга». Другие же алломорфы могут присоединяться и к производным основам, правда, в этих

случаях по законам чувашской морфонологии они теряют начальный гласный и к основе присоединяется аффикс *-ш*: *выляш* «играть вместе», *хуравлаш* «отвечать друг другу», *танлаш* «сравниваться друг с другом» и др. Как и в случае с формой возвратно-страдательного залога, в некоторых примерах семантика взаимности или совместности полностью отсутствует – *сиплеш* «обходиться без посторонней помощи» от *сипле* «лечить».

Понудительный залог обладает наибольшим количеством формальных показателей в ряду залоговых форм. Такое количество алломорфов связано, во-первых, с диахронией их появления в языке, во-вторых — с некоторыми морфонологическими явлениями. Аффиксы *-т*, *-ам/-ет*, *-ар/-ер* непродуктивны, количество глаголов, от которых они образуют форму залога, ограничено: *вёрент* «учить», *тáрат* «ставить», *пётер* «заканчивать» и др. Аффиксы же *-тар/-тер* (*-мтар/-мтер*), напротив, демонстрируют большую продуктивность: *вёстер* «заставлять летать», *култар* «смешить», *вулаттар* «заставлять читать» и др. Выбор варианта с удвоенной *т* зависит от морфонологических условий – этот алломорф присоединяется к основам, оканчивающимся на гласные звуки. Значением этой формы является побуждение к совершению действия со стороны другого лица. Традиционно в тюркологической литературе анализ формы понудительного залога выполняется с использованием семантической оппозиции переходность — непереходность глагола основы. В чувашском языке понудительный залог может образовываться как от переходных, так и от непереходных основ: *вырттар* «положить», *пáшáрхантар* «беспокоить», *кастар* «заставлять резать». Встречаются случаи, когда присоединение аффикса понудительного залога дополняет значение глагола семантикой не понудительности, а интенсивности совершения действия: *сиктер* «мчаться галопом», *уттар* «шагать», *илтер* «энергично заниматься чем-либо». В последнем примере, возможно, речь уже идет о чисто деривационном аффиксе.

В чувашском языке распространено и вторичное залогообразование. В качестве второго аффикса в подавляющем большинстве случаев выступает показатель понудительного залога *-тар/-тер* (*-мтар/-мтер*), а в роли первого — показатели всех залогов (возвратно-страдательного, взаимно-совместного и понудительного): *ярáнтар* «катать», *паллаштар* «знакомить», *чётреттер* «заставить дрожать» и др. Иногда вторичное образование залоговых форм происходит при помощи аффиксов возвратно-страдательного и взаимно-совместного залогов: *курнáс* «видеться, встречаться», *пу́старáн* «собираться».

Аффиксы залогов могут иметь и чисто словообразовательную функцию, то есть не вносить в значение глагольной основы никакой залоговой семантики. Эти случаи можно трактовать как лексикализацию грамматических показателей либо как омонимию аффиксов. У некоторых основ в диахроническом аспекте еще можно вычленить формы с залоговыми значениями, но на

современном этапе они уже не являются производными. В роли таких аффиксов чаще всего выступают показатели *-йиш/-ёш*. Например: *килёш* «соглашаться» от основы *кил* «приходить», то есть «приходить друг к другу», *тёрйиш* «стараться» от основы *тёр* «стоять», то есть «стоять вместе», *пулайиш* «помогать» от основы *пул* «быть», то есть «быть вместе», *савён* «радоваться» от основы *сав* «любить», то есть «любить себя».

Значения залоговых форм в чувашском языке, несмотря на их кажущееся несходство, объединяются в одну группу на основании такого семантического признака, как передача определенных связей и отношений между субъектом (или субъектами) и объектом действия. Взаимное значение подразумевает то, что действие производится двумя лицами по отношению друг к другу, совместное значение указывает на совершение действия несколькими лицами одновременно, при понудительном значении одно лицо воздействует на другое с целью выполнения действия (это воздействие при этом может выражаться в разной степени — от принуждения до попустительства), страдательный залог передает значение действия, которое осуществляется над его грамматическим субъектом, при этом фактический производитель действия часто бывает не выражен, значение же возвратного залога указывает на совершение действия в интересах самого лица, то есть он сам в этом случае является как бы и субъектом, и объектом действия.

Участие в совершении действия двух или более лиц либо лица и предмета (в случае с возвратным залогом одно лицо выступает и как субъект, и как объект действия), возможно, повлияло на тесную зависимость значения залога от лексического значения глагольной основы и, соответственно, на валентность этих форм. Именно здесь, по нашему мнению, и лежит причина их нетотальности. Но может ли признак нетотальности указывать на деривационную сущность формы? На наш взгляд — нет. И хотя подобный признак чаще всего встречается в области словообразования, он так же присущ и некоторым словоизменительным формам. Возьмем, к примеру, форму со значением направленности, образуемую аффиксом *-алла/-елле* и охарактеризованную В.И. Сергеевым как «форма, близкая к падежным» [11. С. 185]. Она не является тотальной, то есть не может образовываться от всех существительных чувашского языка. Но никто и никогда не включал ее в ряд словообразовательных форм. Ее словоизменительный характер очевиден, так как никакого нового слова здесь не появляется: *вэрманалла* «по направлению к лесу», *килелле* «по направлению к дому» и др.

Если мы обратимся к материалу других тюркских языков, то увидим практически полное совпадение многих признаков залоговых форм, которые были указаны нами выше. Совпадают в основном и значения этих форм и такие их особенности, как, например, способность глагольных основ присоединять более одного аффиксов залога, лексикализация некоторых основ с залоговыми аффиксами (прежде всего с аффиксом взаимно-совместного залога)

и др. В татарском языке категория залога охарактеризована как «лексико-грамматическая», так как «форманты категории залога могут иметь и лексическое значение» [14. С. 84]. Указывается, что залогообразование в татарском языке не является «всеобъемлющим», а формы залогов «представляют собой сложную систему словоизменительных и словообразовательных категорий» [15. С. 184]. В труде «Теоретическая грамматика турецкого языка» В.Г. Гузева категория залога рассматривается в разделе, посвященном словоизменению глагола. Здесь указывается, что «учение о категории залога в тюркских языках находится на стадии разработки», при этом автор стоит на позиции словоизменительной природы залога в тюркских языках, утверждая дословно следующее: «...залоговые формы представляют собой морфологические средства передачи той или иной разновидности отношений между действиями и связанными с ними предметами» [16. С. 128–129]. Необходимо признать, что в татарском и турецком языках категория залога более продуктивна, чем в чувашском языке, где не приходится говорить о широком распространении этих форм (за исключением понудительного залога).

Что же касается доказательства словообразовательной сущности залога в чувашском языке на основании того, что эти формы могут присоединять деривационный аффикс *-y/-y'*, образующий имена существительные от глагольных основ: *паллашу* «знакомство», *сёнтерү* «победа», то в других тюркских языках это явление также присутствует. Так, в турецком языке могут образовываться отглагольные существительные при помощи аффикса *-ma/-me*: *dondurma* «мороженое» от глагольной основы *dondur* «морозить», *kizartma* «жаркое» от *kizart* «жарить» [17. С. 115] и др. В татарском языке несколько аффиксов, образующих имена существительные от глаголов, могут присоединяться к форме залогов. В частности, к ним относятся аффиксы *-гыч/-геч* (*-кыч/-кеч*), *-ыш/-еш*, *-ма/-мә*: *чагылдыргыч* «отражатель» от *чагылдыру* «отражать», *планлаштырылыш* «планирование» от *планлаштырылу* «планироваться», *бастырма* «прижим» от *бастыру* «подавлять» [18. С. 257–260]. Подобное сочетание аффиксов в формальном плане действительно может вызывать сомнения в реляционном характере залоговых форм, так как в тюркских языках в силу их агглютинативной природы словообразовательные аффиксы не могут следовать после словоизменительных. Но, с другой стороны, это явление имеет чисто формальное свойство, а исключения встречаются в любом языке, даже в тюркских, которые в целом характеризуются четкостью и правильностью своей структуры. При функционально-семантическом подходе словоизменительная природа залоговых форм видна достаточно ярко — очевидно, что при присоединении соответствующих формальных показателей действие, выражаемое первичной основой глагола, остается прежним, например: *сәл* «спасать» — *сәлән* «спасаться, то есть *спасать себя*», *суйла* «выбирать» — *суйлан* «избираться, то есть *быть выбранным другими лицами*», *уç* «открывать» — *уçал* «открываться, то есть *быть открытым кем-то*»,

сёк «бодать» — сёкеш «бодаться, то есть бодать друг друга», сар «бить» — сарăс «драться, то есть бить друг друга», вёрен «учиться» — вёрент «учить, то есть позволять другому лицу учиться посредством передачи знаний», кул «смеяться» — култар «смешить, то есть делать так, чтобы другое лицо смеялось», си «есть» — ситер «кормить, то есть позволять другому лицу есть посредством предоставления пищи» и т. д.

Заключение

По результатам нашего исследования мы делаем вывод о существовании в чувашском языке отдельной словоизменительной грамматической категории залога, которая конституируется формами трех залогов – возвратно-страдательного, взаимно-совместного и понудительного (основной залог не входит в этот ряд, так как не имеет своего формального показателя). Эта категория не является тотальной, и круг глаголов, которые могут принимать соответствующие аффиксы, достаточно узок (за исключением понудительного залога). Нетотальность форм со значениями залогов обусловлена самой природой этих значений — не каждое действие способно происходить взаимно, совместно или быть возвратным. Однако это свойство категории залога не должно влиять на признание ее словоизменительной сущности, так как значения ее форм не создают какого-либо нового действия.

Список литературы

1. Сочинения, принадлежащие к грамматике чувашского языка. Санкт-Петербург : Императорская Академия наук, 1769. 68 с.
2. Ашмарин Н.И. Материалы для исследования чувашского языка. Казань : Типолитография Императорского университета, 1898. XXXIV + 392 + XIX с.
3. Егоров В.Г. Глагол // Материалы по грамматике современного чувашского языка. Ч. 1. Морфология. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1957. С. 151–239.
4. Корнилов Г.Е., Холодович А.А., Храковский В.С. Каузативы и антикаузативы в чувашском языке // Типология каузативных конструкций. Морфологический каузатив. Ленинград : Наука, 1969. С. 238–259. EDN: RUOELN
5. Корнилов Г.Е. К вопросу о залогах в чувашском языке. Пассив и рефлексив // Чувашский язык и литература. Чебоксары, 1975. С. 44–61. (Труды ЧНИИ. Выпуск 53).
6. Павлов И.П. Хальхи чăваш литературă чĕлхи. Морфологи. Шупашкар : Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1965. 343 с.
7. Федотов М.Р. Чувашский язык в семье алтайских языков. Ч. III. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1986. 128 с.
8. Сергеев Л.П. Глаголсен пулăвĕ // Чăваш чĕлхи. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2012. С. 247–252.
9. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 1 : Морфемика. Морфонология. Словообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2014. 264 с.
10. Павлов И.П. Современный чувашский язык. Т. 2 : Морфология. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 448 с.
11. Сергеев В.И. Морфология чувашского языка: словоизменение, формоизменение и формообразование. Чебоксары : ЧГИГН, 2017. 400 с.

12. *Серебренников Б.А., Гаджиева Н.З.* Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Москва : Наука, 1986. 302 с.
13. *Севортян Э.В.* Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке : опыт сравнительного исследования. Москва : Изд-во восточной лит-ры, 1962. 643 с.
14. *Ганиев Ф.А.* Общая характеристика глагола // Татарская грамматика. Т. II : Морфология. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 72–87.
15. *Зиннатуллина К.З.* Залог глагола // Татарская грамматика. Т. II : Морфология. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1997. С. 163–184.
16. *Гузев В.Г.* Теоретическая грамматика турецкого языка. Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2015. 320 с. ISBN: 978-5-288-05614-7 EDN: VQHRFD
17. *Кононов А.Н.* Грамматика современного турецкого литературного языка. Москва; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1956. 569 с.
18. *Ганиев Ф.А.* Словообразование // Татарская грамматика. Т. I : Введение. Фонетика. Фонология. Просодика. Графика и орфография. Орфоэпия. Основные понятия грамматики. Морфемика. Морфонология. Словообразование. Казань : ИЯЛИ АНТ, 1995. С. 188–521.

References

1. *Works related to the grammar of the Chuvash language.* 1769. Saint-Petersburg: Imperial Academy of Sciences. Print. (In Russ.)
2. *Ashmarin, N.I.* 1898. *The materials for the study of the Chuvash language. Part 2. The doctrine of forms (morphology).* Kazan: Imperial University Typolithography. Print. (In Russ.)
3. *Egorov, V.G.* 1957. “The Verb.” *Materials on the grammar of modern Chuvash language. Part I. Morphology.* Cheboksary: Chuvash state publishing, pp. 151–239. Print. (In Russ.)
4. *Kornilov, G.E., A.A. Kholodovich, and Khrakovsky, V.S.* 1969. “The causatives and anticausatives in the Chuvash language.” In *Typology of causative constructions. Morphological Causative.* Leningrad: Nauka publ., pp. 238-259. EDN: RUOELH Print. (In Russ.)
5. *Kornilov, G.E.* 1975. “The voices in the Chuvash language. The passive and reflexive.” In *The Chuvash language and literature. The works of Chuvash research institute. Issue 53.* Cheboksary, pp. 44–61. Print. (In Russ.)
6. *Pavlov, I.P.* 1965. *Khalkhi chăvash literă chělkhî. Morphologi.* Shupashkar: Chăvash ASSR kën. izd-vi. Print. (In Chuv.)
7. *Fedotov, M.R.* 1986. *The Chuvash language in the family of Altaic languages. Part III.* Cheboksary: Chuvash book publishing. Print. (In Russ.)
8. *Sergeev, L.P.* 2012. “Glagolăn pulavë.” *Chăvash chělkhî.* Shupashkar: Chăv. kën. izd-vi, pp. 247–252. Print. (In Chuv.)
9. *Pavlov, I.P.* 2014. *Modern Chuvash language. Vol. 1. Morphemics. Morphology. Word formation.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities publ. Print. (In Russ.)
10. *Pavlov, I.P.* 2017. *Modern Chuvash language. Vol. 2. Morphology.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities. Print. (In Russ.)
11. *Sergeev, V.I.* 2017. *Morphology of the Chuvash language: inflection, word-formation, form-formation.* Cheboksary: Chuvash State Institute of Humanities publ. Print. (In Russ.)
12. *Serebrennikov, B.A., and N.Z. Gadzhieva.* 1986. *Comparative-historical grammar of Turkic languages.* Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
13. *Sevortyan, E.V.* 1962. *The affixes of verb formation in the Azerbaijani language. The experience of comparative study.* Moscow: Eastern literature publishing. Print. (In Russ.)
14. *Ganiev, F.A.* 1997. “General characteristics of the verb.” In *Tatar Grammar, vol. II. Morphology.* Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 72–87. Print. (In Russ.)
15. *Zinnatullina, K.Z.* 1997. “The voices of the verb.” In *Tatar Grammar, vol. II. Morphology.* Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 163–184. Print. (In Russ.)

16. Guzev, V.G. 2015. *Theoretical grammar of the Turkish language*. Saint-Petersburg: St. Petersburg University Press. ISBN: 978-5-288-05614-7 EDN: VQHRFD Print. (In Russ.)
17. Kononov, A.N. 1956. *Grammar of Modern Turkish Literary Language*. Moscow; Leningrad: The Academy of Sciences of the USSR publishing. Print. (In Russ.)
18. Ganiev, F.A. 1995. “Word-formation.” In *Tatar Grammar, vol. I. Introduction. Phonetics. Phonology. Prosody. Graphics and orthography. Orthoepy. Basic concepts of grammar. Morphemics. Morphonology. Word formation*. Kazan: Galimjan Ibragimov Institute of Language, Literature and Art of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan publ., pp. 188–521. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лебедев Эдуард Евгеньевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр., 29/1. ORCID: 0000-0001-7101-5283, eLibrary SPIN-код: 5885-9591. E-mail: edlebed@gmail.com.

Bio note:

Eduard Ev. Lebedev is a Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7101-5283, eLibrary SPIN-code: 5885-9591. E-mail: edlebed@gmail.com.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-501-511

EDN: AEDYAQ

Research article / Научная статья

Markers of Colloquial and Journalistic Functional Styles of the Modern Chuvash Language

Oleg R. Studentsov

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ studor2@yandex.ru

Abstract. The study of the formation and development of functional styles of the Chuvash language is important for understanding the evolution of the literary language. The study of this issue is especially relevant at the present stage, when the Chuvash language is faced with a strong influence of the Russian language, and some changes are being made to the approaches to the study of styles in domestic linguistics. This will allow us to better understand the processes occurring in the modern Chuvash literary language. This study uses the ideas of V.V. Vinogradov, A.I. Gorshkov, N.S. Valgina and other linguists. To date, the most studied part of the functional stylistics of the Chuvash language is the popular scientific style of the Yakovlev period (1871–1917). The purpose of the study is to identify and study the markers that are key elements of the functional styles of the modern Chuvash language using the example of colloquial and journalistic. The article analyzes the linguistic means and techniques used in different styles and identifies their main characteristics at the level of the lexical system, morphological structure and syntactic system. The differences and common features in the composition of linguistic markers of the colloquial and one of the book styles — journalistic at the lexical, morphological and syntactic levels are revealed. The methods of observation, description, compositional and partially content analysis are used. Language markers, as a rule, are illustrated by examples in the Chuvash language with translation into Russian. The results of the study can be useful for linguists in scientific research in the field of stylistics, teachers in the practice of teaching the Chuvash language and all those interested in the issues of functional styles of the Chuvash language.

Key words: Chuvash language, functional styles, colloquial style, journalistic style, stylistic markers, vocabulary, morphology, syntax

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Studentsov, O.R. 2025. “Markers of Colloquial and Journalistic Functional Styles of the Modern Chuvash Language.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 501–511. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-501-511>

© Studentsov O.R., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Маркеры разговорного и публицистического функциональных стилей современного чувашского языка

О.Р. Студенцов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ studor2@yandex.ru

Аннотация. Исследование становления и развития функциональных стилей чувашского языка является важным для понимания эволюции литературного языка. Особенно актуально изучение данного вопроса на современном этапе, когда чувашский язык сталкивается с сильным влиянием русского языка и вносятся некоторые изменения в подходы к изучению стилей в отечественном языкознании. Это позволит лучше понять процессы, происходящие в современном чувашском литературном языке. В данном исследовании использованы идеи В.В. Виноградова, А.И. Горшкова, Н.С. Валгиной и других лингвистов. На сегодняшний день наиболее изученной частью функциональной стилистики чувашского языка является научно-популярный стиль яковлевского периода (1871–1917). Цель — выявление и изучение маркеров, являющихся ключевыми элементами функциональных стилей современного чувашского языка на примере разговорного и публицистического. Проанализированы языковые средства и приемы, используемые в разных стилях, и выявлены их основные характеристики на уровне лексической системы, морфологической структуры и синтаксического строя. Выявлены отличия и общее в составе языковых маркеров разговорного и одного из книжных стилей — публицистического на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях. Применены методы наблюдения, описания, композиционного и частично контент-анализа. Языковые маркеры, как правило, по мере необходимости проиллюстрированы примерами на чувашском языке с переводом на русский. Результаты исследования могут быть полезны для лингвистов в научных исследованиях в области стилистики, преподавателей в практике преподавания чувашского языка и всех, кто интересуется вопросами функциональных стилей чувашского языка.

Ключевые слова: чувашский язык, функциональные стили, разговорный стиль, публицистический стиль, стилистические маркеры, лексика, морфология, синтаксис

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Студенцов О.Р. Маркеры разговорного и публицистического функциональных стилей современного чувашского языка // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 501–511. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-501-511>

Introduction

The study of the formation and development of functional styles in the Chuvash language is of key importance for understanding the evolution of the literary language. In the current context, when the Chuvash language is significantly influenced by Russian and approaches to the study of stylistic features in domestic linguistics are evolving, the study of this topic is becoming particularly relevant.

By markers of functional styles, we mean their distinctive and characteristic features, which are used to classify language styles. The study of these markers

allows for a deeper understanding of the processes taking place in the modern Chuvash literary language. The analysis is based on the ideas of such linguists as V.V. Vinogradov¹, A.I. Gorshkov², as well as other representatives of the Russian linguistic tradition.

The main focus is on the analysis of colloquial and scientific styles. The history of the study of functional styles includes works by various authors devoted to the analysis of stylistic features in different languages. The foundations for the study of functional styles in the Russian language were laid in the works of such scholars as G.O. Vinokur [1], N.S. Valgina [2], N.A. Meshchersky [3], and many others, as well as in studies devoted to the modern Russian language, for example, in the work of T.N. Erina³.

The development of functional styles of national languages in the territory of the former Russian Empire, then the USSR, began at the turn of the 19th and 20th centuries. This process was strongly influenced by the Russian language. A significant amount of fiction, scientific, and educational literature is published in the national languages of the Russian Federation, and these languages are used in official business, everyday communication, and journalistic works. However, virtually all styles of national languages, except for Tatar and Kalmyk, remain insufficiently researched, including the Chuvash language. Most of the works on this topic are short scientific articles, less often textbooks and monographs. These studies cover only certain aspects of the formation of functional styles.

For example, the study of the history of functional styles in the Bashkir language is reflected in the work of M.S. Arslanova [4]. In the Tatar language, the lexical and grammatical features of the scientific style have been studied by L.G. Gilyazova [5], and the features of complex syntactic units in scientific texts have been examined by L.M. Giniyatullina [6]. The stylistic features of the Kalmyk language were the subject of research by A.L. Kalyaeva [7], who studied the system of stylistic devices and functional styles. An analysis of stylistic markers in the works of Mari writers and poets is presented in the study by D.Yu. Makarova and D.N. Sidorova [8].

Works devoted to the stylistic features of the Chuvash language include studies by A.M. Ivanova, I.O. Kraevskaya, V.M. Lemskaia, E.V. Fomina⁴, as well

---

¹ Vinogradov, V.V. 1934. *Essays on the History of the Russian Literary Language of the 17th–19th Centuries: A Textbook for Higher Pedagogical Educational Institutions*. Moscow: State Pedagogical Publishing House. Print. (In Russ)

² Gorshkov, A.I. 1984. *Theory and History of the Russian Literary Language: Textbook for Higher Education Institutions*. Moscow: Higher School. Print. (In Russ); Gorshkov, A.I. 2001. *Russian Stylistics: Textbook for University Students*. Moscow: Astrel: AST publ. Print. (In Russ)

³ Erina, T.N. 2019. *Functional Styles of Modern Russian: Textbook*. Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanov publ. Print. (In Russ)

⁴ Ivanova, A.M., I.O. Kraevskaya, Lemskaia, V.M., and E.V. Fomin. 2024. *Interlinguistics khutlähënchi chävash chëlhin terminologiya=Chuvash language terminology in the context of interlinguistics: textbook*. Cheboksary: Chuvash State University Press.

as V.P. Zaitseva [9], who analyzed some statistical characteristics of the Chuvash language based on journalistic style material. In addition, the author of the article has studied the role of variability, synonymy, and duplicity in the formation of lexical norms of the Chuvash literary language [10], while the works of L.A. Vasilyeva, O.R. Studentsov, and G.V. Khoraskina are devoted to the contribution of the Chuvash newspaper *Kanash* to the formation of the Chuvash literary language [11] and the peculiarities of the functioning of regional newspapers in Chuvashia in the context of digitalization [12]. E.V. Fomin [13; 14] studied the formation of the scientific style of the Chuvash literary language [13] and the main trends in the stylistic differentiation of the means of the Chuvash language during the Yakovlev period (1871–1917) [14]. It should be noted that this is far from a complete list of such works.

Nevertheless, the study of functional styles in different national languages of Russia is limited to several dozen works, which, as a rule, reveal only one aspect, and requires more intensive research to create a more complete picture of the linguistic markers of each of the functional styles.

Discussion

Colloquial style is a way of communicating that we use in everyday life, among family, friends, acquaintances, and colleagues. It is an informal interaction between people, where the main focus is on natural and relaxed communication. A significant part of the colloquial style is inter-style vocabulary, which is the basis of both spoken and written speech.

This style differs from literary styles, such as scientific, formal business, journalistic, and artistic, in the following ways. One of these characteristics is spontaneity. Secondly, conversational style does not have a strict structure. Unlike literary styles, such as formal business or scientific, where each phrase must be carefully thought out and constructed, conversational communication allows for pauses, repetitions, unfinished sentences, and other elements that make speech more natural. In addition, nonverbal means of communication play an important role in conversational style: facial expressions, gestures, intonation, posture, and other elements of nonverbal communication. Finally, conversational style is characterized by ease and naturalness.

Lexical markers of the Chuvash language are an important element that characterizes its stylistic and semantic features. Let's take a closer look at them.

Colloquial vocabulary occupies an intermediate position between literary and colloquial styles, differing in its stylistic simplicity. In the Chuvash language, the boundaries between these styles are less pronounced than in Russian. Colloquial words are often on the verge of literary language and may go beyond its limits, for example, such as *танлаттар* 'to stomp', *Ванькка* (a proper name derived from Ivan), *лăнăрмăт*, *лĕнĕрмет* 'to chat, to joke around', *ĕнсе чикки çитер* 'to hit

someone on the neck'. Crude colloquial expressions such as *алкаш* (borrowed from Russian 'a drunk'), *тӑм писмен* 'fool', *сӳтӗк* 'senseless', *сурӑх* 'sheep', *юх* 'get lost', *вӗстеп* 'go away, get out', go beyond the limits of the literary language and belong to the reduced vocabulary.

Emotional and evaluative vocabulary plays an important role in conveying the speaker's feelings and emotions. These words can have both positive and negative connotations. For example, *хитре* 'beautiful', *япӑх* 'bad', and *чӑнкӑ* 'cool, awesome' are vivid examples of emotionally evaluative vocabulary, which is actively used in everyday speech to express attitudes toward objects and phenomena.

Proverbs and sayings are another important aspect of the lexical and phraseological diversity of the Chuvash language. They reflect the wisdom and life experience of the people, conveying cultural and moral values. Examples of such expressions include: *Ҫӑкӑр-тӑвар хире-хирӗс* 'Bread and salt are mutual', *Вӑйӑран вӑкӑр тухать* 'Game does not lead to good', *Ӳркенмен ӑста пулнӑ* 'The hard-working one became a master.'

Dialectisms are a significant part of the lexical composition of the Chuvash language, especially in rural areas. They are unique names for plants, animals, household items, and specific expressions characteristic of certain population groups. For example, *аш* 'meat' in the upper dialect and *какай* in the lower, *пор* 'to eat, to have' in the upper and *нур* in the lower and literary. Dialectisms enrich the language and reflect its regional specificity.

Diminutive and affectionate affixes play an important role in expressing tenderness, affection, or, conversely, contempt and irony. For example, *ача* 'child' — *ачам* 'my little child', *чирлӗ* 'sick' — *чирлешке* 'painful'. These affixes add emotional color to speech and help express the speaker's attitude towards the object of speech.

Interjections are an integral part of the Chuvash language, conveying various emotions and commands. For example, *ах*, *эх*, *урра*, *хурах*, *э-ха-хай*, *ых*, *уф*, *ай-тур-тур*, *ву-у*, *ай-яй*, *эккей* are emotional interjections, while *ну*, *эй*, *вӗси*, *хас*, *чух-чух*, *хас*, *кӑшша*, *на*, *ме*, *прис*, *тр-р-р*, *чин-чин-чин*, *кӗс-кӗс*, *тс-с*, *чим*, *атя* are imperative. Onomatopoeic words such as *кӑвик* (imitating the cooing of pigeons), *кӑранк* (imitating the cawing of a crow), *кӑт-кӑтик* (imitating the clucking of a hen) are also an important part of interjections, helping to convey the sounds and noises of the surrounding world.

Foreign words and expressions, mainly borrowed from Russian, also play a significant role in Chuvash speech. They give it a reduced style and are often used in everyday life. For example, instead of the Chuvash words *кашӑк* 'spoon', *шӑнкӑравла* 'to call', *службӑра е салтакра пул* 'to serve', *кая юл* 'to be late', *вӑйлӑ* 'cool', *хаваслӑ* 'cheerful', Russian equivalents or equivalents borrowed through Russian are used. This phenomenon testifies to the interaction of cultures and languages, as well as to the dynamism and development of the Chuvash language.

Morphological markers of colloquial style include features that lend speech emotionality, immediacy, and liveliness. First and foremost, this is the significant predominance of personal pronouns such as *энэ* 'I', *эсэ* 'you', *вэл* 'he', *энир* 'we', *эсир* 'you', *вёсем* 'they'. The use of particles such as *-ха*, *çке*, *-и*, *-ах*, *та*, *вёт*, *çеç*, *мар*, *епле*, *шайн*, *акă*, *-сам* (*-сем*), *-чэ* (*ччэ*), *-тăр* (*-тёр*), *иккен*, and others is also characteristic. These elements contribute to a more direct and emotional expression of thoughts and feelings. Secondly, words, expressions, particles, and affixes that express modality to a greater extent than in literary styles are actively used in colloquial speech. This helps the speaker express their attitude towards the statement, indicate the degree of certainty or uncertainty. For example, the words *тен* 'maybe, possibly', *пулма пултарать* 'maybe, probably', *кирлэ* 'necessary', *паллах* 'undoubtedly, obviously', *çапла пулмалла* 'perhaps', etc. Diminutive and affectionate affixes are also widely used in nouns: *-к*, *-ăк*, *-ёк* (*япала+к* 'little thing', *çёвё+ёк=çёвёк* 'small scar'); *-ска*, *-ске* (*тёме+ске=тёмеске* 'bump, hump'); *-шка*, *-шке* (*çуна 'sleigh'+шка= çунашка* 'sled, toboggan'). These affixes convey the speaker's attitude toward the object, expressing tenderness, affection, or sometimes contempt: *-кăн*, *-кён* (*вёç+кён=вёçкён* 'dandy, braggart'; *ама 'female'+шка=амашка* 'immoral woman'). Undoubtedly, the use of such affixes allows one to soften the tone of a statement or give it an emotional coloring: both positive and negative. In addition, there is a noticeable frequent use of the present tense form of the verb in the meaning of the future tense: *Ыран энэ пичче патне каян* 'Tomorrow I will go to my brother.' This gives the statements dynamism and allows the speaker to express their intentions or plans in a more direct form. Native speakers often use the shortened form of first and second person singular present tense verbs instead of their full form: *каятăн* — *каян* 'I am leaving', *килетён* — *килен* 'I am coming', *каятăн* — *каян* 'you are leaving', *килетён* — *килен* 'you are coming'.

Syntactic markers of colloquial style include a number of characteristic features that distinguish it from other functional styles of language. First and foremost, this is the use of a significant number of interrogative and imperative constructions, which add dynamism and emotional color to speech. For example, sentences such as *Эс аçта?* 'Where are you?' and *Алăк уç* 'Open the door' are typical of colloquial speech, where questions and imperatives often act as the main units of communication.

The second marker of colloquial style is the repetition of words and constructions. This technique reinforces the meaning of the statement, draws attention to important points, and makes speech more expressive. Repetition promotes better understanding and memorization of information, as well as emphasizing the emotional intensity of the dialogue.

Incomplete sentences and ellipses are also characteristic features of colloquial speech. In such constructions, secondary parts of the sentence are omitted, which

allows the pace of communication to be accelerated and makes it more concise. This enhances naturalness and spontaneity, especially in the context of live dialogue.

Introductory words and constructions play an essential role in structuring speech. They help establish a logical connection between parts of a statement, express an attitude toward the information being communicated, and convey the speaker's emotions. For example, the use of elements such as *вара мён* 'well', *вйт* 'here', *тйна кёретни* 'you see', *мёнле калас* 'how to say it' makes speech more lively and expressive.

Inversion, i.e., the reversal of word order, is also an important marker of conversational style. This technique is used to highlight important information, add emotional color to a sentence, or create a certain rhythmic pattern. Inversion helps to focus attention first on the key elements of the statement and then on the secondary ones, making speech more expressive: *Сук ёнтё. Каймастай. Паянта, ыран та.* 'No, of course. I won't go. Not today, not tomorrow.'

Finally, the predominance of simple sentences over complex ones is another feature of conversational style. Simple sentences that are connected in meaning allow information to be conveyed easily and quickly, which is especially important in live communication. Complex constructions are less common in colloquial speech and are mainly used to convey more complex thoughts or to make a statement more expressive.

Thus, syntactic markers of conversational style play an important role in shaping its characteristics. They make speech more lively, emotional, and relaxed, which contributes to effective communication in everyday life. However, it should be noted that this issue requires more detailed research, since colloquial style is a complex and multifaceted phenomenon that requires in-depth study.

Journalistic style. Journalistic style is a special form of expressing thoughts and ideas that is used in the media, public speeches, articles, and other texts aimed at a wide audience. It is distinguished by its emotionality, expressiveness, and accessibility, which allows it to influence the feelings and beliefs of readers. The Chuvash journalistic style is used in the media, such as newspapers, magazines, television and radio, the Internet, and social networks.

Common markers of journalistic style. Journalistic style is characterized by a number of key markers that allow it to effectively fulfill its function — to inform, influence, and engage the audience: conciseness and informational richness; emotionality and expressiveness of speech; presence of elements of colloquial style; relevance and topicality; controversiality and debatability; intertextuality — reference to other texts, works of art, historical events, and cultural phenomena, which allows them to create a deeper and more layered context for their arguments.

Lexical markers of journalistic style. Journalistic style is characterized by a number of specific linguistic features that make it unique and functional. Texts written in this style actively use socio-political vocabulary, including terms

and concepts related to politics, economics, social issues, and culture: *пуçарула̋х* ‘entrepreneurship’, *курав* ‘exhibition’, *па̋рах̋çлав* ‘cancellation’, *çуралнине ёнентерекен хут* ‘birth certificate’, *хал̋ах çырав̋ё* ‘census’, *таи̋й чуп̋а̋м̋ё* ‘dance run’, *хир качаки* ‘field goat’, *Интернет тетел̋ё* ‘Internet’, *сар̋ам* ‘layout (keyboard)’. This helps to create a context that is oriented towards a wide audience interested in current issues, as well as adding depth and accuracy to the text and attracting the attention of readers.

In addition, the journalistic style is often distinguished by its evaluative and expressive vocabulary. It plays an important role in shaping the author’s attitude to the material presented, allows the author to express their personal views and beliefs, and also influences the reader’s emotional sphere, evoking certain feelings and reactions: *тёл̋ёнмелле* ‘surprising’, *ёçчен* ‘hard worker’, *ла̋нс̋аркка пуç* ‘curly head’, *пёр с̋амахна каласан* ‘in a word’, *ай̋анс̋ар ай̋аплав* ‘guilty without guilt’, *мён чухл̋ё маттур та пултарулл̋а çын* ‘how many enterprising and talented people.’

Foreign loanwords give the text a modern feel and reflect the influence of globalization on language. They enrich the vocabulary and allow for a more accurate and concise expression of complex concepts: *бизнесвумен*, *кайф*, *хайп*, *драйвер-проект*, *дрон*, *бандеровец*.

Idiomatic expressions characteristic of this style make the text more expressive and memorable. They help to create vivid images and convey mood, as well as establish contact with the reader. *Çынна усал ан ту, ыр̋а сун, Турра тав туман ан ман*. ‘Do no harm to others, wish them well, and do not forget to thank God’, *пурна̋ç çул̋ё çине çир̋ён та̋р* ‘stand firm on the path of life’.

Archaisms and neologisms used in journalism allow the text to be given a special stylistic color and express the author’s individuality. Archaisms (*хёсмет* ‘military service’, *евитле* ‘to notify’) can be used to create an atmosphere of antiquity or to give the text a solemn tone, while neologisms (*а̋ççутатуçа* ‘educator’, *сыватм̋а̋иш* ‘hospital’, *сивётм̋ё̋иш* ‘refrigerator’, *видеосалам* ‘video greeting’, *пушатм̋а̋иш* ‘toilet’) reflect contemporary trends and innovations.

Officialisms, or formal business words and expressions, lend formality and precision to the text. They are used to create a formal tone and emphasize the seriousness of the issues being discussed (*хута яр* ‘to put into operation’, *тёл̋левсене пурна̋çла* ‘to achieve a goal’, *пул̋ашу мери в̋ая кён̋ё* ‘support measures have been provided’).

The extensive use of tropes such as metaphors, epithets, comparisons, and hyperbole makes the text more vivid and expressive: *ёçчен хёр*, ‘hardworking girl’, *чинер ача* ‘beautiful child’, *атте некех*, ‘like my father’, *культура вучах̋ё* ‘center of culture’, *ч̋аваш çырула̋хён аиши̋ё* ‘father of Chuvash literature’. Figures of speech help to create vivid and memorable images, as well as convey the author’s vision and mood.

Morphological markers of journalistic style. Journalistic style is characterized by a number of morphological markers that contribute to the expression of ideas, emotions, and evaluative judgments. One of the key features is the use of abstract nouns denoting general concepts, qualities, actions, and processes. Examples of such nouns include *ирёклёх* ‘freedom’, *аталану* ‘development’, and *тёрёслёх* ‘truth.’ These lexemes allow authors to generalize and conceptualize the phenomena under discussion, giving the text conceptual depth and universality.

Personal and possessive pronouns play an important role in journalistic style, adding emotional richness and subjectivity to texts. The use of pronouns such as *әнё* ‘I’, *эсё* ‘you’, *вёл* ‘he, she’, *ман (ён)* ‘my’, *сан (ён)* ‘yours’, *ун (ён)* ‘his, hers’ helps create the effect of direct communication with the reader, making the text more personal and confidential.

A characteristic feature of journalistic style is the predominance of verbs in the past tense. Past tense forms such as *çitrё* ‘came’, *arkatrёç* ‘destroyed’, *iletтёмёр* ‘took’, and *kilнё* ‘came’ help to create a historical background and focus attention on events that have already taken place. This allows authors not only to describe facts, but also to analyze them, draw conclusions, and make predictions.

The journalistic style is also characterized by the active use of comparative and superlative adjectives, which allows authors to highlight the most significant and important aspects of the topics under discussion. Examples of such forms include: *чылай усёлларах* ‘significantly more useful’, *нитё тёмлё* ‘very good’, *чи чапли* ‘the most honorable’, *хён-хёрлё* ‘rich red.’ This gives the texts expressiveness and emotional color, helping authors focus attention on key points and form evaluative judgments.

To achieve maximum expressiveness and variety, the journalistic style uses a wide range of grammatical forms and constructions. This includes a variety of verb tenses, noun cases, adjective and adverb forms, types of participles and gerunds, as well as prepositions and conjunctions. This diversity of grammatical means allows authors to express their thoughts flexibly and accurately, creating texts that are both informative and emotionally rich.

The journalistic style is characterized by a number of **syntactic markers** that give texts emotional richness, expressiveness, and structural complexity.

This includes the extensive use of stylistic devices and techniques such as rhetorical questions *Эй-яй, ма яла кайнё-ха?* (‘Ay-ay, why did you leave for the village?’), question-and-answer form of presentation, direct speech and quotations, expressive expressions, parallel constructions, inversion, antithesis, anaphora and epiphora, and others are quite characteristic of the journalistic style. These means give the text emotional richness and expressiveness, helping to establish contact with the reader and strengthen the impact on their perception.

There is also a variety of complex sentences, including compound, complex, and coordinate constructions. There is a noticeable predominance of two-part simple sentences, which contributes to the clarity and conciseness of the pre-

sentation. At the same time, the use of complex sentences with various types of connections allows for diversification of the syntactic structure of the text, making it more dynamic and interesting for the reader.

The active use of various types of introductory constructions, such as introductory words, phrases, and sentences, is common: *Ахӑртнех, ку енсем ӑна амӑшӑнченех кушӑн* ‘Apparently, these traits were passed on to her from her mother.’ This allows the author to focus attention on key points in the text, express their position and attitude towards the material being presented, and structure the information, making it more accessible to the reader.

Inversion, i.e., changes in the word order in a sentence, is quite common, giving the text a special expressiveness and emotional coloring: *Ят намасть нихӑшне те автор* ‘Does not give anyone the name author’. Inversion can be used to highlight key words or phrases, creating rhythm and melody in the text.

Active use of participial and adverbial phrases allows the author to diversify the syntactic structure of the text, making it more dynamic and expressive: *Чӑвашпа вӑрҫсан, куҫҫулӑсем те юаҫҫӗ* ‘If you insult someone in Chuvash, tears will flow’.

Conclusion

The article examined general characteristic, lexical, morphological, and syntactic markers of functional styles in the Chuvash language using the examples of colloquial and journalistic styles. In particular, the study revealed characteristic features of the colloquial style that distinguish it from literary styles.

Further research in this area could focus on a more detailed study of the scientific, official-business, artistic, and, in our opinion, another functional style of the Chuvash language: ecclesiastical-liturgical. Another promising direction could be the analysis of changes in functional styles under the influence of external factors, including interaction with other languages. In addition, the study of the stylistic features of the Chuvash language in various genres and spheres of communication can help to better understand its evolution and current state.

The results of the study can be used in the teaching of the Chuvash language in secondary schools and university programs, as well as in scientific research in the field of stylistics. This will contribute to a deeper understanding of the functional styles of the Chuvash language and their role in the language system.

The study of functional style markers will help to expand our knowledge of the Chuvash language and its development. This, in turn, will contribute to the preservation and enrichment of linguistic heritage.

References

1. *Development of functional styles of the modern Russian language* = Development of styles of the Russian language: collection of articles. 1968. Institute of Russian Language. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)

2. Valgina, N.S. 2003. *Active processes in the modern Russian language*. Moscow: Logos publ. Print. (In Russ.)
3. Meshchersky, N.A. 1985. *History of the Russian literary language*. Leningrad: Publishing House of LSU. Print. (In Russ.)
4. Arslanova, M.S. 2014. “History of functional styles in the Bashkir language.” *Bulletin of the Oryol State University. Series: New humanitarian studies*, no. 6, pp. 158–160. EDN: TYGEQF Print. (In Russ.)
5. Gilyazova, L.G. 2005. “Lexical and grammatical features of the scientific style of the modern Tatar literary language.” PhD thesis. Kazan. EDN: NNIKTB (In Russ.)
6. Giniyatullina, L.M. 2022. “Peculiarities of complex syntactic goals in texts of scientific style (based on the material of the Tatar language).” *Philological Sciences. Philological sciences. Theoretical and practical issues*, vol. 15, no. 1, pp.35–39 <https://doi.org/10.30853/phil20220006> EDN: DVPOIR. Print. (In Russ.)
7. Kalyaev, A.L. 1995. “Fundamentals of stylistics of the Kalmyk language (system of stylistic means and functional styles).” PhD thesis. Elista. EDN: ZKWQBF Print. (In Russ.)
8. Makarova, D.Yu. 2018. “Markers of style in the works of Mari writers and poets.” *Student science and the XXI century*, no. 16-1, pp. 212–214. EDN: XSEOCT Print. (In Russ.)
9. Zaitseva, V.P. 1999. “Some statistical characteristics of the Chuvash language (based on journalistic style).” *Problems of studying and teaching philological sciences: Collection of materials*. Sterlitamak: Sterlitamak State Pedagogical Institute publ., pp. 151–154. EDN: UHCYBS Print. (In Russ.)
10. Studentsov, O.R. 2006. “The role of variability, synonymy and doublet in the formation of lexical norms of the Chuvash literary language (based on the translations of the educator I. Ya. Yakovlev).” *Bulletin of the Chuvash University*, no. 4, pp. 460–466. EDN: JXQPQP Print. (In Russ.)
11. Vasilyeva, L.A., O.R. Studentsov, and Khoraskina, G.V. 2021. “‘Kanash’ haçat tata çävash literature çêlkhi = Newspaper ‘Kanash’ and the Chuvash literary language.” *Language and word: Collection of scientific works*. Cheboksary: Chuvash State University named after I.N. Ulyanova publ., pp. 133–135. Print. (In Chuv.)
12. Vasilyeva, L.A., O.R. Studentsov, and Khoraskina, G.V. 2023. “Features of the functioning of district newspapers of Chuvashia in the context of digitalization.” *Mass media in a multipolar world: problems and prospects: Proceedings of the XIV All-Russian scientific and practical conference*. Moscow: RUDN University publ., pp. 66–71. EDN: GGXUIX Print. (In Russ.)
13. Fomin, E.V. 2007. *Scientific style of the Chuvash language of the late 19th — early 20th centuries: [monograph]*. Cheboksary: Publishing house of the Chuvash University. Print. (In Russ.)
14. Fomin, E.V. 2006. “Main trends in stylistic differentiation of the means of the Chuvash language in the Yakovlev period.” *Bulletin of the Chuvash University*, no. 1, pp. 235–239. EDN: JWRPID Print. (In Russ.)

Bio note:

Oleg R. Studentsov is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-2389-0558, eLibrary SPIN-code: 7292-3285. E-mail: studor2@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-512-522

EDN: AIYRLD

Научная статья / Research article

Проблема лексикографирования чувашских топонимов в аспекте лингвострановедения

И.П. Лукина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ irinnasemenova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены научно-теоретические и практические проблемы лингвострановедческого описания чувашских топонимов. Цель исследования — определить основные принципы лексикографической фиксации чувашских географических наименований, обладающих ярко выраженной национально-культурной семантикой. Впервые предпринято комплексное исследование лингвострановедческого потенциала региональных топонимов, определены тематические группы географических наименований. Отмечена необходимость многоаспектного анализа топонимических систем. В качестве примера представлены словарные статьи *Шунашкар* «Чебоксары» и *Атӑл* «Волга». Ассоциативный эксперимент рассматривается как один из способов получения актуальной национально-культурной информации. Основными методами исследования являются методы структурно-словообразовательного, лингвистического и лингвокультурологического анализа. Автор приходит к выводу, что словарная статья в будущем лингвострановедческом словаре должна иметь следующую структуру: «Заголовочное слово», разделы «Энциклопедическая справка», «В культуре», «В языке и речи». Главными критериями отбора географических названий для словаря должны выступить их актуальная представленность в общественном сознании и страноведческая ценность, которые проявляются на языковом уровне наличием общеизвестных воспроизводимых словосочетаний, использованием топонима для наименования объектов иных ономастических классов, употреблением постоянных эпитетов, возможностью метафорического соотнесения с другим широко известным топонимом, существованием перифрастических названий, перечислением с биографией известных деятелей национальной истории и культуры.

Ключевые слова: чувашский язык, лингвострановедение, лексикография, словарь, топоним, антропоцентрическая парадигма

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Лукина И.П. Проблема лексикографирования чувашских топонимов в аспекте лингвострановедения // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 512–522. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-512-522>

© Лукина И.П., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Problem of Lexicography of Chuvash Toponyms in the Aspect of Linguistic and Foreign Studies

Irina P. Lukina^{id}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ irinnasemenova@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the scientific, theoretical and practical problems of linguistic and cultural description of Chuvash toponyms. The purpose of the study is to determine the basic principles of lexicographic fixation of Chuvash geographical names with pronounced national and cultural semantics. For the first time, a comprehensive study of the linguistic and cultural potential of regional toponyms has been undertaken, and thematic groups of geographical names have been identified. The article highlights the need for a multidimensional analysis of toponymic systems. The dictionary entries *Shupashkar* “Cheboksary” and *Atâl* “Volga” are presented as an example. The associative experiment is considered as one of the ways to obtain relevant national and cultural information. The main research methods are the methods of structural and word-formation, linguistic and linguocultural analysis. The author comes to the conclusion that the dictionary entry in the future linguistic dictionary should have the following structure: “Headline word”, sections “Encyclopedic reference”, “In culture”, “In language and speech”. The main criteria for selecting geographical names for the dictionary should be their current representation in the public consciousness and regional value, which are manifested at the linguistic level by the presence of well-known reproducible phrases, the use of a toponym to name objects of other onomastic classes, the use of permanent epithets, the possibility of metaphorical correlation with another well-known place name, the existence of peripheral names, intersection with the biography of famous figures national history and culture.

Key words: Chuvash language, linguistics, lexicography, dictionary, toponym, anthropocentric paradigm

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Lukina, I.P. 2025. “The Problem of Lexicography of Chuvash Toponyms in the Aspect of Linguistic and Foreign Studies.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 512–522. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-512-522>

Введение

Актуальность данной работы обусловлена необходимостью решения вопросов, возникающих при лексикографировании наименований географических объектов, в том числе при составлении лингвострановедческого словаря. Несмотря на детальное сравнительно-историческое изучение чувашских топонимов (Г.Е. Корнилов, А.С. Егорова, И.С. Дубанов, Ю.Н. Исаев, А.А. Сосаева, М.И. Скворцов, А.А. Леонтьева, Н.И. Егоров) и лексикографическое описание их отдельных групп, в настоящее время отсутствуют специальные исследования, ориентированные на выявление у данного класса имен универсальных и специфических свойств в аспекте лингвострановедения.

В отечественной лингвистике лингвострановедческая лексикография начинает активно развиваться начиная с 1980 г., когда В.Г. Верещагиным и В.Г. Костомаровым были разработаны основные положения лингвострановедческой теории слова. Авторы отмечают, что данный вид словаря требует особого метаязыка — «изъяснения лексического фона» [1. С. 205]. Топонимическая лексика является важным носителем страноведческой информации и обладает большим потенциалом для ознакомления с культурой страны, ее традициями и историей. Проблемы создания лингвострановедческого словаря топонимов были рассмотрены и Н.В. Подольской. Она подчеркивает, что «обыденное языковое сознание наших современников заставляет дать в словарной статье и энциклопедические сведения, и, хотя бы кратко и популярно раскрытую, этимологию» [2. С. 75]. В последние годы изучением данной проблематики активно занимается О.Л. Рублёва, согласно которой «каждый тип национально-культурной информации требует и своего особого способа его изъяснения» [3].

В 2007–2009 гг. вышел в свет Большой лингвострановедческий словарь «Россия»¹, на основе которого была подготовлена мультимедийная версия, отдельные статьи в этих работах посвящены прецедентным топонимам. Имеются региональные лингвострановедческие топонимические словари Центральной России (в виде серии статей, опубликованных в журнале «Русская речь»)², Владивостока³ и др. В условиях активного развития туристического потенциала российских регионов популяризация Чувашии представляется весьма актуальной задачей, и создание лингвострановедческого словаря можно рассмотреть как один из способов ее решения. В этом исследовании мы попытаемся проанализировать теоретические и практические аспекты лингвострановедческого описания чувашских географических наименований.

Обсуждение

Лексикографическое описание чувашских топонимов начинается с конца XIX в. Уже в первых чувашских словарях содержались сведения о происхождении географических объектов. Так, в приложении к словарю Н.И. Золотницкого представлены «исследования имен географических»⁴. В 17-томный «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина включены тысячи географи-

¹ Россия. Большой лингвострановедческий словарь: 2000 реалий истории, культуры, природы, быта и др. Москва : АСТ-Пресс, 2009. 725 с.

² Смолицкая Г.П. Топонимический словарь Центральной России // Русская речь. 1994–2001.

³ Рублева О.Л. Владивосток в названиях от «А» до «Я»: топонимический лингвострановедческий словарь. Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2010. 276 с.

⁴ Золотницкий Н.И. Корневой чувашско-русский словарь, сравненный с языками и наречиями разных народов тюркского, финского и других племен. Казань : Тип. Императ. ун-та, 1875. 279 с.

ческих названий с указанием их местонахождения, некоторые из них снабжены краткой этимологической справкой⁵. В современных лексикографических трудах описание топонимов ведется главным образом в русле сравнительно-исторического языкознания (труды Г.Е. Корнилова⁶, И.С. Дубанова и Ю.Н. Исаева⁷, Л.П. Сергеева⁸ и др.). Однако полный историко-этимологический словарь чувашских топонимов на сегодняшний день отсутствует. В этой связи важным представляется издание академического словаря чувашских географических названий. Также назрела насущная потребность в орфографическом словаре-справочнике чувашских географических названий, прямом и инверсионном словаре современной чувашской топонимии, словаре чувашских гидронимов⁹, словаре чувашских микротопонимов и т. д. Вышеназванные лексикографические проблемы вытекают из необходимости подготовки публичного реестра чувашских географических названий.

В чувашской лексикографии остается неисследованным и вопрос о роли человека в ономастическом пространстве в качестве создателя, носителя и интерпретатора топонимов. Эти проблемы связаны с антропоцентрической парадигмой, акцентирующей внимание на языковой личности как центральном объекте исследования. Ознакомить с географией, историей и культурой отдельной страны или региона путем семантизации национально-культурного компонента значения топонимических единиц призван лингвострановедческий словарь топонимов [4]. «Задача такого словаря — моделирование фоновых знаний обыденного языкового сознания, не исключаяющее и специальной лингвистической информации (этимологии и употребления). Подобный словарь в какой-то мере оказывается универсальным» [3].

Потребность в лингвострановедческом словаре чувашских географических названий обусловлена необходимостью их всестороннего анализа. Изначально лингвострановедческие словари появились с целью взаимосвязанного обучения языку и культуре незнакомой страны. В современных реалиях роль словарей несколько расширилась. И в последние десятилетия вышли в свет словари, предназначенные для знакомства с культурой и языком отдельных российских регионов. И в этой связи представляется актуальной подготовка лингвострановедческого словаря чувашских топонимов, в котором в сжатом виде будет приведена вся необходимая информация для знакомства с чуваш-

⁵ *Ашмарин Н.И.* Словарь чувашского языка = Чăваш сĕмахĕсен кĕнеки. Вып. 1–17. Казань; Чебоксары : Чувашгосиздат, 1928–1950.

⁶ *Корнилов Г.Е.* Истории поволжских этнолокаций в географических названиях — I : монография. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2023. 580 с.

⁷ *Дубанов И.С., Исаев Ю.Н.* Словарь топонимических названий и терминов Чувашии. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2023. 584 с.

⁸ *Сергеев Л.П., Сергеева Т.Н., Матвеева Н.В.* Словарь моргаушских ойконимов. Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2010. 72 с.

⁹ Огромный вклад в исследование этой проблемы внесла языковед А.С. Егорова.

ским языком и культурой: сведения о достопримечательностях, известных личностях, а также устойчивые слова и выражения, связанные с различными географическими объектами.

В лингвострановедческий словарь чувашских топонимов должны быть включены топонимы, обладающие национально-культурным фоном, т. е. некоторым набором дополнительных сведений и ассоциаций, связанных с национальной историей и культурой и известных всем носителям не только чувашского, но и русского языков. Одним из показателей языковой и культурной коннотации является широкая известность фонового значения топонима. Как видно из лексикографической практики, богатым лингвострановедческим потенциалом обладают различные виды топонимов: и ойконимы (такие как Канаш, *Улатър* «Алатырь», *Патърьел* «Батырево»), и гидронимы (такие как *Çавал* «Цивиль», *Сър* «Сура»), и урбанонимы (проспект *Геннадия Айги*, улица *Шелеби*, улица *М. Сеспеля*, улица *П. Хузангая* в г. Чебоксары) и т. д. На наш взгляд, подобные названия также должны найти свое место в будущем словаре.

Основой словаря может стать картотека чувашских географических названий, сформированная путем сплошной выборки из региональных энциклопедий, справочников населенных пунктов, «Словаря чувашского языка = Чăваш сăмахĕсен кĕнеки» Н.И. Ашмарина, ономотологических и историко-этимологических словарей, архивных документов, различных письменных и картографических источников, трудов предшественников и публикаций в СМИ. Ценная информация содержится и в туристических справочниках и буклетах, а также на интернет-ресурсах, таких как Туристический портал Чебоксар¹⁰, сайты г. Чебоксары¹¹, Национальной библиотеки Чувашской Республики¹², Чувашского государственного художественного музея¹³.

Основная цель лингвострановедческого тематического словаря — продемонстрировать, как в современных географических названиях отражается многовековая культура народа, помочь в усвоении слов и выражений, «обладающих национально-культурным компонентом семантики, и сформировать культуроведческую компетенцию читателей»¹⁴. Топоним во всей полноте своих характеристик представляет собой точку соприкосновения как лингвистического, так и экстралингвистического планов значения. Каждый топоним отражает групповую информацию, т. е. несет в себе принадлежность к некоей

¹⁰ Туристический портал Чебоксар. URL: <https://visitvolga.ru/blog/cheboksary-and-chuvash-republic-in-art/> (дата обращения: 04.02.2025).

¹¹ Официальный сайт г. Чебоксары Чувашской Республики. URL: <https://gcheb.cap.ru/about/istoricheskaya-spravka> (дата обращения: 04.02.2025).

¹² Национальная библиотека Чувашской Республики. URL: <http://www.nbchr.ru/sites/volga/> (дата обращения: 08.03.2025).

¹³ Чувашский государственный художественный музей. URL: <https://artmuseum.ru/museumexpo/> (дата обращения: 08.03.2025).

¹⁴ Мультимедийный лингвострановедческий словарь «Россия». URL: <https://ls.pushkininstitute.ru/lsslovar/?title=> (дата обращения: 04.02.2025).

совокупности топонимов одного плана [3]. Следует выделить несколько тематических групп чувашских географических названий лингвострановедческого типа:

1) топонимы, связанные с именами исторических лиц, у них коннотирует внутренняя форма названия: с. Калинино Вурнарского м.о. < по имени политического деятеля М.И. Калинина, д. Водолеево Мариинско-Посадского м.о. < по имени основателя Я.С. Водолеева; пос. Максим Горький Шемуршинского м.о.;

2) топонимы с этнонимическими компонентами, это названия — «ассоциаты» с топонимией всей России: *Мучар* с. Можарки Янтиковского м.о., *Мушар* д. Можары Козловского м.о., *Мишер* д. Мижеры Чебоксарского м.о., *Мишеркасси* с. Мижеркасы Красночетайского м.о., ср: с. Большая Мажарка и д. Малая Мажарка, с. Можаров Майдан Нижегородской обл., можары (маджары) — название древнего тюрко-татарского племени, предки современных татар-мишарей;

3) топонимы с природно-географическим компонентами: *Витесуч* д. Видесуч Аликовского м.о. < *вите сучё* «полянка с конюшней», с. *Юманай* Шумерлинского м.о. < *юман ай* «поле с дубом»;

4) топонимы с православными компонентами: пос. Покровское Шумерлинского м.о., *Кивё Сърьел* д. Троицкое Вурнарского м.о., Рождественский скит Алатырского м.о.;

5) «идеологические» названия: село Комсомольское, выселок Коминтерн Моргаушского м.о., пос. Первое Мая Алатырского м.о.;

6) отантропонимные топонимы: *Ванькушкăнь* д. Ванькино Ядринского м.о., *Мартынкасси* д. Мартынкино Аликовского м.о., улица Н.И. Ашмарина в г. Чебоксары.

В начале исследования необходимо отобрать топонимы, обладающие большим лингвострановедческим потенциалом. Главные критерии отбора географических названий: актуальная представленность топонимических единиц в общественном сознании и страноведческая ценность. Одним из методов получения актуальной лингвострановедческой информации является ассоциативный эксперимент. На наш взгляд, целесообразно проведение свободного ассоциативного эксперимента, не предусматривающего никаких ограничений при указании слов-реакций. Данный метод позволит определить фоновое значение слова-стимула путем анализа возникающих спонтанных реакций и ассоциативных рядов. В нашем случае цель исследования — выяснить, какие географические названия символизируют Чувашию в сознании носителей языка и какую национально-культурную семантику несут отдельные названия. К примеру, словами-стимулами могут выступить следующие понятия: «чувашский топоним», «Чувашия», «Чебоксары», «Волга».

С целью изучения особенностей оценочного восприятия названий в рамках данной статьи нами был проведен ассоциативный эксперимент с предста-

вителями групп, в разной степени владеющих русским и чувашским языками. Информантами выступили 25 студентов одного из вузов г. Чебоксары в возрасте 19–20 лет, первая группа свободно владеет русским и чувашским языками, вторая — русским и одним (или) двумя иностранными языками (таджикским, узбекским, туркменским, турецким).

Результаты эксперимента показали, что у студентов первой группы возникают следующие ассоциации со словом «чувашский топоним»: Чувашия, Волга, Чебоксары, Шоршелы, Канаш, Ядрин, Новочебоксарск, Мариинский Посад, Сура, Цивиль, Малый Цивиль, Унга, Кукшумка, Моргаушка, Мокринский мост, Государева гора. У студентов второй группы этот вопрос вызвал затруднения, в одной анкете был ответ — музей.

Ассоциации со словом «Чувашия» у студентов первой группы: Волга, Чебоксары, Поволжье, Чебоксарский залив, *Шупаишкар*, *Атӑл*, *Шуришӑл*, космонавт А.Г. Николаев, железнодорожный узел, ГЭС, Сурский рубеж, Алатырь, Канаш, Вурнары, Моргауши. Иностранные студенты в основном называли известные им чувашские слова: *патшалӑх* «государство», *атте* «отец», *анне* «мать».

Ассоциации со словом «Чебоксары» у студентов первой группы: Залив, Красная площадь, музей В.И. Чапаева, *Шупаишкар*, гостиница «Чувашия», Театр оперы и балета, Русский драматический театр, Национальная библиотека. Иностранные студенты указали следующие реакции: Площадь Республики, Волга, Новочебоксарск, чебоксарская набережная.

Ассоциации, связанные со словом «Волга»: у студентов первой группы: Залив, Зеленодольск, Республика Татарстан, Нижний Новгород, Чебоксары, ГЭС, *Атӑл*, *Савал*, пляж, Заволжье. Вторая группа студентов назвала следующие ассоциации: Залив, автомобиль, объединение регионов, спортивные ассоциации, культурные ассоциации, свежий воздух.

По полученным нами результатам эксперимента высокой частотностью обладают топонимы *Шупаишкар* «Чебоксары», *Атӑл* «Волга», *Шуришӑл* «Шоршелы», *Савал* «Цивиль», *Сӑр* «Сура», *Мӑкӑр кӑперӗ* «Мокринский мост», «*Амазони*» парк «парк „Амазония“». Данные названия обладают богатым лингвострановедческим потенциалом и требуют лексикографического описания в планируемом словаре.

На языковом уровне признаками географических названий [4. С. 104; 5], обладающими большим лингвострановедческим потенциалом, могут выступить:

– наличие общеизвестных воспроизводимых словосочетаний, включающих данные названия или мотивированные этими названиями оттопонимические образования: *чӑваш бальзамӗ* «чебоксарский бальзам», *Шупаишкар трикотажӗ* «чебоксарский трикотаж», *Шупаишкар пломбирӗ* «чебоксарский пломбир», *Шупаишкар кулачӗ* «чебоксарский калач», *Шупаишкарти Пӗтӗм*

тёнчер кинофестиваль «Чебоксарский международный кинофестиваль», *Сёрнү ярмәркки* «Цивильская ярмарка»;

– использование топонима для наименования объектов иных ономастических классов (трансонимизация): гостиница «*Атӑл*», журнал «*Тӑван Атӑл*», ресторан «*Сувары*», чувашский ансамбль народного танца «*Сувар*», фольклорно-эстрадный ансамбль «*Савал*», кафе «*Савал*»;

– употребление постоянных эпитетов: *Волга-матушка*, *Шурӑ Шупаишкар*, букв. «светлый город Чебоксары»;

– возможность метафорического соотнесения с другим широко известным топонимом: *Чебоксары* — жемчужина Поволжья, *Поречье* — жемчужина Чувашии, *Канаиш* — железнодорожная столица Чувашии;

– существование широко известных косвенных номинаций именуемого географического объекта, перифрастических названий: *Новочебоксарск* — город химиков; *Новочебоксарск* — самый молодой город Чувашии;

– пересечение называемого объекта с биографией известных деятелей национальной истории и культуры: *Чебоксары* — родина *В.И. Чапаева*, *Шоршелы* — родина *А.Г. Николаева*.

При лексикографическом описании чувашских названий хорошим образцом послужит словарная статья из мультимедийного лингвострановедческого словаря «Россия» [5]. С учетом национальной специфики и необходимостью фиксации двуязычных наименований схема описания чувашских топонимов представляется в таком виде: Заголовочное слово (на русском и чувашском языках) и его толкование. Раздел «Энциклопедическая справка» — характеристика объекта вне его связи с языком и культурой. Раздел «В культуре» — характеристика объекта в связи с историей и культурой Чувашии и России (фольклорные, произведения литературы и изобразительного искусства, знаменитые люди и события). Раздел «В языке и речи» — собственно лингвострановедческая часть статьи, в которой будут приведены наиболее известные слова и выражения, демонстрирующие, как в языке воплотилась связь данного объекта с историей и культурой Чувашии и России.

В качестве примера предлагаем словарную статью «Чебоксары».

Чебоксары, чув. *Шупаишкар* — город, столица Чувашской Республики.

Чебоксары расположены на Приволжской возвышенности на правом берегу реки Волги, получили свое имя от названия речки Чебоксарки. Население — более 508 тыс. чел. В письменных источниках Чебоксары упоминаются с 1469 года, когда русские воины остановились здесь на своем пути в Казанское ханство. В 1555 г. город Чебоксары провозглашен городом-крепостью Московского государства. Жители города называются *чебоксарцы* (мужчина — *чебоксарец*, женщина — *чебоксарка*). На гербе и флаге Чебоксар изображены фигуры летящих конвертом «Пяти серебряных уток», эта эмблема, дарованная императорским указом в 1783 г., означающая «в верхней части щита герб

Казанский. В нижней — пять летящих в золотом поле уток в знак того, что в окрестностях сего города оных очень изобильно». Чебоксары разделены на три административных района — Калининский, Ленинский, Московский и Заволжское территориальное управление. Ежегодно в третье воскресенье августа в Чебоксарах отмечается День города.

Музей истории трактора в г. Чебоксары — это единственный в России научно-технический и просветительский центр, посвященный истории мирового тракторостроения. В экспозиции больше 5000 различных экспонатов и больше 40 всевозможных тракторов. Созданная рукодельницами из разных регионов страны «Вышитая карта России» послужила толчком к созданию одноименного музея в г. Чебоксары.

Чебоксарам посвящено множество картин. Старые Чебоксары запечатлены на полотнах В.Я. Медведева: «Введенский собор», «Старый уголок Чебоксар. Улица К. Иванова», «Улица Розы Люксембург». О Чебоксарах сложено множество стихотворений «Шупаишкар кил» Р. Сарби, «Родные Чебоксары», «Юратнӑ Шупаишкарӑмӑр», «Тӑван хуламӑр, Шупаишкарӑм» В. Давыдова-Анатри, «Шупаишкар шап-шурӑ тум тумланчӑ», «Шур хуламӑр Шупаишкар» Ю. Семендера, «Ёмӑр самрӑк Шупаишкар» А. Смолина, «Этюд» Н. Теветкеля, «Тӑван хуламӑр Шупаишкар» П. Афанасьева. Сюжет известных художественных прозведений переплетает судьбу своих героев с городом Чебоксары, среди них роман «Двенадцать стульев» И. Ильфа и Е. Петрова, фильм «Усатый нянь» В. Грамматикова, роман-анекдот «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» В. Войновича, сказки М.Е. Салтыкова-Щедрина.

В чувашском и русском языках встречаются устойчивые выражения, описательно или иносказательно характеризующие город Чебоксары: *Шурӑ Шупаишкар*, букв. 'светлый город Чебоксары'. Чебоксары — город на семи холмах. Чебоксары — город моей мечты. Чебоксары — город, где хочется жить! Чебоксары — город, где живет любовь! Широко распространены перифрастические выражения, указывающие на статус города: Чебоксары — город трудовой доблести. Чебоксары — жемчужина Поволжья. Чебоксары — жемчужина России. Чебоксары — культурная столица Поволжья.

Приведем образец лингвострановедческого описания реки «Волги».

Волга, чув. *Амӑл* — река в Европейской части России, одна из крупнейших рек земного шара и самая большая в Европе.

Волга берет начало на Валдайской возвышенности и впадает в Каспийское море. Длина реки 3530 км. В Волгу впадает около 200 рек. Самые крупные из них — Кама и Ока. Бассейн реки занимает около одной трети площади Русской равнины. По территории Чувашии река протекает на протяжении 120 км. Наиболее крупными притоками Волги на территории Чувашии являются Сура, Цивиль и Аниш с их разветвленной сетью притоков. Река Волга протекает по северной части Чувашии с запада на восток, в основном являясь

естественной границей Чувашии с Республикой Марий Эл. Общая ее протяженность в пределах республики составляет 140 км. На правом берегу Волги расположены города Чувашии Чебоксары, Новочебоксарск, Мариинский Посад, Козловка.

Чебоксарская ГЭС — завершающий этап сооружений Каскада ГЭС на Волге, состоящего из девяти гидроэлектростанций. На сегодняшний день Чебоксарская ГЭС ежегодно вырабатывает свыше 2 млрд кВт·ч электроэнергии.

Волжские пейзажи запечатлены в работах чувашских художников «Первый снег на Волге» М. Егорова, «Плоты на Волге» М. Спиридонова, «Переправа Пугачева через Волгу» Н. Сверчкова, «Город на Волге» А. Данилова, «Там, где Цивиль впадает в Волгу» В. Белова, «Закат на Волге» Г. Козлова. Волга воспета чувашскими поэтами: «*Ак тухрӑм эйӗ Атӑла та...*» П. Хузангая, «*Атӑла тайма пуӑм*» Г. Айги, «*Кала-ха, Атӑл*» Ю. Семендера, «*Атӑл улӑхӗпе сывпуллашни*» С. Шавли, «*Атӑл айне анас терӗм...*» М. Юхмы.

В русской национально-культурной языковой картине мира Волга существует как символ России, ее называют *Волга-матушка*, а чуваши величают *Атӑл атте*, букв. «батюшка Волга».

Заключение

Проблема лексикографического описания географических названий является одной из ключевых в современной чувашской лингвистике. Различные виды чувашских названий (микротопонимы, ойконимы, гидронимы и т. д.) и актуальные лингвистические проблемы (правописание, структурная классификация, происхождение топонимов) требуют отражения в соответствующих словарях. Также представляет научный интерес перспектива создания лингвострановедческого словаря чувашских топонимов, который бы ознакомил с чувашским языком и культурой народа. Нами были рассмотрены принципы составления такого словаря. В качестве примера представлены словарные статьи, посвященные топонимам, обладающим большим лингвострановедческим потенциалом — *Шупаишкар* «Чебоксары» и *Атӑл* «Волга». Они оказались наиболее популярными среди жителей и гостей республики. Перспективы дальнейших исследований могут быть связаны с подготовкой лингвострановедческого словаря чувашских гидронимов или урбанонимов или развитием психолингвистического подхода к семантизации географических названий и изучением проблем составления психолингвистического лингвострановедческого словаря чувашских топонимов.

Список литературы

1. *Верецагин Е.М., Костомаров В.Г.* Лингвострановедческая теория слова. Москва : Русский язык, 1980. 320 с. EDN: PGWRSR
2. *Подольская Н.В.* Лингвострановедческий словарь топонимов // Словари и лингвострановедение. Москва : Русский язык, 1982. С. 73–82.

3. Рублева О.Л. О лингвострановедческом потенциале топонимов и о соответствующем словаре // Россия — Восток — Запад. Проблемы межкультурной коммуникации : материалы научно-практической конференции. 2007. URL: <https://www.toponimika.ru/index.php?id=80> (дата обращения: 04.02.2025).
4. Молчановский В.В. Лингвострановедческий потенциал топонимической лексики русского языка и его учебно-лексикографическая интерпретация : дис. ... канд. пед. наук. Москва, 1984. 202 с. EDN: NPDHKB
5. Ростова Е.Г. Прецедентные топонимы в мультимедийном лингвострановедческом словаре «Россия» // Ономастика Поволжья : материалы XVI Междунар. научн. конф. Ульяновск, 2017. С. 172–178. EDN: RRWEND

References

1. Vereshchagin, E.M., and V.G. Kostomarov. 1980. *Linguistics theory of the word*. Moscow: Russian language publ. EDN: PGWRSR Print. (In Russ.)
2. Podolskaya, N.V. 1982. “Linguistic and regional dictionary of toponyms.” In *Dictionaries and linguistic and regional studies*. Moscow: Russian language publ., pp. 73–82. Print. (In Russ.)
3. Rubleva, O.L. 2007. “On the linguistic and cultural potential of toponyms and the corresponding dictionary.” In *Russia — East — West. Problems of intercultural communication: Materials of the scientific conference*. URL: <https://www.toponimika.ru/index.php?id=80>. (date accessed: 04.02.2025).
4. Molchanovsky, V.V. 1984. *Linguistic and foreign studies potential of the toponymic vocabulary of the Russian language and its educational and lexicographic interpretation*: PhD thesis. Moscow. EDN: NPDHKB Print. (In Russ.)
5. Rostova, E.G. 2017. “Precedent toponyms in the multimedia linguistic dictionary “Russia.” In *Onomastics of the Volga region: Proceedings of the XVI International Scientific Conference*. Ulyanovsk, pp. 172–178. EDN: RRWEND Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Лукина Ирина Петровна — кандидат филологических наук, научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0000-0002-8370-880X, eLibrary SPIN-код: 8516-4662. E-mail: irinnasemenova@yandex.ru.

Bio note:

Irina P. Lukina is a Candidate of Philological Sciences, Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8370-880X, eLibrary SPIN-code: 8516-4662. E-mail: irinnasemenova@yandex.ru.

СРАВНИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

COMPARATIVE LINGUISTICS

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-523-539

EDN: AKJCDP

Научная статья / Research article

**Сопоставительный анализ перевода
чувашских имен прилагательных на русский и немецкий языки
на материале поэмы «Нарспи» К. Иванова**

Т.Н. Кузнецова[✉], Г.Е. Корнилов^{ORCID}, Г.Г. Яковлева^{ORCID}

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ elre2007@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению специфики перевода чувашских имен прилагательных, выражающих цветовые характеристики предметов и явлений, представленных в поэме К. Иванова «Нарспи», на русский и немецкий языки. Цель исследования — выявление отличительных черт и закономерностей при переводе указанных лексем путем сравнительно-сопоставительного анализа русскоязычных и немецких версий текста. Научная новизна заключается в том, что впервые исследуются особенности передачи оттенков цветовой палитры с чувашского языка на русский и немецкий, сохраняя одновременно оригинальное художественное оформление и поэтические качества исходного произведения. Для достижения поставленной цели использованы методы сплошной выборки всех примеров употребления имен прилагательных в тексте поэмы «Нарспи» и их последующий сравнительно-сопоставительный анализ для выявления общих и различных переводческих вариантов. Перевод чувашских имен прилагательных, обозначающих цвета, на русский и немецкий языки и приемы их передачи ранее не рассматривались детально. Данное исследование позволяет глубже изучить взаимосвязь между чувашским языком, обладающим ограниченным числом носителей, и двумя широко распространенными европейскими языками — русским и немецким. Особое внимание уделено вопросам сохранения национальной идентичности оригинального произведения при его адаптации для восприятия иной культурой. Вопросы перевода чувашских произведений на языки других народов, связанные с передачей стилистического и национального своеобразия оригинала, его стихотворной формы, являются новым материалом для изучения. Наиболее распространенные приемы передачи цветов с чувашского языка включают использование метода калькирования и подбора синонимов с эквивалентным значением.

Ключевые слова: перевод, имя прилагательное, цветовая характеристика, перевод с чувашского языка на русский язык, перевод с чувашского языка на немецкий язык, поэма «Нарспи» К. Иванова

© Кузнецова Т.Н., Корнилов Г.Е., Яковлева Г.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Корнилов Г.Е., Яковлева Г.Г.* — постановка общей цели и задач, выбор методов исследования, подготовка теоретической базы, концепция исследования; *Яковлева Г.Г., Кузнецова Т.Н.* — сбор, анализ и интерпретация данных/доказательств; *Корнилов Г.Е., Кузнецова Т.Н.* — планирование и координация исследовательской деятельности, контроль достоверности результатов, подбор библиографических источников, оформление списка литературы. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

Для цитирования: *Кузнецова Т.Н., Корнилов Г.Е., Яковлева Г.Г.* Сопоставительный анализ перевода чувашских имен прилагательных на русский и немецкий языки на материале поэмы «Нарспи» К. Иванова // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 523–539. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-523-539>

Comparative Analysis of Translation of Chuvash Adjectives into Russian and German by the Example of the Poem ‘Narspi’ by K. Ivanov

Tatyana N. Kuznetsova[✉], Gennady E. Kornilov^{id}, Galina G. Yakovleva^{id}

I. Ulyanov Chuvash State University, Cheboksary, Russian Federation

✉ elre2007@mail.ru

Abstract. The paper is devoted to the peculiarities of translating Chuvash adjectives expressing the colour characteristics of objects and phenomena of the poem “Narspi” by K. Ivanov into Russian and German. The purpose of the study is to identify the peculiarities of the translation of the adjectives of the poem “Narspi” into Russian and German on the basis of a comparative analysis. The scientific novelty lies in the fact that for the first time the specifics of the translation of Chuvash adjectives conveying different color characteristics of the poem are being investigated. The study was conducted using the methods of continuous sampling of constructions with adjectives of the poem “Narspi” by K. Ivanov and the method of comparative analysis to identify common and different translation variants. The translation of Chuvash adjectives denoting colors into Russian and German and the techniques of their transmission have not been considered in such detail before. The Chuvash language, a little-spoken language, is compared with Russian and German and studied in more detail thanks to this research analysis. The issues of translating Chuvash works into the languages of other peoples, related to the transfer of the stylistic and national identity of the original, its poetic form, are new material for study. The most common ways of translating Chuvash adjectives into Russian and German are by calculating and selecting equivalents with synonymous meanings.

Key words: translation, adjective, colour characteristic, translation from the Chuvash language into German; translation from the Chuvash language into Russian; poem “Narspi” by K.V. Ivanov.

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors’ contribution. *Kornilov G.E., Yakovleva G.G.* — setting the overall goal and objectives, selecting research methods, preparing the theoretical framework, and developing the research concept; *Yakovleva G.G., Kuznetsova T.N.* — collecting, analyzing, and interpreting data/evidence;

Kornilov G.E., Kuznetsova T.N. — planning and coordinating research activities, verifying the reliability of results, selecting bibliographic sources, and preparing the bibliography. All authors read and approved the final version of the article.

For citation: Kuznetsova, T.N., G.E. Kornilov, and Yakovleva, G.G. 2025. “Comparative Analysis of Translation of Chuvash Adjectives into Russian and German by the Example of the Poem ‘Narspi’ by K. Ivanov.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 523–539. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-523-539>

Введение

Сопоставительное изучение языков разных народов является одним из основных вопросов переводоведения. Благодаря дисциплинам по теории и практике перевода можно изучить язык другого народа, их национально-культурные традиции и особенности. Произведения чувашской литературы и их переводы на русский и немецкий языки ранее не рассматривались как предмет специального изучения в языкознании, литературоведении с точки зрения новых достижений теории и практики художественного перевода [1; 2].

К.В. Иванов создал великое творение — поэму «Нарспи», которая переведена на многие языки мира. В произведении описываются бытовые, культурные и исторические события чувашского народа. Переводы поэмы «Нарспи» на разные языки народов позволяют проводить сравнительно-сопоставительные исследования оригинала произведения и их переводов.

Имена прилагательные чувашского языка в сопоставлении с другими языками являются малоизученными, особенно это касается имен прилагательных, обозначающих цветовые характеристики разных предметов и явлений, на материале поэмы К.В. Иванова «Нарспи». Имеются научные труды Е.Е. Калининой, посвященные изучению истории цветообозначений на материале чувашского и китайского языков [3]. Актуальность данной научной работы заключается в необходимости изучения чувашских имен прилагательных, выражающих цветовые характеристики предметов и явлений поэмы «Нарспи», и их переводов на русский и немецкий языки, так как произведения чувашской литературы и их переводы на другие языки мира мало рассматривались как предмет сравнительно-сопоставительного анализа. Актуальным является проведение сопоставительного исследования чувашских имен прилагательных и их переводов на русский и немецкий языки, т.е. изучение особенностей перевода имен прилагательных на основе трех языков.

Статья посвящена сравнительному изучению переводов чувашских имен прилагательных, выражающих цветовые характеристики разных предметов и явлений, представленных в поэме К.В. Иванова «Нарспи», на немецкий и русский языки. В соответствии с поставленной целью определены следующие задачи исследования:

1) изучить в поэме «Нарспи» все примеры употребления имен прилагательных, обозначающих цвета;

2) определить значения имен прилагательных цветообозначений в чувашском, немецком и русском языках;

3) провести сравнительный анализ чувашских имен прилагательных и их переводов на русский и немецкий языки.

В качестве материала для сравнительного анализа чувашских, русских и немецких имен прилагательных применены переводы поэмы К.В. Иванова «Нарспи» на русский (переводчик П.П. Хузангай) и немецкий (переводчик В.А. Иванов) языки:

– Иванов К.В. Нарспи: поэма. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014.

– Иванов К.В. Сочинения. Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1990.

– Iwanow K.W. Narspi: Das Tschäwasch Poem: Übersetzung ins Deutsche. Göttingen, 2008.

Для решения поставленных конкретных задач и достижения цели исследования применялись методы сплошной выборки всех примеров употребления имен прилагательных в тексте поэмы «Нарспи» и их последующий сравнительно-сопоставительный анализ для выявления общих и различных переводческих вариантов.

Теоретической базой исследования послужили научные труды по теории перевода Л.С. Бархударова [4], В.Н. Комиссарова [5], Л.К. Латышева [6], посвященные проблемам переводоведения. Работы С.И. Влахова и С.П. Флорина [7], Я.И. Рецкера [8] описывают особенности перевода безэквивалентной лексики. Специфика сопоставительного изучения нескольких языков раскрывается в трудах В.А. Иванова [9], А.Д. Швейцера [10], Р.О. Якобсона [11].

Практическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования могут быть использованы в учебных курсах по теории и практике перевода с чувашского языка на немецкий, с чувашского на русский языки, межкультурной коммуникации, стилистике, лексикологии, сравнительной типологии языков, а также при составлении трехязычных словарей и в научно-исследовательской деятельности.

Обсуждение

Имя прилагательное представляет собой часть речи, обозначающую признак, качество или свойство определенного предмета: *ximpe* (чув.) — *красивый* (рус.) — *schön* (нем.), *шурă* (чув.) — *белый* (рус.) — *weiß*, *сӳлӳ* (чув.) — *высокий* (рус.) — *hoch* (нем.), *ватă* (чув.) — *старый* (рус.) — *alt* (нем.). Это определение характерно как для чувашского, так и для русского и немецкого языков.

Имя прилагательное отвечает на вопросы *мӗнле?* (чув.) — *какой? / какая? / какое? / какие? / как?* (рус.) — *welcher? / welches? / welche? / wie?* (нем.) и указывает на признаки предмета или явления. С семантической точки зрения они обозначают качество, свойство, характер предметов:

- 1) цвет: *симёс* — *зеленый* — *grün*;
- 2) размер: *çинçe* — *тонкий* — *dünn*;
- 3) форму: *кукър* — *кривой* — *krumm*;
- 4) вкус: *пылак* — *сладкий* — *süß*;
- 5) температуру: *ăшă* — *теплый* — *warm*;
- 6) черты характера: *ёçчен* — *трудолюбивый* — *arbeitsam*.

В данной работе рассматривается специфика перевода чувашских имен прилагательных, выражающих цвета каких-либо предметов, на русский и немецкий языки на материале поэмы К.В. Иванова «Нарспи». Изучение особенностей перевода чувашских произведений на другие языки является новым источником для исследования, так как чувашские имена прилагательные и их переводные эквиваленты не были использованы в качестве элементов для сравнительно-сопоставительного анализа перевода.

Изначально чувашские имена прилагательные, обозначающие цвета, были изучены в научных трудах В.И. Сергеева и Н.Н. Угаськиной [12], где авторы обосновали значение прилагательного *хура* (*черный*), включенного в словарь профессора Н.И. Ашмарина. Специфику черного цвета в чувашской мифологии и фольклоре анализировала О.Н. Яковлева [13]. А.С. Иванова исследовала «цветовые» гидронимы чувашского языка на материале словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина [14]. Ю.Е. Анисимова проводила исследование семантики и способов образования чувашских прилагательных «сарă», обозначающего жёлтый цвет, и «шурă», выражающего белый оттенок [15]. Л.Л. Габышева изучала символические значения красного цвета в тюркских языках [16]. Е.С. Жаренкова выделяла три основных цвета в семантике орнамента народов Поволжья: белый, красный, черный и отождествляла их с цветом молока, крови и земли [17]. Д.А. Анисова и Р.М. Васильева исследовали значение цветов и символов чувашской вышивки, отмечали основные цвета *хура* (*черный*), *хёрлĕ* (*красный*), *зеленый* (*симёс*), *сарă* (*желтый*) и *кавак* (*синий*) [18]. Л.В. Борисова целый раздел диссертации посвятила этноспецифическим особенностям цветовой символики, где анализировала значения разных цветов в русской и чувашской культурах. Она отметила, что в обеих культурах совпадают представления о *белом, красном, черном, зеленом и сером* цветах и расходятся мнения по поводу *желтого, розового, синего и голубого* цветов. Л.В. Борисова подчеркивает, что одним из самых красивых и любимых цветов чувашской культуры является *желтый цвет* (*сарă*) [19].

Поэма К.В. Иванова «Нарспи» богата именами прилагательными, выражающими цветообозначения: *хура* — *черный*, *кавак* — *синий*, *сарă* — *желтый*, *шурă* — *белый*, *хёрлĕ* — *красный*, *кёмĕл* — *серебряный*. Они указывают как на цвет предмета, так и на эмоции личности, настроение героев и всего произведения.

1. Слово сочетания с чувашским именем прилагательным *хура* (*черный*) часто встречаются в поэме «Нарспи». Для чувашского народа этот цвет —

обозначение земли. «Словарь чувашского языка» тюрколога и чувашеоведа, профессора, основоположника современного чувашского языкознания Н.И. Ашмарина (1870–1930), дает следующие характеристики слову *хура* (*черный*) [20]:

- черный цвет, черная краска;
- темный;
- вороной (о масти лошади);
- смуглый;
- грязь, грязный»
- курной, черный, топящийся по-черному;
- черный, преступный, злостный (перен.);
- черный, мрачный (перен.);
- черный = некрасивый (перен.);
- чужой, чужак;
- горький (о слезах).

Эквивалентом чувашского имени прилагательного *хура* в русском языке является *черный*, в немецком — *schwarz*. Рассмотрим перевод словосочетаний с прилагательным *хура* и определим их соответствие оригиналу произведения.

Калькирование — буквальный перевод: *хура* — *черный* — *schwarz*. В следующих примерах переводчики строго придерживаются содержания подлинника поэмы «Нарспи» и подбирают равнозначные единицы в русском и немецком языках:

<p><i>Хура сӑхман, сар сӗлӗк, Самки синче тенкӗпе</i> (Иванов, 2014, 38);</p>	<p><i>Шапка рыжая с монетой, Черный плисовый кафтан</i> (Иванов, 2014, 39);</p>	<p><i>Ein schwarzer, langer Kaftan, Eine gelbe große Mütze</i> (Iwanow, 2008, S. 12).</p>
<p><i>Анчах вӑрман айӗнче Хура кайӑк чайлатать</i> (Иванов, 2014, с. 41);</p>	<p><i>Но в лесной глуши зловецей Черной птицы слышен писк</i> (Иванов, 2014, с. 42);</p>	<p><i>Aber drinnen im Walde Zwischert noch ein schwarzer Vogel</i> (Iwanow, 2008, S. 22).</p>

В следующих строках оригинала поэмы два раза упоминается слово *хура*, в переводах встречаем только однократное упоминание прилагательных *черный* и *schwarz*, однако это не искажает и не меняет представление о персонаже поэмы «Нарспи»:

<p><i>Хура чикан пек хура Кашпа килне таврӑнать</i> (Иванов, 2014, с. 17);</p>	<p><i>Черный весь, как цыганенок, Возвращается домой</i> (Иванов, 2014, с. 18);</p>	<p><i>Kommt nach Haus gegen Abend Und ist schwarz wie ein Zigeuner</i> (Iwanow, 2008, S. 10).</p>
--	---	---

В данной строфе в начале 1-й и 4-й строк применяется метод повтора словосочетаний *хура пӗлӗт* (*черные тучи*), что отсутствует в переводах, здесь встречается однократное использование словосочетаний *тучи черные* и

schwarze Wolken. Однако вместо повтора словосочетаний переводчики применили имена существительные *тьма* и *die Dunkelheit* (*тьма, темнота*):

<p><i>Хура</i> пѣлѣт пѣрмаях Шăвать вăрман тăрринче. Ярать сичѣм сѣр сурсах <i>Хура</i> пѣлѣт хушиинче (Иванов, 2014, с. 45);</p>	<p>Беспрерывные над лесом Тучи черные бегут. Разрывая тьму густую, Землю молнии секут (Иванов, 2014, с. 46);</p>	<p><i>Schwarze Wolken</i> ziehen sich Über dem Wald zusammen. Blitze schlagen schrecklich ein, Die Dunkelheit zerschneiden (Iwanow, 2008, S. 27).</p>
---	---	---

Имя прилагательное *хуп-хура* — превосходная степень прилагательного *хура*. В немецком варианте перевода поэмы ему соответствует имя прилагательное *dunkel* (*темный*).

В данном случае в переводе на русский язык имя прилагательное заменено однокоренным словом, глаголом *почернели*.

<p>Тусем, сăртсем <i>хуп-хура</i> Юрѣ кайса пѣтнѣрен (Иванов, 2014, с. 73);</p>	<p>Почернели косогоры; Под живительным огнем (Иванов, 2014, с. 74);</p>	<p><i>Berge, Hügel sind schon dunkel,</i> <i>Weggetaut ist der Schnee</i> (Iwanow, 2008, S. 33).</p>
<p>Икѣ кусѣ <i>хуп-хура</i>, Икѣ <i>хура</i> шăрса пек (Иванов, 2014, с. 41);</p>	<p>Очи — черные агаты — Блещут силой огневой (Иванов, 2014, 42);</p>	<p>Dunkle Augen blicken klar, Rein wie echte Perlen (Iwanow, 2008, S. 12).</p>
<p>Вăрман тѣльне <i>хуп-хурах</i> Сѣм пѣлѣтсем капланчѣс (Иванов, 2014, с. 87);</p>	<p>Собрались над лесом тучи И от них черным-черно (Иванов, 2014, с. 89);</p>	<p>Dunkle Wolken zogen sich Über dem Wald zusammen (Iwanow, 2008, S. 43).</p>

В указанных текстах поэмы «Нарспи» автор при переводе на русский язык тоже использовал имя прилагательное в превосходной степени *черным-черно*.

В следующих примерах, конкретнее в переводе на русский язык, наблюдаем применение приема опущения, где отсутствует эквивалент имени прилагательного, а в немецком варианте словосочетанию *хура вăрман* соответствует *im dunklen Wald* (*в темном лесу*).

<p><i>Хура</i> вăрман айшѣнче Хуллен-хуллен пѣтѣсчѣ (Иванов, 2014, с. 101);</p>	<p>Тихо-тихо замирают Звуки в пропасти лесной (Иванов, 2014, с. 102);</p>	<p>Im dichten und dunklen Wald Geht das Lied allmählich aus (Iwanow, 2008, S. 65).</p>
---	---	---

Словосочетание *хура пўрт* имеет разные варианты перевода как в русском, так и немецком языках. «Словарь чувашского языка» Н.И. Ашмарина дает следующее толкование: *хура пўрт* — изба по-черному.

<p><i>Хура пўртре</i> шăпăрса Ларать шăпăр тўрлетсе (Иванов, 2014, с. 97);</p>	<p>Музыкант домашний ладит Свой шибыр в избе курной (Иванов, 2014, с. 98);</p>	<p>Seinen alten Scha'ba'r stimmt Der Musikant des Dorfes (Iwanow, 2008, S. 54).</p>
--	---	---

Пёчкёсёсёсё <i>хура нўрт</i> , <i>Шура старик сак сиче</i> (Иванов, 2014, с. 99);	<i>Закоптёлая избушка</i> , <i>На скамье старик седой</i> (Иванов, 2014, с. 100);	<i>Ein grauhaariger Greis</i> <i>Sitzt im schwarzgeheizten Haus</i> (Iwanow, 2008, S. 62).
<i>Стариккипе карчакки</i> <i>Хура нўртре вёрсацсё</i> (Иванов, 2014, с. 57);	<i>Мигедер в курной избушке</i> <i>Пререкается с женой</i> (Иванов, 2014, с. 58);	<i>Der Greis und die alte Frau</i> <i>Streiten in dem Nebenzimmer</i> (Iwanow, 2008, S. 33).
<i>Хура нўртре Нарспинне</i> <i>Питне-кусне савассё</i> (Иванов, 2014, 101);	<i>А невесту умывають,</i> <i>Косу туго ей плетут</i> (Иванов, 2014, 102);	<i>Es wird schon im Nebenzimmer</i> <i>Narspis Gesicht gewaschen</i> (Iwanow, 2008, S. 44).
<i>Эсё, савтер усал хёр,</i> <i>Хура нўртрех тип эптин!</i> (Иванов, 2014, с. 115);	<i>Дочь жестокая, век сохнуть</i> <i>В этой вот курной избе!</i> (Иванов, 2014, с. 116);	<i>Und du, Narspi, bist sehr dumm,</i> <i>Magere in Armut ab!</i> (Iwanow, 2008, S. 67).

На основе представленных примеров словосочетанию *хура нўрт* в русском варианте поэмы соответствуют следующие лексические эквиваленты: *курная избушка*, *курная изба*, *закоптёлая избушка*. В данных строках отсутствует перевод словосочетания *хура нўрт*: *а невесту умывають, косу туго ей плетут*.

При переводе на немецкий язык автор применил следующие аналоги: *im schwarzgeheizten Haus* (досл. дом, который топится по-черному), *im Nebenzimmer* (досл. в соседней комнате), в одном случае даже применен метод лексического опущения. Из названных вариантов перевода конструкция *im schwarzgeheizten Haus* близок по значению к словосочетанию *хура нўрт*.

В переводах поэмы К.В. Иванова «Нарспи» в нескольких случаях встречается метод переводческого процесса — лексическое опущение, обычно опускаются семантически избыточные слова, при этом не меняется смысл предложения и не искажается содержание произведения.

<i>Хёвел анчё хёрелсе</i> <i>Хура вёрман хыснелле</i> (Иванов, 2014, с. 38);	<i>Солнце, густо багровея,</i> <i>За дремучий лес зашло</i> (Иванов, 2014, с. 39);	<i>Roter Sonnenuntergang</i> <i>Bricht hinter dem Walde aus</i> (Iwanow, 2008, S. 22).
<i>Кёту хысқан урампа</i> <i>Хура тусан хяпарать</i> (Иванов, 2014, с. 77);	<i>Вдоль по улице за стадом</i> <i>Пыль вздымается столбом</i> (Иванов, 2014, с. 78);	<i>Eine Staubwolke wirbelt</i> <i>Die Herde auf der Straße auf</i> (Iwanow, 2008, S. 42).
<i>Хура тайпра сийёнче</i> <i>Вьртать Сетнер вилнё пек</i> (Иванов, 2014, с. 131);	<i>На земле Сетнер избитый</i> <i>Без сознания лежит</i> (Иванов, 2014, с. 132);	<i>Auf der Erde liegt Setner,</i> <i>Grausam ist er geschlagen</i> (Iwanow, 2008, S. 82).

Словосочетание *хура вёрман* на русский язык переведено буквально — *чёрный лес*, а в немецком варианте поэмы «Нарспи» отсутствует имя прилагательное *schwarz* (*dunkel*) перед существительным *Wald*: *dichter und grosser Wald, im Wald*.

<i>Хура вӑрман, сӑм вӑрман, Лес мой чӑрный, лес дремучий, Мӑниӑн хытӑ шавлатӑн?</i> (Иванов, 2014, с. 103);	<i>Что шумишь так грозно ты?</i> (Иванов, 2014, с. 104);	<i>Warum rauschest du laut, Du, dichter und grosser Wald?</i> (Iwanow, 2008, S. 77).
<i>Сывӑраççӑ этемсем, Хура вӑрман тӑк тӑрать</i> (Иванов, 2014, с. 93);	<i>Спят глубоко поселяне. Дремлет чӑрный лес; порой</i> (Иванов, 2014, с. 94);	<i>Alle ruhen sich gut aus, Tiefe Stille herrscht im Wald</i> (Iwanow, 2008, S. 65).

В результате сравнительно-сопоставительного анализа перевода имени прилагательного *хура* на русский и немецкий языки можно отметить, что на языках перевода не всегда применяется метод буквального перевода, также используются метод замены имени прилагательного на лексическую единицу, имеющую синонимичное значение (*дремучий, dunkel*) и метод лексического опущения. Большое количество примеров с именем прилагательным *хура* в поэме К.В. Иванова «Нарспи» свидетельствует о чем-то плохом, трагическом: все главные герои произведения умирают.

2. По верованиям чувашского народа *кӑвак (синий)* — это цвет волшебства. Согласно 17-томному словарю доктора тюркологии Н.И. Ашмарина имя прилагательное *кӑвак (синий)* имеет следующие значения:

- синий; сизый; серый; голубой;
- сивый;
- седой;
- зеленый (в перен.).

Имена прилагательные *синий (рус.)* и *blau (нем.)* являются эквивалентами чувашского прилагательного *кӑвак*. Рассмотрим его перевод на другие языки и определим соответствие оригиналу поэмы «Нарспи»:

<i>Тӑрӑ шывӑн ӑшӑнче Кӑвак пӑлӑт явӑнать</i> (Иванов, 2014, с. 24);	<i>Синеву небес колышет Зыбь, прозрачна и светла</i> (Иванов, 2014, с. 25);	<i>In dem reinen Wasser ziert Der blaue Himmel Kreise</i> (Iwanow, 2008, S. 10).
--	--	---

Словосочетание *кӑвак пӑлӑт* дословно переведено на немецкий язык *der blaue Himmel*, в русском варианте перевода имя прилагательное *кӑвак* заменено однокоренным именем существительным *синева*, этот метод переводческой трансформации не меняет картину произведения.

В следующих примерах поэмы можно заметить отсутствие имени прилагательного в переводе на немецкий язык, что не искажает содержание этого отрывка.

<i>Кӑвак Хуппи, Çут Хӑвел Мана тупӑш паратчӑç</i> (Иванов, 2014, с. 37);	<i>Синим небом, ясным солнцем Верный промысел мне дан</i> (Иванов, 2014, с. 38);	<i>Der Himmel und die Sonne Haben mir gut geholfen</i> (Iwanow, 2008, S. 13).
---	---	--

Имена прилагательные *седой* и *серый* (рус.), *grau* и *weiss* (нем.) также являются переводными эквивалентами лексемы *ка́вак*. В данном случае переводчики подбирают синонимичные лексические единицы на языках перевода.

<i>Акă хăвел сүтийĕ</i>	<i>А лучи, скользя украдкой,</i>	<i>Vom Fußboden nach oben</i>
<i>Шуса-шуса пычĕ те</i>	<i>Ближе, ближе подошли</i>	<i>Geht der helle Sonnenstrahl,</i>
<i>Сиксе ларчĕ старикĕн</i>	<i>И на голову седую</i>	<i>Auf dem alten Kopf des Greises</i>
<i>Кăвак</i> <i>сӳслĕ пуç çине</i>	<i>Старицу вещему легли</i>	<i>Das graue</i> <i>Haar beleuchtend</i>
(Иванов, 2014, с. 65);	(Иванов, 2014, с. 66);	(Iwanow, 2008, S. 45).
<i>Унтан шурă сухалне,</i>	<i>Проведя сухой ладонью</i>	<i>Dann begann er seinen Bart</i>
<i>Кăвак</i> <i>сӳсне якатса</i>	<i>По бородке по седой,</i>	<i>Und das weisse Haar zu kämmen.</i>
<i>Укça çине, суккăрскер,</i>	<i>На потертую монету</i>	<i>Seine blinden Augen</i>
<i>Пăхрĕ куçне чакăртса</i>	<i>Он уставился, слепой</i>	<i>Starrten lange auf das Geld</i>
(Иванов, 2014, с. 89);	(Иванов, 2014, с. 90);	(Iwanow, 2008, S. 36).

Сравнительный анализ примеров с именем прилагательным *ка́вак* и их переводов на русский и немецкий языки помогает выделить особенности их перевода. Следует отметить, что в русском варианте перевода поэмы основными эквивалентами являются *синий* и *седой*, а в переводе на немецкий язык — *blau* (*синий, голубой*), *graue* (*серый*) и *weiss* (*белый, седой*).

3. Имя прилагательное чувашского языка *сарă* (*желтый*), который для чувашского народа является цветом солнца и радости, в «Словаре чувашского языка» Н.И. Ашмарина толкуется следующим образом:

- желтый;
- эпитет солнца;
- эпитет весны;
- русый; красивый;
- желтуха (болезнь).

В поэме К.В. Иванова «Нарспи» часто встречаются выражения *сарă чечек* (досл. *желтый цветок*), *сарă хĕр* (*красная девица*), *сарă каччă* (*красивый молодец*). Рассмотрим особенности перевода данных лексических единиц на русский и немецкий языки.

Имя прилагательное *сар-сарă* употребляется в превосходной степени и выражает насыщенный желтый цвет. В русском варианте перевода поэмы конкретно указано название цветка, что отсутствует в оригинале: *одуванчик ярко-желтый*. В переводе на немецкий язык имя прилагательное употребляется в начальной форме, не в превосходной степени: *eine gelbe Blume*. Во втором примере переводчики применили метод лексического опущения и не использовали эпитет *сарă* на языках перевода.

<i>Ешĕл курăк хушинче</i>	<i>Одуванчик ярко-желтый</i>	<i>Auf der grünen Wiese wächst</i>
<i>Сар-сарă</i> <i>чечек ӳсет</i>	<i>Средь травы цветет в степи</i>	<i>Eine gelbe</i> <i>schöne Blume</i>
(Иванов, 2014, с. 9);	(Иванов, 2014, с. 10);	(Iwanow, 2008, S. 5).

<i>Пичё-куçе пич ху́хём, Хирти сарă чечек пек (Иванов, 2014, с. 15);</i>	<i>На лицо она прекрасна, Как цветочек полевой (Иванов, 2014, с. 16);</i>	<i>Ihr Gesicht ist wunderbar, Blühend sieht es aus (Iwanow, 2008, S. 17).</i>
--	---	---

Словосочетание *сарă хёр* (*красная девица*) в поэме «Нарспи» встречается двенадцать раз. Перевод на русский язык имеет следующие варианты: *невеста, красавица, девушка пригожая; сарă хёрсем* (во множественном числе) — *девчата, девицы*. В немецком языке — *blondes Mädchen, schöne Braut, die wunderschöne Narspi*.

Выражение *сарă каччă* (*красивый молодец*) переведено на языки перевода следующими лексическими единицами: *красавец, ein schlanker Junge, ein junger schöner Mann*.

Сравнительно-сопоставительный анализ примеров с именем прилагательным *сарă* показал, что буквальный перевод данного эпитета используется только при описании цветка, а по отношению к личностям данное имя прилагательное используется для обозначения красоты, превосходства, поэтому оно переведено с помощью других прилагательных, выражающих красивое и прекрасное: *schön* (*красивый*), *wunderschön* (*прекрасный*), *schlank* (*стройный*), *jung* (*молодой*).

4. Белый цвет у чувашского народа считается символом чистоты, здоровья и правдивости. Ученый-языковед Н.И. Ашмарин в своем словаре дает следующие значения имени прилагательному *шурă* (*белый*):

- белый;
- светло-белый;
- седой;
- по-белому (изба);
- честь;
- снег.

Поэма К.В. Иванова «Нарспи» содержит примеры выражений с чувашским именем прилагательным *шурă* (*белый*), которые также переведены на другие языки. Проведем сравнительный анализ перевода этих словосочетаний с чувашского на русский и немецкий языки.

Имя прилагательное *шурă* в поэме часто употребляется с именами существительными *сухал* (*борода*) и *çуç* (*волосы*), что показывает возрастные изменения героев. При переводе данных словосочетаний на русский язык применяются прилагательные *седобородый, седой*, однокоренное имя существительное *седина*, а также встречается метод опущения данной лексической единицы. В немецком варианте поэмы эквивалентами чувашского имени прилагательного *шурă* являются *weiß* (*белый*) и *grau* (*серый, седой*), переводчик также пользуется приемом опущения при переводе:

<i>Шурă сухал Тăхтаман Упăшкийĕ пулмалла (Иванов, 2014, с. 79);</i>	<i>Тăхтаман седобородый Должен мужем стать, беда! (Иванов, 2014, с. 80);</i>	<i>Der bärtige Tochtamann Ist ihr alter Bräutigam (Iwanow, 2008, S. 57).</i>
---	--	--

Шур сухалне якатса, Каларё въл ерине Карчак енне саврӑнса (Иванов, 2014, с. 81);	<i>А потом, разжав уста, Обратясь лицом к старушке, Он сказал ей тихо так</i> (Иванов, 2014, 82);	<i>Lange dachte der Greis nach, Streichelte den weißen Bart. Er wandte sich an die Frau</i> (Iwanow, 2008, S. 62).
Шур сухаллӑ Тӑхтаман Туйне тӑватӑ тет иккен (Иванов, 2014, с. 87);	<i>Говорят, справляет свадьбу Тахтаман — старик седой</i> (Иванов, 2014, с. 88);	<i>Der bärtige Tochtamann Feiert heute seine Hochzeit</i> (Iwanow, 2008, S. 64).
Пӑр Сетнершӑн тӑктартӑн Асу-аннун шур сӑсӑне (Иванов, 2014, с. 91);	Седину не пощадила Ты у матери с отцом (Иванов, 2014, с. 92);	<i>Wegen deines Setners fallen Unsre grauen Haare aus</i> (Iwanow, 2008, S. 68).

В поэме «Нарспи» слово *шурӑ* также сочетается с названиями различных видов одежды: *шурӑ чӑлха-сӑпата* (досл. белые носки и лапти), *шур кӑне* (досл. белая сорочка, рубашка). При переводе на немецкий язык автор пользуется методом буквального перевода: *weisse Socken* (белые носки), *das weisse Hemd* (белая рубашка). В русском варианте перевода в данном контексте используется прилагательное *новый* (лапти новые), что показывает чистоту и опрятность одежды:

Шурӑ чӑлха-сӑпата Пит килӑшет кӑрӑе (Иванов, 2014, с. 93);	<i>Лапти новые, онучи, — Не жених, а красота!</i> (Иванов, 2014, с. 94);	<i>Weisse Socken und Bastschuhe- Alles passt dem Bräutigam</i> (Iwanow, 2008, S. 46).
Кӑрӑ сӑнчи шур кӑнен Арки вӑр-вӑр тӑватӑ-сӑке (Иванов, 2014, с. 97);	<i>Встал жених; подол рубашки Развеивается, шуриша</i> (Иванов, 2014, с. 98);	<i>Das weisse Hemd Tochtamanns Ist von weitem zu sehen.</i> (Iwanow, 2008, S. 50).

Выражение *шурӑ пӑрт* (досл. белая изба; изба по белому) переведено на немецкий язык буквально с применением имени прилагательного *weiss*: *in dem grossen weissen Haus*, а в русском переводе автор опустил данную лексему, оставив прилагательное *просторный*.

Анчах акӑ шурӑ пӑрт, Пӑр сасӑ та илтӑнмест. Шурӑ пӑртре сӑнӑ сӑн Ларать, пуӑне сӑклемест (Иванов, 2014, с. 111);	<i>Лишь в одном просторном доме Нет ни звука. Тишина. И сидит в нем молодица, Свесив голову, бледна</i> (Иванов, 2014, с. 112);	<i>In dem grossen weissen Haus Ist keine Stimme zu hören. Ganz allein sitzt hier ein Mann, Er kann seinen Kopf nicht heben</i> (Iwanow, 2008, S. 88).
--	---	--

Словосочетание *шурӑ кӑлет* (досл. белая клеть, амбар) в поэме «Нарспи» встречается в следующих вариантах: *клеть большая* и *die Vorratskammer* (досл. кладовая). Оба переводчика перефразировали данное сочетание, исключив имя прилагательное *шурӑ*:

<p><i>Унтан туя пушлама</i> <i>Кёчёç шурăй кёлете</i> (Иванов, 2014, с. 103);</p>	<p><i>И открыли клеть большую:</i> <i>Свадьбу там начать должны</i> (Иванов, 2014, с. 104);</p>	<p><i>In die Vorratskammer ging man,</i> <i>Um die Hochzeit zu beginnen</i> (Iwanow, 2008, S. 82).</p>
---	---	--

При сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и переводов выражений с именем прилагательным *шурăй* можно отметить следующие эквиваленты: *седой* и *новый*, а также *weiss* и *grau*.

5. Красный цвет в творчестве многих народов ассоциируется с красивым и прекрасным. Имя прилагательное *хёрлĕ* (*красный*) согласно словарю Н.И. Ашмарина имеет следующие толкования:

- красный;
- румяный;
- спелый;
- цветущий;
- красивый;
- рыжий;
- яркий, солнечный (о погоде);
- зарево.

Переводными эквивалентами чувашского имени прилагательного *хёрлĕ* являются *красный*, *алый* (рус.) и *rot* (нем.). Рассмотрим примеры поэмы К.В. Иванова «Нарспи» со словом *хёрлĕ* и определим специфику его перевода:

<p><i>Хёрлĕ пурçан тутăрне</i> <i>Хёрле çавăрса сыхать</i> (Иванов, 2014, с. 97);</p>	<p><i>Лоб по-девичьи повяжет</i> <i>Алым шёлковым платком</i> (Иванов, 2014, с. 98);</p>	<p><i>Und das rote Seidentuch</i> <i>Bindet sie um ihren Kopf</i> (Iwanow, 2008, S. 65).</p>
<p><i>Хёрлĕ чаршав хыçёнче</i> <i>Пёркенчĕкпе хёр ларать</i> (Иванов, 2014, с. 99);</p>	<p><i>Алый занавес до пола</i> <i>И колышется слегка</i> (Иванов, 2014, с. 100);</p>	<p><i>Hinter ihm sitzt unsre Braut</i> <i>Unter ihrem Gesichtsschleier</i> (Iwanow, 2008, S. 67).</p>

Данные примеры показывают, что при переводе чувашского имени прилагательного *хёрлĕ* основными вариантами перевода в русском языке является прилагательное *алый*, а в немецком языке — *rot*. В немецком переводе наблюдается применение метода лексического опущения, где отсутствует имя прилагательное.

6. Чувашское слово *кёмĕл* употребляется как в роли имени существительного — серебро, так и в роли имени прилагательного — серебряный. Словарь основателя чувашского языка Н.И. Ашмарина называет следующие значения данного слова:

- серебро;
- серебряная монета; серебряные деньги;
- серебряные украшения у чувашских женщин.

В поэме К.В. Иванова «Нарспи» слово *кёмĕл* используется для презентации серебряных чувашских национальных украшений женщин: *кёмĕл тенкĕ*

и *кёмёл тухья*. В первом случае на языках перевода мы видим употребление имен существительных *серебро* (рус.) и *Silber* (нем.). А во втором случае имя прилагательное *кёмёл* в русском варианте поэмы заменено на существительное *коралл*, в немецком языке — на *Perle* (жемчуг):

<p><i>Кёмёл тенкё, тёртнё пир</i> <i>Сахал-ши-мён çуңсемре?</i> (Иванов, 2014, с. 57);</p>	<p><i>В коробах просторных мало ль</i> <i>Серебра</i>, <i>сукна, холста?</i> (Иванов, 2014, с. 58);</p>	<p><i>Alles hat er hier in Fülle-</i> <i>Silber</i>, <i>Gold und Hausrat.</i> (Iwanow, 2008, S. 22).</p>
<p><i>Кёмёл мерчен тухьяпа</i> <i>Сарӑ хёрё шыв ӑсать</i> (Иванов, 2014, с. 79);</p>	<p><i>Воду чернает девица,</i> <i>На тухье коралл горит</i> (Иванов, 2014, с. 80);</p>	<p><i>Das Mädchen schöpft das Wasser,</i> <i>Trägt ein helles Perlentuch</i> (Iwanow, 2008, S. 44).</p>

Специфика перевода имени прилагательного *кёмёл* заключается в том, что переводчики стараются передать ценность дорогого украшения, используя названия драгоценных камней *коралл* и *Perle* (жемчуг).

Заключение

В поэме К.В. Иванова «Нарспи» было выявлено 56 употреблений имен прилагательных, обозначающих цветовые характеристики предметов и явлений. Больше всего используются конструкции с именами прилагательными *хура* (черный): *хура вӑрман* (темный лес), *хура куç* (черные глаза), *хура пурт* (изба по-черному), а также *сарӑ*: *сарӑ чечек* (досл. желтый цветок), *сарӑ хёр* (красная девица), *сарӑ каччӑ* (красивый молодец). Следует отметить, что использование чувашского прилагательного *сарӑ* в сочетании с одушевленными именами существительными для характеристики человека подчеркивает такие качества, как *красота*, *достоинство*, *стройность*, *молодость*, и имеет следующие эквиваленты на языках перевода: *schön* (красивый), *wunderschön* (прекрасный), *schlank* (стройный), *jung* (молодой) и др. Этот аспект может представлять сложности для переводчиков при отсутствии у них углубленных знаний чувашской лексики.

Богатый материал употребления имен прилагательных поэмы К.В. Иванова «Нарспи» *хура* (черный), *кавак* (синий), *сарӑ* (желтый), *шурӑ* (белый), *хёрлӑ* (красный), *кёмёл* (серебряный) в сочетании с именами существительными показал, что при переводе на русский и немецкий языки часто используется метод буквального перевода, который заключается в подборе соответствующих эквивалентов на языках перевода. Исключением является имя прилагательное *сарӑ* при употреблении с одушевленными именами существительными (*сарӑ каччӑ* — красавец, *ein schöner Mann*).

На основе сравнительно-сопоставительного анализа перевода чувашских имен прилагательных можно отметить, что в переводах часто применяются эквиваленты с синонимичным значением, т.е. с близким значением: *хура* —

дремучий, *dunkel* (темный); *ка́вак* — седой, *graue* (серый); *шуря́* — седой, *grau* (серый).

При сопоставлении примеров с чувашскими именами прилагательными и их переводов можно выделить следующий прием — метод лексических опущений, когда переводчик опускает некоторые имена прилагательные, при применении которого не теряется смысл предложения и сохраняется содержание произведения.

В качестве перспектив дальнейшего исследования названной проблемы следует назвать последующую работу над сравнительно-сопоставительным изучением чувашских, русских и немецких имен прилагательных, выражающих цветовые качества отдельных предметов и явлений. Благодаря сопоставительному анализу можно выявить те особенности, которые невозможно заметить в отдельно взятом языке.

Список литературы

1. Кузнецова Т.Н., Демираг Д.Н., Емельянова М.В., Иванова А.М. Имя числительное «пёр» в чувашском языке: особенности перевода на русский и немецкий языки (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 11. С. 4240–4245. <https://doi.org/10.30853/phil20240599> EDN: CXXXXKW
2. Кузнецова Т.Н., Трукова А.И. Переводческая деятельность в Чувашии. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2020. ISBN: 978-5-7677-3125-1 EDN: KNCAAV
3. Калинина Е.Е. Цветообозначения в чувашском и китайском языках: к истории изучения // Вестник Чувашского государственного педагогического университета имени И.Я. Яковлева. 2021. № 2 (111). С. 79–85. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.111.2.009> EDN: FOMXWJ
4. Бархударов Л.С. Язык и перевод: вопросы общей и частной теории перевода. 3-е изд. Москва : ЛКИ, 2010.
5. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва : Высшая школа, 1990.
6. Латышев Л.К. Курс перевода: эквивалентность перевода и способы её достижения. Москва : Международные отношения, 1981.
7. Влахов С.И., Флорин С.П. Непереводимое в переводе. 4-е изд. Москва : Р. Валент, 2009.
8. Рецкер Я.И. Теория перевода и переводческая практика. Москва : Междунар. отношения, 1974. 216 с.
9. Иванов В.А. Педагогическая ориентация обучения иностранному языку в средней школе. Чебоксары : Чув. кн. изд-во, 1991. 93 с.
10. Швейцер А.Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. Москва : Наука, 1988.
11. Якобсон Р.О. О лингвистических аспектах перевода // Вопросы теории и перевода в зарубежной лингвистике. Москва, 1985. 16–24 с.
12. Сергеев В.И., Угаськина Н.Н. Значения прилагательного «черный» в словаре Н.И. Ашмарина // Ашмаринские чтения: материалы межрегион. науч. конф. (Чебоксары, 21–22 октября 2004 г.). Чебоксары, 2005. С. 16–24.
13. Яковлева О.Н. Специфика черного цвета в менталитете чувашского народа // Ашмаринские чтения : материалы конференции. Чебоксары, 2016. С. 65–67.
14. Иванова А.С. «Цветовые» гидронимы в чувашском языке (на материале словаря Н.И. Ашмарина) // Ашмаринские чтения : материалы Всерос. науч. конф. Чебоксары, 2007. С. 24–28).
15. Анисимова Ю.Е. Саря́ тата шуря́ тёс чаваш халăхĕн тёнче курăмёнче // Языковые контакты народов Поволжья и Урала : сб. ст. XI Междунар. симпозиума (Чебоксары, 21–24 мая 2018 г.). Чебоксары, 2018. С. 322–324.

16. Габдышева Л.Л. Символические значения имени красного цвета в языках и культуре тюркских народов // Вестник Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. 2019. № 6 (74). С. 57–65. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44569> EDN: ВТYUCZ
17. Жаренкова Е.С. Цветовое восприятие в семантике орнамента народов Поволжья // Альманах современной науки и образования. 2009. № 7(26), ч. 1. С. 55–56. EDN: OWDSVB
18. Анисова Д.А., Васильева Р.М. Значение цветов и символов в чувашской вышивке // Вестник Чувашского государственного института культуры и искусств. 2016. № 11. С. 67–69. EDN: YUEEFV
19. Борисова Л.В. Стереотипы традиционного народного сознания и этнокультурные архетипические представления в языковой репрезентации: на материале русского и чувашского языков : дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Казань, 2015. 465 с. EDN: ZPYXMZ
20. Иванова А.М., Фомин Э.В. Об индексе слов словаря чувашского языка Н.И. Ашмарина // Вестник Чувашского университета. 2014. № 4. С. 149–155. EDN: TLCDDQ

References

1. Kuznetsova, T.N. et al. 2024. “The numeral name ‘pyr’ in the Chuvash language: features of translation into Russian and German (on the example of the poem by K.V. Ivanov “Narspi”).” *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 17, no. 11, pp. 4240–4245. <https://doi.org/10.30853/phil20240599> EDN: CXXXKW Print. (In Russ.)
2. Kuznetsova, T.N., and A.I. Trukova. 2020. *Translation activity in Chuvashia*. Cheboksary: Chuvash University Publishing House. EDN: KNCAAV Print. (In Russ.)
3. Kalinina, E.E. 2021. “Color designations in the Chuvash and Chinese languages: towards the history of learning.” *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, no. 2, pp. 79–85. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.111.2.009> EDN: FOMXWJ Print. (In Russ.)
4. Barkhudarov, L.S. 2010. *Language and translation: issues of general and particular theory of translation*. Moscow: LKI publ. Print. (In Russ.)
5. Komissarov, V.N. 1990. *Theory of translation (linguistic aspects)*. Moscow: Higher School publ. Print. (In Russ.)
6. Latyshev, L.K. 1981. *Course of translation: equivalence of translation and ways to achieve it*. Moscow: International Relations publ. Print. (In Russ.)
7. Vlakhov, S.I., and S.P. Florin. 2009. *The untranslatable in translation*. Moscow: R. Valent publ. Print. (In Russ.)
8. Retsker, Ya.I. 1974. *Theory of translation and translation practice*. Moscow: International Relations publ. Print. (In Russ.)
9. Ivanov, V.A. 1991. *Pedagogical orientation of teaching a foreign language in secondary school*. Cheboksary: Cheboksary Book Publishing House. Print. (In Russ.)
10. Schweitzer, A.D. 1988. *Theory of translation: status, problems, aspects*. Moscow: Nauka publ. Print. (In Russ.)
11. Jakobson, R.O. 1985. “On linguistic aspects of translation.” In *Questions of theory and translation in foreign linguistics*. Moscow, pp. 16–24. Print. (In Russ.)
12. Sergeev, V.I., and N.N. Ugaskina. 2005. “Meanings of the adjective ‘black’ in the dictionary of N.I. Ashmarin.” In *Ashmarin readings: materials of the interregion Scientific Conference*. Cheboksary, pp. 16–24. Print. (In Russ.)
13. Yakovleva, O.N. 2016. “The specificity of black colour in the mentality of the Chuvash people.” *Ashmarin readings: materials of the All-Russian Scientific Conference*. Cheboksary, pp. 65–67. Print. (In Russ.)
14. Ivanova, A.S. 2007. “‘Colour’ hydronyms in the Chuvash language (based on the dictionary of N.I. Ashmarin).” *Ashmarin readings: proceedings of the All-Russian Scientific Conference*. Cheboksary, pp. 24–28. Print. (In Russ.)

15. Anisimova, Yu.E. 2018. “Sarā tata shurā tēs chāvas halāhnn tēnche kurāmēnche.” *Linguistic contacts of the peoples of the Volga region and the Urals: collection of art.* Cheboksary, pp. 322–324. Print. (In Chuv.)
16. Gabysheva, L.L. 2019. “Symbolic meanings of the name of the red colour in the languages and culture of the Turkic peoples.” *Bulletin of the Northeastern Federal University named after M.K. Ammosov*, no. 6 (74), pp. 57–65. <https://doi.org/10.25587/SVFU.2019.74.44569> EDN: BTYUCZ Print. (In Russ.)
17. Zharenkova, E.S. 2009. “Colour perception in the semantics of the ornament of the peoples of the Volga region.” In *Almanac of Modern Science and Education*, no. 7(26), part 1, pp. 55–56. EDN: OWDSVB Print. (In Russ.)
18. Anisova, D.A., and R.M. Vasilyeva. 2016. “The meaning of flowers and symbols in Chuvash embroidery.” *Bulletin of the Chuvash State Institute of Culture and Arts*, no. 11, pp. 67–69. EDN: YUEEFV Print. (In Russ.)
19. Borisova, L.V. 2015. *Stereotypes of traditional folk consciousness and ethnocultural archetypal representations in linguistic representation: based on the material of the Russian and Chuvash languages*. PhD thesis. Kazan. EDN: ZPYXMZ Print. (In Russ.)
20. Ivanova, A.M., and E.V. Fomin. 2014. “About the index of words in the dictionary of the Chuvash language by N.I. Ashmarin.” *Bulletin of the Chuvash University*, no. 4, pp. 149–155. EDN: TLCDDQ Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Кузнецова Татьяна Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков № 1, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0002-8256-076X, eLibrary SPIN-код: 9526-8291. E-mail: elre2007@mail.ru

Корнилов Геннадий Емельянович — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0001-9738-2129, eLibrary SPIN-код: 9126-3630. E-mail: gennkorn@rambler.ru

Яковлева Галина Григорьевна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0002-8504-3434, eLibrary SPIN-код: 3740-5858. E-mail: yakovlevagalina@mail.ru

Bio notes:

Tatyana N. Kuznetsova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Foreign Languages No. 1, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8256-076X, eLibrary SPIN-code: 9526-8291. E-mail: elre2007@mail.ru.

Gennady E. Kornilov is a Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Russian Language and Literature, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-9738-2129, eLibrary SPIN-code: 9126-3630. E-mail: gennkorn@rambler.ru.

Galina G. Yakovleva is a Doctor of Philological Sciences, Professor of the Department of Foreign Languages No. 1, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-8504-3434, eLibrary SPIN-code: 3740-5858. E-mail: yakovlevagalina@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-540-555

EDN: APWTYA

Научная статья / Research article

От словосочетания до сложного предложения: синтаксические особенности библионимов в чувашском и русском языках

М.А. Маркова^{ID}

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ m-meshkova@list.ru

Аннотация. Работа посвящена синтаксической характеристике библионимов (названий книг) в чувашском и русском языках. Материалом исследования послужили заголовки художественных произведений чувашской и русской литературы XX в., отобранные с помощью метода сплошной выборки. Для иллюстрации и обоснования теоретических положений были рассмотрены более 500 библионимов. Анализ показал, что названия книг обладают разнообразием синтаксических конструкций. Они могут представлять собой словоформы, словосочетания с подчинительной или сочинительной связью, а также простые и сложные предложения. В указанных языках активно употребляются библионимы в форме простых предложений, которые бывают односоставными, двусоставными (повествовательными, вопросительными, побудительными). Значительный интерес представляют библионимы — сложные предложения, которые подразделяются на сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные. В ходе исследования книжных заголовков был проведен их сопоставительный анализ, выявлены уникальные особенности и общие закономерности функционирования, выполнены количественные подсчеты для определения частотности использования разных синтаксических форм библионимов. Названия книг могут быть короткими и лаконичными, состоящими из одного слова или словосочетания, или же сложными, многокомпонентными конструкциями. Каждая из этих форм несет определенную информацию о произведении, привлекает внимание читателя и формирует первичное восприятие текста.

Ключевые слова: ономастика, чувашский язык, русский язык, библионим, синтаксический анализ

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Маркова М.А. От словосочетания до сложного предложения: синтаксические особенности библионимов в чувашском и русском языках // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 540–555. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-540-555>

© Маркова М.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

From a Phrase to a Complex Sentence: Syntactic Features of Biblionyms in Chuvash and Russian Languages

Maria A. Markova

I.N. Ulyanov Chuvash State University, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ m-meshkova@list.ru

Abstract. The paper is devoted to the syntactic characterization of biblionyms (book titles) in the Chuvash and Russian languages. The research material was the titles of works of art of the 20th century, selected using the continuous sampling method. To illustrate and substantiate the theoretical positions, more than 500 biblionyms in Chuvash and Russian literature were examined. The analysis showed that the book titles have a variety of syntactic constructions. They can be word forms, phrases with a subordinate or compositional connection, as well as simple and complex sentences. In these languages, biblionyms are actively used in the form of simple sentences, which can be one-part, two-part (narrative, interrogative, motivational). Of considerable interest are biblionyms, which are complex sentences that are divided into compound, compound, and conjunctionless sentences. In the course of the study of book titles, their comparative analysis was carried out, unique features and general patterns of functioning were identified, quantitative calculations were performed to determine the frequency of use of different syntactic forms of biblionyms. Book titles can be short and concise, consisting of a single word or phrase, or complex, multicomponent constructions. Each of these forms carries certain information about the work, attracts the reader's attention and forms the primary perception of the text.

Key words: biblionym, onomastics, syntactic analysis, Chuvash language, Russian language

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Markova, M.A. 2025. "From a Phrase to a Complex Sentence: Syntactic Features of Biblionyms in Chuvash and Russian Languages." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 540–555. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-540-555>

Введение

Названия книг, или библионимы, представляют собой особую категорию языковых единиц, сочетающую в себе функции номинации и экспрессии. Они отражают не только содержание произведения, но и выполняют культурную, эстетическую и прагматическую роль. Библионимы формируются по различным языковым моделям, зависящим от традиций, жанровых особенностей, авторского замысла и норм языка. Особый интерес представляет исследование синтаксической структуры таких наименований, поскольку она может демонстрировать устойчивые языковые тенденции и типичные способы выражения смыслов. При этом сравнительный анализ библионимов в разных языках позволяет выявить как универсальные механизмы наименования, так и специфические национально-языковые особенности.

Актуальность работы определяется потребностью в детальном синтаксическом исследовании библионимов, рассматриваемых как важный компонент литературного текста, отражающий языковые, культурные и исторические особенности конкретной эпохи. Несмотря на значительный научный интерес к сущности библионимов в русском (И.Ю. Дубровкина [1], Л.А. Климова [2], К.В. Костина [3], Л. Ли [4], Н.Н. Устинова [5]) и чувашском (М.А. Маркова [6], Э.В. Фомин [7]) языках; вопросам синтаксиса в русском языке (исследования О.В. Антипиной [8], В.В. Бабайцевой [9], В.А. Белошапковой [10], Н.С. Валгиной [11], В.А. Дорошенкова [12]) и чувашском языке (работы А.Г. Димитриевой [13], А.М. Ивановой [14], Г.Н. Семеновой [15] и др.), синтаксическая специфика библионимов в этих языках остаётся слабо изученной. Настоящее исследование нацелено на восполнение указанного пробела путём комплексного подхода к анализу библионимов как с точки зрения синтаксической организации, так и в контексте межъязыкового сопоставления.

Цель исследования — выявить специфические черты и общие тенденции синтаксической структуры библионимов (названий книг) в контексте исследуемых языков.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать различные синтаксические формы библионимов в русском и чувашском языках; провести синтаксический анализ библионимов в русском и чувашском языках с целью выявления их особенностей, а также частотности использования различных типов названий; осуществить сравнительный синтаксический анализ библионимов двух языков, чтобы определить сходства и различия в тенденциях их формирования, учитывая культурные, языковые и исторические контексты.

Материалом исследования послужили заголовки художественных произведений чувашской и русской литературы XX в., отобранные с помощью метода сплошной выборки. Для иллюстрации и обоснования теоретических положений в компаративном аспекте были рассмотрены более 500 библионимов¹.

В ходе исследования автором применялись синтаксический и сравнительно-типологический методы, дополненные элементами статистического анализа для определения частотности использования различных синтаксических моделей библионимов.

Практическая значимость исследования состоит в возможности использования его материалов при преподавании русского и чувашского языков, разработке и чтении теоретических и практических курсов, посвященных вопросам ономастики, общего и сравнительного языкознания.

---

¹ Литература // Культура.РФ. URL: <https://www.culture.ru/literature> (дата обращения: 12.05.2025); Электронный каталог Национальной библиотеки Чувашской Республики. URL: http://www.nbchr.ru/virt_books/index.html (дата обращения: 13.05.2025).

Обсуждение

Одним из ключевых понятий, лежащих в основе настоящего исследования, является библионим — наименование литературного произведения, обладающее высокой смысловой и коммуникативной нагрузкой. «Библионим подобно генетическому коду несёт в себе информацию о языке, культуре, эпохе и самом творце каждого произведения» [6. С. 48].

Согласно К.В. Костиной «библионим — это первое слово автора, направленное к читателю, вбирающее в себя тему, проблему, образы, сюжетную перспективу произведения, отражающее отношение автора к тексту...» [3. С. 189]. Анализ структурных характеристик библионимов представляет собой одно из приоритетных направлений ономастических исследований, способствующее углублённому осмыслению закономерностей их формирования и интерпретации в рамках различных языковых систем и культурно-национальных традиций.

Согласно В.А. Белошапковой, «синтаксис представляет собой область лингвистики, которая, с одной стороны, анализирует правила соединения слов и их форм, а с другой — исследует те структуры, в рамках которых эти правила реализуются, то есть синтаксические единицы: словосочетания, простые предложения и сложные предложения» [10. С. 532].

В рамках нашего исследования, опираясь на подход В.А. Белошапковой, мы также намерены провести синтаксический анализ библионимов, выделяя их структурные компоненты, такие как словоформы, словосочетания и синтаксические конструкции. Это позволит более детально изучить механизмы формирования и функционирования библионимов в литературном контексте, а также проследить, как различные синтаксические единицы — от простых слов до сложных предложений — взаимодействуют и отражают особенности языка, культуры и эпохи.

В связи с вышеизложенным синтаксические единицы могут быть классифицированы по различным уровням сложности. Так, словосочетание определяется как «непредикативная синтаксическая единица, компонентами которой являются слово и форма слова или несколько форм слов, соединённых между собой синтаксической связью» [10. С. 535]. В свою очередь, простое предложение представляет собой «предикативную синтаксическую единицу, состоящую из нескольких соединённых между собой синтаксической связью форм слов или из одной формы слова» [10. С. 535]. Наконец, сложное предложение рассматривается как «синтаксическая единица, компонентами которой являются предикативные единицы, соединённые между собой синтаксической связью» [10. С. 535].

Эти определения синтаксических единиц стали основой для анализа библионимов в нашем исследовании, где мы выделяем словосочетания, простые

и сложные предложения, чтобы выявить их структуру и функциональные особенности в литературном контексте.

Рассматривая синтаксические единицы как основу структурной организации библионимов, целесообразно обратиться не только к формально-грамматическим уровням их построения (словоформам, словосочетаниям, предложениям), но и к более глубокой смысловой структуре высказываний. В этом контексте особое значение приобретает теория синтаксем, позволяющая анализировать высказывание с позиций не только синтаксических, но и семантических отношений между компонентами. Как отмечает В.А. Дорошенко, современная лингвистика располагает обширным корпусом элементарных синтаксических единиц — синтаксем, синтаксико-семантическое содержание которых представляет собой конфигурацию ведущих и дополнительных семантических признаков. «Синтаксема — это основная единица синтаксического анализа, представляющая собой сочетание двух или более слов, объединенных синтаксической связью и выполняющих определённую синтаксическую функцию в предложении...» [12. С. 25], — подчёркивает учёный.

Библионимы, будучи важным элементом литературного произведения, могут принимать различные синтаксические формы в зависимости от структуры языка, в котором они используются. Синтаксическая классификация заглавий книг может быть представлена следующими основными типами: словоформа, словосочетание, предложение.

Библионимы-словоформы. Они состоят из одного знаменательного слова, чаще из имени существительного в именительном падеже. Библионимы, выраженные словоформами, могут рассматриваться как синтаксеммы в тех случаях, когда они выполняют синтаксическую функцию (являются элементом неполного предложения) или когда они являются ключевыми элементами, вокруг которых строится понимание всего текста. В данной категории библионимов выделяется одно слово, которое несет смысл и является ключевым элементом, характеризующим содержание произведения, например: роман «Хават» (С. Аслан), сборник «Чёрёлёх» (Н. Васильев), роман «Евчё» (Н. Волков), «Искупление» (Н. Брыкин), роман «Одиночество» (Н. Вирта), повесть «Буря» (В. Воеводин). Выбор существительного в качестве заглавия — это важный стилистический прием, позволяющий автору эффективно управлять вниманием читателя и передавать ключевые идеи произведения.

Библионимы, где используются нарицательные имена существительные, обозначают общие понятия, предметы, явления или классы объектов, а не конкретные единичные экземпляры. Они применяются для выполнения широкого спектра задач, определяемых как контекстом произведения, так и замыслом автора. Выбор нарицательного имени существительного в качестве заглавия — это осознанный прием, позволяющий автору точно и лаконично обозначить тему произведения, создать нужную атмосферу и наладить контакт с читателем. Например: роман «Высота» (Е. Воробьев), рассказ

«Подснежник» (К. Воробьев), повесть «Шинель» (Н. Гоголь), сборник стихов и песен «Ҙамрӑклӑх» (И. Ехрим), роман «Ҙеҗпӗл» (Ю. Збанацкий), роман «Тимӗр» (М. Илпек).

Библионимы, в которых используются собственные имена существительные, обозначают конкретные, единичные объекты, лица, места или события. Использование собственных имен в заглавиях преследует определенные цели, связанные с акцентированием уникальности, конкретности и индивидуальности. Использование собственных имен существительных в заглавиях – это мощный инструмент, позволяющий автору акцентировать внимание на конкретных объектах, создавать эффект достоверности, привлекать читателя и выражать свои идеи через ассоциации и символы. В рамках этого подхода собственные имена существительные могут быть представлены следующим образом.

А. Антропонимы (обозначают конкретного человека, который является главным героем, ключевой фигурой или просто играет важную роль в произведении), в частности «Джамилия» (Ч. Айтматов), «Илюк» (М. Акимов), «Вёҗкӗн Макҗӑм» (М. Белов), «Хветуҗҗа» (В. Алендей), «Нарспи» (К. Иванов), «Тарас Шевченко» (Л. Бать), «Тарас Бульба» (Н. Гоголь), «Фома Гордеев» (М. Горький), «Евпатий Коловрат» (В. Ерохин) и др.

Библионимы-антропонимы, используя имена собственные людей, акцентируют внимание на конкретной личности, которая зачастую является главным героем, определяя через его судьбу тематику произведения, создавая эффект достоверности и реалистичности, привлекая внимание к известной личности или к особенностям характера и судьбы персонажа, формируя определенные ожидания читателя и иногда неся символическую нагрузку, связанную с именем или его носителем.

Б. Зоонимы (имена собственные, присваиваемые отдельным животным для их идентификации), например: роман «Чайка» (Н. Бирюков), сказка «Конек-Горбунок» (П.П. Ершов), «Каштанка» (А. Чехов), «Белый Бим Чёрное ухо» (Г. Троепольский), «Мухтар» (И. Меттер) и др.

Библионимы-зоонимы используются для того, чтобы сфокусировать внимание на конкретном животном как главном герое, вызвать определенные эмоции (симпатию, сочувствие), создать образ верности, преданности и раскрыть отношения между человеком и животным.

В. Топонимы (обозначают конкретное место действия, город, страну, регион, улицу, здание или географический объект), например: «Тихий Дон» (М. Шолохов), роман «Угрюм-река» (В.А. Шишков), «Остров Крым» (В. Аксёнов), «Ирӗклӗх архипелагӗ» (В. Василевская), стихи «Карӑксырми сачӗсем» (М.А. Волкова) и др.

Библионимы-топонимы выполняют множество функций: определяют место действия и создают атмосферу, связывают произведение с историческим контекстом, отражают тему и проблематику через символизм места, персо-

нифицируют пространство, делая его действующим лицом, привлекают внимание экзотичностью, выражают авторское отношение и могут использоваться в метафорическом смысле, формируя у читателя определенные ожидания и представления о произведении.

Также можно выделить библионимы-эргонимы (названия организаций, учреждений), библионимы-хрононимы (названия исторических событий), библионимы-мифонимы (имена мифологических существ и персонажей), библионимы-космонимы и библионимы-астронимы (названия небесных тел и созвездий) и др.

С точки зрения количественной характеристики обозначаемых предметов выделяют следующие группы библионимов [4]:

а) библионимы-существительные в форме единственного числа, например: «Шалаш» (А.Т. Кононов), «Болото» (А. Куприн), «Восход» (П. Замоиский), «Набег» (О. Гурьян), «Ултав» (Л. Агаков), «Сёлкёш» (С. Павлов), «Ахрám» (Н. Петровская), «Ѕамрáклáх» (И. Ехрим), «Арсури» (М. Федоров) и др.;

б) библионимы-существительные в форме множественного числа: «Сёстры» (В. Вересаев), «Строители» (А. Ермолаев), «Рядовые» (Е. Гурвич), «Тáвансем» (П. Ялбир), «Ѕáлкуҫсем» (И. Михайлов), «Телейлисем» (А. Лазарева), «Патраксем» (А. Етмен), «Йёрсем» (А. Ерусланов) и др.

Библионимы, представленные существительными в форме единственного или множественного числа, являются своеобразным инструментом, способным значительно влиять на восприятие произведения и формировать у читателя или зрителя определенные ожидания. Выбор между единственным и множественным числом в заглавии — это не просто вопрос грамматики, а тщательно продуманный стилистический прием, служащий для передачи конкретных смысловых оттенков и подчеркивания ключевых аспектов содержания.

Библионимы — сочинительные сочетания слов. Согласно В.А. Белашаповой «сочинительные словосочетания — соединения однофункциональных форм слов на основе сочинительной связи. Их общая формула — форма слова + однофункциональная ей и соединенная с ней сочинительной связью форма другого слова (формы других слов)» [10. С. 599].

Выделяют следующие виды сочинительных словосочетаний [4]:

1) сущ. + сущ. с союзом и: «Костры и зори» (Н.А. Алексеев), «Будни и праздники» (Н. М. Давыдова), «Мастер и Маргарита» (М. Булгаков), «Море и люди» (Г.Г. Гук), «Братья и сестры» (Ф. Абрамов), «Война и мир» (Л. Толстой), «Преступление и наказание» (Ф. Достоевский), «Друзья и враги» (К. Симонов), «Цветы и звезды» (Г. Валиков), «Мороз и солнце!» (М. Смородинов).

В чувашском языке союз «и» может иметь разные формы: союзы «тата», «та/те», аффикс совместного падежа «-па/-пе». Согласно закону сингармонизма в чувашском языке «те» и «-пе» используются после слов с

мягкими гласными (э, ё, ё́, ё̂), а «та» и «-па» — после слов с твердыми гласными (а, а́, у, ы). Например, «Ашшё, амашё тата хёрё» (Г. Ефимов), «Карач Иванов тата Берия» (Г. Краснов), «Сёр тата сын» (В. Садай), «Поль тата Палюк» (С. Ялавин), «Акәшпи тата Вутчуль» (М. Кайнуш), «Сулсем тата сынсем» (Б. Борлен), «Ёнену́ тата шанчәк» (В. Пастухов), «Вәхәт тата шәпа» (М. Ара), «Амәртупа юрату» (Н. Айзман), «Тусләхпа юрату» (А. Афанасьев), «Ленинпа ачасем» (В. Бонч-Бруевич), «Ашшөпе ывәлө» (И. Егоров).

К этой же подгруппе относятся субстантивированные полные прилагательные с союзом *и*: «Белые и черные» (А. Котов), «Живые и мертвые» (К. Симонов), конструкции в предложном падеже, множественном числе с союзом *и*: «О смелых и умелых» (Н. Богданов), «В морях и странствиях» (Ю. Давыдов), а также краткие причастия с союзом *и*: «Прокляты и убиты» (В. Астафьев) и др.;

2) деепричастия с союзом *и*: «Ликуя и содрогаясь» (И. Бабель), «Йёплесе те питлесе» (А. Калган);

3) количественно-именные сочетания с союзом *и*: «Две зимы и три лета» (Ф. Абрамов);

4) наречия с союзом *и*: «Отныне и навсегда» (Л. Вершинин), «Близко и далеко» (Б. Полевой).

Интересный случай представляет собой чувашский библионим «Килте тата ютра» (М. Васильев), который состоит из существительных «килте» и «ютра» в местном падеже (вырән падежө).

Разумеется, существуют и другие типы сочетаний слов, но и приведенные примеры свидетельствуют о многообразии подгрупп этого типа библионимов.

Библионимы — подчинительные сочетания слов. Большую группу библионимов составляют подчинительные словосочетания. Согласно В.А. Белошапковой, «подчинительные словосочетания — это основанные на подчинительной связи соединения слов (главный компонент) с определенной формой другого слова (зависимый компонент). Общая формула подчинительных словосочетаний — слово + соединенная с ним подчинительной связью форма другого слова» [10. С. 599].

Библионимы могут быть выражены простыми и сложными словосочетаниями. Ср.:

1) *простые словосочетания*: «Горная весна» (Л. Агаков), «Золотая цепочка» (А. Грин), «Крутая волна» (В. Азаров), «Суя телей» (Л. Агаков), «Йёплө роза» (Ю. Григорьев);

2) *сложные словосочетания*: «В год великого пробуждения» (Х. Абдрашитов), «Тайна двух океанов» (Г. Адамов), «Необычайные похождения Севы Котлова» (А. Алексин), «Виçе ывәлпа виçе хёр» (В. Аллендей), «Сар сүселлө сарә тутәр» (В. Аллендей), «Комната на солнечной стороне» (Е. Анучина).

В зависимости от части речи стержневого слова различаются четыре основные группы библионимов-словосочетаний:

1) *субстантивные*: «Черная грамота» (Я. Апушкин), «Дальняя дорога» (А. Арбузов), «Трудное счастье» (И. Арсентьев), «Хуркайӑк ҫулӑ» (С. Азамат), «Телей уҫси» (А. Афанасьев), «Хӑрушӑ тӑлӑк» (А. Галкин).

Согласно Л. Ли, «именно субстантивные именные библионимы особенно часто реализуют авторскую модальность и выражают авторские оценки, используются для достижения ряда конкретных целей, связанных с привлечением внимания, передачей информации и организацией текста» [4. С. 31].

Продуктивны субстантивные конструкции, в которых зависимое слово выражено глагольной формой — причастием, деепричастием: «Блистающий мир» (А. Грин), «Сожженная Москва» (Г. Данилевский), «Суйласа илнӑ калавсем» («Избранные рассказы», М. Данилов-Чалдун), «Чӑнмен хӑна» («Незванный гость», Г. Луч), «Аманӑ турат» («Раненая ветка», Л. Маяксем);

2) *глагольные*: «Пришедшие из мрака» (А. Безуглов), «Бегущая по волнам» (А. Грин), «Сӑнӑкерчӑкпе калаҫни» («Разговор с фотокарточкой», В. Антонов), «Ҫиҫӑмпе туслашни» («Как подружиться с молнией?», Л. Сачкова);

3) *адъективные*: «Последний из удэге» (А. Фадеев), «Далекая от солнца» (М. Михеев), «Телейсӑр чух телейлӑскер» (Г. Ефимов);

4) *наречные*: «Наперекор ветрам» (И.В. Дубинский), «Далеко от Москвы» (В. Ажаев), «Юлташпа юнашар» (А. Алга).

Часто встречаются заглавия, которые имеют форму прилагательного в сравнительной степени: «Южнее главного удара» (Г. Бакланов), «Сильнее атома» (Г. Березко), «Сильнее смерти» (М. Арцыбашев), «Хурҫӑран та ҫирӑпрех» (Н. Евстафьев), «Темисе хут вӑйлӑрах» (В. Садай).

Активно используемыми библионимами являются субстантивные словосочетания, на втором месте располагаются глагольные. Адъективные и наречные библионимы встречаются реже, из чего можно сделать вывод, что они наименее продуктивны при формировании заглавий произведений.

Библионимы-предложения. В чувашском и русском языках активно употребляются библионимы в форме простых предложений, которые бывают односоставными, двусоставными (повествовательными, вопросительными, побудительными).

А. Библионимы-простые предложения. Простое предложение представляет собой синтаксическую единицу с одной грамматической основой, которая может состоять как из двух главных членов — подлежащего и сказуемого, так и из одного — подлежащего или сказуемого.

По характеру грамматической основы предложения делятся на два типа [4]:

1) *двусоставные (с подлежащим и сказуемым)*. Например: «Ҫулӑм витеӑр ҫул ыртать» (А. Алга), «Ҫӑлтӑрсем шыва кӑреҫҫӑ» (Ю. Петров), «Куккук ҫаплах авӑтать», «Хумсем ҫырана ҫапаҫҫӑ» (Н. Терентьев), «Эпӑ таврӑнатӑп»

(С. Абаш), «Утнәҗемён уҗалать сул-йёр» (А. Галкин), «Вәйәран вәкәр тухать» (П. Вашават), «Ёлөк җапла пулнә» (И. Вольнов), «Уйәх җаплах җутатать» (В. Шарапов), «Борьба продолжается» (В. Белугин), «И грянул бой!» (Н. Богданов), «Как закалялась сталь» (Ф.П. Бондаренко), «Дорога уходит в даль...» (А. Бруштейн), «Лев не возвращается по следу» (Р. Галимов);

2) *односоставные предложения* — представляют собой структурный тип, в котором грамматическая основа выражена одним главным членом — подлежащим или сказуемым, функционирующим самостоятельно либо с зависимыми словами. По совокупности семантических и структурных свойств среди односоставных предложений-заглавий выделяются следующие основные их подтипы:

а) *определённо-личные*. Главный член выражен глаголом в форме 1-го или 2-го лица единственного либо множественного числа настоящего или будущего времени, а также глаголом в повелительном наклонении. Определённо-личные предложения, благодаря своей структуре, служат для активного воздействия на слушателя/читателя, выражения личных чувств и переживаний и передачи информации в краткой и выразительной форме. Например: «Кай, кай Ивана» (Н. Айзман), «Не проходите мимо» (Б.А. Егоров), «Вооружайте доброту!» (И. Краснов), «Люблю и ненавижу» (Г. Баженов);

б) *неопределённо-личные*. В подобных односоставных предложениях действующее лицо не указывается, а главный член выражается глаголом в форме 3-го лица множественного числа настоящего или будущего времени либо глаголом прошедшего времени во множественном числе. Если автор хочет сосредоточить внимание читателя на самом событии или процессе, а не на том, кто его совершает, неопределённо-личное предложение в названии может быть эффективным решением, так как акцент на действии или событии, а не на конкретном персонаже. Например: «Кашнинех килте кётеҗсё» (В. Эльби), «Бойцов не оплакивают» (Р. Хигерович);

в) *безличные*. В таких предложениях сказуемое выражено безличным глаголом, действующего лица нет. Безличные библионимы используются для описания состояний природы, человека, окружающей среды; выражения необходимости, возможности/невозможности, желания; создания определённой атмосферы: печали, покоя, тревоги и т.п. Например: «Было приказано выстоять» (Б. Зубавин), «Как солнышко будили» (Н. Мишутин), «Пурәнас пулатъ» (В. Антонов), «Пулатъ вёт пурнәҗра» (А. Тимофеев);

г) *обобщённо-личные*. В обобщённо-личных предложениях сказуемое, как правило, выражается глаголом во 2-м лице единственного числа настоящего или будущего времени, реже — в форме 3-го лица множественного числа либо в повелительном наклонении, при этом действие приписывается любому лицу в целом. Выражают общие истины, пословицы, поговорки, правила, советы, обобщённые наблюдения. Обобщённо-личные предложения исполь-

зуются для придания тексту большей обобщённости, выразительности, поучительности. Они делают высказывание более общим и применимым к различным ситуациям и людям. Например: «Не поле перейти» (Н. Полякова), «Ҙәкәртан асли ҫук» (М. Алексеев), «Уй куслă, вӑрман хӑлхалӑ» (Ю. Николаева);

д) назывные. В назывных предложениях грамматическая основа представлена одним главным членом — подлежащим, выраженным существительным в форме именительного падежа единственного числа. Назывные предложения часто используются в названиях книг для указания темы или основной идеи произведения. Например: роман «Искушение» (Н. Брыкин), «Одиночество» (Н. Вирта), «Война» (В. Вишневский), «Высота» (Е. Воробьёв), «Хӑват» (С. Аслан), «Вутлан» (А. Афанасьев), «Чӑрӑлӑх» (Н. Васильев) «Хыпаланчӑк» (В. Вересаев).

Б. Библионимы — сложные предложения. Заглавия, выраженные сложными предложениями, часто носят цитатный характер. Это пословицы, цитаты из песен, литературных произведений, речи персонажей. В группе заглавий — сложных предложений выделяются следующие подгруппы:

1. *Заглавия — сложносочинённые предложения.* В сложносочинённом предложении части соединены сочинительными союзами и относительно равноправны, независимы друг от друга. Выделяются следующие предложения:

а) с соединительным союзом: «Что такое хорошо и что такое плохо» (В. Маяковский);

б) с противительными союзами: «Правда — хорошо, а счастье лучше» (А. Островский).

2. *Заглавия — сложноподчинённые предложения.* Сложноподчинённое предложение состоит из неравноправных частей, где одна предикативная часть зависит от другой. Так, в конструкции заглавия «Жаль, что вас не было с нами» (В. Аксенов) выделяется изъяснительное придаточное, «Он сделал всё, что мог» (В. Ардаматский) — местоимённо-соотносительное придаточное, «Стреляли, чтобы жить» (И. Арсеньев) — придаточное цели.

3. *Заглавия — бессоюзные предложения.* Предикативные части соединены здесь без помощи союзных средств — интонационно и по смыслу. Например: «Кам Алтая, кам Чутая» (С. Абаш), «Ҙитетпӑр хӑрӑхе — иртетпӑр хӑрӑхрен» (Г. Краснов), «Кама — кулӑ, кама — хулӑ» (Г. Мальцев), «Суп горяч — по-дуй» (В. Ухли) и др.;

4. *Заглавия, состоящие только из придаточной части сложноподчинённого предложения,* главная часть отсутствует, такие заглавия можно отнести к «незавершённым», своеобразному «осколочному типу». Например: «Единожды предав» (В. Глебов) — придаточное условия; «Которая ждёт» (М. Михеев) — придаточное определительное, «Эсӑ пур чух...» (А. Назул), «Хӑвел анӑ чух» (М. Белов), «Пӑр кайсанах» (Г. Ангер) — придаточные времени. Заглавия, состоящие только из придаточной части сложноподчинённого предложения,

ного предложения, с отсутствующей главной частью, создают эффект незавершённости, недосказанности, интриги или акцентируют внимание на условии или причине, о которых пойдёт речь в тексте. Это интересный стилистический прием, который может использоваться для различных целей.

Такое заглавие является синтаксически неполным, поскольку отсутствует главное предложение. Это создаёт ощущение обрыва мысли и требует от читателя активного участия в осмыслении текста. Придаточная часть в таком заглавии выполняет роль свёрнутого содержания или ключевого вопроса, на который будет дан ответ в основной части текста.

По целеустановке библионимы-предложения бывают повествовательные, вопросительные и восклицательные:

1) *повествовательные*: «Всё начинается с любви» (Р.И. Рождественский), «Я жду тебя» (Н. Полякова), «Как солнышко будили» (Н. Мишутин), «Чыса самра́кранах упра» (А. Первенцев), «Тӓрӓр вайӓ картине» (В. Эльби), «Ӕлӓк сапла пулӓ» (И. Вольнов);

2) *восклицательные*: «И грянул бой!» (Н.В. Богданов), «Этих дней не смолкнет слава!» (Ю. Герман), «Да будет солнце!» (Л. Лиханов), «Эй, вы, живые!» (В. Погильдяков), «Шавлӓр, хурамасем!» (А. Николаев);

3) *вопросительные*: «Кто сумеет отгадать?» (В. Чаплина), «Хурама сӓлси мӓн пӓшӓлтатать-ши?» (И. Вашки), «Кам-ши эпӓ?» (Р. Сарпи), «Кам аслӓрах?» (Я. Рогачев), «Асаннӓр пур-и?» (В. Енӓш).

Таким образом, мы рассмотрели основные группы заглавий: заглавия-словоформы, заглавия — сочинительные сочетания слов, заглавия — подчинительные словосочетания и заглавия-предложения. Существуют также менее объёмные группы заглавий, которые необходимо отметить особо:

1) *двойные заглавия с пояснительной связью*, причем второй компонент часто является предложением: «Вечный огонь, или Повествование об атамане Алене» (Э.И. Симдянова), «Дура, или Капитан в отставке» (А. Чехов);

2) *заглавия — ассоциативные сочетания слов (синонимическое сближение)*: «Тус-тантӓшсем» (В. Высоцкий);

3) *заглавия с обращением*: «Смело, товарищи, в ногу» (А. Васильев), «Ан сивӓн, савни» (М. Волкова), «Хурлӓханӓм, ан хурлан» (М. Волкова), «Завещаю вам, братья...» (Ю. Давыдов), «Тӓвансемӓр, тав сире» (В. Давыдов-Анатри), «Шӓпчӓксем, эп сире итлесе...» (А. Канаш), «Вунпиллӓкре эпӓ, комбат...» (И. Лисаев) и др. Как правило, эти заглавия являются цитатами из речи персонажей;

4) *заглавия-фразеологизмы*: «Плечом к плечу» (Н. Гаглюев), «Куса кусӓн» (С. Аслан).

Результаты структурного анализа, демонстрирующие распределение синтаксических типов библионимов в русской и чувашской литературе, отражены в таблице.

**Синтаксический анализ библионимов, % /
Syntactic analysis of biblionyms, %**

Группы заглавий / Groups of titles	Подгруппы заглавий / Subgroups of titles	Количество / Quantity		Общее количество / Total number	
		В чувашском языке / In the Chuvash language	В русском языке / In Russian		
Библионимы- словоформы / Biblionyms-word forms	Библионимы — существительные в форме единственного числа / Biblionyms are singular nouns	12	17	15	18
	Библионимы — существительные в форме множественного числа / Biblionyms are plural nouns	3	3	3	
Библионимы- словосочетания / Biblionyms-phrases	Библионимы — сочинительные сочетания слов / Biblionyms are composite word combinations	2	6	4	55
	Библионимы — подчинительные словосочетания / Biblionyms — subordinate phrases	49	52	51	
Библионимы- предложения / Biblionyms-sentences	Библионимы — односоставные предложения / Biblionyms are one-member sentences	10	7	9	27
	Библионимы — двусоставные предложения / Biblionyms — two-part sentences	19	12	16	
	Библионимы — сложносочинённые предложения / Biblionyms — compound sentences	1	0,04	1	
	Библионимы — сложноподчинительные предложения / Biblionyms — complex sentences	0,04	0,04	0,05	

Источник: составлено М.А. Марковой
Source: compiled by M.A. Markova

Согласно данным таблицы, наиболее распространёнными являются библионимы — подчинительные словосочетания (52 % в русском и 49 % в чувашском языке), что свидетельствует об их универсальности и функциональной ёмкости. Такие конструкции позволяют точно обозначить содержание произведения, сохраняя при этом структурную компактность.

Библионимы-предложения также занимают заметное место: в русском языке они встречаются чаще, особенно в виде двусоставных (19 %) и односоставных (10 %), в то время как в чувашском языке они представлены реже — 12 и 7 % соответственно. Их использование может быть связано с тенденцией к более полной передаче смысла через грамматически завершённую мысль.

Библионимы-словоформы, как более сжатые и экспрессивные единицы, используются умеренно. В чувашском языке доминируют формы в единствен-

ном числе (12 %), аналогичная картина наблюдается и в русском (17 %), что подчёркивает роль конкретных, индивидуализированных понятий в формировании заглавий. Библионимы-существительные в форме множественного числа как в русском, так и в чувашском языке составляют 3 % от общей выборки библионимов.

Заключение

Таким образом, проведённый синтаксический анализ библионимов в русском и чувашском языках позволил выявить как общие закономерности, так и значимые различия в их структурной организации. Несмотря на тенденцию к преобладанию словосочетательных моделей в обоих языках, каждый из них демонстрирует собственные структурные и стилевые предпочтения. В русском языке наблюдается устойчивое тяготение к компактным двусловным конструкциям, тогда как библионимы чувашского языка чаще имеют развёрнутый, описательный характер. Эти различия обусловлены как внутренними языковыми механизмами, так и особенностями культурно-исторической традиции, определяющей способы номинации и интерпретации названий произведений.

Полученные результаты подтверждают, что структура библионима является не только лингвистическим, но и культурным феноменом, отражающим способы мышления и ценностные ориентиры конкретного этноса. Перспективными направлениями дальнейших исследований в данной области могут стать изучение влияния жанровой принадлежности произведений на характер синтаксической организации названий, а также анализ восприятия библионимов с различной синтаксической структурой в межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Дубровкина И.Ю. Классификация структурных типов библионимов в английском и русском языках // Научные труды КубГТУ. 2016. № 4. С. 222–231. EDN: VXMWYR
2. Климкова Л.А. Библионимы в лирике С.А. Есенина // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 17–27. EDN: IZJKKB
3. Костина К.В., Климкова Л.А. Библионимы в творчестве В.П. Крапивина: семантика, типология // Молодой ученый. 2015. № 22.1 (102.1). С. 187–191. URL: <https://moluch.ru/archive/102/23207/> (дата обращения: 08.01.2025). EDN: VDDGON
4. Ли Лицюнь. Структура и семантические особенности заглавий // Вопросы гуманитарных наук. 2012. № 2 (58). С. 74–76.
5. Устинова Н.Н. Аспекты изучения библионимов // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2022. № 4 (47). С. 60–63. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.76.94.009> EDN: DMFVAE
6. Маркова М.А. Место библионимов в ономастическом пространстве // Этническая культура. 2024. Т. 6. № 2. С. 44–48. <https://doi.org/10.31483/r-111455> EDN: UDOOKY

7. Фомин Э.В. Чувашские библионимы конца XIX в. в аспекте переводоведения // Переводческий дискурс: междисциплинарный подход : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Симферополь : Издательство Типография «Ариал», 2024. С. 399–402. EDN: VEUHMW
8. Антипина О.В., Винокурова М.И. Грамматика русского языка. Морфология и синтаксис (I сертификационный уровень) : справ. Иркутск : ИГМУ, 2023. 60 с. Текст : электронный // Лань: электрон.-библиотечная система. URL: <https://e.lanbook.com/book/420068> (дата обращения: 25.01.2025).
9. Бабайцева В.В., Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. 3 : Синтаксис. Пунктуация. Москва : Просвещение, 1987. 256 с.
10. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А. и др. Современный русский язык : учебное пособие / под ред. В.А. Белошапковой. Москва : Высшая школа, 1989. 800 с.
11. Валгина Н.С. Современный русский язык. Синтаксис : учебник для вузов. Москва : Высшая школа, 2003. 416 с.
12. Дорошенко В.А., Амахина С.А., Сеницына Ю.Н. Ведущие и дополнительные признаки синтаксиса // Язык науки и техники в современном мире : материалы XI Междунар. науч.-практ. конф. Омск : Омский гос. техн. ун-т, 2022. С. 24–31. EDN: BPKWRN
13. Димитриева А.Г. Сложносочинённое предложение в чувашском и русском языках с курсами в английском синтаксисе (опыт сравнительно-сопоставительного исследования) : дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. Чебоксары, 2007. 171 с. EDN: NOQDQH
14. Иванова А.М., Семенова Г.Н. Сложноподчинённое предложение в современном чувашском языке: сравнительно-сопоставительный аспект. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т им. И.Н. Ульянова, 2016. 120 с. ISBN: 978-5-7677-2420-8 EDN: UVGRSL
15. Семенова Г.Н., Иванова А.М. Синтаксические концепты в чувашском языке // Современная филология: проблемы и перспективы : материалы Междунар. науч.-практ. конф. Уфа : Самрау, 2020. С. 351–356. EDN: CLLYPG

References

1. Dubrovkina, I.Y. 2016. “Classification of structural types of biblionyms in English and Russian.” *Scientific works of KubSTU*, no. 4, pp. 222–231. EDN: VXMWYR (In Russ.)
2. Klimkova, L.A. 2020. “Biblionyms in the lyrics of S.A. Yesenin.” *Current issues of modern philology and journalism*, no. 3(38), pp. 17–27. EDN: IZJKKB Print. (In Russ.)
3. Kostina, K.V. 2015. “Biblionyms in the works of V.P. Krapivin: semantics, typology.” *Young Scientist*, no. 22.1 (102.1), pp. 187–191. EDN: VDDGOH (In Russ.) URL: <https://moluch.ru/archive/102/23207> (date of request: 08.01.2025).
4. Li, L. 2012. “The structure and semantic features of titles.” *Questions of the Humanities*, no. 2(58), pp. 74–76. Print. (In Russ.)
5. Ustinova, N.N. 2022. “Aspects of the study of biblionym.” *Current issues of modern philology and journalism*, no. 4(47), pp. 60–63. <https://doi.org/10.36622/AQMPJ.2022.76.94.009> EDN: DMFVAE Print. (In Russ.)
6. Markova, M.A. 2024. “The place of biblionyms in onomastic space.” *Ethnic culture*, vol. 6, no. 2, pp. 44–48. <https://doi.org/10.31483/r-111455> EDN: UDOOKY Print. (In Russ.)
7. Fomin, E.V. 2024. “Chuvash biblionyms of the late 19th century in the aspect of translation studies.” In *Translation discourse: an interdisciplinary approach: proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Simferopol: Publishing House Printing House Arial, pp. 399–402. EDN: VEUHMW Print. (In Russ.)
8. Antipina, O.V. 2023. *Grammar of the Russian language. Morphology and syntax (I certification level)*: references. Irkutsk: IGMU publ. URL: <https://e.lanbook.com/book/420068> (date of reference: 01/25/2025).
9. Babaytseva, V.V. 1987. *Modern Russian language*, part 3. Syntax. Punctuation. Moscow: Prosveshchenie publ. Print. (In Russ.)

10. Beloshapkova, V.A. 1989. *Modern Russian language*. Moscow: Higher School publ. Print. (In Russ.)
11. Valgina, N.S. 2003. *Modern Russian language. Syntax*. Moscow: Higher School publ. Print. (In Russ.)
12. Doroshenkov, V.A. 2022. “Leading and additional signs of syntaxemes.” In *The Language of Science and Technology in the Modern World: proceedings of the XI International Scientific and Practical Conference*. Omsk: Omsk State Technical University University publ., pp. 24–31. EDN: BPKWRN Print. (In Russ.)
13. Dimitrieva, A.G. 2007. “Compound sentences in Chuvash and Russian with excursions into English syntax (comparative research experience).” PhD thesis. Cheboksary. EDN: NOQDQH Print. (In Russ.)
14. Ivanova, A.M. 2016. *Compound sentence in the modern Chuvash language: a comparative aspect*. Cheboksary: I.N. Ulyanov Chuvash State University publ. ISBN: 978-5-7677-2420-8 EDN: UVGRSL Print. (In Russ.)
15. Semenova, G.N. 2020. “Syntactic concepts in the Chuvash language.” *Modern Philology: problems and prospects: materials of the International Scientific and Practical Conference*. Ufa: Samrau publ., pp. 351–356. EDN: CLLYPG Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Маркова Мария Александровна — старший преподаватель кафедры иностранных языков № 2, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0009-0007-2179-4638. E-mail: m-meshkova@list.ru

Bio note:

Maria A. Markova is a Senior Teacher of the Department of Foreign Languages no. 2, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0009-0007-2179-4638. E-mail: m-meshkova@list.ru.

ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА ПЕРЕВОДА

THEORY AND PRACTICE OF TRANSLATION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-556-568

EDN: BDUDDC

Научная статья / Research article

Проблемы поиска функционально-семантических соответствий при переводе религиозного дискурса с иносистемного языка: из опыта чувашских переводов

Г.А. Дегтярёв

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ gena.lingvo@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены вопросы, возникающие при переводе христианских религиозных текстов с церковнославянского и русского языков на чувашский. Приведена классификация сложных для перевода типов слов и выражений, предложена методика их передачи средствами языка-реципиента. Она основана на исследовательских приемах этимологического и контекстного анализа и максимально полно учитывает структурно-семантические особенности чувашского языка. Возможные варианты перевода проиллюстрированы примерами из текстов Нового и Ветхого Завета. Для сравнения приведены образцы переложения элементов христианско-религиозного дискурса на другие языки тюркской группы: полонецкий, гагаузский, татарский. Затронуты лингвокультурологические аспекты перевода, связанные с историческим развитием конкретного этноса и сложившейся у него религиозно-культурной традицией. Предложенные в исследовании подходы могут быть применены для решения проблем перевода религиозных и иных текстов на разнотипные языки.

Ключевые слова: чувашский язык, тюркские языки, религиозный дискурс, перевод религиозных текстов, методология перевода, способы и приемы перевода, формализация перевода, контекстный анализ

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Дегтярёв Г.А. Проблемы поиска функционально-семантических соответствий при переводе религиозного дискурса с иносистемного языка: из опыта чувашских переводов // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 556–568. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-556-568>

© Дегтярёв Г.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Issues for Functional-Semantic Correspondences Searching in Religious Discourse Translation from a Foreign Language: The Experience of Chuvash Translations

Gennady A. Degtyarev^{ORCID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ gena.lingvo@yandex.ru

Abstract. The paper deals with the issues arising in Christian religious texts when translating from Church Slavonic and Russian into Chuvash. The classification of difficulties to translate types of words and expressions has been given, the methodology of their transfer by means of the recipient language has been proposed. This classification is based on research methods of etymological and contextual analysis adequately taking into account structural and semantic features of the Chuvash language. Possible translation variants have been illustrated by examples from the New and Old Testaments. The translation elements' examples of Christian-religious discourse into other languages of the Turkic group such as Cuman, Gagauz, Tatar have been given. The article touches upon the linguocultural aspects of translation related to the historical development of a particular ethnic group and its religious and cultural tradition. The approaches proposed in the article can be applied for translating religious and other texts into different languages.

Key words: the Chuvash language, the Turkic languages, religious discourse, religious texts' translation, translation methodology, translation methods and techniques, translation formalization, contextual analysis

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Degtyarev, G.A. 2025. "The Issues for Functional-Semantic Correspondences Searching in Religious Discourse Translation from a Foreign Language: The Experience of Chuvash Translations." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 556–568. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-556-568>

Введение

В XVIII–XIX и начале XX в. перевод религиозной литературы на миноритарные языки носил явно выраженный миссионерский характер: служил обращению народов в ту или иную религию и упрочению веры неопитов, т. е. новообращенных. В наше время — в эпоху глобализации мира и постепенного исчезновения языков, де-факто не имеющих государственного статуса, переводы религиозных текстов прежде всего способствуют повышению статуса миноритарных языков, развитию и обогащению их лексики.

Носители малых языков, как правило, хорошо владеют также языком, имеющим привилегированный статус в государстве. В области лексики нередко знают его даже намного лучше, чем свой родной, так как сфера употребления последнего ограничивается бытовым общением. Сказанное в полной мере относится к чувашскому языку и православной литературе на нем.

Вместе с тем в переводах церковно-религиозной литературы (в первую очередь Евангелия, Посланий апостолов и Откровения Иоанна) до сих пор, как и в переводах, сделанных в XIX в., большое внимание уделяется толковательному аспекту. Это связано с тем, что религиозный текст должен быть не только благозвучен, лаконичен и выразителен, но и понятен.

Цель исследования — обобщение накопленного чувашскими переводчиками опыта перевода определенных слов в христианско-религиозных текстах и формализация их перевода. При этом решению подлежит конкретная задача — разработка алгоритма контекстного перевода слов и словосочетаний в религиозном дискурсе, правильного подбора нужных слов из ряда синонимов. Для этого в работе применяются исследовательские приемы этимологического и контекстного анализа. Этимологическая характеристика используется для понимания происхождения архаических лексем и их значений, выявления внутренней формы эквивалентов. Контекстный анализ способствует раскрытию семантики исследуемого слова применительно к объекту или субъекту дискурса, специфики того или иного значения на фоне внутренних и внешних факторов. Особенности данного подхода проиллюстрированы на примере лексем *господин*, *госпожа*, *Господь*, *господствовать* и их чувашских соответствий, а также семантических параллелей из других тюркских языков.

Обсуждение

Чувашский язык является агглютинативным языком аффигурующего типа. Вместе с тем в нем широко представлены аналитические конструкции, составные наименования. Если в языке нет более или менее приемлемых соответствий, аналитический способ словообразования позволяет перевести ту или иную лексему описательно и толковательно. В религиозном дискурсе толковательный аспект нередко превалирует над остальными. Так, понятие «наложница» в чувашском языке передавалось словосочетанием *туйсӑр арӑм* ‘жена [взятая] без свадьбы’ (сохранилось в фольклорных текстах и Словаре Н.И. Ашмарина). В «Православном русско-чувашском словаре» (ПРЧСл) в качестве вариантов перевода зафиксированы *арӑм суррийӗ* (букв. ‘жена наполовину’), *арӑм вырӑнӗнче пурӑнакан* (букв. ‘живущая на месте жены’) и др.¹ Интересно отметить, что в гагаузском переводе «Книги Бытия» (Бытие 35:22) в значении «наложница» применяется сочетание *есир кары* (букв. ‘плененная жена’)². В данном конкретном случае имеется в виду спутница ветхозаветного патриарха Иакова (*Валла / Билха* ~ др.-евр. *Bilhah*), родившая ему детей для продолжения рода. В оригинале по отношению к ней использовано слово

¹ Григорьев В.Г. Чӑн тӗнӗн вырӑсла-чӑвашла сӑмахлӑхӗ = Православный русско-чувашский словарь / редактор протоиерей Вячеслав Данилов. Чебоксары : Калем, 2003, С. 47.

² Йарадылыш [Книга Бытия на гагаузском языке]. Москва : Институт перевода Библии, 2021. С. 103.

pilégeş, обозначающее женщину, которая обладает тем же социальным положением и правовым статусом, что и жена.

Понятие «прислужница» по-чуваши можно передать сочетанием лексем *хёрарём* ‘женщина’ и *тарçă* ‘батрак, слуга, наемный работник’: *хёрарём тарçă* (букв. ‘женщина-слуга’). Однако наиболее предпочтительным вариантом номинации, на наш взгляд, следует признать историзм *хърхәм* (др.-тюрк. *qırqın*) ‘рабыня, невольница, служанка’: 1) в семантическое содержание данного языкового знака заложен гендерный компонент значения (присутствует указание на женский пол); 2) это слово, с одной стороны, семантически соприкасается с вышеупомянутым *хёрарём тарçă*, а с другой — со словосочетанием *хёрарём чура* ‘рабыня’ (букв. ‘женщина-раб’) и служит обозначением служанки, по своему социальному статусу занимающей некое среднее положение между ними.

Зная иерархию, характер обязанностей прислуги, в номинативных целях можно использовать аналитические конструкции с причастной формой *пăхакан* ‘смотрящая за..., ухаживающая за...’: *паташана пăхакан хёрарём* ‘царская прислужница’ (букв. ‘женщина, ухаживающая за царем’; здесь *паташа* ‘царь’ имеет аффикс дательного-винительного падежа, указывающий на определенность объекта), ср.: *ача пăхакан хёрарём* ‘детская прислуга’ (букв. ‘женщина, смотрящая за ребенком’).

В связи с преобладанием толковательного аспекта переложение религиозного дискурса на другой язык практически всегда контекстно. Русские и церковнославянские библейские тексты, которые обычно и переводятся на языки народов Российской Федерации, нередко содержат и лексические двусмысленности, и неоднозначно трактуемую терминологию, поэтому переводчику трудно обойтись без обращения к древнееврейским, арамейским и греческим оригиналам. Рассмотрим более подробно алгоритм перевода слов в контексте.

Алгоритм контекстного перевода слов и словосочетаний в религиозных текстах. При переводе того или иного обозначения с иносистемного языка на чувашский необходимо решить следующий спектр задач:

- 1) определить все возможные значения лексической единицы. Для этого используются толковые и этимологические словари исходного языка;
- 2) рассмотреть контекст употребления данного слова или словосочетания на предмет его функциональных и атрибутивных связей с другими лексемами;
- 3) уточнить, какое из возможных значений наиболее точно соответствует контексту;
- 4) подобрать в языке-реципиенте монологемное или полилексемное обозначение, наиболее точно соответствующее данному значению;
- 5) если нет аналога, то следует синтезировать новое слово или словосочетание, руководствуясь следующими принципами:

- а) толковательность: новая лексическая единица должна быть понятной любому носителю языка независимо от уровня образования;
- б) лаконичность: слово или словосочетание должно быть по возможности коротким;
- в) удобопроизносимость и благозвучие.

Большую помощь переводчику могут оказать экзегетическая (толковательная) литература, комментарии к религиозным текстам³, первоисточники⁴, имеющиеся переводы⁵ и специальные словари⁶.

Далее рассмотрим контекстные переводы на чувашский язык слов *господин*, *госпожа*, *господствовать*, *Господь*, употребляемых в Священном Писании и святоотеческих текстах. Эти слова — часть общеиндоевропейской социальной лексики. Индоевропейская система социальных терминов подробно изложена во многих исследованиях, см., например, [1–2].

Церк.-слав. и рус. слово **господин** имеет следующие значения:

- 1) ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘собственник’ (чего-либо или кого-либо, например, земли, дома, людей или животных, т. е. движимого и недвижимого имущества);
- 2) ‘начальник’, ‘начальствующий’ (человек, которому подчинены другие люди: свободные или рабы).

Этимология: в древнерусском языке слово *господин* означало ‘мужчина — глава семьи, властитель’. Существует также предположение о том, что *господин* — прямое заимствование из латинского *hospēs* (из *hospitis*) «хозяин, предоставляющий гостеприимство»⁷.

В чувашском языке слову *господин* по смыслу соответствуют лексемы:

1. *Хуҫа* ‘хозяин’, ‘владелец’ ~ тюрк. *хоҗа* ~ тат. *хуҫа*. Восходит к перс. *хваҗа*, *хоҗа*⁸. В чувашском языке данное слово являлось также обращением к купцам, торговцам и в постпозиции к имени собственному служило детер-

³ Толковая Библия, или Комментарии на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета : в 7 томах / под ред. А.П. Лопухина. 4-е изд. Москва : Даръ, 2009.

⁴ The New Testament in the Original Greek: Byzantine Textform / compiled and arranged by Maurice A. Robinson and William G. Pierpont. Southborough, Massachusetts : Chilton Book Publishing, 2005. 284 p. Print.

⁵ Библи: Сăваплă ҫыравăн Авалхи тата Ҫёнĕ Халал кёнекисем [Библия: Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета на чувашском языке] / Раҫсей Библи пёрлĕхĕ. Санкт-Петербург, 2009. 1567 с.; Библия на церковнославянском языке. URL: http://www.my-bible.info/biblio/bib_tsek/ (дата обращения 30.03.2025); Библия: полные тексты Ветхого и Нового Завета в синод. пер. с парал. местами. URL: <https://manuscript-bible.ru/RSV/> (дата обращения: 30.03.2025).

⁶ Полный церковнославянский словарь (Со внесением в него важнейших древнерусских слов и выражений) [Ок. 30 000 слов] / сост. священник магистр Григорий Дьяченко. [Репр. воспроизведение изд. 1900 г.]. Москва : Отчий дом, 2002. 1120 с.

⁷ *Фасмер Макс*. Этимологический словарь русского языка : в 4 томах / пер. с нем. и доп. члена-корр. АН СССР О.Н. Трубачева ; под ред. и с предисл. проф. Б.А. Ларина. 2-е изд., стер. Москва : Прогресс, 1986–1987. Т. I. С. 446–447.

⁸ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка: в 2 томах. Т. 2 : С–Я. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 371.

минантом их профессии: *Пайтукан хуҫа* ‘купец Байдуган’, *Ехрем хуҫасем* ‘купцы Ефремовы’.

2. *Пуҫләх* ‘начальник’ (от *пуҫ* ‘голова’ + аффикс *-ләх*) ~ тюрк. *başlıq* (*baş* ‘голова’ + *-lıq*) ~ куман. *töre* ‘правитель’ [3]. Однако следует заметить, что в тюркских языках в данном значении применяется не только специальный дериват *başlıq* / *пуҫләх*, но и исходная лексема *baş* / *пуҫ* (‘голова’ > ‘глава’) с аффиксом принадлежности 3-го лица: чув. *ҫар пуҫе* ‘воевода, военачальник’ (букв. ‘глава войска’), тур. *bin başı* ‘тысячник’ (ср.: чувашский историзм *пинпу* ‘тысячник’ [4], где *пин* ‘тысяча’, а *пу* ‘господин’). В старотатарском также были употребительны как слово *башлык* ‘руководитель’ [5], так и словоформа *башы*.

3. *Асли* (букв. ‘тот, кто старший; главный из которых’).

Как уже отмечалось выше, в известном письменном памятнике начала XIV в. Codex Cumanicus понятия *Господь* и *господин* переданы куманским словом *töre* ‘правитель’ ~ чув. *тўре* ‘судья’, ‘чиновник’⁹.

Рассмотрим примеры перевода фраз с лексемой *господин* на чувашский язык:

1. «...И жил в доме господина своего» (Бытие 39:2). ~ др.-рус. «...И бысть въ дому господина своего». Как отмечалось выше, славянская лексема *господин* буквально означала ‘глава дома’ (человек, предоставлявший приют гостям и работу наемным работникам). В чувашском языке ему соответствует *кил хуҫи*. В ПРЧСл¹⁰ в качестве чувашского эквивалента слова *господин* указан *пуҫләх*: *Вӑл хӑй пуҫләхӗн... ҫуртӗнче пурӑннӑ*. В данном случае лексема *пуҫләх* ‘начальник’ не совсем верно отражает контекст, т. е. отношения Потифера и Иосифа: первый, как известно, был владельцем Иосифа, купленного у купцов-измаилитян. Здесь уместнее употребить слово *хуҫа* ‘хозяин’, которое наиболее близко к церк.-слав. названию *господин*.

2. «Господин субботы» ~ чув. *Шӑматкунӑн пуҫләхӗ* (Евангелие от Матфея 12:8)¹¹. «Сын Человеческий есть Господин и субботы» ~ чув. *Этем Ывӑлӗ шӑматкунӑн та Пуҫләхӗ* (Евангелие от Марка 2:28). В данных примерах слово *пуҫләх* адекватно передает смысл оригинала.

Несколько веков назад в чувашском языке в значении ‘господин’ была употребительна лексема *пу*. Она сохранилась в сложных словах типа *ёмпу* (собственно чувашская форма от *ём* ~ тюрк. *in* ‘наивысший’ и *пу* ‘господин’) ‘князь, царь’, *пинпу* ‘тысячник’, *ҫёрпу* ‘сотник’, *вунпу* / *вонпу* ‘десятник’, а также в чувашском названии города Цивильска *Ҫёрпу* (букв. ‘Сотниково’)

⁹ Федотов М.Р. Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Т. 2 : С–Я. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 263–264.

¹⁰ Григорьев В.Г. Чӑн тӗнӗн вырӑсла-чӑвашла сӑмахлӑхӗ = Православный русско-чувашский словарь / ред. протоиерей Вячеслав Данилов. Чебоксары : Калем, 2003. С. 47.

¹¹ Здесь и далее образцы переводов, за исключением особо оговоренных случаев, взяты из ПРЧСл (Православного русско-чувашского словаря).

и в составе ойконима *Вомпукасси*, который буквально означает ‘деревня десятника’¹². *Пу* не имеет этимологических соответствий в тюркских языках. Тюрк. *bäk* ‘бек’ (среднеазиатский ареал) / *bäy* ‘бей’ (османско-турецкое слово) / *biy* ‘бий’ (ногайское, из османско-турецкого) / *bi* (поволжско-татарское письменное и в составе антропонимов) / *bik* (поволжско-татарское письменное и в составе антропонимов) сюда не относятся, эти слова другого происхождения. В Катехизисе от 1832 г. на чувашском языке *господин* часто передается лексемой *уллут* ‘барин’ ~ тюрк. *alpaüt*, кыпч. *alrawut*¹³. Это слово времен Золотой Орды и Казанского ханства (см. подробнее чувашскую историческую лексику того времени в [4]), т. е. периода господства монголов и их прислужников, говоривших на кыпчакском и хорезмско-тюркском языках. В просторечии все низшие чины служилого сословия и все младшие чины воинского (кроме хафизов, которые относились и к духовенству) назывались *albut* ~ тат. *албут*, чув. *оллут* / *уллут* ‘помещик’, удм. *аллаут* [6]. Они «испомещались на кормление» на общинных землях ясачных людей или на пустующих землях поблизости и должны были исполнять ряд повинностей. Эти люди землей и крестьянами не владели, а были временными пользователями земли. Вплоть до революции 1917 г. лексема *уллут* служила обозначением «господ» — помещиков и чиновников.

Церк.-слав. и рус. слово **госпожа** имеет следующие значения:

1. ‘Жена / дочь хозяина’, ‘жена / дочь владельца’, ‘жена / дочь собственника’.
2. ‘Начальница’, ‘начальствующая (женщина, которой подчинены другие люди: свободные или рабы)’.
3. ‘Старшая над кем-либо’.
4. ‘Хозяйка, владелица, собственница’.

В чувашском языке данная лексема имеет следующие семантические соответствия:

1. *Хуҫа арӑмӗ / хӗрӗ, аслӑ ҫын арӑмӗ / хӗрӗ, пуян ҫын арӑмӗ / хӗрӗ* ‘жена / дочь господина, т. е. хозяина’, ‘жена / дочь начальника, старшего’, ‘жена / дочь богатого, владетельного человека’.
2. *Хӗрарӑм пуҫлӑх*, букв. ‘женщина-начальник’.
3. *Аслӑ хӗрарӑм*, букв. ‘старшая [по статусу] женщина’.
4. *Арӑм хуҫа*, букв. ‘хозяйка, владелица, т. е. женщина-собственник’.

В зависимости от семейно-брачного статуса госпожи при переводе ее обозначения используется одно из двух слов: *хӗр* ‘девушка’ или *арӑм* ‘замужняя

¹² Ср.: *Ашмарин Н.И.* Чӑваш сӑмахӗсен кӗнеки = Thesaurus linguae tschuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 вып. / Народный комиссариат по просвещению Чувашской АССР; Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской-АССР. Казань — Чебоксары, 1928–1950. Вып. V. С. 264–265.

¹³ *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Т. 2 : С–Я. Чебоксары : Чувашский государственный институт гуманитарных наук, 1996. С. 276.

женщина'. Если речь идет о вдове, то к гендерному наименованию *арӑм* в препозиции может быть добавлен определительный компонент *инке*. В огузских и карлукских языках тюркской группы в значении 'госпожа' употребляется термин *begim / begim / begin* независимо от семейного положения женщины. В кыпчакской подгруппе языков для обозначения замужней женщины или вдовы применяется *bikä*, а незамужней девушке соответствует название *bikäç*; ср.: чув. *тике* 'госпожа', 'барыня', *тикеç* или *тикемпи* 'барышня'¹⁴.

К примеру, в чувашских переводах Книги Бытия (Бытие 16:4) статус Сарры по отношению к ее служанке Агари — 'госпожа' — передается словом *хуца* 'хозяин / хозяйка', т.е. без указания гендерной принадлежности. Более точным чувашским соответствием оригиналу нам представляется составное наименование *арӑм хуца*.

Церк.-слав. и рус. слово **господствовать** имеет следующие значения:

- 1) 'хозяйничать', 'владеть', 'иметь в собственности';
- 2) 'начальствовать', 'управлять', 'иметь в подчинении', 'властвовать';
- 3) 'быть старшим над кем-либо'.

В чувашском языке указанному понятию соответствуют:

1. *Хуцалан* 'хозяйничать', 'владеть', 'иметь в собственности' (~ тур. *hakim ol* 'быть правителем').

2. *Тытса тӑр* 'властвовать', букв. 'удерживать' (~ тюрк. *tut*), *пуç пулса тӑр* 'главенствовать' (~ тюрк. *baş bol*), *йӑркелесе тӑр*, букв. 'держат в управлении' (~ тат. *идарә ит*).

3. *Аслӑ пул* (тат. *рәис бул*). Соответствует русскому выражению 'быть / стать старшим над кем-либо'.

Примеры перевода:

1. «Господствовал над Газарою и Вефсурою» ~ чув. *Газарӑпала Вефсурӑна тытса тӑнӑ* (Первая книга Маккавейская 14:7).

Данная фраза встречается в следующем контексте: «Он набрал множество пленных и господствовал над Газарою и Вефсурою и над крепостью, очистил ее от осквернения, и не было противящегося ему». Речь идет о Симоне Маккавее и его подвигах. Напомним, что Симон был первосвященником и князем Иудейским (140–135 гг. до н. э.), обеспечившим независимость Иудеи. Упомянутые Газара и Вефсура – это палестинские города в приграничных областях с Иудеей, имевшие стратегическое значение.

В приводимом примере речь идет не о добровольном вхождении этих территорий под власть Симона, а об их захвате силой, поэтому чувашский перевод слова *господствовал* как *тытса тӑнӑ* нельзя назвать удачным. Выра-

¹⁴ *Ашмарин Н.И.* Чӑваш сӑмахӑсен кӑнеки = Thesaurus linguae tschuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 вып. / Народный комиссариат по просвещению Чувашской АССР; Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Казань — Чебоксары, 1928–1950. Вып. IX. С. 200–203.

жение *тытса тӑр* ‘держать’ (букв. ‘поддерживать’ или ‘сдерживать’) применимо тогда, когда речь идет о поддержке, укреплении и удержании. Здесь же правильным представляется перевод фразы с использованием составного глагола *тытса ил* (букв. ‘захватить’ или ‘завоевать’): *Газарӑпала Вефсурӑна тытса илсе вӑсенче хуҫа пулӑнӑ*, букв. ‘Захватив Газару и Вефсуру властвовал над ними’.

2. «Господствовать» ~ чув. *Пуҫ пулса пурӑн* (Бытие 3:16).

Указанная лексическая единица встречается в контексте «Мужа своего ты будешь возделеть, а муж твой будет господином твоим». Варианты: «будет господствовать над тобой» / «будет обладать тобой». В этом случае слово *господствовать* следует перевести словосочетанием *пуҫлӑху пулса пурӑнӑ* или *хуҫу пулса пурӑнӑ*.

3. «Господствующие» ~ чув. *Аслӑ ҫынсем* (Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова 44:3); *патшалӑх ҫыннисем* / *хуҫисем*.

Приводимый пример взят из предложения «Это были господствующие в царствах своих и мужи, именитые силою; они давали разумные советы, возвещали в пророчествах». Перевод в данном случае заслуживает похвалы, так как словосочетание *аслӑ ҫынсем* подходит к этому контексту лучше всего: *Ҫавсем патшалӑхӑсенче аслӑ ҫынсем тата вӑйна паллӑ арсем пулӑнӑ*.

Церк.-слав. и рус. слово **Господь** имеет несколько значений:

- 1) ‘Бог’;
- 2) ‘начальник (всего и всех)’;
- 3) ‘Верховный Владыка’.

Слово *господь* исторически первично по отношению к форме *господин*. До христианизации славян в значении ‘господин’ употреблялось *господь*. После принятия христианства слово *Господь* стало общепринятым вариантом обозначения Бога, а по отношению к человеку стали применять суффиксальное новообразование *господин*.

Как собственное имя Божие в чувашских переводах применяется *Турӑ* ‘Бог’. А слово *Господь* в зависимости от контекста передавалось словами *Пуҫлӑх* ‘Начальник’, *Ҫӗлти Патша* ‘Небесный Царь’.

В Codex Sumanicus в значении ‘Бог’ использовано слово *tengri* ~ тюрк. *Тегри* ‘Бог’, а для обозначения понятия ‘Господь’ – *töre* [3], о котором говорилось выше. В значении ‘царь’ в Codex Sumanicus применяется слово *xan*, следовательно, «Царь царствующих» там переведено как *xaning xani*, букв. ‘хан ханов’ ~ чув. *Патшасен патши*. В чувашском языке слово *хун* ‘хан’ в религиозном значении не употребительно.

В гагаузском переводе Библии в значении ‘Господь’ используется слово *Сааби* (из араб. *саһиб* + аффикс 3-го лица *-и*), означающее в языке-источнике заимствования ‘хозяин’, ‘владелец’, ‘владыка’, ср.: чув. форма *Турри* (также с аффиксом 3-го лица *-и* в обоих языках речь идет о категории выделения, которая как бы подчеркивает уникальность Бога (~ англ. the God)).

Известная переводчица религиозных текстов и основной редактор Библии на чувашском языке Е.Н. Лисина в значении ‘Господь’ предложила использовать термин *Џу́лхуҫа*, букв. «Верховный Хозяин».

В турецком языке в значении ‘Господь’ употребляется слово *Rab* (араб.), а в татарском применяется *Ходай*, в старых текстах также и арабское слово *Раби*.

Примеры перевода на чувашский язык:

- 1) «Господь» ~ чув. *Џу́лхуҫа*;
- 2) «Господь сил» ~ чув. *Џарсенён Турри* (Псалом 23:10; 45:8);
- 3) «Господь совершит за меня». ~ чув. *Манийн Турй туса ҫитерё* (Псалом 137:8);
- 4) «Господни праздники» ~ чув. *Турй праҫникёсем* (Устав богослужения 1907 года). Это выражение лучше перевести словосочетанием *Турй уявёсем*, так как чув. глагол *уя* имеет древнейшие значения ‘почитать’, ‘беречь’, ‘соблюдать’, ‘обращаться с осторожностью’¹⁵. Именно от него образована чувашская лексема *уяв* ‘праздник’. А в основе заимствования *праҫник* и русского слова *праздник* лежит мотивирующий признак ‘праздн^{ый}’, то есть ‘свободный от работы’. В чувашском обозначении подразумевается соблюдение в эти дни особых запретов, например отказ от работы на земле и по хозяйству. На наш взгляд, чувашское слово ближе по смыслу к библейскому контексту;
- 5) «Господь Саваоф» ~ чув. *Џу́лти ҫарсенён Турри* (Наставления в законе Божьем епископа Агафодора). В оригинале на древнееврейском стоит *Господь Саваоф*¹⁶. Это эпитет Бога как повелителя Воинства Небесного, поэтому перевод в толковательном смысле правильный;
- 6) «Итак, если Я, Господь и Учитель, умыл ноги вам...» ~ чув. *Энё сирён Пуҫлăхăр, Вёрентекенёр пулсан та сирён урăрсене ҫурăм* (Евангелие от Иоанна 13:14);
- 7) «Сын Человеческий есть Господин и субботы» ~ чув. *Этем Ывăлĕ шăматкунăн та Пуҫлăхĕ* (Евангелие от Марка 2:28);
- 8) «Царь царствующих, Господь господствующих» ~ чув. *Патшасенён Патши, пуҫлăхсенён Пуҫлăхĕ* (1-е послание апостола Павла к Тимофею 6:15).
«На одежде и на бедре Его написано имя: Царь царей и Господь господствующих». ~ чув. *Унăн тумтирĕ ҫине, Унăн пёҫҫи ҫине ят ҫырса хунă: патшасенён Патши, пуҫлăхсенён Пуҫлăхĕ* (Апокалипсис 19:16).
«Ибо он есть Господь господствующих и Царь царей» ~ чув. *Вăл пуҫлăхсенён Пуҫлăхĕ, патшасенён Патшийĕ* (Апокалипсис 17:14);

¹⁵ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахёсен кёнеки = Thesaurus linguae tschuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 вып. / Народный комиссариат по просвещению Чувашской АССР; Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Казань — Чебоксары, 1928–1950. Вып. III. С. 171.

¹⁶ Ветхий Завет на древнееврейском. URL: <https://mechon-mamre.org> (дата обращения: 30.03.2025).

9) «Господь Бог освещает их» ~ чув. *Вёсене Патшиа Турă çутатса тăрать* (Апокалипсис 22:5). Здесь для обозначения понятия *Господь* в чувашском языке более или менее удачно использована лексема *Патшиа* ‘царь’. Однако перевод с помощью слова *Çулхуца* ‘Верховный Хозяин’ делает фразу более близкой к оригиналу: *Вёсене Çулхуца Турă çутатса тăрать*;

10) «Господь муж брани». ~ чув. *Турă — вăрçăри паттăр* (Исход 15:2). Этот перевод хорошо передает смысл того, что Бог — воин и победитель. Слово сочетание *муж брани* удачно передано чувашским словосочетанием *вăрçăри паттăр* букв. ‘герой на войне’, т. е. ‘победитель на войне’, где слово *паттăр* означает буквально ‘богатырь’. В древнееврейском оригинале — «муж брани» или «муж войны». В старославянском языке слово *брань* означало ‘война’. При переводе на чувашский язык использован толковательный перевод, так как дословный перевод *вăрçă арĕ* ‘муж войны’ не очень благозвучен и понятен;

11) «Господь» ~ чув. *Улпут* (Катехизис на чувашском языке от 1832 г.).

В настоящее время слово *улпут* в чувашском языке имеет несколько иронический оттенок, так как нередко употребляется в значении ‘лентяй’, то есть ‘барин, на которого работают другие’. Этот оттенок был присущ данному слову еще до революции, однако во время советского периода его еще более усилили средствами пропаганды и художественной литературы. В частности, до революции чувашаи только что новорожденного ребенка называли иносказательно словом *улпут*, так как он сам ничего еще не может делать и за ним необходимо ухаживать¹⁷. Однако слово *улпут* с определением *ырă* ‘добрый’ имело положительную коннотацию и было почтительным обращением к мужчине в значении ‘господин’, точнее ‘добрый, почтенный господин’¹⁸: *Атте-анне килĕнче мĕскер пур? — Ырă улпутран ырă тетем пур, ырă пикерен ырă йинкем пур*. ‘В доме родителей кто есть? — Добрее, чем добрый господин, есть дядя, добрее, чем добрая госпожа, есть тетя’.

Классификация сложных для перевода типов лексических единиц.

В целом к сложным для перевода словам можно отнести следующие:

1. Абстрактные термины, обозначающие религиозные и социальные понятия: *религия, вера, епитимья*...
2. Термины, связанные с религиозными и социальными отношениями: *пророк, кум, крестный сын, Господь, господин, ангел*...
3. Названия предметов культа: *просфора, клир, амвон, ефод*...
4. Названия представителей флоры: *смоква, кедр, пальма, мандрагора*...
5. Названия представителей фауны: *лань, онагр*...

¹⁷ *Ашмарин Н.И.* Чăваш сăмахĕсен кĕнеки = Thesaurus linguae tshuvaschorum = Словарь чувашского языка : в 17 вып. / Народный комиссариат по просвещению Чувашской АССР; Чувашский научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР. Казань — Чебоксары, 1928–1950. Вып. III. С. 222.

¹⁸ Там же. С. 59.

6. Названия минералов: *сердолик, яспис...*

7. Названия предметов одежды и украшений: *хитон, покрывало, плащ, сандалия...*

Следует отметить, что часть слов, относящаяся к рассматриваемым категориям, несмотря на исторически неблагоприятные обстоятельства, сохранилась в чувашском народном языке — в пословицах и поговорках, языческих молитвах и заклинаниях, топонимике, антропонимике и т. д. Таковы чувашские слова *тён* ‘религия’ (из араб. *dīn*), *ёнену* ‘вера’ (из араб.), *хуца* ‘хозяин’, ‘господин’ (из перс.), *тўре* ‘судья’, ‘чиновник’ ~ кыпч. *törä* (чув. слово произошло от тат. *төрә* предположительно в эпоху Казанского ханства и обозначало адатных судей), *пирёшти* ‘ангел’ (из перс.), *пихамнар* ‘пророк’ (из перс.). Некоторые слова, обозначающие христианские предметы культа, были введены в религиозный обиход самим народом путем переноса значений, например слово *чйкйт* ‘просфора’, которое имеет первоначальное значение ‘круглый чувашский домашний сыр’.

Заключение

В статье рассмотрены основные проблемы, возникающие при переводе христианских религиозных текстов с иносистемных языков (церковнославянского, русского) на чувашский. Приведена классификация проблемных для перевода типов слов и словосочетаний, предложен алгоритм контекстного перевода лексических единиц. Рекомендуемый подход учитывает основные свойства чувашского языка и особенно эффективен для перевода религиозных текстов, насыщенных культурными словами.

Опыт контекстного перевода можно резюмировать следующим образом: за исключением отдельных религиозных терминов точное значение практически любой лексемы можно определить исходя из контекста. Приведенные в статье примеры и их анализ показывают, что при переводе сакральных текстов в большинстве случаев следует отдавать предпочтение толковательному принципу. Языки, в которых распространены аналитические конструкции, в том числе чувашский и все тюркские, достаточно удобны для создания полилексемных обозначений, что значительно облегчает работу переводчика при использовании толковательного принципа.

Список литературы

1. *Palmer A.R. Achaens and Indo-Europeans / Inaugural lecture delivered before the University of Oxford. Oxford : Clarendon Press, 1955. 22 p.*
2. *Thieme P. The comparative method for reconstruction in linguistics // Language in Culture and Society : A Reader in Linguistics and Anthropology / ed. by D.H. Hymes. New York, 1964. P. 585–597.*
3. *Гаркавец А.Н. Codex Cumanicus : Половецкие молитвы, гимны и загадки XIII–XIV веков. Москва : Русская деревня, 2006. 89 с.*

4. Ашмарин Н.И. Отголоски золотоордынской старины в народных верованиях чуваш // Известия Северо-Восточного археологического и этнографического института в Казани. Казань, 1921. Т. 2. С. 93–128.
5. Хисамова Ф.М. Функционирование и развитие старотатарской деловой письменности. Часть 1 : (XVI–XVII вв.). Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1990. 152 с.
6. Тараканов И.В. Заимствованная лексика в удмуртском языке (Удм.-тюрк. яз. контакты). Ижевск : Удмуртия, 1982. 188 с.

References

1. Palmer, A.R. 1955. "Achaens and Indo-Europeans." In *Inaugural lecture delivered before the University of Oxford*. Oxford: Clarendon Press.
2. Thieme, P. 1964. "The comparative method for reconstruction in linguistics." Edited by D.H. Hymes, *Language in Culture and Society: A Reader in Linguistics and Anthropology*, New-York.
3. Garkavets, A.N. 2006. *Codex Cumanicus: Polovtsian prayers, hymns and riddles of the 13th-14th centuries*. Moscow: Russkaya derevnya Publ. Print. (In Russ.)
4. Ashmarin, N.I. 1921. "The echo of Golden Horde antiquities in Chuvash folk beliefs." *The News of North-Eastern Kazan Institute of archeology and ethnography*, vol. 2, pp. 93–128. Print. (In Russ.)
5. Khisamova, F.M. 1990. *The functioning and development of Old Tatar diplomatic written language*, part 1: (XVI–XVII centuries). Kazan: Kazan university Publ. Print. (In Russ.)
6. Tarakanov, I.V. 1982. *Borrowed lexicon in Udmurt language: Udmurt-Turkic language contacts*. Izhevsk: Udmurtiya Publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Дегтярёв Геннадий Анатольевич — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук; Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, 29/1. ORCID: 0009-0006-0662-2857, eLibrary SPIN-код: 7945-0718. E-mail: gena.lingvo@yandex.ru.

Bio note:

Gennady A. Degtyarev is a Candidate of Philological Sciences, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0009-0006-0662-2857, eLibrary SPIN-code: 7945-0718. E-mail: gena.lingvo@yandex.ru.

ЛИНГВОКУЛЬТУРА

LINGUOCULTURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-569-587

EDN: BGGURO

Научная статья / Research article

**Концептуальная оппозиция ДРУЖБА — ВРАЖДА
в чувашской и русской лингвокультурах****Л.В. Борисова**[✉], **А.М. Иванова**^{ORCID}, **Э.В. Чуева**^{ORCID}

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ ljudmila-borisova@yandex.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению бинарной оппозиции ДРУЖБА — ВРАЖДА в чувашской и русской картинах мира, а также выявлению национально-культурных особенностей и способов ее репрезентации на когнитивно-дискурсивном уровне. Целью работы является рассмотрение особенностей реализации исследуемых концептов с позиции универсальных и национально обусловленных черт. Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки, отобранные приемом сплошной выборки из специализированных источников. В работе использовались метод концептуального анализа, сравнительно-сопоставительный метод, элементы контекстного анализа, призванные определить лингвистическое наполнение концептов ДРУЖБА — ВРАЖДА. Выявлено, что лексемы «дружба» и «вражда» являются частью основных семантических оппозиций с универсальным кодом для различных языков мира. Исследуемые концепты имеют содержательные черты национальной и интернациональной языковой ментальности народов, являются отражением общечеловеческих жизненных установок, имеют различные ракурсы вербальной характеристики. Роль дружбы и вражды в жизни людей определяется как социально значимая, занимающая важное место в системе культурных ценностей русского и чувашского народов.

Ключевые слова: языковая картина мира, концепт, лингвокультурология, национальное сознание, семантическая оппозиция

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: *Иванова А.М., Борисова Л.В.* — постановка общей цели и задач, выбор методов исследования, подготовка теоретической базы, концепция исследования; *Чуева Э.В.* — сбор, анализ и интерпретация данных/доказательств. Все авторы ознакомлены с окончательной версией статьи и одобрили ее.

© Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования: Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Концептуальная оппозиция ДРУЖБА — ВРАЖДА в чувашской и русской лингвокультурах // Полилингвильность и тран-скультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 569–587. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-569-587>

Conceptual Opposition FRIENDSHIP — ENMITY in the Chuvash and Russian Linguocultures

Ludmila V. Borisova[✉], Alena M. Ivanova^{OR}, Elvira V. Chueva^{OR}

I.N. Ulyanov Chuvash State University, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ ljudmila-borisova@yandex.ru

Abstract. The paper is devoted to the study of the binary opposition FRIENDSHIP — ENMITY in the Chuvash and Russian pictures of the world and the identification of national-cultural features and ways of its representation at the cognitive-discursive level. The purpose of the study is to examine the specifics of the implementation of the concepts under study from the perspective of universal and nationally determined features. The material for the study was proverbs and sayings, selected using a continuous sampling from specialized sources. The following methods were also used in the work: the method of conceptual analysis, the comparative method, the elements of contextual analysis designed to determine the linguistic content of the concepts of FRIENDSHIP — ENMITY. The study revealed that the lexemes “friendship” and “enmity” are part of the main semantic oppositions with a universal code for various languages of the world. The concepts under study have substantial features of the national and international linguistic mentality of peoples, are a reflection of universal human attitudes, and have various angles of verbal characterization. The role of friendship and hostility in people’s lives is defined as socially significant, occupying an important place in the system of cultural values of the Russian and Chuvash peoples.

Key words: linguistic worldview, concept, linguoculturology, national consciousness, semantic opposition

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the authors declare that there is no conflict of interests.

Authors’ contributions: *Ivanova A.M., Borisova L.V.* — setting the overall goal and objectives, choosing research methods, preparing the theoretical base, research concept; *Chueva E.V.* — collection, analysis and interpretation of data/evidence. All authors read and approved the final version of the article.

For citation: Borisova, L.V., A.M. Ivanova, and Chueva, E.V. 2025. “Conceptual Opposition FRIENDSHIP — ENMITY in the Chuvash and Russian Linguocultures.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 569–587. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-569-587>

Введение

Проблема взаимосвязи культуры и языка каждого из народов не может не затронуть вопрос о формировании национального самосознания, поскольку национализация языкового сознания — это не только социально-языковой феномен, но и ценностно-этнический образец, выражающий духовное начало. Человек с позиции антропоцентрического подхода рассматривается как носи-

тель определённой культуры и этнической ментальности, как личность с системой ценностей, выработанных обществом, поэтому исследование лингвокультурных связей представителей разных народов помогает лучше понять особенности их социально-бытового и духовного мировоззрения на основе имеющегося жизненного опыта. Одним из источников лингвокультурной информации в общем пространстве языковой картины мира является концептуальная система как форма отражения национального сознания. Проблема концептуализации мира получила широкое распространение в лингвистике и является одним из способов моделирования национально-культурных смыслов, отражающих наиболее важные для каждого этноса значимости [1]. Ю.С. Степанов рассматривает концепты как основную культурную единицу «ментального мира человека», считает их ключом к культурному пониманию окружающей действительности [2]. Вслед за исследователями концепт понимается нами как ментальная единица знания с этнокультурной спецификой, отражающей результат коллективного сознания, имеющая языковую репрезентацию и обусловленность социально значимыми и культурно-историческими событиями. Важным представляется также мнение В. Эванса, считающего, что концептом могут стать только ценностно значимые явления реальности, актуализация которых находит свое выражение, в частности, в пословицах и поговорках [3]. Пословицы представляют собой знаки определённых ситуаций и определённых отношений между вещами или явлениями, но осмысливаются они каждым народом по-своему. С одной стороны, наблюдается общность пословиц по их логическому содержанию, характеру предъявляемых отношений; с другой стороны, разница между ними проявляется в этнической специфике, в их образном строе. Содержательный объём пословиц и поговорок направлен к человеку и на человека, подлинной ситуацией для которого являются духовность, гармонизация чувств и самосовершенствование, через которые он осознаёт себя как личность. Вопрос сохранения и развития души того или иного народа связан с восприятием и преображением мира на основе концептообразующих ценностей Добра, Любви, Мира, Счастья, Дружбы и др. Например, А. Вежбицкая относит дружбу к культурологическим артефактам, способным нести в себе важные концептуальные характеристики мира [4]. В отношении к дружбе и особенностям её функционирования проявляется субъективное человеческое начало, актуализируются нравственные ценности и нормы, поэтому концепт Дружба стал активным предметом исследования в различных науках. В философии и психологии это моральное чувство, специфический вид взаимоотношений. В лингвистике на разных этапах эта понятийная единица рассматривается как эмоциональное чувство, объект лингвокультурологии [5; 6], словообразования [7]; ряд работ представлен в сравнительно-сопоставительном ключе, что позволяет выявить универсальный и национально обусловленный характер понятийной единицы [8].

Дружба есть феномен социальной и личной жизни людей, способ конкретно чувственного познания, она многоаспектна по своему содержанию и месту в жизни социума, характеризуется универсальностью форм и законов ее существования. Суждения и умозаключения, связанные с пониманием дружбы, отношением к ней, ее ценность обусловлены культурологической, социальной и психолингвистической значимостью. Одновременно следует заметить, что естественный язык характеризуется асимметрией отношений, вследствие чего концептуальный мир часто представлен в виде оппозиций: добро — зло, вера — неверие, страх — смелость, дружба — вражда и др., поскольку сам мир представляет собой совокупность идеальных и реальных сущностей, связанных отношениями противоположностей.

Семантическое противопоставление языковых единиц *Дружба — Вражда* представляется оппозицией с универсальным характером для всех народов мира, поэтому сравнительно-сопоставительный подход в изучении исследуемого объекта в чувашском и русском языках позволяет понять особенности реализации концептов *Дружба — Вражда* в сознании национальной языковой личности с позиции оценочных, ассоциативно-образных и прагматических характеристик. В чувашском этнокультурном пространстве отдельные фрагменты концептуального мира нами рассматривались [9–11], но концептуальная оппозиция *Дружба — Вражда* до настоящего времени предметом исследования не была, хотя несет в себе значительный пласт представлений, отраженных в чувашских поговорках и способна расширить и углубить подходы к дальнейшему изучению чувашского национального лингвокультурного наследия.

Цель исследования — выявление статуса и средств реализации концептуальной оппозиции *Дружба — Вражда* в чувашской и русской картинах мира.

Актуальность исследования определяется высоким интересом к изучению объектов действительности с позиции лингвокультурной концептологии, что представляется перспективным и дает возможность через систему оценок и ценностей выявить особенности концептов, обуславливающих общие и межкультурные различия норм социального и межличностного взаимодействия людей с позиции «диалога культур». Предметом исследования являются языковые средства репрезентации концептуального представления *Дружба — Вражда* в сознании носителей чувашского и русского языков.

Материалом для исследования послужили пословицы и поговорки, отобранные из сборников чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений А.П. Михайлова «Ваттисен сáмахёсемпе каларáшсен тата сунатлá пуплевсен чáвашла-вырáсла пуххи», «Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем» Н.Р. Романова, словаря В.И. Даля «Пословицы русского народа».

Методологическую основу исследования составил когнитивно-дискурсивный подход в изучении лингвокультурных оппозиций, также применялись сравнительно-сопоставительный метод, важный для определения национально-культурных особенностей единиц в разных языках, метод контекстного анализа, позволяющий выявить различные способы реперезентации концептов на когнитивно-дискурсивном уровне, анализ словарных дефиниций, использовались элементы компонентного анализа с целью выявления общих и частных смыслов, а также дистрибутивный метод с целью изучения языкового окружения рассматриваемых единиц.

Обсуждение

Дружба как одна из форм духовно-практического освоения социальной действительности включает продуктивную эмоциональную деятельность человека, в ней реализуются его культура, творческая активность и духовно-нравственные ценности. В чувашском языке имеются следующие номинации для выражения этого понятия: *туслăх* («дружба»), *юлташлăх* («товарищество»), *тус* («друг, приятель»), *юлташ* («товарищ, друг»). Она может иметь разные формы и характеризоваться как истинная или ложная, поэтому основы дружеских взаимоотношений в чувашском и русском сознании подлежат комплексному рассмотрению, поскольку она многообразна по форме и содержанию, а ее самооценность определяется отношениями людей друг с другом. Одновременно в дружбе реализуются качества, отличающие человека от других живых существ, — духовность, чувственность, умение проявлять смыслообразующие отношения между людьми в условиях коллективного существования. Разноуровневые связи в социуме регулируются не только на государственном уровне, они также характеризуются особым типом нравственных отношений, обусловленных моралью и общественным мнением в виде одобрения или осуждения способов совместного пребывания людей. С этой точки зрения в чувашских пословицах социально обусловленный статус дружбы отмечается достаточно четко. С позиции пространственной организации чувашский народ (как и человечество в целом) выработал четкую позицию, связанную с необходимостью жить в окружении других членов общества: *Этем этемпе пурăнать* 'Человек живёт с человеком'; *Нумай пётё, сахал çитё, пёрле пурăннинне мён çитё*. 'И многое разойдётся, и малого достанет, а что может сравниться с общей жизнью'; *Çынтан юличчен муртан юл* 'Лучше от моря избавиться, чем остаться без людей'¹. Такая позиция обусловлена социально-психологической потребностью людей жить в духе коллективизма и выстраивать позитивные типы взаимоотношений между ними, поэтому такой

---

¹ Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатĕрл] ; [2-мĕш клр.]. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004.

подход, подкреплённый нравственными узами, несёт в себе большой социально значимый заряд, поскольку стремление жить дружно и по-товарищески является залогом мирного сосуществования и развития как отдельных людей, так и целых народов: *Ют сынна ют сын тату пурӑнни аван* ‘Хорошо, если дальние люди живут в дружбе’; *Ялтан яла тус пултӑр, уйран уя ана пултӑр* ‘Пусть деревня с деревней дружной будет, а у полей пусть мера будет’; *Пёр нек пурӑннинне нимён те ҫитмест* ‘Ничто не может сравниться с дружной жизнью’².

Через дружбу раскрывается природа человеческих отношений, открывается объективная возможность выбора истинно ценных вещей, поэтому функциональная значимость дружбы выступает с двойственных позиций. С одной стороны, дружба не есть свойство, данное человеку изначально, она встраивается в мир человеческих отношений и основывается на утверждении ценностной значимости человеческого существования как содружества людей: *Ҫын сынсаӑр пурӑнаймасть* ‘Человек не может жить без помощи других’; *Пур ҫемьенён пёр канаши пултӑр, пёр ял халӑхё тӑрӑ пурӑнма кирлӗ* ‘Все семьи должны жить в согласии, односельчане должны жить дружно’; *Тусла пурӑнсан яла пёр пёрчӗ шӑрпӑк ҫитет* ‘Если дружно жить, деревне и одной спички хватит’³. С другой — дружба проявляет себя как индивидуальное свойство в жизни конкретной личности. Она отражает приоритет интересов близкого человека над своими собственными интересами, в результате чего отношение к дружбе и её реализация осуществляются в процессе внутренней работы человека над собой, готовности к самоотдаче, поэтому она проявляется только во взаимосвязи и соотношении с другими людьми: *Юлташ ҫук пулсан шыра, тупсан астуса упра* ‘Если нет друга, то найди, если нашёл, то не забывай’⁴ — *Без друзей — сирота, а с другом — семьянин; Друга узнать — вместе пуд соли съест*⁵.

В дружбе субъект видит себя и в себе другого, что может говорить об определённой способности человека к перевоплощению на основе эмоционально-чувственной привязанности. Реализуя себя в другой ситуации, человек создаёт прочные дружеские связи, душевную близость. Одновременно дружба связана с интеллектуальными и волевыми чертами личности. Отношение к ней показывает, что именно устремлённость к духовным ориентирам определяет подлинное бытие человека и делает дружбу по-настоящему нравственной: *Юлташу хӑвӑнтан лайӑх пултӑр* ‘Товарищ твой пусть будет лучше тебя (ищи себе товарищей лучше, чем ты сам’; *Шанчӑклӑ тусӑн хакӗ ҫук*

² Ваттисен самахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл] ; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2004. С. 10.

³ Там же. С. 11.

⁴ Там же. С. 234.

⁵ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

‘Верный друг — бесценен’⁶ — Не узнавай друга в три дня, а узнавай в три года; В друге себя любишь⁷. С ней жизнь существенно обогащается и наделяется смыслом и силой: *Шанчӑкӑ тус вӑл пурнӑс сиплӑхӑ* ‘Верный друг — жизни целебная сила (польза)’⁸; *Тусӑхра — вӑй* ‘В дружбе — сила’⁹ — *Дружба и братство — лучшее богатство; Не приестся хороший кусок, не прискучит хороший дружок*¹⁰. Она необходима, потому что это надежная опора в жизни: *Юлташсӑр сын тымарсӑр йывӑс нек* ‘Человек без товарища, что дерево без корней; вар. — человек без друзей, что дерево без ветвей’¹¹; *Шанчӑкӑ тус вӑл пурнӑс сиплӑхӑ* ‘Надёжный друг — опора в жизни’¹² — *Одежда лучше новая, а друг старый; Для друга семь вёрст не околица*¹³.

Собственно лингвистическое и культурологическое осмысление дружбы приводит к необходимости дифференциации понятия по семантическим основаниям. И в чувашском, и в русском сознании истинная дружба — это неустанная работа над отношениями, она измеряется разными параметрами. С одной стороны, дружба предьявляет человеку определённые права и обязанности, которые определяются системой нравственных требований и взаимных ожиданий, среди которых выделяются следующие:

1) психофизическая совместимость: *Туссене пӑр тупӑкра та тӑвӑр мар теҫсӑ* ‘Друзьям и в одном гробу не тесно’¹⁴ — *Друзьям и в одной могиле не тесно. В тесноте, да не в обиде*¹⁵;

2) уважительное отношение: *Хӑвӑн кӑмӑлу юлсан та, сын кӑмӑлӑ тупӑнтӑр* ‘Себя обидь, а друга уважь’¹⁶ — *Дружбу водить — себя не щадить*¹⁷;

⁶ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁸ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁹ *Михайлов А.П.* Ваттисен сӑмахӑсемпе каларӑшсен тата ҫунатӑ пуплевсен чӑвашла-вырӑсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Ҫӑнӑ Вӑхӑт, 2006. С. 356.

¹⁰ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

¹¹ *Михайлов А.П.* Ваттисен сӑмахӑсемпе каларӑшсен тата ҫунатӑ пуплевсен чӑвашла-вырӑсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Ҫӑнӑ Вӑхӑт, 2006. С. 356.

¹² Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

¹³ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

¹⁴ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

¹⁵ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

¹⁶ Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл] ; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2004. С. 18.

¹⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 488.

3) взаимовыручка: *Туслăх ёсре палăрать* ‘Дружба рождается в труде’¹⁸ — *Друг познаётся на рати да при беде*¹⁹;

4) надёжность: *Надёжный друг цены не имеет. — Есть дружок — есть заступничек*²⁰;

5) бережное отношение: *Тусу сук пулсан тупма тăрăш, тупсан упрама тăрăш* ‘Если друга нет, то постарайся найти. Если нашёл, то береги’²¹ — *Друга ищи, а найдёшь — береги*²²;

6) верность: *Сёне тусна ту, кивине ан ман* ‘Новых друзей заводи, о старых не забывай’²³ — *Старый друг лучше новых двух*²⁴;

7) потребность в подобном общении: *Юлташ сук пулсан шыра, тупсан астуса упра* ‘Если нет друга, то найди, если нашёл, то не забывай’²⁵; *Юлташу пулмасан юпана та пулин канашла* ‘Если товарища нет, со столбом посоветуйся’²⁶ — *Был бы друг, а время будет*²⁷;

8) осмотрительность: *...Если хочешь узнать человека, посмотри на его друга. — Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты*²⁸.

Из этого следует, что дружба — это результат проверенных жизнью обстоятельств и накопленного опыта. Вместе с тем духовность связана не только с волевыми чертами личности, но и с интеллектуальной чувственностью, эмоциями, поэтому феномен дружбы включает различные компоненты эмоциональной структуры. Она многообразна по форме и содержанию, в ней находят своё выражение такие чувственные переживания, как радость, гнев, верность, доброта и др. Основу такой дружбы составляют эмоциональная привязанность, бескорыстие и душевность. Когда возникает необходимость почувствовать глубже собственное «я» в другом человеке, соотнести свои переживания с его переживаниями, в этом случае дружба может перерасти в иную форму отношений — любовь. Но если в любви пересекаются духовное и телесное

¹⁸ Михайлов А.П. Ваттисен сăмахёсемпе каларăшсен тата сунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Сёне Вăхăт, 2006. С. 355.

¹⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

²⁰ Там же. С. 485.

²¹ Михайлов А.П. Ваттисен сăмахёсемпе каларăшсен тата сунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Сёне Вăхăт, 2006. С. 357–487.

²² Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

²³ Ваттисен сăмахёсем. Шупашкар : Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. С. 236.

²⁴ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

²⁵ Ваттисен сăмахёсем. Шупашкар : Чăваш кёнеке изд-ви, 2007. С. 236.

²⁶ Там же.

²⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

²⁸ Там же. С. 487.

начала и она независима в своём проявлении, то дружбу можно расценивать как духовное единение на основе эмоционального и рационального подхода. В русских пословицах о дружбе важны качественные характеристики друга: *Друг — это чистое стекло, Мил да люб, так и будет друг; Всякий выбирает друга по своему нраву*²⁹. В чувашской паремиологии доминируют нормативные пословицы, выполняющие дидактическую функцию и характеризующиеся семантикой долженствования, поучения, рекомендаций, среди которых выделяются такие, где обозначается готовность и умение поддержать в трудной ситуации: *Юлташна ан пӑрах, юлмӑн хӑрах* ‘Товарища не бросай, одного не оставляй’. *Пӗлӗш инкекре пӗлӗнет* ‘Дружба познаётся в беде’; *Сывӑх туса пӑрахсан инсетри те сивӗнет* ‘Близкого друга бросишь — дальний охладет’³⁰. Такой подход созвучен и русской душе: *Друзья познаются в пиру, а в беде проверяются. Без друга в жизни туго*³¹.

Среди единиц, характеризующих дружбу в онтологическом аспекте, выделяются пословицы, где актуализируется мысль, что дружба — это сокровище, поэтому важным ценностным ориентиром как для русского, так и чувашского народов становится соотношение дружбы с другими ценностными материями с концептуально обусловленной значимостью. В частности, дружба как духовная ценность сравнивается с богатством, оказываясь важнее и дороже его: *Сӗр тӗнче укҫи ан пултӑр, сӗр тус пултӑр* ‘Не нужны великие богатства (букв. ста Земель), но нужно сто (большое количество) друзей’; *Сӗр сум укҫа пуличчен сӗр тус пултӑр теҫсӗ* ‘Вместо ста рублей пусть будет сто друзей’³² — *Не имей сто рублей, имей сто друзей: У кого друзья, тот богат*³³. Отмечается, что дружба не товар, она не покупается и не продается: *Шанчӑклӑ тусӑн хакӗ сук* ‘Надежный друг цены не имеет’³⁴ — *Друга на деньги не купишь*³⁵. Это связано с тем, что дружба бесценна: *Пӗр тус сӗр пуҫран хаклӑрах* ‘Один друг дороже ста голов скота’; *Ырӑ юлташ пуянтан паха* ‘Добрый друг дороже богатства’³⁶ — *Друг денег дороже; Не держи сто*

²⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487

³⁰ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

³¹ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

³² Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

³³ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 488.

³⁴ Ваттисен сӑмахӗсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӗрл. ; [2-мӗш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 14.

³⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

³⁶ Ваттисен сӑмахӗсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӗрл. ; [2-мӗш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 15.

рублей, а держи сто друзей³⁷. Манифестируется также мысль, что ценой успеха и богатства может стать полное отсутствие друзей: *Юлтаиран юлни — юлтаишӑр юлни* ‘От товарища отстать — без товарища остаться’³⁸ — *От друга отстал, к недругу не пристал; Скатерть со стола — и дружба сплыла. Богатому ни правды, ни дружбы не знают*³⁹. А за преходящими удовольствиями может потеряться подлинный источник счастья — душевная близость, доброта и сердечность человеческих отношений: *Туслӑха тусан ан пусӑр* ‘Дружбе не давай запылиться’; *Тусӑр этем — уй варринчи тунката* ‘Человек без друзей, что пенек посреди поля’⁴⁰ — *Пили, ели — кудрявчиком звали; попили, поели — прощай, шелудяк; Жалеть мешка — не видать дружка*⁴¹. Таким образом, языковая репрезентация концепта Дружба демонстрирует резкое отделение духовного от материального, в обоих менталитетах богатство определяется как величина вторичная, менее значимая по отношению к дружбе. Утверждается, что если материальное возобладало, то оно может разрушить дружбу, обернуться утратой настоящих человеческих ценностей и счастливых мгновений жизни, поэтому в чувашских и русских пословицах содержится важный смысловой посыл, направленный на сохранение истинных дружественных связей: *Укӑана пуйиччен тусна пуй, теҫҫӗ* ‘Вместо того, чтобы богатеть деньгами, лучше богатеть друзьями’; *Тус ҫыннуна мулна ан улӑштар* ‘Друга своего на богатства не меняй’⁴²; *Пин ылӑн мар, пин тус эс туйан* ‘Не золото приобретай, а друзей поболее’⁴³ — *Друга не теряй — займы не давай; Доброе братство милее богатства; Для друга всё не туго*⁴⁴.

Другим ценностным ориентиром в пословичных контекстах является семантический компонент «дорога». Дружба помогает скоротать время в пути, делает дорогу лёгкой и приятной: *Юлтаиша ҫул кӗскелет* ‘С другом дорога короче становится’; *Ырӑ ҫынна ҫула тухсан ҫул иртнине сисместӗн* ‘Если с хорошим человеком выйдешь в дорогу, то и не заметишь, как доедешь’;

³⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

³⁸ Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл] ; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 16.

³⁹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁴⁰ *Михайлов А.П.* Ваттисен сӑмахӑсемпе каларӑшсен тата ҫунатӑлӑ пуплевсен чӑвашла-вырӑсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Ҫӗнӗ Вӑхӑт, 2006. С. 356.

⁴¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁴² Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁴³ Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл] ; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С.17.

⁴⁴ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

Юлташпа сұл кёскелет ‘С товарищем пойдёшь, быстрее дойдёшь’⁴⁵ — *Умный товарищ — половина пути, Одному ехать — и дорога долга*⁴⁶. Но ещё важнее оказывается чувствовать дружескую поддержку на новом месте: ... *С товарищем и в Нижнем Новгороде, как у себя дома; Юратáва — áи, юлташпа — сұл* ‘Для любимого — сердце, для друга — дорога’⁴⁷ — *Иноходец в пути не товарищ; В дороге и родной отец товарищ*⁴⁸. Это может означать, что истинный друг является надёжным спутником и по дороге жизни.

На характер различного рода отношений влияет культурный код нации, в котором отражается опыт предшествующих поколений и определяются нормативные идеалы понятий. По долгосрочным ожиданиям в разных областях жизнедеятельности человека дружба как моральное чувство обусловлена специфическими особенностями взаимоотношений, поскольку её возникновение, развитие или угасание зависит от ряда объективных и субъективных условий, среди которых выделяется избирательность: *Ула куракпа чачак тус пулёс, хура курака ертмёс* ‘Ворона и сорока будут друзьями, но никогда не примут в товарищи грача’⁴⁹ — *Гусь свинье не товарищ. С тобой водиться что в крапиву садиться*⁵⁰. И если нет причин для возникновения дружбы, то она не состоится: *Хура сáран алсан сáкки сук, савса туман тусра шанчáк сук* ‘Чёрные кожаные варежки не имеют петельки, немилая дружба не имеет опоры’. *Суккáр куракана юлташ мар* ‘Слепой зрячему не товарищ’⁵¹ — *Не сошлись обычаем, не бывает дружбе; Будь друг, да без убытку*⁵².

Дружественные связи важны при актуализации семейно-родственных отношений, поэтому там, где царит дружба, кровные узы сильны и гибки. В русском менталитете дружба может как противопоставляться родственным отношениям, так и отождествляться с ними, сравним: *Хороший друг что*

⁴⁵ Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатёрл] ; [2-мёш клр.]. Шупашкар : Чáваш кёнеке изд-ви, 2004. С. 14.

⁴⁶ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 489.

⁴⁷ Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатёрл] ; [2-мёш клр.]. Шупашкар : Чáваш кёнеке изд-ви, 2004. С. 14.

⁴⁸ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 489.

⁴⁹ Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатёрл] ; [2-мёш клр.]. Шупашкар : Чáваш кёнеке изд-ви, 2004. С. 15.

⁵⁰ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

⁵¹ Ваттисен сáмахёсем, каларáшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатёрл] ; [2-мёш клр.]. Шупашкар : Чáваш кёнеке изд-ви, 2004. С. 18.

⁵² *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

*брат; Друзья прямые — братья родные; Добрый друг лучше ста родственников*⁵³. В чувашском языке также имеются пословицы, где родным и близким может стать человек не по крови, а по духу, но дружба ставится выше родственных связей, что подтверждается большим количеством пословичного материала: *Туслă тус тепĕр тăванран аванрах* ‘Близкий друг лучше иного родича’; *Туслă тус тепĕр тăванран аванрах* ‘Хороший друг лучше родственника’⁵⁴; *Çывăх юлташ тăванран мала* ‘Близкий друг приоритетнее родственника’⁵⁵; *Ютпа ют çывăх туслашни тăван-хурăнташиран та хаклăрах* ‘Дружба чужих крепче кровного родства’⁵⁶. Маркером истинной близости друзей друг другу становится и соотносённость с ограниченным пространством: *Туссене пĕр тупăкра та тăвăr мар теççĕ* ‘Друзьям и в одном гробу не тесно’⁵⁷ — *Друзьям и в одной могиле не тесно. В тесноте, да не в обиде*⁵⁸. Нравственная основа дружбы не терпит лжи, она должна быть бескорыстной: *Тос токмак тыттарать* ‘Друг бедро преподносит’; *Юлташ пуçа çăлнă* ‘Друг голову спасает’⁵⁹. Это не только источник силы, но и искренность в отношениях: *Дружба крепка не лестью, а правдой и честью*⁶⁰ — *Тăшман йăпăлтатса хур тăвать, тусу тавлашса ыр тăвать* ‘Враг лебезит да поразит, друг ругает да помогает’⁶¹; *Пасара кайсан çын валли кулач илме хушнă, йĕп илме хушман* ‘Для друга на базаре можно купить калач, но не иголку’⁶².

В ряде пословиц оценочные суждения о дружбе приобретают культурно обусловленный характер. Национально-культурные особенности, проявляясь на лексическом уровне, демонстрируют различия в оценке суждения, например, через сравнение с важнейшими компонентами продуктов питания, в частности, в русском языке друг сопоставляется с солью, а в чувашском —

⁵³ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁵⁴ Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатĕрл] ; [2-мĕш клр.]. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 17.

⁵⁵ Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁵⁶ Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатĕрл] ; [2-мĕш клр.]. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 11.

⁵⁷ Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁵⁸ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 485.

⁵⁹ Ваттисен сăмахĕсем. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁶⁰ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 488.

⁶¹ *Михайлов А.П.* Ваттисен сăмахĕсемпе каларăшсен тата çунатлă пуплевсен чăвашла-вырăсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Çĕнĕ Вăхăт, 2006. С. 357.

⁶² Ваттисен сăмахĕсем, каларăшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатĕрл] ; [2-мĕш клр.]. Шупашкар : Чăваш кĕнеке изд-ви, 2004. С. 18.

с хлебом: *Человек без друга, что еда без соли. — Юлташ пулсан — йира сӑкӑр, сук пулсан — йира таççӑм* ‘Есть друг — в душе хлеб, нет друга — в душе пустота’⁶³. Однако и хлеб, и соль не умаляют друг друга, а лишь подтверждают высокий уровень восприятия дружбы, поскольку «*Сӑкӑр-тӑвар хире-хирӗç*» (Хлеб и соль взаимны), то есть одинаково значимы и для русского, и для чувашского народов: *Сӑкӑр-тӑвар пулсан хура вырӑс та пӗлӗш* ‘Имея хлеб-соль, породнишься и с простым русским человеком’⁶⁴.

С позиции утилитарного подхода отношение к дружбе в молодости отмечается как более легкое: *Ача чух алӑ, хӗр чух хӗрӗх* ‘Товарищей детства пятьдесят, в девичьи годы сорок зазнобушек’; *Хӗр чухне хӗрӗх тус* ‘В девичье время сорок подруг’⁶⁵ — И не всякое товарищество перерождается в истинную и надежную дружбу: *Сӗлӗк илнине анчах паллашни ёмӗре пымасть* ‘Шапочное знакомство в вековую дружбу не перерастёт’⁶⁶; — *Приятелей много, да друга нет; Дружба на время — рабство навечно*⁶⁷. Истинной дружбе может противостоять дружба, построенная на расчете, когда общение становится взаимовыгодным для обеих сторон: *Икӗ юлташ ушкӑн тӑшманран та вӑйлӑрах тенӗ* ‘Группа из двух друзей сильнее врага’⁶⁸ — *Двое — не то, что один: подумаем и лошадь продадим*⁶⁹. В пословичном фонде прослеживается мысль, что не все дружеские связи оказываются полезными, иные могут привести к неприятным последствиям, что подтверждается чувашскими и русскими пословицами: *Ӑслӑ сӑнпа сӑн тус пулсан — ӑслӑ пулать; ухмапна тус пулсан — ухмап пулать; вӑрӑпа тус пулсан — вӑрӑ пулать* ‘Подружишься с умным — будешь умным; подружишься с дураком — будешь дурак; подружишься с вором — будешь вор’⁷⁰ — *С кем поведешься, от того и наберешься; Свяжешься с дураком — сам дурак будешь*⁷¹. Утверждается, что ложная дружба может стать опасной для человека: *Тӑшман пуçа сӑет, тус чуна илет* ‘Враг губит голову (наносит физический вред), а друг губит душу’; *Чун тус чуна*

⁶³ Михайлов А.П. Ваттисен сӑмахӗсемпе каларӑшсен тата сунатлӑ пуплевсен чӑвашла-вырӑсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Сӗнӗ Вӑхӑт, 2006. С. 358.

⁶⁴ Ваттисен сӑмахӗсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӗрл.] ; [2-мӗш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 11.

⁶⁵ Там же. С. 15.

⁶⁶ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁶⁷ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁶⁸ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 235.

⁶⁹ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 485.

⁷⁰ Ваттисен сӑмахӗсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов ; [Н.Р. Романов пухса хатӗрл.] ; [2-мӗш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 15.

⁷¹ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

илет ‘Близкий друг душу погубит’⁷² — *Называется другом, а обирает кругом; Две кошки в мешке дружбу не заведут*⁷³. Символом негативных последствий такого общения становится разрушение духовного начала в отношениях, поэтому оно осуждается: *Хӑравсӑ юлташ тӑшманран хӑрушӑ* ‘Трусливый друг страшнее врага’⁷⁴ — *Не бойся врага умного, бойся друга глупого; Лучшие честный враг, чем подлый друг*⁷⁵. Чтобы не оказаться в подобной ситуации, в чувашских и русских пословицах содержится некий подход — рекомендации к поиску товарищей: *Юлташ тени хӑвӑнтан маттур пултӑр* ‘Друг пусть будет лучше, чем ты’; *Юлташ хӑвӑнтан хитре пултӑр* ‘Друг твой пусть будет красивее тебя’⁷⁶ — *Если хочешь узнать человека, посмотри на его друга*⁷⁷.

Дружба, как основная ценность духовной жизни общества, внедряется в структуру личности через различные каналы социализации, где духовность признаётся высшей формой человеческих отношений, а бездуховность, ложь и предательство определяются как путь к деградации этих отношений, роста враждебности и непримиримого антагонизма, что приводит к вражде. Словарная дефиниция лексемы «вражда» означает отношения, действия, проникнутые неприязнью, ненавистью. Вражда нацелена на разрушение единства в разных сферах жизни людей как на государственном, так и личностном уровнях. Она может быть обусловлена разными причинами: политическими, этическими, социальными, личными и т.д. Понятия «вражда» и «враг» мыслятся ассоциативно, образуя комплексную смысловую пару.

Концепт Вражда представляет собой многомерный образ и в русской паремиологии представлен активно; чувашские пословицы с компонентами «вражда» (*тӑшманлӑх*) и «враг» (*тӑшман*) менее частотны. В пословичном материале русского и чувашского народов указывается, что дружба и вражда существуют одновременно и находятся в постоянной конкурентной борьбе со своими антиподами: *Тус пулсан, тӑшман та пур* ‘Если есть друг, то есть и враг’⁷⁸ — *Дружба от недружбы близко живёт; Где враг, где друг, не узнаешь вдруг*⁷⁹. Это может означать, что граница между дружбой и враждой размыта и отчасти обусловлена уровнем нравственной ответственности человека. И если человек от неё отказывается, то в этом случае осуществляется переход из одного мира отношений в другой, в котором отсутствуют искрен-

⁷² Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁷³ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

⁷⁴ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁷⁵ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

⁷⁶ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁷⁷ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 488.

⁷⁸ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁷⁹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

ность, сердечность, готовность разделить жизненные трудности пополам. Человек становится враждебным по отношению к вчерашнему другу и начинает считать его врагом: *Юлташпа юлташла, тӑшманпа тӑшманла пулма хушнӑ* ‘С товарищем — по-товарищески, с врагом — по-вражески’⁸⁰ — *Друг до поры — тот же недруг. Самый опасный враг — это твой друг*⁸¹. Однажды предав дружбу, он оказывается в ситуации ложной самореализации, где не может быть подлинного душевного общения, и человек становится одиноким: *Сывӑх туса пӑрахсан инсетри те сивӑнет* ‘Близкого друга бросишь — и с дальним ничего не выйдет’. *Пуслӑх хуҫӑлсан сӗнӗ тӑвӑн, туслӑх татӑлсан мӗн тӑвӑн?* ‘Притужину сломаешь — новую сделаешь, а если дружба разорвётся, то что сделаешь?’⁸²; *Суйлан йишне тупман* ‘Разборчивый не нашёл себе друга’⁸³ — *От друга отстал, к недругу не пристал*⁸⁴.

В русском пословичном фонде основой вражды являются разные жизненные позиции и разногласия с нравственно-этической окраской, например:

1) потребительское отношение к дружбе: *Не вспоив, не вскормив, врага не наживёшь*;

2) товарно-денежные отношения: *Другу займы дать — дружбу терять*;

3) внешние силы: *Бог дал родню, а чёрт вражду; Враг моего друга — мой враг*. Частой причиной возникновения вражды считается ссора: *Раздражится друг, хуже недруга станет. В ссорах да раздорах пути не бывает. С ним дружись, а за топор держись*⁸⁵. В чувашских пословицах мотив ссоры встречается в единичных пословицах: *Ялан ятлаҫнипе япала янтӑлайман* ‘Ссора и вражда не доведут до добра’⁸⁶. Более распространённой причиной вражды в чувашском языковом сознании оказывается зависть, которая становится деструктивной силой в отношениях: «*Суранӑш — хӑвӑра та ҫитет*» ‘Зависть возвращается к себе, то есть делает человека одиноким’⁸⁷. Последствия влияния вражды на дружбу оказываются разрушительными: *Тусран тӑшман тума ҫӑмӑл, тӑшманран тус тума йывӑр* ‘Друга сделать врагом легко, врага

⁸⁰ Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 237.

⁸¹ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 487.

⁸² Ваттисен сӑмахӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 16. Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл]; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 16.

⁸³ Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл]; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 18.

⁸⁴ *Даль В.И.* Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ Ваттисен сӑмахӑсем, каларӑшсем, сутмалли юмахсем // Чувашские пословицы, поговорки и загадки / сост. Н.Р. Романов; [Н.Р. Романов пухса хатӑрл]; [2-мӑш клр.]. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2004. С. 12.

⁸⁷ Там же. С. 15.

сделать другом трудно⁸⁸; *Тусланнй чух — тус, уйрӑлнӑ чух — сук* ‘Дружить-то дружили, а попрощаться не с кем’⁸⁹ — *Зябнет сердце, видя недруга своего. Всякий, посеявший семена зла, открывает ворота своей гибели*⁹⁰. Враг в сознании этносов воспринимается в резко отрицательном ключе: *Тӑшман юнӗ хура юн теççӗ* ‘Кровь врага – злобная чёрная кровь’; *Тӑшмана сӑхайман çӗлен хӑйне хӑй сӑхатъ теççӗ* ‘Змея, которая не смогла ужалить врага, жалит сама себя’⁹¹ — *У врага ищи камень за пазухой. Все враги опасны*⁹². В русском сознании отмечается, что лучшей стратегией при столкновении с врагом является борьба: *Коль встал на врага, не жалея кулака; Мсти не словами, а боевыми делами; Не щади врага, сбережешь друга*⁹³. Имплицитно такой подход прослеживается и в некоторых чувашских пословицах: *Тӑшмана уру çине ан пустар* ‘Врагу не позволяй наступить себе на ногу’; *Тӑшман пуçне вутпуçци* ‘На голову врага пылающее полено’⁹⁴. В то же время подчёркивается нецелесообразность конфликтов и указывается на необходимость избегать их: *Врага лучше избегать, чем с ним воевать. С врагом не борются, его избегают; Другу дружи, а недругу не груби*⁹⁵. — *Тӑшман пуçне тӑшман çитӗр* ‘Враг от руки врага пусть погибнет’; *Тӑшмана ӑна хӑйӗн урапи çине лартса ӑсатас пулат* ‘Врага на его же телеге провожают’⁹⁶. В чувашском менталитете вражда — это испытание, поэтому необходимо быть сдержанным в отношениях с недругом, ведь даже один враг — это много: *Çӗр çинче пурӑнма çӗр тус та сахал, пӗр тӑшман та ытлашиши* ‘В мире этом и ста друзей мало, а один враг — уже слишком’⁹⁷. Поэтому в чувашских пословицах частотно отражается стремление чувашей жить в мире и согласии: *Тус, хӑйматлӑх нумай пултӑр, тӑшман сахал пултӑр* ‘Пусть будет много друзей и новых родственников, а врагов пусть будет мало’; *Пӗр тӑшман пуличчен çӗр тус пултӑр* ‘Чем иметь одного врага, лучше иметь сто друзей’⁹⁸. Подобное стремление наблюдаем и в русских пословицах: *Чем сердиться, лучше помириться. Не будет добра, коли меж своими вражда*. Таким образом, лингвистические средства выражения

⁸⁸ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁸⁹ Михайлов А.П. Ваттисен сӑмахӗсемпе каларӑшсен тата çунатлӑ пуплевсен чӑвашла-вырӑсла пуххи : сборник чувашско-русских пословиц, поговорок и крылатых выражений. Шупашкар : Сӗнӗ Вӑхӑт, 2006. С. 356.

⁹⁰ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 169.

⁹¹ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁹² Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 169.

⁹³ Там же. С. 169.

⁹⁴ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁹⁵ Даль В.И. Пословицы русского народа : в 2 томах. Т. 1. Москва : Художественная литература, 1984. С. 486.

⁹⁶ Ваттисен сӑмахӗсем. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2007. С. 236.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же. С. 235.

вражды показывают, что вражда есть целенаправленное противопоставление дружеским отношениям с целью их распада или разрушения.

Можно заключить, что концепты *Дружба* и *Вражда* в лингвокультуре чувашского и русского народов актуализируют эмоционально обусловленные, нравственно-этические приоритеты этносов и определяются моральной ответственностью человека за свои поступки, мысли, характер отношений. Результаты работы демонстрируют, как лингвистические, социальные и культурные факторы влияют на восприятие и выражение дружеских и враждебных отношений в чувашском и русском языковом сознании.

Заключение

В границах системы ценностной ориентации проанализированы различные ракурсы характеристики концептуальной оппозиции *Дружба — Вражда*.

1. Этнокультурная манифестация исследуемых концептов показала, что словарные значения единиц в чувашском и русском языках совпадают, а их концептуальная семантика оказывается глубже и определяется как универсальными, так и национально-культурными особенностями менталитета.

2. Бинарная оппозиция *Дружба — Вражда* является отражением общечеловеческих ценностей в языке русского и чувашского народов и в национальном сознании реализуется с учетом прагматических, ассоциативно-образных и оценочных параметров. Уровень аксиологизации концепта *Дружба* определяется как высокий, поскольку занимает важное место в системе ценностей обоих народов и понимается как действенный процесс, требующий вложений материального и духовного порядка. Это есть сложная и многогранная картина человеческих взаимоотношений, построенная на синергии состояний, не терпящих лжи, вражды и предательства.

3. Личные дружеские связи не противостоят системе социально значимых отношений, а дополняют их, поэтому с позиции нравственно обусловленной оценочности дружбу можно характеризовать как общественно направленную и построенную на общности взглядов и идеалов деятельность человека. Отношение к дружбе, её реализация осуществляются в процессе внутренней работы человека над собой и последующей готовности к самоотдаче и бескорыстии, она проявляется только во взаимодействии и эмоциональной привязанности. Это не игра чувств, это деятельность с позитивным потенциалом, которой противостоит вражда.

4. Вражда характеризует коммуникативные отношения, в которых люди противостоят друг другу. Она негативна по своему содержанию и в сознании этносов воспринимается как результат лично и социально неприемлемого поведения людей. Образ врага соотносится с окружающим социальным контекстом и мыслится как носитель воинственности, разрушающего начала и ценностей, не свойственных друзьям. Деструктивной причиной вражды в

русской языковой культуре является ссора, в чувашской — зависть. Общим для русского и чувашского этносов можно считать разделение духовного и материального: приоритет духовных ценностей ориентирует на дружбу, их утрата ведет к вражде.

Список литературы

1. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. Москва : АСТ: Восток-Запад, 2007. 314 с. ISBN 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV
2. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. Москва : Изд. дом «ЯСК», 2007. 248 с. ISBN 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX
3. Evans V. How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning-construction. Oxford : Oxford University Press, 2009. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199234660.001.0001>
4. Вежбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов. Москва : Языки славянской культуры, 2001. 287 с. ISBN: 5-7859-0189-7 EDN: SUMHVV
5. Макушанцева Н.В. Пословицы с концептом «дружба» в русском языке как отражение народного менталитета // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6 (108). Часть 5. С. 166–170. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.171> EDN: VZNNWA
6. Фуад А.Н. Концепт «дружба» в русской лингвокультуре (на материале пословиц и поговорок русского языка) // Преподаватель XXI век. 2019. № 4-2. С. 395–406. EDN: QVRQYO
7. Ару А. Словообразовательная репрезентация концепта ДРУЖБА в современном русском языке // Научный диалог. 2021. № 8. С. 9–27. <https://doi.org/10.24224/2227-12952021-8-9-27> EDN: IKFEVN
8. Яремчук Е.А. Языковая репрезентация концепта «дружба» в пословицах русского, испанского и английского языков // In Situ. 2022. № 1. С. 35–38. EDN: ELKLTТ
9. Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Концептуальная оппозиция «правда — ложь» в чувашской и русской языковых картинах мира // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17. № 7. С. 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil20240358> EDN: BLMHGG
10. Борисова Л.В., Чуева Э.В. Традиционные народные представления о добре и зле и их репрезентация в чувашской языковой картине мира // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2021. № 1 (110). С. 3–11. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.001> EDN: OKRBVO
11. Борисова Л.В., Иванова А.М., Чуева Э.В. Репрезентация кластера «одежда» в русской и чувашской языковых картинах мира // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 2. С. 92–100. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-2-92-100> EDN: SXLNKZ

References

1. Popova, Z.D., Sternin, I.A. 2007. *Cognitive linguistics*. Moscow: AST: East-West publ. ISBN 978-5-17-045103-6 EDN: RUFSDV Print. (In Russ.)
2. Stepanov, Yu.S. 2007. *Concepts. The thin film of civilization*. Moscow: YASK Publishing House. ISBN: 5-9551-0205-1 EDN: SUQHZX Print. (In Russ.)
3. Evans, V. 2009. *How words mean: lexical concepts, cognitive models, and meaning-construction*. Oxford: Oxford University Press. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199234660.001.0001> Print.
4. Vezhbtskaya, A. 2001. *Understanding cultures through keywords*. Moscow: Languages of Slavic Culture publ. ISBN 5-7859-0189-7 EDN: SUMHVV Print. (In Russ.)
5. Makshantseva, N.V. 2021. “Proverbs with the concept of ‘friendship’ in Russian as a reflection of the national mentality.” *International Scientific Research Journal. Russian linguoculture*, no. 6, part 5, pp. 166–170. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.171> EDN: VZNNWA Print. (In Russ.)

6. Fuad, A.N. 2019. “The concept of ‘friendship’ in Russian linguoculture (based on proverbs and sayings of the Russian language).” *Teacher of the XXI century*, no. 4–2, pp. 9–27. EDN: QVRQYO Print. (In Russ.)
7. Aru, A. 2021. “The word-formation representation of the concept of FRIENDSHIP in modern Russian.” *Scientific dialogue*, no. 8, pp. 9–27. <https://doi.org/10.24224/2227-12952021-8-9-27> EDN: IKFEVN Print. (In Russ.)
8. Yaremchuk, E.A. 2022. “Linguistic representation of the concept of ‘friendship’ in proverbs of Russian, Spanish and English languages.” *Situ*, no. 1, pp. 35–38. EDN: ELKLTТ Print. (In Russ.)
9. Borisova, L.V., A.M. Ivanova, and Chueva, E.V. 2024. “The conceptual opposition ‘truth — lie’ in the Chuvash and Russian linguistic worldviews.” *Philological sciences. Questions of theory and practice*, vol. 17, no. 7, pp. 2518–2523. <https://doi.org/10.30853/phil20240358> EDN: BLMHGG Print. (In Russ.)
10. Borisova, L.V., and E.V. Chueva. 2021. “Traditional folk ideas about good and evil and their representation in the Chuvash linguistic worldview.” *Bulletin of the I.Ya. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University*, no. 1, pp. 3–11. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2021.110.1.001> EDN: OKRBVO Print. (In Russ.)
11. Borisova, L.V., A.M. Ivanova., and Chueva, E.V. 2023. “Representation of the cluster ‘clothes’ in the Russian and Chuvash linguistic worldviews.” *Questions of cognitive linguistics*, no. 2, pp. 92–100. <https://doi.org/10.20916/1812-3228-2023-2-92-100> EDN: SXLNKZ Print. (In Russ.)

Сведения об авторах:

Борисова Людмила Валентиновна — доктор филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и литературы, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0002-5909-0296, eLibrary SPIN-код: 9877-9659. E-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru

Иванова Алена Михайловна — доктор филологических наук, доцент, декан факультета русской и чувашской филологии и журналистики, заведующий кафедрой чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0003-1562-2147, eLibrary SPIN-код: 9125-5935. E-mail: amivano@rambler.ru

Чуева Эльвира Витальевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 15. ORCID: 0000-0002-0635-2619, eLibrary SPIN-код: 5249-8326. E-mail: chueva.elvira@gmail.com

Bio notes:

Ludmila V. Borisova is a Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Russian Language and Literature, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-5909-0296, eLibrary SPIN-code: 9877-9659. E-mail: ljudmila-borisova@yandex.ru.

Alena M. Ivanova is a Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Russian and Chuvash Philology and Journalism, Head of the Department of Chuvash Philology and Culture, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-1562-2147, eLibrary SPIN-code: 9125-5935. E-mail: amivano@rambler.ru.

Elvira V. Chueva is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, I.N. Ulyanov Chuvash State University, 15 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Chuvash Republic, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-0635-2619, eLibrary SPIN-code: 5249-8326. E-mail: chueva.elvira@gmail.com.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-588-600

EDN: BHFWER

Research article / Научная статья

Chuvash Ethnoblogging as a Communicative Phenomenon: Bilingual and Transcultural Aspects

Artem D. Gavrilov^{ORCID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ artmaster28@rambler.ru

Abstract. The paper is devoted to identifying the distinctive communicative behavior of Chuvash ethnically oriented bloggers, prominent actors in the modern media space who spread Chuvash ethnocultural content on their social media pages and build positioning around ethnic self-determination. The speech activity of bloggers is considered from the perspective of the theory of translanguaging and is evaluated as a set of transcultural practices. The purpose of the study is to determine the uniqueness of the communicative practices of Chuvash ethnobloggers in the sociolinguistic aspect. The empirical basis consists of the channels of the three media managers in the Telegram messenger. The methods of included observation and content analysis based on the ideas of Internet and media linguistics, theories of artistic bilingualism and transculturation were used in the research. The posts published by bloggers from January 2024 to February 2025 were selected using a continuous sampling method. The results of the study showed that Chuvash ethnoblogging as a communicative phenomenon is characterized by transcultural specificity with a set of variable bilinguals. The Russian-Chuvash bilingual communication practices of the considered authors of the Telegram channels are formed on two levels: the messenger interface and a separate post. Focusing on a mass audience, bloggers run pages mainly in Russian, using the Chuvash language accentuated, often interspersed with individual words and expressions for the purpose of ethnocultural self-presentation and, accordingly, ethnomarketing content.

Key words: Chuvash ethnoblogging, bilingual linguistic personality, bilingualism, chuvashisms, transculturation, ethnoblog, media text.

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Gavrilov, A.D. 2025. "Chuvash Ethnoblogging as a Communicative Phenomenon: Bilingual and Transcultural Aspects." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 588–600. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-588-600>

© Gavrilov A.D., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Чувашский этноблогинг как коммуникативный феномен: билингвальный и транскультурный аспекты

А.Д. Гаврилов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ artmaster28@rambler.ru

Аннотация. Исследование посвящено изучению коммуникативного поведения чувашских этнически ориентированных блогеров — заметных акторов современного медиапространства, на своих страницах в социальных медиа распространяющих чувашский этнокультурный контент и выстраивающих позиционирование вокруг этнического самоопределения. В работе речевая деятельность блогеров рассматривается с позиции теории транслингвильности и оценивается как набор транскультурных практик. Цель исследования — определить своеобразие коммуникативных практик чувашских этноблогеров в социолингвильстическом аспекте. Эмпирической базой выступили каналы трех медиадеятелей в мессенджере «Телеграм». Исследование проведено методами включенного наблюдения и контент-анализа с опорой на идеи интернет- и медиалингвильстики, теорий художественного билингвильзма и транскультурации. Методом сплошной выборки отбирались посты, опубликованные блогерами с января 2024 г. по февраль 2025 г. Результаты исследования показали, что чувашскому этноблогингу как коммуникативному явлению свойственна транскультурная специфика с набором вариативных билингвильем. Русско-чувашские двуязычные коммуникативные практики авторов рассмотренных телеграм-каналов складываются на двух уровнях: интерфейса мессенджера и отдельного поста. Блогеры, ориентируясь на массовую аудиторию, ведут страницы преимущественно на русском языке, чувашский язык используют акцентно, зачастую в виде вкрапления отдельных слов и выражений в целях этнокультурной самопрезентации и соответственно этномаркирования контента.

Ключевые слова: чувашский этноблогинг, билингвильная языковая личность, билингвильзм, чувашизмы, транскультурация, этноблог, медиатекст

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Гаврилов А.Д. Чувашский этноблогинг как коммуникативный феномен: билингвильный и транскультурный аспекты // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 588–600. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-588-600>

Introduction

The formation and development of the Internet in the first quarter of the 21st century has formed a special communicative environment in which everyone has the opportunity to interact with a wide audience: to be not only a consumer, but also a producer of mass information. Users who are able to attract and retain subscribers' attention through their online activity and to satisfy subscribers' information and communication needs are called bloggers and today are perceived as full-fledged media actors, along with journalists. However, while the latter

disseminate information in order to fulfill their professional duty, which is socially important, authors engaged in blogging implement their content projects for personal, individual-authorial purposes: usually with the intention of self-expression and self-actualization [1].

Observing the actions of users on the Internet, we note the growth of ethno-cultural content and the emergence of a special segment in the domestic media system — ethnic bloggers, or ethnobloggers — communicators who produce messages of ethnocultural content and build positioning on their pages in social media around ethnic self-definition. Their communicative behavior is increasingly becoming the subject of special study not only by linguists, but also by sociologists, ethnologists, and cultural anthropologists [2–5], and is considered from the perspectives of cyberethnography and digital sociology (as an online representation of ethnic identity [6]), media theory (content-thematic, genre-format and other characteristics of the content and promotion of ethnoblogs [7]), and cultural studies (as an online representation of ethnic culture [8]). Currently, there are known scientific works devoted to the analysis of Udmurt [9; 10], Khanty [11], Evenki [12] ethnoblogging. However, similar media practices of representatives of other peoples of Russia are noticeable in the information space — especially the Chuvash in quantitative and qualitative terms. The intensification of “Chuvash” content, the increase in the number of its producers, the emergence of various forms and ways of ethnomarked media communication are among the many manifestations of ethnos existence in the digital age and pose new research questions for humanities scholars. E.A. Jagafova and A.S. Rogovoi comprehensively study aspects of the Internet representation of Chuvash ethnicity [13–15], A.D. Gavrilov — mediatized practices of their self-identification [16], including the linguistic and stylistic specifics of Chuvash ethnoblogs in visually centric social media [17].

This research is aimed at determining the uniqueness of communicative practices of Chuvash ethnobloggers in the sociolinguistic aspect. The empirical base was the content posted between January 2024 and February 2025 in three popular Chuvash ethnoblogs: the telegram channels “An ta kala!” (from sensu. *That’s for sure!*, @antakala, 2450 subscribers),¹ “Savăpri” (named after one of the Chuvash pre-Christian female names, @savanpiki, 810 subscribers)² and “Sukhvi kalat” (from sensu. *Sofya says*, @suhvi_kalat, 520 subscribers).³ The material of the study was chosen based on the criteria of diversity of communicative strategies of the authors and at the same time the presence of common tactics, peculiar to the speech portrait of the majority of Chuvash ethnobloggers. The work was carried out by the methods of inclusive observation, continuous sampling and content analysis.

¹ Telegram channel “An ta kala!”, 28 March 2025, <https://t.me/antakala>

² Telegram channel “Savăpri”, 28 March 2025, <https://t.me/savanpiki>

³ Telegram channel “Sukhvi kalat,” 28 March 2025, https://t.me/suhvi_kalat

In the course of familiarization with Chuvash ethnoblogs, including those that were not included in the research sample, it was established that their authors, as addressees of messages, publish ethnocultural content, pursuing the general intention of expressing ethnic identity in the context of virtual self-presentation. In order to manage the addressee's attention, they create multiformat, adapted to the dissemination platform transcultural multimedia texts-posts, the information in which is transmitted by means of a verbal code with the addition of non-letter symbols, iconic signs of objects and compressed signs of emotions (thematic emoji), as well as by means of auditory (accompanied by famous Chuvash songs) and visual (for example, traditional or modified national costume is shown) codes, often ethnomarked, with the help of ethno-marked, and with the help of a variety of other codes. Replicated messages are bilingual — written in Russian with Chuvash-language embeddings of different volume, used as an ethno-identification marker. Such bilingualism in the communicative behavior of Chuvash ethnobloggers is explained, on the one hand, by their orientation to Internet users, mostly Russian-speaking, and on the other hand, by the author's intensionality. The choice of the topic of the message and its realization in the act of communication takes into account the potential of background knowledge of the user who is not immersed in the topic and does not speak Chuvash language, contributes to the understanding of the material by the mass audience and encourages it to feedback. Betting on ethnocultural topics from the point of view of communicativism and media promotion allows the blogger to make an original statement about himself, to stand out against the background of other communicators-media-makers and to be remembered by users in a given image, in the communicative role of "Chuvash ethnoblogger."

The results of the stage-by-stage observation of ethnobloggers' media speech allowed us to clarify the theoretical basis of the study. In our opinion, the speech activity of Chuvash ethnobloggers, whose media creativity in Internet is a fusion, a dialog of two cultures and languages — Chuvash and Russian, can be correlated with the creation of a Russian-language work by an ethnically non-Russian author, considered in the framework of the theory of Russian-foreign artistic bilingualism and more broadly — translanguaging as "the practice of artistic creation in a language that is not ethnically primary for the author" [18. P. 184] and in the context of the theory of transculturation as a text that "ceases to be only a product of speech activity subject to structural preparation. It turns into a zone of 'cross-pollination' with multiple meanings, becomes a representative of cultures — their mutual overlapping, mutual repulsion, symbiosis, subordination, adaptation" [19. P. 416]. [19. C. 416]. Thus, the main premise of our study is the thesis that the linguistic personality of a Chuvash ethnoblogger can be characterized as a creative information-media (according to the classification of Professor A.V. Bolotnov [20]) bilingual personality of an author of ethnic Chuvash origin who creates transcultural content mainly in Russian.

Discussion

The first media projects, declared by their authors as Chuvash ethnoblogs, attracted the attention of the mass audience in 2018–2019. These were personal pages of young people in the social network ‘VKontakte’, profiles in Instagram (owned by Meta, a company recognized as extremist and banned in the Russian Federation), channels in TikTok and YouTube. The main part of the content of such resources revealed stories of ethnic self-determination, covered the historical and cultural heritage of the Chuvash, the originality of Chuvash culture with a focus on the author’s perception of it. Sometimes personal blogs grew into thematic projects. The same authors could maintain several accounts in different social media. Some of them developed cross-platform, forming an ecosystem of media products differing from each other in format within one single project of the same name: blogs, podcasts, special projects, etc. (“An ta kala!”, “Chävash TV”, “Chuvishenka”, etc.).

Today, Chuvash ethnoblogs are presented practically on all media platforms: social networks, messengers, video hosting, and podcast platforms. They are run by young women (mostly) and men aged 18–35. In the development of the Chuvash ethnoblog they are driven by ethnic self-consciousness, desire for consolidation and integration of the people, preservation and popularization of their culture and language; desire for creative self-expression and formation of personal brand in social media; need for professional self-fulfillment, Internet popularity, commercial success (promotion by musicians, designers, photographers, event hosts and other specialists of their own goods and services with national colour) and others.

Posts in such blogs, as a rule, contain several of the most obvious ethnomarkers: the Chuvash language, state symbols of the republic, national clothing, music, works of Chuvash artists, poets, writers, etc. The Chuvash ethnobloggers use images of traditional culture and offer author modifications: they perform their versions (covers) of famous Chuvash songs, organize thematic photo sessions. When releasing content, Chuvash ethnobloggers use images of traditional culture and offer author’s modifications: they perform their own versions (covers) of famous Chuvash songs, organize thematic photo shoots based on folklore and artistic works, create and wear jewelry and costumes that visually resemble traditional ones, etc. They increase interest in Chuvash culture in the Internet environment, unite Chuvash people living in different cities and countries on their pages, and, having interested users with similar identity, motivate them to ethno-label their accounts.

Chuvash ethnoblogging in the messenger Telegram is a set of communicative practices of maintaining an author’s feed of publications — a channel. Blogs in this service are located in the same list with chats with subscribers from the contact book and other Telegram users. To receive messages from channels, subscribers need to find them beforehand and subscribe to updates. Interpersonal communication

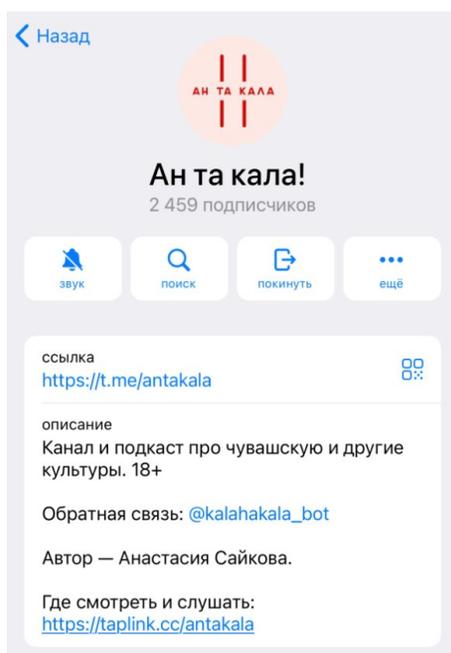
in Telegram runs parallel to mass communication. Users can correspond, for example, with acquaintances and read channels in parallel. Therefore, blog authors think about how their resource looks in the general list of chat rooms, and think about the displayed elements of its interface — the name, the main photo (from the interface of the channel card containing general information about it) and the beginning of the last post (from the interface of the channel’s publication feed). As a rule, these are the positions where ethnoblogs contain bilinguals and visual ethnomarked elements. Thus, two sections are communicatively significant in this messenger: the channel card and the feed of publications in it. The first one consists of several content fields (photo, channel name, link, description), the second one consists of posts posted by the author. The platform allows you to make publications containing text, photos, videos, stickers, audio of limited volume, so, as a rule, one message can be split into several posts of verbal, non-verbal and creolized content.

We chose three ethnoblogs in the messenger Telegram as material for analysis: the channels “An ta kala!”, “Savānpi” and “Sukhvi kalat”. While in the first and third projects the image of the author is not so clearly represented visually (the author does not appear in photos and videos), in the second project the author occupies a central position (he is almost always present in photos and videos). The first and third ethnoblogs contain textual and graphic content to a greater extent, while the second one is regularly accompanied by video. Being created for dissemination in social media, posts in ethnoblogs have all the properties inherent in Internet texts (incompleteness, non-linearity, mobility, multimedia, interactivity) and media texts (mediality, mass, polycode, openness).

In the course of the study we found that Russian-Chuvash bilingual communicative practices of the authors of the considered Telegram channels are formed at two levels: (1) the messenger interface (cards and publication feeds) and (2) the individual post. Let us turn to typical combinations of their code-switching and determine the degree of presence of the Chuvash language at each level in order.

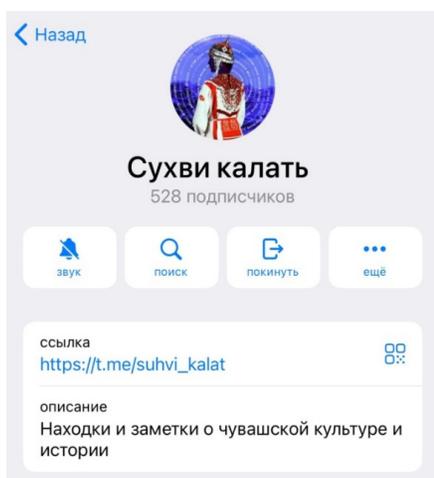
1. Bilingual communicative practices of ethnobloggers traced at the level of the interface of the Telegram channel:

1. *Filling in the interface fields “Channel name”* [(Figure 1), *An ta kala!*], “Link” in transliterated form [(Figure 2), *@suhvi_kalat (Sukhvi kalat)*] and sometimes — “Description” in Chuvash language [(Figure 3), “tävan | a new look at the native...”]. Chuvashisms in channel names and links carry the key semantic load: they convey the main essence of the content, evoke the right associations (related to the Chuvash people and their culture) and make the blog memorable against the background of other channels. “Description”, unlike the other fields, is more often represented in Russian with the inclusion of one or two prominent Chuvashisms, contextually decipherable. The arrangement of these fields on one page is perceived as a bilingual statement, the Chuvash language part of which is responsible for ethnomarking, and the Russian language part — for accessibility to the all-Russian Internet audience.

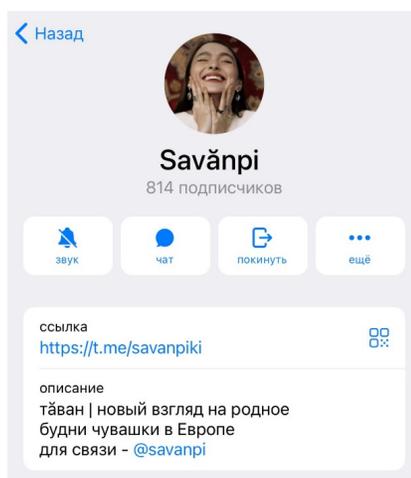
Figure 1. Filling in the interface field “Channel name” in Chuvash language (“An ta kala!”)

Source: Telegram channel “Ан та кала!”, 28 March 2025, <https://t.me/antakala>

Figure 2. Filling in the Chuvash interface field “Link” in transliterated form (@suhvi_kalat)

Source: Telegram channel “Suhvi kalat,” 28 March 2025, https://t.me/suhvi_kalat

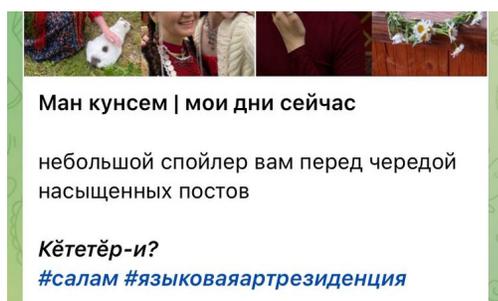
Figure 3. Filling in the transliterated interface field “Description” in the Chuvash language (@suhvi_kalat) (“tăvan | a new look at the native...”)

Source: Telegram channel “Savānpi,” 28 March 2025, <https://t.me/savanpiki>

2. *Alternation in the feed of publications* made only in the Chuvash language, only in Russian, Russian-language publications with an inclusion of Chuvashisms. This approach allows the author to demonstrate his linguistic competence and, as bloggers themselves sometimes point out, to remain interesting to subscribers who have a request for exclusively Chuvash-language texts.

When a user scrolls through the feed of posts, he/she finds himself/herself in a bilingual communicative space and, even if he/she does not speak Chuvash, can clearly form an idea of the resource. In general, ethnobloggers turn to the Chuvash language not in order to be more understandable to readers, which is sometimes caused by the speaker’s switching to another language. They focus on a multilingual audience fluent in Russian, so they use Chuvash as a hallmark of ethnoblogging, as a component of ethnoculture, to associate with the Chuvash people.

Chuvashisms in Russian-language posts, as a rule, are in a strong position (Figure 4): in the first part of a two-part headline consisting of a Chuvash-language statement and its translation into Russian (*Man kunsem | my days now*) and / or at the end (in the form of a question to the reader). This arrangement is pragmatically conditioned: it allows the blogger to focus the reader’s attention on the Chuvash embeddings and thus reinforce the verbal ethnomarker.

Figure 4. An example of a Russian-language post, in which Chuvashisms are presented in a strong position: the title and the ending

Source: Telegram channel “Savānpi,”
10 April 2025, <https://t.me/savanpiki>

Figure 5. The use of the Chuvash language in hashtags

Source: Telegram channel “Savānpi,”
28 March 2025, <https://t.me/savanpiki>

3. *Use of the Chuvash language in hashtags* (Figure 5). In Telegram channels they designate thematic headings and are responsible for navigation, quick access to posts on the stated topic. In predominantly Russian-language Chuvash ethnoblogs, Chuvashisms in the hashtag position not only perform a symbolic function, but also serve as a means of accentuation, involving users in the content of the publication, creating a kind of dialogicality between the text of the message and the title of the rubric.

2. Bilingual communicative practices of ethnobloggers traceable at the level of a separate post:

1. *The use of the Chuvash language in the title* [partially or completely (Figure 6)] and in the ending [partially (Figure 7) or completely] of the text, the rest of it is in Russian. Chuvashisms in these compositional elements perform informative (conditionally encode the main meaning of the post, the idea of the text), advertising (responsible for attracting the addressee’s attention), graphically distinguishing (as a rule, they are formalized by the authors in bold) functions.

It’s not uncommon for bloggers to present some phrases in two language versions at once.

Figure 6. The headline is in Chuvash, the rest of the post is in Russian

Source: Telegram channel “Sukhvi kalat,” 10 April 2025, https://t.me/suhvi_kalat

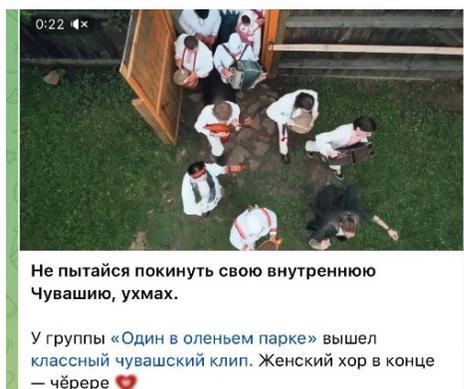
Figure 7. Partial use of the Chuvash language at the end of the post

Source: Telegram channel “Savānpi,” 10 April 2025, <https://t.me/savanpiki>

2. *Insertion of Chuvashisms* (precedent phenomena, formulas of speech etiquette, ethnographic, etc.) into the main part of the Russian-language text (sometimes with translation into Russian).

For example, the author of the Telegram channel “An ta kala!” in Russian-language posts uses Chuvashisms in the aesthetic function (for semantic and language play) and in the so-called password function (to establish the relationship between “friend and foe”). Thus, in the post below (Figure 8), the word *ukhmakh* is translated from Chuvash into Russian as “fool.” In this context, the audience does not perceive this reference as an insult, as it continues the well-known statement (“*Do not leave your inner Chuvashia*”) and as if confirms the irreversibility of the precedent phrase. At the same time, it refers to the music video of the same name, which is announced in the post. In addition, the author uses the Chuvash word to mark his reaction to a fragment from the clip: “*The women’s choir at the end — chĕrere.*” The foreign-language embedding is translated from Chuvash into Russian as “in the heart,” which creates an intertextual connection with the youth slang lexeme “in the heart” meaning “liked,” “deeply touched.” Such uses

carry a stylistic load and perform an expressive function (help the author to convey his assessment, create a certain emotional background, establish a trusting relationship with users).

Figure 8. Embedding Chuvashisms in a Russian-language post to achieve the desired communicative effect
 Source: Telegram channel “An ta kala!”
 10 April 2025, <https://t.me/antakala>

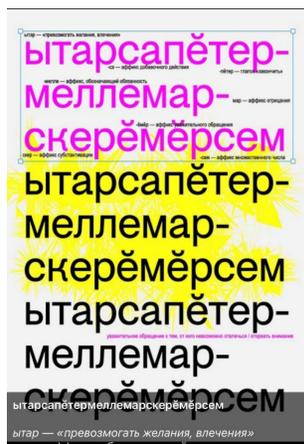

Figure 9. A post that duplicates information in two languages within the text
 Source: Telegram channel “Savānpi,”
 10 April 2025, <https://t.me/savanpiki>

3. *Using Chuvash as one of the two language versions of the post text* (Figure 9). Such posts duplicate the content: they are presented more often first in Chuvash, then in Russian translation. The pragmatic effectiveness of such a communicative move of the author is apparently due to the aim of demonstrating language ability and satisfying the audience’s need for Chuvash-language content.

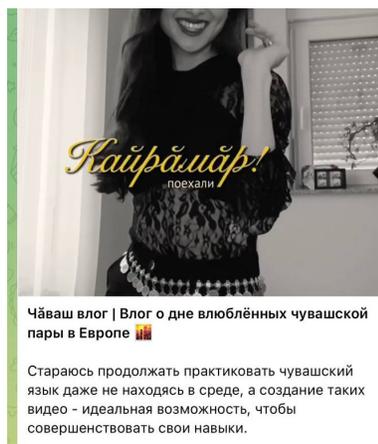
4. *Use of the Chuvash language in the graphic accompaniment of the post text* (Chuvashisms are inscribed in non-verbal space, sometimes with translation into Russian). Photos, illustrations, infographics as a visual code of the multimedia text are transcultural in essence, because being a part of a predominantly Russian-language post, they contain traditional and modified images of Chuvash ethnic culture (symbols, colors, images of famous figures, other visual autostereotypes), as well as inclusions of Chuvashisms, which ethnomark and creolize the graphic content separately (Figure 10).

5. *The use of the Chuvash language in the video accompanying the text of the post:* for example, in short videos in the vlog format. Ethnobloggers shoot “trending” videos because social network algorithms promote recognizable content. This communicative practice allows them to show their online creativity to a larger number of users and possibly interest them in ethnocultural topics. The text in Chuvash is reproduced in the blogger’s voice and usually accompanies the video. In the frame one can see subtitles with a transcription and translation of what was said into Russian (Figure 11), or vice versa: the blogger tells the story in Russian, but subtitles are placed only in Chuvash.

Figure 10. The use of the Chuvash language in the graphic accompaniment of the text of the post

Source: Telegram channel “Sukhvi kalat,” 10 April 2025, https://t.me/suhvi_kalat

Figure 11. The use of the Chuvash language in the video accompaniment of the post: oral and written forms

Source: Telegram channel “Savānpī,” 10 April 2025, <https://t.me/savanpiki>

As an example of transcultural practices it is also worth mentioning such practice as musical accompaniment of bilingual text: the author attaches a popular song in Chuvash language to the post.

Conclusion

The analysis of the considered Telegram channels allowed us to establish the peculiarity of communicative behavior peculiar to Chuvash ethnobloggers. It consists in the Russian-Chuvash bilingual and transcultural construction of media statements, mostly in Russian with the inclusion of some words and expressions in Chuvash. Speech activity of Chuvash ethnobloggers allows them to widely represent their ethnocultural identity in the global information space, to stand out against the background of other content producers, thus attracting attention to their person and forming ideas “about Chuvash” in a multicultural environment. The identified communicative practices are effectively used by them both separately and in various combinations for successful realization of the author’s intention and strengthening of pragmatic impact on the audience.

In our opinion, the integrated methodology based on the sociolinguistic approach, based on the ideas of Internet and media linguistics, theories of artistic bilingualism and transculturation, is productive in assessing the communicative practices of ethnobloggers. The chosen toolkit allowed us to visually trace how Russian and Chuvash languages interact in the statements of Chuvash ethnobloggers and how Russian and Chuvash worldviews co-function. Unbalanced variant bilingualism, motivated by different communicative strategies and authorial intents

determining them, testifies that the creative laboratory of contemporary media artists is a space of speech innovations, which is practically not yet comprehended and requires regular monitoring research, taking into account the increasing complexity of the digital environment and the flourishing of screen culture.

References

1. Vartanova, E.L. 2022. "On the issue of the consequences of the digital transformation of the media environment." *Medi@l'manah*, no. 2 (109), pp. 8–14. https://doi.org/10.30547/media_almanah.2.2022.814. Print (In Russ.)
2. Kuz'min, A.V., and S.N. Hantaev. 2017. "Presentation of ethnicity in the digital space." *Media Philosophy*, vol. 13, pp. 147–157. Print (In Russ.)
3. Kuklina, Je.V. 2022. "Ethnoblogging as a source of ethnotourism development." In *Cifrovaja transformacija v jetnokul'turnom obrazovanii: vyzovy sovremennosti: collection of articles*. Yoshkar-Ola: Marijskij gosudarstvennyj universitet publ, pp. 104–107. Print (In Russ.)
4. Morozova, E.V. 2021. "This is blogging as a phenomenon of the modern socio-cultural space." *Sovremennye uslovija integracionnyh processov v nauke i obrazovanii: collection of articles*. Sterlitamak: Ajeterna publ, pp. 191–193. Print (In Russ.)
5. Muhametova, R.R. 2024. "This is blogging as an effective tool for preserving and popularizing the native languages of the peoples of the Chelyabinsk region." *MEDIAObrazovanie. Cifrovaja sreda: mezhdu pozitivom i destrukciej: collection of articles*. Chelyabinsk: Cheljabinskij institut razvitiya professional'nogo obrazovanija publ, pp. 119–121. Print (In Russ.)
6. Belorussova, S.Ju., and N.E. Hohol'kova. 2023. "Virtuality and globality (using the example of the indigenous peoples of Russia and Africa)." *Ethnography*, no. 4 (22), pp. 160–180. [https://doi.org/0.31250/2618-8600-2023-4\(22\)-160-180](https://doi.org/0.31250/2618-8600-2023-4(22)-160-180). Print (In Russ.)
7. Lekonceva, A.K., and D.A. Efremov. 2024. "Content formats of Udmurt ethnic blogs." *Regional'naja zhurnalistika v fokuse vremeni: collection of articles*. Izhevsk: Udmurtskij universitet publ, pp. 117–122. Print (In Russ.)
8. Morozova, E.V. 2021. "The blog as a mechanism for broadcasting ethnic culture." *Nauchno-tehnicheskij progress kak mehanizm razvitiya sovremennogo obshhestva: collection of articles*. Ufa: Ajeterna publ, pp. 103–105. Print (In Russ.)
9. Afanas'eva, V.A. 2024. "Features of ethnoblogging in Udmurtia (using the example of the telegram channel 'What is Votyachka singing about')." *Innovacii v nauke i praktike: collection of articles*. Ufa: Vestnik nauki publ, pp. 251–254. Print (In Russ.)
10. Efremov, D.A. 2024. "Telegram channel 'What is votyachka singing about' as a phenomenon of new ethnomedia of Udmurtia." *Bulletin of Philological Sciences*, vol. 4, no. 12, pp. 136–141. Print (In Russ.)
11. Golovnev, V.A. 2021. "Media transformations in ethnography and the birth of ethnoblogging (using the example of the Tromjegan River Khants)." *Ethnography*, no. 4, pp. 186–210. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4\(14\)-186-210](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2021-4(14)-186-210). Print (In Russ.)
12. Golovnev, V.A. 2024. "Evenk ethnos blogging: virtual self-presentation and theory of social drama." *Bulletin of Anthropology*, no. 2, pp. 129–146. <https://doi.org/10.33876/2311-0546/2024-2/129-146>. Print (In Russ.)
13. Jagafova, E.A. 2023. "Representation of Chuvash ethnic history and culture on the Internet." *Evracija — dialog kul'tur: collection of articles*. Saint-Petersburg: Rossijskij jetnograficheskij muzej publ., pp. 153–158. Print (In Russ.)
14. Jagafova, E.A. 2023. "Ethnic identity in the global network: Chuvash groups in the Odnoklassniki social network." *Socio-economic and Humanitarian Journal*, no. 4 (30), pp. 241–250. <https://doi.org/10.36718/2500-1825-2023-4-241-250>. Print (In Russ.)

15. Jagafova, E.A., and A.S. Rogovoj. 2023. “Chuvash regional communities on social media.” *Ethnography*, no. 4 (22), pp. 181–194. [https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4\(22\)-181-194](https://doi.org/10.31250/2618-8600-2023-4(22)-181-194). Print (In Russ.)
16. Gavrilov, A.D. 2024. “Chuvash people on the Internet: ethnocultural content and communicative practices of self-identification.” *Chuvash Humanitarian Bulletin*, no. 19, pp. 65–87. Print (In Russ.)
17. Gavrilov, A.D. 2023. “Chuvash ethnobloggers as subjects of the media environment: linguistic practices of self-presentation.” *Jazyk i slovo: collection of articles*. Cheboksary: Chuvashskij gosudarstvennyj universitet imeni I.N. Ul’janova publ. Ul’janova publ, pp. 153–157. Print (In Russ.)
18. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2022. “‘Language Keys’: Foreign Cultural Lexicon in the Translingual (Russophonetic) Literary Text.” *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, vol. 13, no. 1, pp. 184–200. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2022-13-1-184-200>. Print (In Russ.)
19. Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2022. “Proekt” ‘Bi-, poli-, translingval’nye processy v literature postsovetskogo prostranstva.” *The dynamics of linguistic and cultural processes in modern Russia*, no. 7, pp. 416–421. Print (In Russ.)
20. Bolotnov, A.V. 2017. “Cognitive styles of information and media personalities of different types and their reflection in textual activity.” In *Linguistic personality and media environment: communicative and cognitive aspects of interaction: a collective monograph*. Tomsk: Tomskij centr nauchno-tehnicheskij informacii publ, pp. 166–177. Print. (In Russ.)

Bio note:

Artem D. Gavrilov is a Candidate of Philological Sciences, Researcher in the Historical Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6031-2725, eLibrary SPIN-code: 3601-9440. E-mail: artmaster28@rambler.ru.

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

LITERARY DIMENSION

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612

EDN: BIMYQZ

Research article / Научная статья

Evolution of the Author’s Picture of the World According to the Model ‘Self / Other’ in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period

Vitaly Gr. Rodionov

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ vitrod1@yandex.ru

Abstract. The relevance of this study increases in the context of the steady strengthening of the multicultural space in the modern world and the strengthening of the role of intercultural dialogue in it. In the process of searching for optimal forms of dialogue between different cultures, the artistic and verbal experience of national minorities (alias, ‘инородцы’ — inorodtsy) during the formative years of Soviet Russia is very useful. We are interested in the author’s picture of the world of writers in the prism of ethnic self-identification, their search for ways of further existence of the nation in the context of changing reality. The purpose of this article is to identify the author’s pictures of the world in their diversity and evolution. The material used is the works of talented Chuvash writers, which were composed (published, revised or staged) in 1917–1924. The borderline state of several sciences studying man and his culture is described. Literary, psychological and ethnological approaches are used. Comparative analysis with its focus on identifying the singular and unique prevails.

Key words: intra-ethnic conflict, literary canon, ethnic symbolism, ethnocentrism, turmoil, dialogue, N.G. Garin-Mikhailovsky

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Rodionov, V.G. 2025. “Evolution of the Author’s Picture of the World According to the Model ‘Self / Other’ in the Works of Chuvash Writers of the Post-Revolutionary Period.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 601–612. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612>

© Rodionov V.G., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Эволюция авторской картины мира по модели «свой — чужой» в творчестве чувашских писателей постреволюционного времени

В.Г. Родионов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ vitrod1@yandex.ru

Аннотация. Актуальность данного исследования возрастает в условиях неуклонного укрепления в современном мире поликультурного пространства и усиления в нем роли межкультурного диалога. В процессе поиска оптимальных форм диалога разных культур весьма полезен художественно-вербальный опыт национальных меньшинств («инородцев») в годы становления советской России. Нас интересует авторская картина мира писателей в призме этнической самоидентификации, их поиск путей дальнейшего существования нации в условиях изменяющейся действительности. Цель работы — выявление авторских картин мира в их разнообразии и эволюции. Материалами исследования стали произведения талантливых чувашских писателей, которые сочинены (опубликованы, доработаны или поставлены на сцене театра) в 1917–1924 гг. Охарактеризовано пограничное состояние нескольких изучающих человека и его культуры наук. Используются как литературоведческие и психологические, так и этнологические подходы. Преобладает сопоставительный анализ с его нацеленностью на выявление единично-уникального.

Ключевые слова: внутриэтнический конфликт, литературный канон, этническая символика, этноцентризм, смута, диалог, Н.Г. Гарин-Михайловский

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Родионов В.Г. Эволюция авторской картины мира по модели «свой — чужой» в творчестве чувашских писателей пореволюционного времени // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 601–612. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-601-612>

Introduction

The problems of the world picture are of great interest to specialists in a number of humanitarian disciplines. The identification of the dynamics of the author's (individual) picture of the world in the works of Chuvash masters of fiction is the goal of a number of our scientific developments (see: [1–3]). In this article we limit the chronological framework of the analyzed material to 1917–1924. To compare the essays about the Chuvash people, we took the works reflecting the world pictures of Russian and Chuvash authors of the famine years of the late 19th century.

When interpreting a fiction text, ethnological and other socio-historical conclusions must necessarily be corrected with the conclusion of literary analysis; otherwise, as it seems to us, the historical and ethnological view may lead to one-

sided conclusions that do not take into account the artistic analysis. Or, on the contrary, the origins of many images and characters of the heroes, as well as the fabula of the works go back to the processes of ethnological rather than purely artistic order. Here the literary scholar must go beyond the limits of his science and delve into the specific problems of historical ethnology. In particular, it is impossible to study author's pictures of the world without knowing the mechanism of formation of the ethnic picture of the world. As ethnologist S. Lurie writes, ethnic constants, which include a number of unconscious images, are not substantive, but operational; they refer to the image of human action in relation to the objects of the universe. This is a system of fixed attitudes, acting either as artifacts (models of action) or as cognitive artifacts. As a result, 'the basis is created for the external, (intentional) conflict to be reacted in a 'dramatized' way through the interaction of 'images' that have unique features in each culture.¹ Thus, each culture has its own canon of perception of reality. From this point of view, human activity appears as an interaction of 'images'. The traditional intra-ethnic conflict of a number of ethnic groups localizes the evil beginning outside of themselves, their ethnos². We partially tested such theoretical assumptions of historical ethnology on the material of Chuvash literature [1. P. 242, 246; 2. P. 218–219]. The identification of the dynamics of the image of the world according to the model 'self / other' allows us to link its change with the laws of functioning of the ethnos itself.

Our next methodological peculiarity as a literary historian is our conscious rejection of a number of terms that in the Soviet era became political labels (e.g., nationalism) [4]. In assessing the worldview in the work of writers, it is advisable to use a neutral (non-politicized) term, for example, ethnocentrism. The latter word is freed from axiological semantics, respectively, and from the researcher's biased position. On the one hand, ethnocentrism may prove to be a certain obstacle to intergroup interaction. On the other hand, ethnocentrism performs, according to psychologists, useful functions for an ethnic group (maintaining its positive identity, as well as preserving its integrity and specificity).³

Discussion

It is appropriate to begin the study of the problems of the development of the author's picture of the world with the characterization of people with personal consciousness, who in society perform the function of counselors. Some number of such people constantly "maintains the 'central zone of culture' in its integrity." In other words: they adopt the ethnic way of seeing the world so that the ethnos

---

¹ Lurie, S.V. 2004. *Historical ethnology: textbook for universities*. Moscow: Academic Project: Gaudeamus, p. 292.

² Ibid, p. 471.

³ Stefanenko, T.G. 2009. *Ethnopsychology: textbook for universities*. 4th ed., revised and additional. Moscow: Aspect Press, p. 278.

adopts the ethical norms and values to which people with personal consciousness have come, thereby activating ethnic constants.⁴ Such people, especially in times of turmoil, stand out for their active (conservative or creative) activities. And the turmoil, as S.V. Lurie explains, ‘serves as a tool to release the accumulated tension in the ethno-cultural system, is also a functionally necessary element of the mechanism of transformation of the ethnic picture of the world’.⁵

The Russian word ‘смута’ (turmoil) is closest to the Chuvash lexeme *pălkhav* ‘revolt, unrest, turmoil, rebellion, disturbance’ (from Pratyurkic *bulya* — ‘to stir, mix’, ‘to muddle’ + *aph. -v*).⁶ The main part of local turmoil of the Chuvash ethnos in the 17–20th centuries was caused primarily by the peculiarities of its intra-ethnic conflict (localization of evil outside the boundaries of its ethnos) and habitat area (frequent droughts and other natural disasters in the zone of risky agriculture). The Chuvash ethnos up to the beginning of the 20th century functioned in the mode of sharp confrontation of rural laymen with representatives of foreign authorities [3. P. 146–147]. The local authorities very rudely, without any explanatory work among the peasants, tried to implement any decisions of provincial officials. It was for such a reason that a major uprising of Chuvash and Mari peasants occurred by the middle of the 19th century. Akramov uprising (*Shurcha vărçi*) is well shown and studied in the works and ethnological works of Spiridon Mikhailov (Yandush), a Chuvash with a developed personal consciousness of that time [3]. Another of his contemporaries (Vasily Lebedev) ended his untitled poem with the following lines: ‘Eat, Chuvash, your black bread, / And sell your cattle; / You’ll save up more money, / If trouble comes to the clerks. / Eat, Chuvash, your black bread. / What can you do? — our ‘happiness’!’⁷

Such Chuvash figures were joined by some Russian writers who pointed out in their works the main reasons for the suffering of the Chuvash peasants during the famine and epidemic diseases — the irresponsible attitude of local government officials to the needs of rural communities. For example, the talented sketcher N. Garin-Mikhailovsky in his essay “В сутолке провинциальной жизни” (“In the hustle and bustle of provincial life”) (1900) showed by his own example (he was a landowner with views close to the narodniks’ picture of the world) that former Russian serfs were better protected from the arbitrary rule of kulaks and other opportunistic exploiters than poor ‘*inorodtsy*’ (members of ethnic minorities) who did not have an educated patron-adviser near them. According to the story of a Russian sketcher, the Chuvash-pagans from the village of Parashino (present

⁴ Lurie, S.V. 2004. *Historical Ethnology: textbook for universities*. Moscow: Academic Project: Gaudeamus, p. 416.

⁵ *Ibid.*, p. 444.

⁶ Fedotov, M.R. 1996. *Etymological dictionary of the Chuvash language*. In 2 vol., vol. 1. Cheboksary: ChGIGN, p. 396–397.

⁷ *Revolutsichchenkhi chăvash literaturi. Textsem.* 1984. Vol. 1 (XX ěmërchen). Shupashkar: Chăvash kĕn. izd-vi, p. 98. Hereinafter, the translation from the Chuvash is ours. — V.R.

name — Karmalo-Adelyakovo) in the Samara region, suspecting the zemstvo authorities of another trick and listening to the rumors spread by bread merchants, refused to take public plowing, ‘in respect of which the zemstvo courageously withstood its ultimatum: take it or leave it... Only when the majority of people in the village had already eaten their livestock, thus becoming also the ragged, was the public plowing accepted’.⁸

In the above-mentioned Chuvash village by the end of 1891 a famine typhus broke out, and in June of the following year, as the narrator says, the author ‘happened to attend the Chuvash spring festival Uyav, in honor of Tur and the young goddess, daughter of the good and great god Tur’⁹ (on the basis of this fragment of the Chuvash festival and the description of subsequent events during the cholera epidemic, the Russian writer composed the drama “Zora”). ‘Much of what was attributed only to the people’s ignorance during the cholera riots,’ summarized N. Garin-Mikhailovsky, ‘should be written off from the people’s account and recorded at the expense of anyone but the people’.¹⁰ In his former estate, the writer organized literacy training for children and adults, conducted their treatment with methods and medicines available in those years, engaged in agronomy.

The same patron for the flock was the Chuvash priest and translator Daniil Filimonov, who in June 1891 sent his teacher N. Ilminsky a heartbreaking letter informing him about the beginning of famine in his parish (two years later he published an essay about it in the form of separate brochure¹¹). The envelope contained a small bag of green powder made from dried leaves of fat-hen and linden. It was a sample of food of the hungry Chuvash people. The letter was published in the “Moscovskie Vedomosti” through the Ober-procurator of the Synod, and the bag with the powder was presented to Emperor Alexander III. More than 6 thousand rubles in money, bread and goods were collected to help the starving. Such an act of the priest helped to save hundreds of lives of Chuvash parishioners. But the governor of Kazan province responded to such a noble deed of the writer in a cassock with a sharp accusation of exaggerated depiction of the famine in the letter, and the diocesan authorities responded with a reproach for the unauthorized publication of the letter in the central press.¹²

So, we have given two facts from the Chuvash life in the famine of 1891. In the description of the Russian landowner there is no deep sympathy and

---

⁸ Garin-Mikhailovsky, N. 1980. *Some years in the village: Sketches, drama / Composition*, afterword and notes to the drama “Zora” by F.E. Uyar. Cheboksary: Chuvash. book publishing house, p. 192.

⁹ Ibid, p. 210.

¹⁰ Ibid, p. 218.

¹¹ Revolutsichchenkhi chăvash literaturi. Textsem. Vol. 1 (XX ėmërchen). P. 192, 442.

¹² Aleksandrov, G. 2004. *Chuvash intellectuals. Biographies and fates*. Cheboksary: Tip. Shafo-nova G.K., p.77–82.

experience, because in the trouble were not their own, but ‘inorodtsy’-pagans. The act of the Chuvash priest can be explained first of all by his developed national feelings: he composed a letter and an essay for the sake of saving his dying fellow-tribesmen, to whom he is related not only by faith but also by blood. The narrator of the first writer’s essay acts as an abstract humanist who pities people other to him, while the narrator of the second one acts as a humanistic sufferer who is worried about the lives of his relatives and close fellow tribesmen. Consequently, the author’s picture of the world according to the model ‘self / other’ in Chuvash literature differed from the similar model in Russian essay prose about Chuvash people. The different ethno-cultural orientations of writers of Russian and ‘foreign’ origin contributed, as we shall see below, to the difference of worldviews and world pictures, as well as to the logic of the development of the plot. In these lies the uniqueness of the works of the two neighboring peoples.

In the conditions of the disintegration of a large clan family, the conflict between different generations of rural community members became actualized in Chuvash verbal creativity. In the poem “Narspi” by K. Ivanov (Kashkyra), the author argues not with the keepers of ethno-cultural tradition, as some researchers believe, but primarily with its destroyers, seeking happiness in wealth [5. P. 78]. His generation of poets created a new literary canon, which became the norm for Chuvash writers of future times. The originator of the new poetry based on updated poetics and metrics is *Chechpel Mishshi* (Mikhail Sespel). From the very beginning of his creative path, the poet was able to fit the pictures of the Chuvash cyclic world into the universe of linear space and time. Simultaneously with the above-described reformatting of the model of the Chuvash world picture, this classic of Chuvash poetry developed the tradition of depicting two worlds (‘self’ and ‘other’) as a more complex system of images and characters. His story “*Värman achisem*” (Children of the Forest, 1918, March) is a vivid example of such organization of the plot with the creation of a whole gallery of socio-psychological types of the Chuvash ethnos.¹³

The plot of this story is built, like the poem “Narspi”, on the principle of clear delineation of the boundaries of two opposite spaces. But time in them moves in opposite directions: in the Chuvash (‘self’, natural) — towards degradation (destruction and disappearance), and in the ‘other’ (Russian) — towards progress, but also towards the destruction of nature (the railroad and the steam engine as their symbols). Accordingly, the images of heroes by their value qualities belong to the types of people of different historical epochs.

To define and distinguish these types of heroes, we should recall the poet Endri Turhan’s essay “*Chavash Historië*” (“The History of the Chuvash People”, 1917),

---

¹³ Cespel, M. 1989. *Collected Works: Poetry, Prose, Dramaturgy, Letters*. Cheboksary: Chuvash. book publishing house, p. 204–221.

in which the historical epochs of the Chuvash ancestors are divided into the following epochs: 1) the epoch of the Huns; 2) the epoch of Attila and his descendants; 3) the epoch of the Volga Bulgars; 4) the epoch of the Golden Horde and the Kazan Khanate; 5) the epoch of Muscovy and the Great Russian State.¹⁴ The author evaluated the first three epochs as heroic, and the subsequent ones as regressive. Many military actions took place on the land of Chuvash ancestors, they fled from Mongolian *nukers* (henchmen) and Russian *ushkuyniks* (pirates) to the dense forests, so they became cowardly, afraid of any Tatar and Russian, shunned the whole outside world, which became not just other, but *çichĕ yută* (seven times other) for them. For this reason, the intra-ethnic conflict of the Chuvash ethnos in the years of its trials of national oppression (15th–19th centuries) was ‘outside itself, its ethnos’.¹⁵ In these centuries the Chuvash ethnos took the path of self-isolation and conservation, in the periods of the next turmoil more and more firmly fixing the world pictures and ethnic stereotypes of a man without any rights, except for the right to slave labor.

What human qualities do the characters in the story “Children of the Forest” have? The most positive character traits the author has given to the grandfather *Ukhille*, an elderly father of six sons, the head of the family, both a farmer and a hunter (a universal type of Chuvash from the pre-Christian era). He strictly observes traditional rituals and folk faith, including veneration of *Yră Kiremet* (a sacred spirit-ancestor that dwells in an old oak tree ‘that stands on a hill near the edge of the forest’). His married son *Sŷkhepi* ‘suffers’ from idleness and is most afraid not of the Chuvash Sacred spirit-ancestor, but of tax collectors and Russian chiefs from the volost office (a type of Chuvash from the fifth epoch). The bravest, young, industrious and creative heroes are *Çăltăr* (star) and *Çeçpĕl* (honeycomb). The first one sings a song about Attila's heroic actions and his funeral: ‘He died in battle, / In the fight he fell with the enemy, / He was buried / In a golden coffin, / At the bottom of the sea’.¹⁶ It depicts the so-called ‘golden age’ of the ancestors of the Chuvash people, the memory of which is partially preserved in their oral poetic creativity.

The singer with a unique name (there is another, more symbolic meaning of *çăltăr*:- *çăl*- ‘to save’ + *tăr* ‘let [him]’, i.e. ‘let [him] save’) is supported by the whole team of horsemen, who are amicably following the construction of the railroad, which goes to the territory of Russian people. At first glance, it is as if they resemble their ancient and glorious ancestors of the first three eras, who in the old heroic times regularly organized military campaigns into foreign spaces.

¹⁴ Turhan, Entry. 2010. *Yulashki yurrām. Çörnisen pukhi*. Shupashkar: Çĕnĕ vākhăt [My last song. Collected works], s. 58–86

¹⁵ Lurie, S.V. 2004. *Historical ethnology: textbook for universities*. Moscow: Academic Project: Gaudeamus, p. 471–472

¹⁶ Cespel, M. 1989. *Collected Works: Poetry, Prose, Dramaturgy, Letters*. Cheboksary: Chuvash. book publishing house, p. 210–211.

After Söldyr, Cespel, the son of Ugil's grandfather, proceeds to improvise a song about forest nightingales: 'Nightingale, nightingale, / Little bird, / Though small in stature, / Fills the whole forest with song.'¹⁷ Here is a picture typical of the fourth epoch of the life of the Chuvash ancestors. We can read about it in the above-mentioned historical essay by E. Turhan (this sentence connects the image of the nightingale with the fourth epoch): 'Only after the Tatar-Mongolian persecutors left did the nightingales of the black forest sing their joyful songs, calling the Chuvash people, who had managed to turn into people with a mouse heart, not to be afraid of the forest, to continue to work and live.'¹⁸

The most negative character is Migur, a bachelor, homeless, not brave at all, but a brawling Chuvash, who had been a longtime laborer for the Russians, and had poorly learned their language, which he was proud of among his kinsmen. The writer endowed this character with a rare name, which is most likely derived from the noun *măkăr*, which means 'embankment of the railroad', 'hill in the field', 'bump', etc.¹⁹ Indeed, he, who speaks Russian, considers himself civilized (the author of the work specifies: he is only an embankment of progress, leading the ethnos to death). This (Russianization and disappearance) is one of the two paths leading the Chuvash into the future. The other way would be chosen by Söldyr and Cespel (restoration of the real history of the ethnos in the memory, strengthening of the native people by the energy of the Cosmos and the Earth). Only in this way it was possible to get rid of cowardice and disunity of the Chuvash people acquired in later epochs. But Cespel, the son of Ugil, dies, leaving behind only a grave mound (the author-narrator expresses his deep disappointment on this occasion by retarding the plot and a lyrical digression). All hope is in Söldyr, who has returned to his father's house alive and unharmed. It is not by chance that the phonetic appearance of his name forms a second, more symbolic meaning: *çäl-* 'to save' + *tăr* 'let [him]', i.e. 'let [him] save'. The reader knows that of those who have returned alive, only *Çältăr* (the name of the star in the Chuvash language is derived from the imitative *yăltăr*, which means imitation of bright light or brilliance) will be able to enlighten his people and rid them of old and new faults. It is by light (the sun) that man is purified: '*Çută hëveľpe / Çutalsa tărar. / Tăvan chěłkhepe / Pěrleshse yular!*' (Man is lighted by the sun's destiny. / May our native language unite us forever! 1918. Russian translation by A. Dmitriev).²⁰ The twice repeated polysemantic word *çăltăr*, as the wings of the concept *halakh* 'people' (*çăltăr / halakha / çăltăr*), forms

¹⁷ Cespel, M. 1989. *Collected Works: Poetry, Prose, Dramaturgy, Letters*. Cheboksary: Chuvash. book publishing house, p. 210.

¹⁸ Turhan, Entri. 2010. *Yulashki yurrām. Çırnisen puhhi*. Shupashkar: Çeně văkhăt [My last song. Collected works], s. 76

¹⁹ Ashmarin, N.I. 1935. *Dictionary of the Chuvash language*. In 17 vol. Cheboksary: Chuvash. gos. izdvo, vol. 8, p. 299

²⁰ Cespel, M. 1989. *Collected Works: Poetry, Prose, Dramaturgy, Letters*. Cheboksary: Chuvash. book publishing house, p. 76–77.

a completely new semantics: ‘the savior-star / of the [our] people / let him save’. Thus, the Chuvash *çältär*, as a key word, reveals the meaning coiled in it, the idea-dream of the author-artist: there is still a bright hope for the revival of the people humiliated by centuries.

Thus, we can affirmatively say that the ideas and tasks of the post-revolutionary time articulated by Cespel are implicitly present in the story ‘Children of the Forest’. But there a special emphasis is placed on the epoch when the benefits of European technogenic civilization (construction of the railroad) spread to the Volga region. The author leaves the above-mentioned story unfinished, thus intriguing the reader and forcing him to at least mentally complete its end, of course, taking into account the changed reality by 1918 and the types of characters of the heroes who returned home.

The first Chuvash poet and playwright to create a vivid image of a servile and despicable fellow tribesman was Matri Yuman. His work “*Shevle vylyat*” (“The Sheet Lightning Plays”, 1917) is based on the contrast between the heroic past of the Chuvash people and their lowly state at present, which is successfully synthesized in the genre of the text *shārançhäk* ‘fusion’ (heroic poetry and down-to-earth prose). The genre of Tatar literature closest to this Chuvash term is *näser* (translated in old dictionaries as ‘white verse’ and ‘prose’). After a verse description of the epic hero *Ulap* (Ulyp) from Chuvash folklore, the author begins to narrate in prose: ‘Are my contemporaries the same? Ah, my dear, don’t remind me, don’t soothe your soul by exalting the people of today. They are sick, weak bugs, weak-minded and cowardly creatures; today’s people are freeloaders...’²¹

The picture of the first meeting of the narrator with the Chuvash people from N. Garin-Mikhailovsky’s essay ‘In in the hustle and bustle of provincial life’ we see: ‘Having run away, the rest of the crowd stopped. ‘Thought there was an official,’ condescendingly greeted me old man. ‘And if it was an official,’ Vladimir snapped contemptuously sitting on the driving-box, ‘would he bite you or what? Timid as hares...’ ‘— Well hares,’ said the old man, ‘nowadays a Chuvash is not a hare, whoever wants can come...’ ‘— And Chuvash himself turns his tail and flees from whoever it may be’.²²

In the drama “Zora” (after 1899²³) the author embodied the image of the narrator from the above essay in the main character Harry, a civilized Englishman-romantic, who dreamed of replacing the ‘animal peace’ of ‘unhappy slaves’ and

²¹ Yuman, Mëtri. 1987. *Suilasa ilnisem. Kalavsempe novellasem, novella, drama, essays, asilysem, articlesem, çyruşem*. Shupashkar: Chāvash kën. izd-vi, p. 39.

²² Garin-Mikhailovsky, N. 1980. *Op. cit.*, p. 210.

²³ In the Notes the compiler of the book Hveder Uyar writes: “As in the essays and stories of the peasant cycle, the main part of the drama is the overbearing invasion of capitalism in the remote corners of Russia, in particular, in the Chuvash village. But the author realizes it in the form of drama. In these years Garin-Mikhailovsky just tries his hand at the dramatic genre (so, in 1898 he wrote the drama ‘Orchid’)” (Garin-Mikhailovsky, N. *Op. cit.*, p. 378–379).

‘submissive people’ with the technogenic ‘happiness of consciousness’.²⁴ This hero (on cue another character, a disillusioned ‘good utopian’), intends to lay railroads on the land of ‘savages,’ bring cars along them, and build palaces. But the Chuvash old man (in the drama he is a priest) and his pagan flock take the traveler for a messenger of the evil Irik (*Yěřěh*). The priest reproduces the mythological pre-diction of the Chuvash: ‘...Oh, woe to us! The prophecy has come true. Yes, that’s right, our old man said: hard times will come, and Tura Irik will give us the will...’²⁵

M. Yuman got acquainted with the above-mentioned works of N. Garin-Mikhailovsky about the Chuvashs, most likely, after 1916 (the drama “Zora” was first published that year²⁶). He could have read the essay earlier, during the years of his work in the editorial office of a Moscow newspaper or his studies at the Moscow Imperial University and A. Shanyavsky People’s University (1912–1915).²⁷ The author’s picture of the world of “*Shevle Vylyat*” is more in line with the dynamic model of ‘self/ other’ depicted in the drama “Zora”. The Russian playwright showed the beginning of a spontaneous revolt of the Chuvash peasants (‘A SERVANT. They want... that we all leave these places forever...’²⁸). But because of Harry’s stubborn resistance (he takes a gun in his hand) he is killed by Zora’s fiancé (Zoraim): ‘Die, cursed one!’. Before his death, the master of the castle declares that he is dying in office, and his work will be carried on by others. Still, at the end he regrets that he ‘broke the heart of a noble, the heart that one loved’.²⁹

In the drama “*Eli*” (*Ui chýkě* “Field Sacrifice”, 1922, 1924), the foreigner (he has a different name there, *Engirei*) is depicted as more brutal than in Garin-Mikhailovsky’s drama, and the groom *Eli* (< *Elime* ‘a female pagan name’) is more courageous, like the ancient *bogatyr*s from M. Yuman’s mythological *sharanchak*. The lyrical subject of this rhythmic text by the Chuvash author is tormented by doubts: he is looking for the way to the Sheet Lightning, the symbol of national happiness and freedom. On that eternal path black clouds and evil mythical creatures await him. The hero (he is a symbol of the entire Chuvash people) is called by the glow of the long-awaited dawn, and he eternally walks towards the heavenly radiance. That path through great obstacles is the road from slavery to the free world, to the civilized future of the Chuvash nation.

As is known, in 1922 I. Maksimov-Koshkinsky translated N. Garin-Mikhailovsky’s drama into the Chuvash language and staged it at the Chuvash theater in Cheboksary, and then together with M. Yuman they wrote the script of the future

²⁴ Garin-Mikhailovsky, N. *Op. cit.*, p. 346.

²⁵ *Ibid*, p. 346.

²⁶ *Ibid*, p. 378.

²⁷ Yuman, Mětri. *Op. cit.*, p. 427, 443, 521.

²⁸ Garin-Mikhailovsky, N. *Op. cit.*, p. 356.

²⁹ *Ibid*, p. 357.

film “Zora” (Sarpige), which premiered in Moscow on March 12, 1927. Maximov-Koshkinsky, who imitated the Russian playwright in the formation of his pseudonym, did not follow the plot of his drama (for example, the heroine does not freeze, but drowns herself in the lake near her house, and in the last version she is killed by a cold-blooded shot of the landowner Engirey). The screenwriter removed everything fairy-tale, changed the names of many characters, and introduced social motifs into the plot. The originally modest but active guy, the groom Eli (Atner), turned into the leader of the Chuvash rebels.³⁰ The depiction of the troubled state of the Chuvash ethnos allowed the author to show the process of transformation of the picture of the Chuvash national world in the post-revolutionary years of the 20th century.

Conclusion

Chuvash literature on the basis of oral and written traditions of the early 20th century synthesized a new literary canon with the fabula and axiological modus ‘self’ and ‘other’. In the circle of the ‘stranger’ Chuvash writers initially included all foreign-speaking people, which was connected with the peculiarity of the intra-ethnic conflict of the Chuvash ethnos. With the emergence of educated people from their own environment, ‘others’ could also be called some of the former ‘selves’ who began to despise their national and social origin. The traditional equilibrium between ethnic communities was disturbed in periods of turmoil, when the word ‘self’ acquired a salutary semantics against the background of the appearance of the danger of the ethnos’ disappearance. The author’s pictures of the world became more complex, acquiring utopian and anti-utopian tones. The world picture of the Chuvash writers of 1917–1924 is oriented primarily to maintaining the integrity of the Chuvash ethnos and preserving its vitality in the constantly changing external world.

References

1. Rodionov, V.G. 2021. ‘On the folklore and author’s pictures of the world in the works of the first Chuvash classics.’ *National literatures in the context of cultural integration: materials of the International round table*. Kazan: IYALI named after G. Ibragimov publ., pp. 240–248. EDN: WTVMVU Print. (In Russ.)
2. Rodionov, V.G. 2023. ‘Different pictures of the world in terms of the author’s self-identification (based on the poems of Peder Huzangay of the 1930s).’ In *National pictures of the world. On the 100th anniversary of R.G. Gamzatov’s birth: report summary*. Moscow: IMLI RAS, pp. 213–223. Print. (In Russ.)

---

³⁰ In a later version of the drama “Uy chŷk” Atner calls the rebellious Chuvashes with these words: “Natives! Stop! Listen to me! Burn the whole city. Let the cursed city burn! Let us destroy our enemies!” (Maximov-Koshkinski, I. 1928. *Uy chŷk. Yutra*. Muscav: USSR-ti halăkhsen tēp editions, p. 56).

3. Rodionov, V.G. 2021. “Works of Spiridon Mikhailov (Yandush) in the aspect of some problems of historical ethnology.” *Bulletin of the Chuvash University*, no. 4. pp. 135–148. <https://doi.org/10.47026/1810-1909-2021-4-135-148> EDN: GOHGXX Print. (In Russ.)
4. Kirchanov, M.V. 2020. “Polish-Chuvash ‘fantastic’ parallels’ in the literature of the 20th century.” In *The Fifth Lem Readings*: collection of materials of the International scientific conference. Samara: Samara Humanitarian Academy publ., pp. 261–270. Print. (In Russ.)
5. ICHL. 2015. History of Chuvash literature of the 20th century. Part 1 (1900–1955): collective monograph.’ Cheboksary: Chuvash. book publishing house. Print. (In Russ.)

Bio note:

Vitaly Gr. Rodionov is a Doctor of Philological Sciences, Professor, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0143-7952, eLibrary SPIN-code: 6148–9261, E-mail: vitrod1@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-613-623

EDN: BIWXDR

Научная статья / Research article

Феномен авторского жанрового определения в творчестве драматурга Николая Терентьева

И.Ю. Кириллова^{ID}

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ irinakir1@mail.ru

Аннотация. Рассмотрены художественные особенности и жанровое своеобразие драматургии Николая Терентьева, принимавшего активное участие в обновлении жанровой парадигмы чувашской драмы второй половины XX в. В работе осмыслено своеобразие художественного мира Н. Терентьева в сфере поиска им новых жанровых форм. Жанровая неопределенность, разнородные жанровые признаки в одном произведении вызывают необходимость рассмотреть проблему жанровой природы пьес писателя и говорить о присущем им внутривидовом синкретизме, который прежде всего проявил себя в авторских жанровых определениях. Их анализ в творчестве Н. Терентьева показал, что чаще всего они находятся в позиции подзаголовка и наравне с другими элементами являются частью произведения, формируясь в рамках определенных художественных задач и под влиянием разнообразных жанровых процессов: синтеза и переосмысления традиционных жанров, их трансформации и т. д.

Ключевые слова: Николай Терентьев, литература народов РФ, чувашская драматургия, жанровый синтез, авторские жанровые определения.

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кириллова И.Ю. Феномен авторского жанрового определения в творчестве драматурга Николая Терентьева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 613–623. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-613-623>

The Phenomenon of Author's Genre Definition in the Work of Playwright Nikolai Terentyev

Irina Yu. Kirillova^{ID}Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*✉ irinakir1@mail.ru

Abstract. The paper considers the artistic features and genre originality of Nikolai Terentyev's dramaturgy, which took an active part in updating the genre paradigm of Chuvash drama in the second half of the twentieth century. The uniqueness of N. Terentyev's artistic world in his work is

© Кириллова И.Ю., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

reflected in his search for new genre forms. Genre uncertainty, heterogeneous genre features in one work make it necessary to consider the problem of the genre nature of the writer's plays and talk about their inherent intraspecific syncretism, which first of all manifested itself in the author's genre definitions. Their analysis in the work of N. Terentyev showed that most often they are in the position of a subtitle and, along with other elements, are part of the work. Their formation takes place within the framework of certain artistic tasks and under the influence of various genre processes: synthesis of genres, reinterpretation of traditional ones, their transformation, etc.

Key words: Nikolai Terentyev, literature of the peoples of the Russian Federation, Chuvash drama, genre synthesis, author's genre definitions

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kirillova, I.Yu. 2025. "The Phenomenon of Author's Genre Definition in the Work of Playwright Nikolai Terentyev." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 613–623. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-613-623>

Введение

К середине XX в. чувашская драма в своем развитии испытывала объективные трудности, обусловленные как общественно-политическими обстоятельствами того времени, так и внутривидовыми тенденциями. Это — «праздничность», бесконфликтность, приукрашивание действительности, противоречащие самой сущности драматического произведения. Благоприятное влияние оказал начавшийся в середине 1950-х гг. процесс демократизации советского общества, связанный с разоблачением «культа личности Сталина», а вместе с ним и «теории бесконфликтности». Период «оттепели» связан с поисками новых приемов художественной выразительности, освоением новых сфер деятельности человека и самой советской действительности в литературе и сценическом искусстве в целом. Постигание нового определило тематику произведений, типологию характеров, конфликтов и жанровых тенденций драматургии 1956–1960-х гг.

В жанровых процессах возникают общие тенденции, среди которых выделяются жанровые трансформации. Прежде всего они связаны с усилением роли автора в процессе создания произведения. Он свободно меняет устоявшиеся жанровые модели, в результате чего возникают новые жанровые или внутривидовые образования, отвечающие индивидуальной творческой модели общества и являющиеся результатом эстетических поисков писателей.

Поиск новых жанровых возможностей был характерен для творчества Николая Терентьева, одной из самых ярких фигур в чувашской драматургии второй половины XX в. Выбирая в качестве первоосновы традиционные жанры, он искал их варианты, показывая при этом новые возможности старой жанровой формы. Жанровые модификации в его творчестве часто реализуются посредством жанрового подзаголовка и получают авторские жанровые определения.

В отечественном литературоведении встречаются такие термины, как «авторские жанровые формы», «авторские жанровые определения», «авторские жанры». Термин «авторский жанр» теоретически впервые осмыслен в монографии Ю.Б. Орлицкого «Стих и проза в русской литературе» относительно поэтического творчества [1]. Сегодня все чаще этой проблеме посвящают отдельные исследования [2]. Об «авторских формах жанра» как разновидностях инвариантной жанровой структуры пишет Н.Д. Тмарченко [3]. Современные исследователи предлагают следующее понимание: «Тип художественного целого, сложившийся под влиянием авторской воли в результате трансформаций инвариантной структуры жанра или нескольких таких структур и получивший нетрадиционное жанровое или внутривидовое определение, которое, как правило, носит единичный, невоспроизводимый характер и входит в образную структуру произведения» [4. С. 102]. Это не совсем устойчивые формы, и в каждом случае законы жанрообразования характерны для конкретного авторского замысла. Одним из признаков авторских жанровых форм является нетрадиционный жанровый подзаголовок или авторское жанровое обозначение в заголовке произведения, которые и стали объектом нашего исследования в творчестве Н. Терентьева.

Цель исследования — проанализировать явление «авторское жанровое определение» в творчестве Николая Терентьева.

Авторские жанровые обозначения представляют собой неисчерпаемый материал для построения теории жанров драматургии. Несмотря на это, их феномен в драматургии на теоретическом уровне мало изучен. Как отметила В.Е. Головчинер, «разнообразие авторских определений характера, типа, жанра произведения — в названии или под ним — так велико, что не поддается систематизации» [5. С. 48]. Но сами «традиции авторских жанровых обозначений показывают, что категория жанра остается живой реальностью понимания многих писателей и читателей» [6. С. 6].

Авторские жанровые определения являются важной чертой поэтики творчества Н. Терентьева. Во многих его пьесах мы видим использование данного приема, который является уникальным для чувашской драматургии, что делает актуальным решение вопроса о типологии авторских жанровых определений в художественном мире писателя.

Обсуждение

С именем Николая Терентьева (1925–2014) тесно связано развитие чувашской драматургии второй половины XX в. За свою полувековую творческую деятельность он создал около 50 пьес, написанных в самых разных жанровых формах. Уже первые многоактные драматические произведения писателя определили начало новых идейно-художественных и нравственных поисков чувашской драмы. Окончив ГИТИС, он с 1947 г. выступал на сцене Чуваш-

ского государственного академического драматического театра им. К.В. Иванова. Творческую деятельность начал с перевода русских пьес, что оказало благоприятное влияние на Н. Терентьева-писателя, воочию перенимавшего опыт создания внутренних конфликтов и действенных характеров. Позже в его героях-современниках проявятся черты арбузовских романтиков и розовских юных мальчиков с их активной жизненной позицией. Писатель вбирал все трансформационные процессы, зарождавшиеся внутри художественной системы «новых классиков» (М.И. Громова) русской драмы А. Арбузова, А. Володина, В. Розова: переформатирование базовых категорий соцреализма, оформление новых эстетических приоритетов драмы, жанровые трансформации и др.

Благодаря Терентьеву расширяется сфера познания мира чувашской драмы середины XX в. Наряду с социально-этическими проблемами в ней развиваются морально-философские аспекты осмысления связи личности и общества, которые привели к поискам новых художественно-изобразительных средств и композиционно-структурных форм изображения действительности. В жанровом отношении художественная концепция драмы вызвала появление социально-нравственных, социально-психологических, публицистических, философских драм, а также оригинальных в жанровом отношении пьес.

В пьесах Н. Терентьева просматривается насыщенная новаторская работа, несколько полемическая по отношению к своим современникам. Он создал новую, молодую, социально острую драму, основой для создания художественного мира которой являлась современная действительность. Драматург выбирал формы, наиболее соответствующие эстетическим и идеологическим задачам своего времени, и ориентировался на новые потребности читателей.

Рассматривая драматургическую систему писателя, отметим важную ее сторону — синтез родов, жанров, искусств, различных стилей и т. п. Как профессиональный актер он хорошо осознал, что именно театр дает возможность синтеза различных видов искусств для выражения авторского замысла, его идеи, продолжая оставаться при этом в диалоге с жанровыми традициями чувашской классической и русской драматургией.

Ставя перед собой эстетическую задачу творить произведения в разных жанрах, он приходит к созданию произведений в традициях «авторских жанров», которые, на первый взгляд, не отклоняются от традиционных жанровых канонов. Опираясь на них, писатель создает свои жанровые модификации. Процесс определения жанра, представляясь как один из этапов творческого процесса, становится частью заголовочного комплекса.

Для конкретного произведения Н. Терентьев формирует жанровые определения, соответствующие его художественному замыслу и отражающие творческие принципы, характеризующие свою эпоху. Они относятся к подзаголовочным. Писатель как будто хочет точнее определить жанровую природу

пьесы, дает дополнительную информацию для читателя. При этом авторский подзаголовок не только дает название новому жанровому образованию, но и становится элементом образной структуры произведения, частью его композиции, выражая при этом его концепции. Авторские жанровые маркировки терминологически весьма разнородны. Среди них есть и эксклюзивные, что затрудняет их типизацию. Можно выделить некоторые закономерности.

В целом в основе авторского жанрового определения Н. Терентьева лежит традиционная формулировка. Структура такого определения усложнена уточнениями, эпитетами, дополнениями. Они и придают «авторский», эксклюзивный характер. Нередко авторские указания на жанр не соотносятся с традиционными драматургическими жанровыми номинациями.

Пьеса «Кайри-мала, хур кайъксем» («Помогите ведущему, журавли», 1967) жанрово обозначена как «*пёр ялта унти сынсем синчен сырнӑ драмӑлла летопись*» (драматическая летопись, написанная об одной деревне и ее жителях). В ней главный персонаж — летописец-Пимен, который от имени автора ведет разговор со зрителем. Здесь авторское жанровое наименование направлено на упорядочение размышлений рассказчика о произошедших в прошлом событиях — сначала в памяти и потом на бумажном носителе. Здесь акцентуируется факт фиксации воспоминаний, и важен не сам процесс переживаний событий, а их записи для истории. Такое определение жанра указывает в качестве жанрообразующей черты не столько на содержательные компоненты художественной реальности (повествование о прошлой жизни), а на специфическую организацию текста — анализ воспоминаний в процессе записывания. В данной ситуации актуализируется герой-рассказчик, летописец, одновременно являющийся участником событий, произошедших с ним в прошлом. И если в первом действии он предстает как полноценный герой, пришедший разрешить сложившуюся сложную ситуацию в отстающем колхозе, по мере развития сюжета он переходит в позицию наблюдателя, рассказывающего о судьбе героев драмы. Его функция — создать словесную реальность. В финале образ рассказчика-летописца сливается с образом героя и исчезает временная дистанция. Пимен-летописец в конце пьесы заявляет: «*Весех урӑхла каласа паратӑп. Халь мӑн курнине манма пултартӑр, мана итленӑ, мана вуланӑ юлташсем. Эпӑ сире лайӑхрах каласа паратӑп... Кӑтсех пурӑнӑр*»¹ (Расскажу все по-другому. Можете забыть то, что сейчас увидели, меня выслушавшие, меня прочитавшие друзья. Я вам лучше расскажу... Ждите).

В пьесе «Кӑмӑл пӑлӑтсем» («Серебристые облака», 1973), названной автором «*пёр ялта пулса иртнӑ тунсӑхлӑ, илемлӑ истори*» (грустная, красивая история, произошедшая в одной деревне), основным становится некое происшествие, и формулировка жанра связана с установкой на пространство

¹ Терентьев Н. Суйласа илнӑ пьесӑсем. Шупашкар : Чӑваш кӑнеке изд-ви, 1994. С. 138. Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — И.К.

(деревня) и тональность (грустная и красивая). Уже на уровне жанра автор фиксирует субъективный характер предложенной «истории». Жанровое определение как «история» предполагает ситуацию и рассказывания, и восприятия, и способствует появлению новых семантических признаков на уровне сюжетных событий. Подобное определение жанра пьесы акцентирует внимание на творческом процессе, на передаче пережитых когда-то событий.

Вместо жанрового определения пьесу «Сынпа сын пёр мар...» («Эти разные люди», 1977) Н. Терентьев указал как «сцены грустные, смешные и серьезные». Выстроенная в форме диалога-дискуссии пьеса находится на стыке психологической драмы и комедии характеров. На одной «сцене» собираются люди, которые к одному и тому же событию, общественному явлению относятся по-разному. Однако есть в мире такие понятия, как гуманизм, честь, долг, ответственность, любовь, вера, которые вечны. Помещая своих героев в зале ожидания аэровокзала, незнакомых доселе «этих разных людей», Н. Терентьев уравнивает их на время, вовлекает в дискуссию, и за несколько часов ожидания опаздывающих самолетов каждый из них раскрывается по отношению к происходящему на вокзале событию. Они воплощают в себе определенный тип поведения и мышления, выступают не как конкретные личности, а формируют в себе общечеловеческие качества, свойственные определенному слою социального общества. У персонажей в пьесе нет личных имен: Молодой милиционер, Женщина в фуфайке, Инвалид, Красивая женщина, Офицер, Пьяная женщина, Мужчина в кепке и др.

Нередко дополнения к традиционному обозначению носят тематический характер. Авторский подзаголовок драмы «Ҷиҷём хиҷҷайн аслати» («После молнии — гром», 1977) раскрывает мотивировку пьесы — «*историне револуци Ҷинчен Ҷырнӣ драма*» (драма, написанная об истории и революции).

Система жанровых обозначений Терентьева показывает, что для его произведений характерен межжанровый, межродовой и межвидовой синтез. Так, в самих жанровых определениях драматурга прослеживается характерная его пьесам синтетическая природа произведения. Большую часть традиционных авторских обозначений составляют сочетания из названий двух литературных, публицистических или фольклорных жанров: «пьеса-сказка», «пьеса-репортаж», «драма-очерк», «легенда-драма», «драма-повесть», «легенда-трагедия», «пьеса-репортаж» и др. Они указывают на наличие двух жанровых основ, соединение которых привело к созданию новой жанровой формы. Здесь мы имеем дело с жанровым синкретизмом, который проявлялся в преодолении жанрового канона и использовании нескольких форм в рамках одного произведения. Поводом для смешения стала многозначная реальность, которую невозможно вместить в одномерную жанровую структуру.

«Юратнаран» («Из-за любви», 1968) обозначена автором как «драма-повесть». В ней самостоятельную значимость приобретает событие рассказыва-

ния и акцент делается на содержательно-тематическом компоненте произведения. То же можно сказать и о драме-повести «Сѣпѣр дивизийѣ» («Сибирская дивизия», 1970), которую Н. Терентьев посвятил своей матери Федоре Егоровне и в ее лице всем матерям, не дождавшимся своих сыновей с войны. Сюжет на первый взгляд однообразен: и днем, и ночью, и в холод, и дождь, с тревогой и надеждой увидеть сына, встречает Федора проходящие из Сибири на Москву поезда с военными. На одном из них должен приехать ее сын Миша. И после войны она продолжает встречать эти поезда и ждет своего без вести пропавшего на войне сына. Цель автора — передать беспокойное и трагическое мироощущение матери солдата, ее невыносимую боль и неугасаемую надежду.

В драматическом произведении Н. Терентьева часто проскальзывают ноты лирического (лирическая комедия «Монастырь» (1966) или эпического (драма-повесть «Из-за любви»), романтического (романтическая пьеса-репортаж «Гин сѣс суралнисем» («Новорожденные», 1976) или философского (трагикомедия «Сылӑх» («Грех», 1978), публицистического (драма-репортаж «Эти разные люди») или документального «Хумсем сырана сӑпассѣ» («Волны бьют о берег», 1969) и др.).

Драма «Куккук сӑплах авӑтатъ» («Кукушка все кукует», 1958) обозначена как «героико-романтическая трагедия». Ее композиционная структура полифонична: трагизм в ней органично сочетается с тонкой лирикой и философскими обобщениями, широта и эпичность охватываемой жизни плавно сводятся к раскрытию внутреннего мира отдельного героя. Например, тонко построена сцена боя, где боец Сергей и медсестра Алена в развалинах бывшей школы во время короткой передышки несокрушимого боя вспоминают мирную жизнь, снежно-белые лепестки черемухи, музыку Чайковского. Не прекратится жизнь на земле, пока живут на ней такие люди, как Сергей, Вавил, Сарби, Антон. «Куккук сӑплах авӑтатъ... Паян та, ыран та, тепѣр сул та, вунӑ султан та авӑтатъ ѣнтѣ вӑл»² (Кукушка все кукует... Сегодня, завтра, послезавтра, через десять лет — всегда она будет куковать). Кукушка всегда будет куковать, отсчитывая счастливые дни новых поколений, не перестанут цвести сады, вырастут в большую дубраву саженцы, высаженные учениками Сарби. Трагизм действия не затемняет оптимистическое начало всего произведения.

Авторские жанровые подзаголовки часто задают определенный тон для читателя и являются выражением авторской позиции. В них ощутимо стремление писателя расширить традиционные жанровые определения. На наш взгляд, терентьевские жанровые обозначения говорят больше о свободе жанра, нежели о каких-либо своих обязательствах перед ним.

² Терентьев Н. Суйласа илнѣ пьесӑсем. С. 313.

В процессе жанрообразования участвуют и жанровые модели других функциональных стилей. Под влиянием авторского определения формируются образный строй пьесы, его структура и содержание. Жанровым обозначениям «драма-очерк», «драма-репортаж» предшествовало развитие художественно-публицистического стиля и производственной тематики в чувашской литературе. Проблему взаимоотношений в производственном коллективе, становления личности в условиях индустриального прогресса поднимает «романтическая пьеса-репортаж» «Новорожденные» Н. Терентьева. Ее герои — строители крупнейшего в республике Чебоксарского завода промышленных тракторов. Название пьесы раскрывает главную идею произведения – новорожденный здесь сам завод, крупнейший в Европе, и поколение молодых рабочих, рожденных в эпоху НТР.

Жанровая номинация «драма-очерк» подчеркивает, что жанрообразующим в производственной пьесе «Тимёр ҫинчи чечексем» («Цветы на железной ограде», 1985) также является публицистичность. В предисловии к пьесе автор предупреждает, что действия происходят сегодня в нашей республике и дает комментарий: «Уважаемые друзья, происходящие в этой пьесе события взяты мной из сегодняшней жизни. Выдуманного в ней практически нет. Газета „Советская Чувашия“ от 2 июня 1985 г. написала так: „В прошлом году в объединении „Чувашавтотранс“ было выявлено 541 финансовое нарушение. В июле 524 человека были лишены премии... Особенно тревожит то, что среди любителей легкой наживы встречаются и члены партии“. Из-за этой новости я потерял покой»³. Далее он пишет, что познакомился лично с работниками автотранспорта, глубоко вник в ситуацию и вынес ее на суд читателя (зрителя). Данные разъяснения придают драматическим событиям правдоподобность и публицистичность (очерковость). Подобные жанровые формы показали, как нехудожественные жанры входят в художественный дискурс, что было характерно для развития чувашской литературы 1970-х гг.

Для жанрового обозначения писатель часто обращается к фольклорным жанрам. О синтезе разнородных жанрообразующих элементов свидетельствуют подзаголовки «драма-легенда» или «трагедия-легенда» «Ҫёрпе хёр» («Земля и девушка», 1973), «пьеса-сказка» «Арҫури» («Леший»), «Пашалла арҫури» («Леший с оружием»). Подзаголовок здесь является частью образной структуры текста и не только традиционно ориентирует читателя на жанр, но и участвует в построении композиции, указывает направление жанровых изменений, является способом выражения авторской концепции. В драме на исторический материал наслаиваются такие жанровые формы, как легенда, трагедия. Любовную линию конфликта подчеркивают народные обрядовые песни, девичий хор, сказания и легенды. Преобладающая стилевая тональ-

³ Терентьев Н. Суйласа илнӗ пьесӑсем. В 2 томах. Т. 2. Шупашкар : Чӑваш кӗнеке изд-ви, 2016. С. 348.

ность пьесы определяется чувашским фольклором. Это проявляется в использовании народных символов, песен, обрядовой поэзии и т. п.

Трагедия-легенда «Земля и девушка» основана на мифологической легенде о девушке с мужским именем Ахмур, после смерти якобы превратившейся в лешего. Романтический фольклорный сюжет удачно соотнесен с реальными событиями из жизни чувашской деревни до и после пугачевского восстания. Автор по возможности сохранил пафос известной легенды. В произведениях, написанных по мотивам народных сказок и преданий, прослеживается потребность взглянуть на современный мир в контексте тысячелетней истории. Обращаясь к фольклорным образам, сюжетам, драматурги ищут ответы на вечные вопросы. Интерес национальных писателей к фольклорно-сказочным формам татарский литературовед Н. Ханзафаров связывает с «настойчивыми поисками новых форм для отражения жгучих проблем в единстве истории и современности» [7. С. 195].

В жанре пьесы-сказки «Пайшалла арсури» («Леший с ружьем», 1978) оригинально раскрыта тема «человек и природа». В новом для себя жанрово-стилевом изображении автор не отходит от своих основных творческих принципов: исследование внутреннего мира человека, философский подход к проблеме взаимоотношения человека и природы, проблеме экологии человеческой души. Сказочно-фантастический пласт необходим автору, чтобы раскрыть в новом ключе морально-нравственное состояние современного общества, заставить читателя (зрителя) обратить внимание на глобальную проблему пагубного отношения человека к природе и серьезно задуматься над вопросом охраны окружающей среды. Терентьев синкретизирует сказочные и фантастические жанровые формы, обличая реальные проблемы в современной жизни.

Комедия, которая в силу идеологических причин в 1970-е гг. не могла отразить их в сатирических жанрах, стала искать формы самовыражения в «серьезных» или «грустных» комедиях и трагикомедиях. Поэтому и традиционные комические жанры в творчестве Н. Терентьева чаще всего имеют «уточнения», которые уже своим подзаголовком заставляют по-новому взглянуть на пьесу. Если это комедия, то она «сатирическая» — «Архип Кузьмич» (1956), «лирическая» — «Монастырь» (1966), «грустная» — «Пуранасчĕ сынсем пек» («Жили бы как люди», 1972), «мыскара» (приключение) — «Бйхă сухатнисем» («Потерявшие сон», 1961). Серьезность комедии «Жили бы как люди», актуальность выбранной проблемы ставит ее на стыке жанров драмы и комедии. Уже название определяет ход развития сюжета пьесы — о людях, которые не живут по-людски.

Внутрижанровый синтез драмы и комедии, трагедии и комедии станет характерной чертой терентьевской комедии конца 1990-х гг. Пьеса «Якълти» («Кокетка», 1991) жанрово определена как «*паянхи асар-писер пурнăçĕн пĕр сапаки*» (один эпизод из современной сумасшедшей жизни) или «*икĕ пайла*

ность пьесы определяется чувашским фольклором. Это проявляется в использовании народных символов, песен, обрядовой поэзии и т. п.

Трагедия-легенда «Земля и девушка» основана на мифологической легенде о девушке с мужским именем Ахмур, после смерти якобы превратившейся в лешего. Романтический фольклорный сюжет удачно соотнесен с реальными событиями из жизни чувашской деревни до и после пугачевского восстания. Автор по возможности сохранил пафос известной легенды. В произведениях, написанных по мотивам народных сказок и преданий, прослеживается потребность взглянуть на современный мир в контексте тысячелетней истории. Обращаясь к фольклорным образам, сюжетам, драматурги ищут ответы на вечные вопросы. Интерес национальных писателей к фольклорно-сказочным формам татарский литературовед Н. Ханзафаров связывает с «настойчивыми поисками новых форм для отражения жгучих проблем в единстве истории и современности» [7. С. 195].

В жанре пьесы-сказки «Пайшалла арсури» («Леший с ружьем», 1978) оригинально раскрыта тема «человек и природа». В новом для себя жанрово-стилевом изображении автор не отходит от своих основных творческих принципов: исследование внутреннего мира человека, философский подход к проблеме взаимоотношения человека и природы, проблеме экологии человеческой души. Сказочно-фантастический пласт необходим автору, чтобы раскрыть в новом ключе морально-нравственное состояние современного общества, заставить читателя (зрителя) обратить внимание на глобальную проблему пагубного отношения человека к природе и серьезно задуматься над вопросом охраны окружающей среды. Терентьев синкретизирует сказочные и фантастические жанровые формы, обличая реальные проблемы в современной жизни.

Комедия, которая в силу идеологических причин в 1970-е гг. не могла отразить их в сатирических жанрах, стала искать формы самовыражения в «серьезных» или «грустных» комедиях и трагикомедиях. Поэтому и традиционные комические жанры в творчестве Н. Терентьева чаще всего имеют «уточнения», которые уже своим подзаголовком заставляют по-новому взглянуть на пьесу. Если это комедия, то она «сатирическая» — «Архип Кузьмич» (1956), «лирическая» — «Монастырь» (1966), «грустная» — «Пурнасанчĕ сынсем пек» («Жили бы как люди», 1972), «мыскара» (приключение) — «Бйхă сухатнисем» («Потерявшие сон», 1961). Серьезность комедии «Жили бы как люди», актуальность выбранной проблемы ставит ее на стыке жанров драмы и комедии. Уже название определяет ход развития сюжета пьесы — о людях, которые не живут по-людски.

Внутрижанровый синтез драмы и комедии, трагедии и комедии станет характерной чертой терентьевской комедии конца 1990-х гг. Пьеса «Якълти» («Кокетка», 1991) жанрово определена как «*паянхи асар-писер пурнашан пёр сапаки*» (один эпизод из современной сумасшедшей жизни) или «*икĕ пайла*

йывӑр кулайш» (двухактная тяжелая комедия). Являясь одним из уровней художественного текста, подзаголовков соединяет в себе и противоположные элементы. История в пьесе и абсурдная, и смешная, и философская. Это уже не просто пьеса о современных рыночных реалиях сельской жизни — это новый уровень поднимаемых автором вопросов. Несмотря на смешные диалоги, комедия оставляет желание поразмыслить над прочитанным, над жизнью в целом.

Взаимодополнения полярных явлений приводят к слабости межжанровых перегородок. Взаимное притяжение разнородных элементов в произведении становится настолько сильным, что само их отталкивание невозможно. Трагическое и комическое в пьесе «Сылӑх» («Грех», 1978) находятся в состоянии свободного взаимопроникновения. Произведение обозначено автором как «*паянхи пурнӑш йывӑршин пӗр турачӗ*» (одна ветвь современного древа жизни) или трагикомедия. В процессе развития драматического действия комическая идея отходит на второй план, уступая место внутренней борьбе, которая происходит в душе героини. И именно авторское жанровое обозначение раскрывает главную идею пьесы, близкой к философской драме. В ней рассмотрено одновременно нескольких современных тем и проблем: это и взаимоотношения отцов и детей, церкви и народа, церкви и власти, отголоски прошедшей Великой Отечественной войны, проблемы духовно-нравственного (честь, долг, вера, добро и зло) и материального характера и т. д. [8. С. 254].

Заключение

Николай Терентьев — один из ярких представителей чувашской литературы второй половины XX в. Большой диапазон драматургического творчества писателя сказался и на авторских жанровых обозначениях многих произведений. Многие из них имеют оригинальный подзаголовок: «грустная комедия», «героико-романтическая трагедия», «сцены грустные, смешные и серьезные», «романтическая драма-репортаж», «одна ветвь современного древа жизни» и др. Исследование показало, что жанровые определения писателя чаще находятся в позиции подзаголовка и наравне с другими элементами произведения направлены на выражение его идейной концепции. Они сыграли роль в трансформации традиционной жанровой системы чувашской драматургии, расширили и дополнили репертуар традиционных драматических жанров.

Список литературы

1. Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. Москва : Изд-во РГГУ, 2002. 680 с. ISBN: 5-7281-0511-4 EDN: XRTZEL
2. Звягина М.Ю. Феномен авторского жанрового определения в русской прозе второй половины XX — начала XXI веков // Дергачевские чтения — 2008: Русская литература:

национальное развитие и региональные особенности. Проблема жанровых номинаций : материалы IX Междунар. науч. конф. : в 2 томах. Т. 2. Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 2009. С. 109–114.

3. *Тамарченко Н.Д.* Русский классический роман XIX века. Проблемы поэтики и типологии жанра. Москва : Изд-во РГГУ, 1997. 201 с. EDN: SRGZZN
4. *Звягина М.Ю.* Трансформация жанров в русской прозе конца XX в. : дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.02. Астрахань, 2001. 359 с. EDN: NMGYVN
5. *Головчинер В.Е.* Неклассическая драма в русской литературе // Литература и театр: м-лы междунар. науч.-практ. конф. Самара, 2006. С. 46-60. EDN: UKLMRQ
6. *Чернец Л.В.* Литературные жанры : проблемы типологии и поэтики. Москва : Изд-во МГУ, 1982. 192 с.
7. *Ханзафаров Н.Г.* Татарская комедия (истоки и развитие). Казань : ФЕН, 1996. 268 с.
8. История чувашской литературы XX в. : в 2 частях. Ч. 2 (1956–2000 годы). Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.

References

1. Orlitsky, Y.B. 2002. *Verse and prose in Russian literature*. Moscow: RGGU publ. ISBN: 5-7281-0511-4 EDN: XRTZEL Print. (In Russ.)
2. Zvyagina, M.Yu. 2009. “The phenomenon of the author’s genre definition in Russian prose of the second half of the twentieth and early twenty-first centuries.” In *The Dergachev Readings — 2008: Russian literature: national development and regional peculiarities. The problem of Genre nominations*: Proceedings of the IX International Scientific Conference, vol. 2. Yekaterinburg: Ural University publ., pp. 109–114. Print. (In Russ.)
3. Tamarchenko, N.D. 1997. *Russian classic novel of the 19th century. Problems of poetics and typology of the genre*. Moscow: RGGU publ. EDN: SRGZZN Print. (In Russ.)
4. Zvyagina, M.Y. 2001. “Transformation of genres in Russian prose of the late XX century.” PhD thesis. Astrakhan. EDN: NMGYVN Print. (In Russ.)
5. Golovchiner, V.E. 2006. “Non-classical drama in Russian literature.” *Literature and theater*: Proceedings of International Scientific Conference. Samara, pp. 46–60. EDN: UKLMRQ Print. (In Russ.)
6. Chernets, L.V. 1982. *Literary genres: Problems of typology and poetics*. Moscow: MGU publ. Print. (In Russ.)
7. Khanzafarov, N.G. 1996. *Tatar comedy (origins and development)*. Kazan: FEN publ. Print. (In Russ.)
8. *The history of Chuvash literature of the twentieth century, vol. 2. (1956–2000)*. 2017. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кириллова Ирина Юрьевна — кандидат филологических наук, доцент, заместитель директора по науке и развитию, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0000-0003-3720-4413, eLibrary SPIN-код: 2123-9656. E-mail: irinakir1@mail.ru.

Bio note:

Irina Yu. Kirillova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Deputy Director, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-3720-4413, eLibrary SPIN-code: 2123-9656. E-mail: irinakir1@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634

EDN: BKHECI

Научная статья / Research article

Репрезентация мистического (Н. Петровская) и магического (Х. Кортасар) в художественной литературе

А.Ф. Мышкина

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ alb-myshkina@mail.ru

Аннотация. Современная чувашская литература отличается идейно-тематическим и жанрово-стилевым богатством. Многие из художественных направлений чувашской прозы наиболее ярко проявили себя в конце XX — начале XXI в. Актуальность данного исследования связана с необходимостью изучения поэтики мистицизма как одного из современных векторов чувашской прозы в контексте мировых художественных тенденций — магического реализма, с учетом их эстетических связей и отличий. Художественно-мистическое произведение в отечественной (в том числе и чувашской) литературе очень часто представляет собой синтез православно-религиозных и национально-фольклорных мотивов, образов, тем. Между тем такой мистицизм по своей поэтике очень близок к магическому реализму, который зародился в латиноамериканской литературе. С учетом этих особенностей цель данного исследования — выявление эстетических параллелей между произведениями чувашской мистической прозы и магического реализма. В соответствии с целью сформулированы основные задачи работы: изучить теоретические вопросы поэтики мистического и магического; определить жанрово-стилевые особенности творчества исследуемых писателей; выявить основные элементы общности чувашского художественного мистицизма и магического реализма. В качестве материала исследования выбраны произведения чувашского автора Нелли Петровской и аргентинского автора Хулио Кортасара. Основными методами исследования выступают сравнительно-исторический и сопоставительный анализ художественных произведений. В результате исследования было установлено, что мистическое и магическое в художественной литературе проявляются как нечто необъяснимое, чудесное, потустороннее, при этом в основе сюжета лежит реальная жизнь. Их отличительной чертой является то, что в мистических произведениях более яркое выражение получают религиозные идеи и символы, а в магическом реализме — мифологическое мировоззрение народа. Тем не менее ему не чужды и религиозные символы.

Ключевые слова: мистицизм, магический реализм, чувашская мистическая проза, мифологический образ, религиозный символ

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мышкина А.Ф. Репрезентация мистического (Н. Петровская) и магического (Х. Кортасар) в художественной литературе // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 624–634. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634>

© Мышкина А.Ф., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Representation of the Mystical (N. Petrovskaya) and the Magical (J. Cortazar) in Fiction

Albina F. Myshkina^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ alb-myshkina@mail.ru

Abstract. Modern Chuvash literature is distinguished by its ideological, thematic and genre-stylistic richness. Many of the artistic trends of Chuvash prose most clearly manifested themselves in the late 20th — early 21st centuries. The relevance of this study is associated with the need to study the poetics of mysticism as one of the modern trends of Chuvash prose in the context of world artistic trends — magical realism, taking into account their aesthetic connections and differences. Artistic and mystical works in Russian (including Chuvash) literature very often represent a synthesis of Orthodox-religious and national-folklore motifs, images, and themes. Meanwhile, such mysticism in its poetics is very close to magical realism, which originated in Latin American literature. Taking these features into account, the aim of this study was to identify aesthetic parallels between the works of Chuvash mystical prose and magical realism. In accordance with the purpose, the main tasks of the work are formulated: to study the theoretical issues of the poetics of the mystical and magical; to determine the genre and stylistic features of the work of the writers under study; to identify the main elements of the commonality of Chuvash artistic mysticism and magical realism. The works of the Chuvash author Nelli Petrovskaya and the Argentine author Julio Cortazar were selected as research material. The main research methods are comparative-historical and contrastive analysis of works of art. As a result of the study, they came to the conclusion that the mystical and magical in fiction manifest themselves as something inexplicable, miraculous, otherworldly, while the plot of the story is based on real life. Their distinctive feature is that in mystical works religious ideas and symbols are expressed more vividly, while in magical realism the mythological worldview of the people is expressed more vividly. However, it also contains religious symbols.

Key words: mysticism, magical realism, Chuvash mystical prose, mythological image, religious symbol

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Myshkina, A.F. 2025. “Representation of the Mystical (N. Petrovskaya) and Magical (J. Cortazar) in Fiction.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 624–634. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-624-634>

Введение

В современной культуре понятия «магическое» и «мистическое» зачастую трактуются и применяются как синонимические. Между тем в процессе формирования человеческой культуры они занимают определенные исторические периоды, эпохи. Так, магическое связано с колыбелью человечества, первобытным обществом, в котором магия воспринималась как «совокупность приемов (действий и слов), имеющих чудодейственную силу, при помощи которой можно воздействовать на людей и явления природы»¹. Более того,

---

¹ Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. Санкт-Петербург : Норинт, 2000. С. 512.

именно магическое стало основой древней культуры (язычества), а его отголоски дошли до нас в мифах и религиозно-культовых обрядах разных народов. Мистическое же своими корнями уходит в веру «в сверхъестественное, божественное, таинственное», в веру «в возможность непосредственного общения человека с потусторонним миром» и именно «мистика является элементом всех религиозных верований» [1. С. 131].

Наиболее ярко мистическое проявило себя в эпоху Средневековья, когда появились «мистерии, вышедшие из храмового литургического действия и представлявшие собой инсценировки библейских сюжетов, а также миракли — стихотворные драмы с сюжетом, основанным на чуде, которое совершает святой или Богородица» [2. С. 90]. Тем не менее, даже имея такую очевидную дифференциацию, понятия «магическое» и «мистическое» на современном этапе очень часто взаимно дополняют и взаимно заменяют друг друга. На наш взгляд, синонимическому употреблению этих терминов предшествовал тот факт, что христианство, как и большинство мировых религий, зародилось на основе лучших философско-религиозных идей предыдущих эпох, в том числе и языческой культуры.

В современной литературоведческой науке история возникновения и эстетические особенности мистической прозы и магического реализма в достаточной мере изучены [3–8]. Не остались они без внимания и в чувашском литературоведении² [9; 10]. Все эти исследования позволяют сделать вывод о том, что мистическое, мистицизм в литературе «подпытывает» свой художественный мир философско-религиозными учениями человечества, а магическое — традиционной верой и мировосприятием народа, которые очень часто трактуются как суеверие.

Актуальность данного исследования связана с необходимостью конкретизации особенностей мистического и магического в художественном творчестве, а также выявления их эстетических связей и отличий.

Цель исследования – выявление эстетических параллелей между произведениями чувашской мистической прозы и магического реализма.

Материалами исследования стали повесть «Масар чартакё» («Кладбищенский чердак», 1998) чувашского прозаика Нелли Петровской и рассказ «Автобус» (1951) аргентинского автора Хулио Кортасара.

Обсуждение

Магическое и мистическое нашли свое выражение не только в древних мифах и религиозно-философских учениях, но и в художественном творчестве, в частности в произведениях художественно-мистического стиля и в методе магического реализма. Так, «мистическая литература возникла в середине

---

² *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести : учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 132 с.

XVIII в. в Англии как реакция на век Просвещения и нашла себя в жанре мистического романа» [3. С. 184]. Поэтика и художественные принципы магического реализма в немалой степени сложились под влиянием европейского авангардизма: термин «магический реализм» впервые был использован в 1925 г. немецким искусствоведом Францем Рохом по отношению к авангардной живописи. И лишь позже его стали использовать «для характеристики латиноамериканской прозы», в которой он «выступает в качестве маркера ее национальной самобытности» [4. С. 4]. Более того, на начальном этапе своего формирования он «стал для латиноамериканцев своеобразным „плавильным котлом“, куда они „сбрасывали“ все, что их привлекало в литературах Западной Европы, и из этого немыслимого по историко-литературным меркам сплава они „выковывали“ затем свои бессмертные шедевры, обеспечившие уже с 1930-х гг. постепенный художественный взлет, а затем и необычную популярность этих литератур» [5. С. 28].

Мистико-магическая поэтика, очень близкая к магическому реализму, была характерной чертой чувашской литературы уже в самом ее начале. В частности, она проявила себя в поэме М. Федорова «Арсури» («Леший», 1879) и трагедии К. Иванова «Шуйттан чури» («Раб дьявола», 1907). В основе этих произведений лежат религиозно-философское мировосприятие, фольклорное сознание чувашского народа. На наш взгляд, в этом прослеживается некая параллель с европейской средневековой литературой, сформировавшейся на базе трех важнейших факторов, а именно — христианского вероучения, культурного наследия античного мира и народного творчества [2]. Средневековье породило такое понятие, как религиозный фольклор, — «среди его жанров особенно мистически насыщенными являются легенды, включающие отголоски языческой мифологии (драконы, леший, водяные)» [2. С. 90]. Во всем этом мы видим стремление как европейской средневековой литературы, так и профессиональной (авторской) чувашской литературы конца XIX — начала XX в. сохранить преемственность эстетических традиций предыдущих эпох.

Зрелым этапом в развитии чувашской художественно-мистической прозы стал конец XX в. Исследователи литературы, анализируя этот период, отмечают: «В 90-е годы XX века в чувашской фантастической прозе появляется новое направление — мистико-фантазмагорическое и лирико-фантастическое. Представители этой своеобразной фантастики — Нелли Петровская и Владимир Степанов»³; «В мистико-фантазмагорических повестях В. Степанова („Реципиент“) и Н. Петровской („Кладбищенский чердак“), написанных в 1990-е гг., в годы демократизации религиозных и теологических воззрений, проявляются древнечувашские мифологические взгляды на мироустройство. Язык ворожбы и колдовства, черная и белая магия, представления о

---

³ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести : учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 88–89.

потустороннем мире, языческие силы добра и зла в их произведениях не что иное, как отображение чувашского менталитета. В этих повестях реальная жизнь реальных людей вплетена в образную систему мистических персонажей, фантазмагорических образов и представлений»⁴; «Произведения Н. Петровской, написанные в этот период, носят мистический характер [романы „Хура Ангел“ („Черный Ангел“, 1986–1987), „Тухатмӑш“ („Ведьма“, 1995), рассказ „Хёрпе вилём“ („Девушка и смерть“, 1994), повесть „Масар чартакё“ („Кладбищенский чердак“, 1996) — все произведения опубликованы во второй половине 1990-х гг.]. Данные произведения можно рассматривать на стыке традиционной и альтернативной прозы, так как в них соединяются реалистическое и мистическое начала. Их объединяет один мотив, а именно противостояние человека со злыми силами» [9. С. 343–344].

Приведенные цитаты акцентируют внимание на двух существенных обстоятельствах развития чувашской мистической прозы. Во-первых, полноценное выражение мистического в художественном творчестве стало возможным лишь после отхода от канонов соцреализма. Во-вторых, в поэтике чувашского художественно-мистического произведения сочетаются как элементы православной религии, так и народной мифологии. Вероятнее всего, последнее обстоятельство связано с синкретическим характером той православной религии, которой придерживаются представители чувашского народа.

Одним из ярких представителей латиноамериканского магического реализма стал аргентинский писатель Хулио Флоренсио Кортасар, родившийся в Брюсселе в 1914 г. В начале своего творчества Кортасар увлекался поэзией, но мировую известность получил в качестве автора прозаических произведений. Он стал одним из создателей «„нового латиноамериканского романа“, где ключевой формулой становится мифологическое мышление» [11. С. 220]. Особенности творческой манеры Х. Кортасара наиболее наглядно раскрывают его собственные сравнения литературных жанров (роман, рассказ) с кинофильмом и фотографией. При этом «под фотографией писатель понимает не ремесленный натуралистический снимок, а подлинное произведение фотоискусства», которое способно «выхватить из реальности фрагмент, заключив его в строго определенные рамки, но таким образом, чтобы этот выхваченный кусок действовал, словно взрыв, распахивающий настежь несравненно более обширную реальность» [12. С. 9–10]. Рассуждая в этом направлении далее, писатель отмечает: «И фотограф, и автор рассказа обязаны выбрать и ограничить такой образ или такое событие, которые были бы значимы, ценность которых заключалась бы не только в них самих, но и в их способности воздействовать на зрителя или читателя как некое открытие, некий фермент, обращающий разум и чувства к чему-то выходящему далеко за пределы изобра-

⁴ *Абрамов В.А.* Становление и развитие чувашской повести: учеб. пособие. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. С. 89–90.

зительного или литературного сюжета, в них содержащегося» [12. С. 10]. Собственно, подобный композиционный прием Х. Кортасар осуществляет в своих рассказах через описания деталей портрета героев, предметов, городского пейзажа и т. д.

На сегодняшний день исследователи выделили и характерные черты магического реализма, «ясно воплотившиеся в первых произведениях магического реализма — повести А. Карпентьера „Царство земное“ (1949) и романе М.А. Астуриаса „Маисовые люди“ (1949)» [6. С. 10]. Однако по отношению к рассказу Х. Кортасара «Автобус» эти характеристики не работают: здесь нет противостояния героя-индейца с героем-европейцем, нет ярко выраженного коллективного мифологического сознания, нет суждения примитивного человека и т. д. Магический реализм Х. Кортасара выстраивается через особую эстетическую роль незначительных и слабо улавливаемых деталей, подтекста и подсознательного чувства страха, которое уже характерно для поэтики магического реализма.

Обратимся к тексту. Фабула рассказа очень проста: девушка Клара, оставив ребенка под присмотром няни, едет на встречу с подругой Анной, в автобусе знакомится с молодым попутчиком, с которым едут до одной остановки, а выйдя из транспорта, эти двое уже продолжают путь вместе. Буквально в первых строках произведения автор с детальной точностью описывает улицы и районы города, примыкающие к той остановке, где остановилась Клара, ожидая автобус № 168: «*волны служащих уже схлынули <...> Вилья-дель-Парке пустела*», «*на углу Тиногаста и Самудио*», «*кроны деревьев, высаженные вдоль Агрономии*», «*на авениде Сан-Мартин у Ногойи*», «*флорентийская башня Святого Жана-Батиста Мари Вианнея*»⁵. Использование названий реальных городских объектов (улиц, парков, памятников) в рассказе Х. Кортасара усиливает ощущение реальности происходящего, создавая панорамную картину истинно существующего города. Вместе с тем во всем этом проявляется и особый подход писателя к созданию художественной реальности — фотографическая точность изображаемого.

Следует заметить, «выделяют два различных теоретических подхода к магическому реализму: первое — это отношение к нему как к соединению реального и фантастического в одном пространстве. <...> Такой подход во многом характеризует именно латиноамериканскую версию магического реализма» и второе — «как более пристальный, углубленный взгляд на будничную, „нашу“ реальность. Рассматривают как угол зрения, который позволяет увидеть скрытые в ней глубины и тайны, переосмыслить ее границы, создать более сложную картину мира» [8]. На наш взгляд, в рассказе «Автобус» преобладает второй подход — каждая деталь, описанная здесь, при изменении угла зрения приобретает вторичный магический смысл.

⁵ Кортасар Х. Автобус. URL: https://royallib.com/read/kortasar_hulio/avtobus.html#0.

Подобный подход наиболее явственно выражен в основной части рассказа, действия которой разворачиваются в салоне автобуса. И в этой части автор детально описывает все, что окружает главную героиню, — людей, предметы, пространство. Вот, к примеру, несколько таких описаний: «кондуктор <...> *этакий пузан на полусогнутых, кривых ножках*»; «шофер — *худощавый блондин*»; дама с «*глазами, полными нежности, с какою обычно коровы смотрят на живую изгородь*»; «старик с *дряблой, морщинистой шеей*»; «*розовые каллы и розы, <...> безобразные гладиолусы, будто жеванные и грязные*»⁶. Все эти описания персонажей и их окружения носят в себе негативную оценку, создавая определенную напряженность между ними и главной героиней, а также усиливая ее необъяснимый страх.

Все пассажиры автобуса делятся на тех, кто едет в Чакариту, и тех, кто едет в Ретиру. При этом эти два района Буэнос-Айреса противопоставлены друг другу как черное и белое, как смерть и жизнь, как мир мертвых и мир живых, так как Чакарита — это крупнейшее в Аргентине национальное кладбище, а Ретиру — район, чью основную часть занимает одноименный парк отдыха. У каждого, кто едет в Чакариту, в руках цветы — маргаритки, розовые каллы, розы, гладиолусы, розовый шиповник, почти черные гвоздики, хризантемы, георгины. В культуре многих народов букеты, чаще с четным количеством цветов, символизируют завершение жизни, являются символом, проводником между нашим миром и загробным. При подобной трактовке значения цветов весьма интересным становится концовка рассказа «Автобус»: «*И когда они вновь тронулись в путь (юноша уже не держал Клару за руку), каждый из них нес свой букетик и оба были счастливы*»⁷. В данном случае автор напоминает читателям о краткосрочности человеческой жизни, которая у каждого своя. Именно поэтому каждый из героев несет свой букетик.

Обобщая анализ произведения, отметим, что Х. Кортасар в поэтике своего рассказа потусторонний мир мертвых и настоящий мир живых соединяет в одной действительности, в которой эти два мира соприкасаются друг с другом. При этом мир мертвых (водитель автобуса, кондуктор и все пассажиры) проявляет некоторую агрессивность по отношению к главной героине и ее случайному попутчику, хватая их за руки, бросая недоброжелательные взгляды, то есть создавая некомфортную для них психологическую ситуацию.

Создание особой художественной реальности через противостояние мира мертвых и мира живых стало важным и для повести Н. Петровской «Кладбищенский чердак», но с существенным усилением элементов сверхъестественного, потустороннего. В данном произведении наиболее четко выражаются специфические черты мистической прозы: «1. Основа сюжета — необъяснимое событие, главный герой — обычный человек, попавший в необычные

⁶ Кортасар Х. Автобус. URL: https://royallib.com/read/kortasar_hulio/avtobus.html#0.

⁷ Там же.

обстоятельства. 2. Атмосфера повествования — мрачная, порой гнетущая или же очень контрастная. Второстепенные герои наделены сверхъестественными способностями или являются представителями потустороннего мира. 3. Детали антуража вполне реальные, но пугающие: темные углы, мрачные леса, потухшие свечи и мигающий свет. 4. Главная эмоция — страх. 5. Символизм» [7. С. 216]. Все это и позволяет обозначить его жанрово-стилистическую разновидность как художественно-мистический.

Так, в «Кладбищенском чердаке» прослеживаются две линии развития сюжета: реалистическая, связанная с жизнью чувашской деревни и их жителей, и мистическая, связанная с вторжением сущностей потустороннего мира в жизнь человека. А объединяющим звеном этих линий становится один из жителей чувашской деревни Урдемей. Мистическое начало повести (такая особенность характерна и для других философско-мистических произведений Н. Петровской) намечается уже в ее названии. В частности, в данном произведении кладбищенский чердак — это не материальное сооружение, не физический объект, а нечто мифическое, что-то из народного поверья. Его значение автор объясняет таким образом: «*Масар хуши хайён чартакёнче тёрлэ айр-тапёр усрать. Айссёр пуранса ирттернё темён чухлэ сынна уйрам кёнекене кёртнё масар хуши. Ана вёл масар чартакёнче тытатъ. <...> Масар чартакёнче йссёр-пуссёр пуранса ирттернё сынсем — леш тёнчерисем — час-часах хёвёшсе сурресё тет*»⁸ (Хозяин кладбища на своем чердаке хранит всякий скорб. Множество людей, проживших неудавшуюся жизнь, хозяин кладбища включал в отдельную книгу. Ее он держит на кладбищенском чердаке. Говорят, на кладбищенском чердаке очень часто суетятся люди с того света, прожившие свою жизнь впустую⁹).

В повести Н. Петровской мистическое включает в себя мифологическое сознание народа и религиозные учения православия. Наиболее наглядно это можно увидеть в объяснении мистического образа *Сас* (Голоса) о своей жизни на земле и последствиях после смерти. При жизни звали его Василь и по молодости он сидел даже в тюрьме за убийства. После освобождения односельчане прогнали его из родной деревни. И появился Василь в деревне Урдемея, стал пастухом. После смерти его как чужака похоронили на краю кладбища. Два раза молния сожгла крест на его могиле. Такое происшествие имеет свое значение: «*Ку вара сак хёрес айёнче выртакан сын сав тери сылэхлине, ун чунё усалсемпе пёрле чёррисене асап парса суренине пёлтерет. Ун чунё Турра юрэхсёр пулнэран хёресне аса сапаты*»¹⁰ (Это уже означает, что человек, лежащий под этим крестом, очень грешен, что его душа вместе со злыми духами

⁸ Петровская Н. А. Тәм тивнэ чун: Роман, повецсем. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 280.

⁹ Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — А.М.

¹⁰ Петровская Н. А. Тәм тивнэ чун: Роман, повецсем. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 307.

насылает мучения живым. Из-за того, что его душа не достойна Бога, крест поражается молнией). Более того, именно могила этого человека становится местом появления кладбищенского чердака: «*Хёресне аса сапнй вилерен сынсем хйраççё, хёрес лартма юрйхсйр сын пулнй тесе хура юпа лартаççё те вара йна масар чартакё теççё*»¹¹ (Люди боятся мертвеца, чей крест поражает молния, говоря, что человек был не достоин установления креста, ставят черный столб и называют его кладбищенским чердаком).

В повести множество элементов, которые объясняются через религиозно-мифологические поверья чувашского народа. В их числе — число семь (после семикратного упоминания кладбищенского чердака Голос приходит к Урдемею), кукареканье петуха после полуночи (Голос после первых петухов не сможет вернуться на кладбище), пробуждение мертвых ночью на кладбище (они окружили Урдемея на кладбище и шли вслед за ним по пути в деревню), зло побуждает к недобрым деяниям (Голос побудил Урдемея избивать жену и мать, тащить жену на кладбище, привязывать к кресту и т. д.), обращение за защитой к умершим предкам (Нина, оставшись на кладбище одна, ищет защиту у своих *кукамай*, *кукаси* — дедушки и бабушки по материнской линии), разлом земли (появившегося во второй раз на кладбище и привязавшего жену к черному столбу Урдемея чуть не поглотил огонь из разлома). Однако, как видно из развития сюжета, защита от всех потусторонних зол кроется только в православной символике и традициях, в первую очередь в натальном кресте, молитве и крестном знаменнии. В «Кладбищенском чердаке» есть обращение и к библейскому сюжету. Так, Урдемей, притащив ночью свою жену Нину на кладбище, под понуждением Голоса привязывает ее на надмогильном кресте, что очень сильно напоминает распятие Христа.

Заключение

Таким образом, как для чувашской художественно-мистической прозы, так и для магического реализма значимыми элементами поэтики становятся религиозные символы и традиция. Для произведений такого жанра характерно появление в развитии сюжета, основанного на реальной жизни, нечто необъяснимого, чудесного, потустороннего. Однако в мистических произведениях религиозные идеи и символы получают более яркое выражение, чем в магическом реализме, хотя и для него они не чужды. Магический реализм предпочитает привлекать к эстетической обработке мифологическое мировоззрение народа.

Так, в обоих проанализированных нами произведениях Н. Петровской и Х. Кортасара в обычное повествование введены элементы мистики, однако с одним отличием: в рассказе Кортасара это происходит незаметно, все

¹¹ *Петровская Н.А.* Тăм тивнĕ чун: Роман, повеçсем. Шупашкар : Чăваш кĕн. изд-ви, 2006. С. 307.

привычно и обыденно, поэтому трудно уловить переход от действительности к иллюзии, а в повести Н. Петровской потустороннее начинает выступать как самодостаточный образ, к примеру Голос. Более того, в рассказе Х. Кортасара нет прямых указаний на потусторонний мир. В «Кладбищенском чердаке» Н. Петровской явное противостояние Добра и Зла, именно в качестве последнего выступают потусторонние силы.

Список литературы

1. Сурков Д. В. Различия понятий «мистика», «мистицизм» и «мистический опыт» // Омский научный вестник. 2012. № 5 (112). С. 131–134. EDN: PNFEDJ
2. Шудейко М.Н. Понятие мистического в литературе и его отражение в прозе // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2022. № 3 (118). С. 88–95.
3. Павлючук В.П., Волкова А.В. Мистический характер творчества Ю. Кернера // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы XII Междунар. научно-практич. конф. Самара : Самарский государственный социально-педагогический университет, 2017. EDN: ZTNQXX С. 184–188.
4. Панчехина М.Н. Магический реализм как художественный метод в романах М.А. Булгакова: дис. ... канд. филол. наук : 10.01.08 / Донецкий национальный университет. Донецк, 2017. 189 с. EDN: BIOMZV
5. Гугнин А.А. Магический реализм в контексте культуры и искусства XX века: феномен и некоторые пути его осмысления. Москва : Научный центр славяно-германских исследований ИС РАН, 1998. 117 с. ISBN: 5-7576-0072-1 EDN: YHOVOX
6. Быкова Е.А. Латиноамериканский, мексикано-американский и британский магический реализм : особенности и общие черты // Лингвистика и межкультурная коммуникация в современном мире : материалы VII науч.-практич. конф. с междунар. участ. Забайкал. гос. ун-т; отв. ред. Л.Р. Татарникова. Чита : Забайкальский государственный университет, 2014. С. 10–16. EDN: VYSQOL
7. Безрукова К.С., Мальцева С.М. Влияние мистической литературы на современного читателя // Наука — образованию, производству, экономике : материалы 75 регион. науч.-практич. конф. преподавателей, науч. сотрудников и аспирантов. Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2023. С. 214–220. EDN: LZSSTF
8. Закревская А. Магический реализм. Версия Андре Дельво // Искусство кино. 2014. № 5. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2014/05/magicheskij-realizm-versiya-andre-delvo>
9. История чувашской литературы XX века. Ч. 2 (1956–2000 годы) : коллективная монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. 432 с.
10. Яковлев Ю.В. Скворцов — мистик // Юрий Скворцов. Статьясен пуххи. Шупашкар : ЧГИГН, 1992. С. 30–46.
11. Юшкова А.О. Магический реализм в рассказе Хулио Кортасара «Аксолотль» // Общие и частные вопросы филологии и переводоведения в контексте межкультурного воздействия : сб. науч. статей по материалам XXXI Междунар. научно-практич. конф. Чебоксары : ЧГПУ им. И.Я. Яковлева, 2021. С. 219–224. EDN: ECMQBJ
12. Осват Л.С. Поиски и открытия Хулио Кортасара // Кортасар Х. Выигрыши : повести и рассказы. Москва : Прогресс, 1976. С. 5–21.

References

1. Surkov, D.V. 2012. "Differences between the concepts of 'mysticism', 'mysticism' and 'mystical experience'." *Omsk Scientific Bulletin*, vol. 5, no. 112, pp. 131–134. EDN: PNFEDJ Print. (In Russ.)

2. Shudeiko, M.N. 2022. “The concept of the mystical in literature and its reflection in prose.” *Bulletin of Minsk State Linguistic University*. Series 1: Philology, vol. 3, no. 118, pp. 88–95. EDN: FGRFBP Print. (In Russ.)
3. Pavlyuchuk, V.P., and A.V. Volkova. 2017. “The mystical nature of the works of J. Kerner”. In *Higher Humanitarian Education of the 21st Century: Problems and Prospects*. Proceedings of the XII International Scientific and Practical Conference. Samara, pp. 184–188. EDN: ZTNQXX Print. (In Russ.)
4. Panchekhina, M.N. 2017. *Magical realism as an artistic method in the novels of M.A. Bulgakov*. PhD thesis. EDN: BIOMZV Print. (In Russ.)
5. Gugnin, A.A. 1998. *Magical Realism in the Context of 20th Century Culture and Art: Phenomenon and Some Ways of Understanding It*. Moscow: Scientific Center for Slavic-Germanic Studies, Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences publ. ISBN: 5-7576-0072-1 EDN: YHOVOX Print. (In Russ.)
6. Bykova, E.A. 2014. “Latin American, Mexican-American and British Magical Realism: Features and Common Traits.” In *Linguistics and intercultural communication in the modern world. VII Scientific-pr. conf. with international participation: conf. materials*. Transbaikalsk State University publ. Chita, pp. 10–16. EDN: VYSQOL Print. (In Russ.)
7. Bezrukova, K.S., and S.M. Maltseva. 2023. “The influence of mystical literature on the modern reader.” In *Science — education, production, economy*. Proceedings of the 75th regional scientific-pr. Conference. Vitebsk, pp. 214–220. Print. (In Russ.)
8. Zakrevskaya, A. 2014. “Magical Realism. Andre Delvaux’s Version.” *The art of cinema*, no. 5. URL: <http://old.kinoart.ru/archive/2014/05/magicheskiy-realizm-versiya-andre-delvo> (In Russ.)
9. *History of Chuvash Literature of the 20th Century*, part 2 (1956–2000): collective monograph. 2017. Cheboksary: Chuvash. book publishing house. Print. (In Russ.)
10. Yakovlev, Yu.V. 1992. “Skvortsov — mystic”. *Yuri Skvortsov*. Collection of articles. Shupashkar, pp. 30–46. Print. (In Chuv.)
11. Yushkova, A.O. 2021. “Magical Realism in Julio Cortazar’s Short Story ‘Axolotl’.” *General and specific issues of philology and translation studies in the context of intercultural impact*. Collective scientific articles on materials of XXXI International scientific-practical conference. Cheboksary: Chuvashia state ped. university named after I.Ya. Yakovlev publ., pp. 219–224. EDN: ECMQBJ Print. (In Russ.)
12. Ospovat, L.S. 1976. “The Search and Discoveries of Julio Cortazar.” In *Cortazar H. Winnings: stories and short stories*. Moscow: Progress Publishing House, pp. 5–21. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Мышкина Альбина Федоровна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0000-0001-8560-9146, eLibrary SPIN-код: 3339-4520. E-mail: alb-myshkina@mail.ru.

Bio note:

Albina F. Myshkina is a Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Leading Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-8560-9146, eLibrary SPIN-code: 3339-4520. E-mail: mail: alb-myshkina@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-635-644

EDN: BXFUAV

Научная статья / Research article

Выражение «чувашского мира» в творчестве Ефрема Еллиева

В.В. Никифорова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ vera.nikiforova@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности творчества чувашского писателя Ефрема Еллиева (1907–1942), в котором весьма выразительно проявляется национальное начало, несмотря на формирующийся в тот период по всей стране соцреализм. Анализ выражения «чувашского мира» в произведениях писателя и является целью данной статьи. С названной точки зрения такое исследование в чувашском литературоведении проводится впервые. Материалом исследования послужили прозаические и драматические произведения, а также критические статьи и дневниковые записи Е. Еллиева. Применены историко-культурный, биографический, описательный и проблемно-тематический методы. В результате изучения произведений писателя выявлено, что в них он стремился отразить психологию и философию родного народа; размышлял о национальном характере, мировоззрении, об особенностях художественности в эпоху соцреализма. Обосновано, что в творчестве данного автора необычным образом сочетаются такая национальная особенность мышления, как *ытарлăх* (иносказательность, метафоричность) и открытое неприятие шаблонности и схематизма, наметившихся в 1930-е гг.

Ключевые слова: чувашская литература, национальная идентичность, *чăвашлăх*, *чăваш тĕнчи* / чувашский мир, национальное своеобразие литературы, Ефрем Еллиев

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Никифорова В.В. Выражение «чувашского мира» в творчестве Ефрема Еллиева // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 635–644. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-635-644>

The Expression of the 'Chuvash world' in the Works of Efreem Elliev

Vera V. Nikiforova

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ vera.nikiforova@yandex.ru

Abstract. The research examines the peculiarities of the work of the Chuvash writer Efreem Elliev (1907–1942), in which the national principle is very clearly manifested, despite the socialist realism that was forming throughout the country at that time. The purpose of this article is to analyze the

© Никифорова В.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License <https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

expression of the “Chuvash world” in the writer’s works. From this point of view, such a study is being conducted for the first time in Chuvash literary criticism. The research material includes prose and dramatic works, as well as critical articles and diary entries by E. Elliev. Historical-cultural, biographical, descriptive and problem-thematic methods are applied. As a result of studying the writer’s works, it was revealed that in them he sought to reflect the psychology and philosophy of his native people; he reflected on the national character, worldview, and the peculiarities of artistry in the era of socialist realism. The paper substantiates that the work of this author combines in an unusual way such a national feature of thinking as *ytarlăh* (allegorical, metaphorical) and an open rejection of stereotyping and schematism, which emerged in the 1930s.

Key words: Chuvash literature, national identity, *chăvashlăh*, *chăvash tĕnchi* / the Chuvash world, national identity of literature, Efremliev

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Nikiforova, V.V. 2025. “The Expression of the ‘Chuvash World’ in the Works of Efremliev.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 635–644. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-635-644>

Введение

При обозначении национальных особенностей чувашского народа концептуальное значение имеет понятие *чăвашлăх* / «чувашскость», которое трудно адекватно перевести на русский язык. На данный момент мы склоняемся к мысли, что его семантическим (идеографическим), т. е. не тождественным (абсолютным) синонимом в чувашской науке может быть понятие «*чăваш тĕнчи*», что в русском переводе звучит как «чувашский мир». Термин *чăвашлăх* включает, на наш взгляд, основные, стержневые моменты национальной идентичности. Понятие же «чувашский мир» имеет более широкую смысловую наполняемость. К примеру, во всех исследованиях и в обиходе утвердилось мнение о трудолюбии чувашей. Но такая же оценка дается, для сравнения, марийцам. Данная черта, таким образом, является одной из составляющих чувашского и марийского мира и не служит характеристикой их отличий друг от друга (в нашем случае — *чăвашлăх*), хотя может занимать разное место в иерархии качеств у обоих народов. Предполагаем, что *чăваш тĕнчи* в отдельных случаях возможно интерпретировать как чувашский вариант термина «национальная картина мира», но вопрос требует более глубокого исследования. Мы будем говорить о *чăвашлăх*, точнее, о некоторых чертах национального, отразившихся в художественной литературе. На примере творчества талантливого чувашского писателя и яркого литературного критика, творившего в «эпоху канонизированного соцреализма» [1], Ефрема Еллиева, попытаемся рассмотреть особенности выражения «чувашского мира» в его произведениях. В частности, речь идет об *ытарлăх* (иносказательность, метафоричность). Писатель Е. Еллиев искал в творчестве «*чăваша кирлĕ*

форма» (форму, нужную чувашу), «*чавашийн кирлĕ илем*» (красоту /художественность, нужную для чуваша)¹.

Методология исследования включает литературоведческие методы и подходы: историко-культурный, биографический, описательный и проблемно-тематический. Материалами для исследования выступили прозаические и драматические произведения, а также дневники и рукописи чувашского писателя Ефрема Еллиева.

Обсуждение

Формы проявления категории национального в чувашской литературе постреволюционного периода были разнообразны. Наиболее выразительная экстерииоризация национальных образов мира произошла в творчестве М. Сеспеля, П. Хузангая (поэзия); Ф. Павлова, Г. Тал-Мрзы, М. Юрьева, П. Осипова (драматургия) и некоторых других. Ярким представителем чувашской литературы 1930-х гг. является Ефрем Васильевич Еллиев (1907–1942) — прозаик, драматург, литературный критик. Он родился в Татарской АССР, ушел добровольцем на фронт в 1941 г., погиб на Калининском фронте в ноябре 1942 г., о чем стало известно только в 1962 г.²

Понятие «*чавашлăх*» в научной литературе XXI в., так или иначе, становилось объектом внимания ученых-гуманитариев разных областей [2–5]. Есть также отдельные работы, посвященные анализу образов *чаваш тĕнчи*, или «чувашского мира» в поэзии модернизма и постмодернизма (творчество М. Сеспеля, А. Петокки, В. Митты, П. Хузангая, Г. Айги и И. Трера) [6]. В них содержится иная интерпретация терминов, ставятся другие цели и задачи. В любом случае, творчество Е. Еллиева не становилось объектом отдельного внимания с заявленной точки зрения.

В литературу Е. Еллиев вошел в конце 1920-х гг. В 1931 г. в журнале «Сунтал» («Наковальня») были опубликованы *тĕрленчĕк* «*Çарăмсан тăрăх*» («Вдоль Черемшана») и *тĕрленчĕк* «*Хастарлăх*» («Смелость»). В 1933 г. публикуются рассказы «Хапха» («Ворота»), «Чĕн тилхепе» («Ременные вожжи»), «Йышран уйрăлсан» («Оторвавшись от коллектива»), статьи «Кун йĕркинчи хăшпĕр ыйтусем» («Некоторые вопросы повестки дня») и «Уç сыру — чаваш писателĕсем патне вулакантан» («Открытое письмо — чувашским писателям от читателя»). В ситуации жесткой идеологизированности литературы он писал о важности эстетического начала, о необходимости выражения национального начала в ней. Писатель чувствовал тайну художественности изнутри, обладал тонкой интуицией, был образованнейшей личностью своего

¹ НА (Научный архив) ЧГИГН (Чувашского государственного института гуманитарных наук). Отд. V. Ед. хр. 1559. Инв. № 8702. Л. 20. Книга для записей Еллиева Е.В. (1932 г.).

² НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 1558. Инв. № 8700. Л. 8. Талвир А. Справка в облвоенкомат Татарской АССР.

времени. В 1927 г. Е. Еллиев поступил на факультет советского права МГУ им. М.В. Ломоносова. Помимо специальных дисциплин был увлечен лекциями по экспериментальной психологии К.Н. Корнилова и творчеством Ф.М. Достоевского. Но через год вынужден был оставить учебу по состоянию здоровья³. Тем не менее богатая духовная жизнь этого периода, наряду с природным талантом, оказала бесспорное влияние на его литературное творчество.

Основное творчество приходится на 1930-е гг. Произведения нужно понимать в контексте того времени, в котором он жил. Е. Еллиев чудом избежал репрессий. Вплоть до 1990 г. [7] его оценивали как «певца колхозной жизни». Действительно, большинство его произведений написаны о строительстве новой жизни на селе. Но для писателя было характерно объективное отражение процессов коллективизации. Ему удавалось раскрыть тему, не заостряя внимания на социальных коллизиях, а фокусируясь на внутреннем мире человека; не выхолащивая идею, создавая карикатурные, неживые типы кулаков, середняков, бедняков. Выражаясь словами Ю. Артемьева, «Е. Еллиев идет от самой жизни, а не от предвзятых схем. В его рассказах запечатлелась реальная действительность, далекая как от идеализации, так и от натуралистического правдоподобия»⁴. Все же оказалось, что Еллиев еще более глубокий художник, нежели кажется на первый взгляд. В 1989 г. в Научный архив ЧГИГН были переданы материалы жизни и творчества писателя⁵. Стало понятно, что ключом к пониманию его произведений служат дневниковые записи и неопубликованные тексты. Не менее важным контекстом являются опубликованные критические статьи. В них выявляется мировоззрение писателя-философа, его позиция на текущий литературный процесс как теоретика и практика. Именно во взаимосвязи всех граней его творчества становится более понятным *ытарлăх* (иносказательность, метафоричность) текстов автора.

*«Юнтарăр, анчах вĕçне ытарăр: курар мар эфир вĕсене. Вĕçне куратăн уккен, йĕр-йĕр вĕçĕсене астураĕн уккен, унтан вара илемлĕх, „пуç çавăрни“ пĕтет; унна вара тăранаймастăн, унна вара килĕшейместĕн»*⁶. (Намекайте, говорите иносказательно, а концы прячьте: мы не должны их видеть. Если увидишь конец, заметишь выделяющиеся линии, с того момента исчезает художественность, «волшебство, колдовство»; им (произведением. — В.Н.) не можешь быть доволен, с ним не можешь согласиться⁷). Исследователями рубежа XX–XXI вв. неоднократно было замечено, что Слово чувашское

³ Михайкин Ф.М. О незабываемом старом друге // Ефрем Еллиев. Çĕнĕ аяланупа аялантару (Тёпчевсем, аса илĕсем, «Сухална телейсем» драман сцена валли хатĕрленĕ варианчĕ). Шупашкар : ЧПГАИ, 2002. С. 63–65.

⁴ Артемьев Ю.М. «Мой творческий путь — это узкая просека» // Еллиев Е.В. Ворота. Рассказы, письма. Чебоксары : ЧГИГН, 2007. С. 7.

⁵ НА ЧГИГН. Книга пост. № 12. Инв. № 5184.

⁶ Еллиев Е. Уç сыру — чăваш писателĕсем патне вулакантан // Трактор. 1933. 7-мĕш кĕн. 144–156 с.

⁷ Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — В.Н.

«всегда насыщено и уплотнено национально-культурными образами, иносказательными возможностями» [8. С. 289], что для чувашского мышления характерны иносказательность, очень тонкий юмор и ирония, а за шутовством, скоморошничаньем, самуничижением скрывается серьезная философия⁸. *Ытарлăх* как свойство чувашского мышления вырабатывалось веками, в том числе и в силу исторических условий; отразилось в национальном фольклоре; продолжает развиваться, видоизменяясь, в литературе, взять к примеру, свойство такой повествовательной формы, как *хайла* [9], и как особенность национального менталитета в целом. Произведения Е. Еллиева представляют собой близкую, но не тождественную жанру *хайла* форму, которая сильно корректируется политической ситуацией 1930-х гг.

Е. Еллиев считал, что в слове проявляется психология народа (*Сăмахра сеш халăх психологийĕ палăрать...*)⁹, что в литературе любого времени должны отражаться национальные особенности: «...*Чăн-чăн интернационаллă произведени вăл яланах, чăн малтанах, нациллĕ произведени. Толстойăн „Война и мир“ ятлă произведени тĕнчипе вулакан произведени, анчах вăл чи малтанах вырăс произведенийĕ, унта вырăс халăхĕн характерĕ тĕсленет <...>*».

*Пирĕн чăваш паттăрĕсене, чăваш пурнăçне, чăваш хушишинчи класс кĕрешÿне, сĕнĕ пурнăç тăвакан ёсхалăхне кăтартмалла*¹⁰. (...Настоящее интернациональное произведение — оно всегда, в первую очередь, национальное произведение. Произведение „Война и мир“ Толстого — читаемое во всем мире произведение, но оно, в первую очередь, русское произведение, в нем предстает характер русского народа <...>».

Нам нужно показать чувашских героев, жизнь чувашей, классовую борьбу среди чувашей, трудовой народ, творящий новую жизнь).

Состояние литературы и искусства в 1930-е гг. Е. Еллиев характеризовал так: «*Халĕ упадок: литература та искусство та пĕтĕмĕшпех. Мĕншĕн? Аста та чарак! Искусство чăтмасть чарака...*» (Сейчас упадок: в литературе, искусстве — везде. Почему? Всюду и везде ограничения! Искусство не терпит рамок...)¹¹. Далее: «*Епле пысăк улиăну! Ёлĕк — этеме юратаракан, этем сĕнчен айшиăн сырни произведенисем хаклă тăратчĕс. Писатель халне те саванна виçетчĕс. Халĕ — этемлĕхе курайманни, уйăрни, пайлани — маларах пултăр.*»; «...*Халĕ — таçтан малтан тĕп шухăш, идея парса хураççĕ. Сыр — сав шухăшран тухмасăр, апа пăханса!.. Çаванна-тăр тĕп паллă произведени, сынна пĕтĕмпех шухăша ямалли произведени пулас çук-тăр*¹². (Как все изменилось! Раньше были ценными произведения, в которых писалось о любви к

⁸ Федоров Г.И. Иван Мучи пултарулăхĕ тата чăваш литературинчи кулăшăн илемлĕ хайне еверлĕхĕ: лекцисен конспекчĕ. Шупашкар : ЧПУ, 2001. 14 с.

⁹ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 1559. Инв. № 8702. Л. 11.

¹⁰ Еллиев Е. Кун йĕркинчи хăш-пĕр ыйтусем // Сунтал. 1933. № 5. 31–32 с.

¹¹ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 1559. Инв. № 8702. Л. 16.

¹² Там же. Л. 18.

человеку, с теплом о человеке. Талант писателя измеряли этим. Сейчас на первом месте — ненависть к человечеству, его разделение...; ...Теперь же идея декретирована заранее. Пиши, не выходя за рамки, подчиняясь этой идее. Поэтому и не будет, наверное, сейчас яркого произведения, заставляющего читателя думать.)

Общеизвестно, что писатели всех времен и народов обращались к эзоповому языку, если не было возможности высказать открыто свою точку зрения. С формальной, внешней точки зрения, Е. Еллиев, можно сказать, тоже пошел по этому пути. И определение «чуваший Эзоп» в переводе на интернациональный язык является вполне справедливым [10. С. 114]. В рассказах и драме «Пёр кун» («Один день», 1934) мы наблюдаем, как мысль выражается здесь через яркие образы. Еллиеву было нетрудно «быть Эзопом» — выше уже говорилось об особенностях чувашского мышления. В конечном итоге писатель выработал такую эстетическую позицию, согласно которой считал: «...*Чӑн-чӑн писатель чӑн лайӑх художествӑллӑ произведенийре нима те тӳррине каламасть, систерсе сеш... Е тӑслет тӑплӑ, кирлӑрех енне маларах хурса...*»¹³. (Настоящий писатель ни о чем не говорит в открытую, а говорит намеками, в подтексте.)

Яркий пример — рассказ «Чӑлхесӑр Эрхип» («Немой Архип», 1940)¹⁴. Он глубоко метафоричен. Действие в нем, как обозначает сам автор, происходит в 1931 г. Главный герой, немой и отчасти умственно ущербный, но добродушный Архип, ждет, когда к нему в гости приедет И.В. Сталин. Внешне ни один цензор не смог бы придраться — рассказ идеален с точки зрения формальных и политических требований к литературе данного времени: бедняк Архип, который был слугой *Калука* до революции, сегодня, благодаря Сталину, живет в его доме и вполне счастлив. Архип боготворит Сталина, как раньше его хозяин боготворил Святителя Николая¹⁵. Но рассказ имеет глубокий подтекст. Образ главного героя символичен: через него изображается народ, который в эпоху сталинизма вынужден становиться, по определению прозаика, «*историн сӑмахсӑр путеккисем*» (безмолвными ягнятами истории) [10. С. 122].

В опубликованных статьях открыто, в то же время с явной иронией, подчас переходящей в сарказм, Е. Еллиев писал о шаблонности и схематизме в литературе своего времени. В них он зачастую подчеркнуто гиперболизирует сложившуюся ситуацию, критически анализирует творчество современных авторов. В дневниках автора содержатся откровенные философские высказывания и размышления о чувашском национальном характере, об искусстве и

¹³ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 1559. Инв. № 8702. Л. 7.

¹⁴ Впервые опубликован под названием «Эрхип» здесь: Илемлӑ литература. 1941. 7 кӑн. 23–31 с.

¹⁵ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед. хр. 1222. Инв. № 7207. Лл. 35–61. Еллиев Е. Чӑлхесӑр Эрхип.

науке; о том, что значит быть истинным художником, национальным художником и что такое художественность в целом.

Пьеса «Ҫухалнӑ телейсем» («Потерянные счастья»), 1935–1937) впервые опубликована в 2002 г., после ее постановки на сцене Чувашского государственного театра юного зрителя им. М. Сеспеля [11. С. 82–118]. Несколько измененный вариант драмы шел в театре под названием «Пирӗн телей ҫавнашкал» («Доля наша такова») в 1992–1993 гг. Жанровую разновидность данной пьесы можно определить как «философская драма».

В рукописи автором во вступительной ремарке указано, что действие в пьесе происходит в 1903–1904 гг., когда «эксплуататорство достигло высочайшей точки»¹⁶. В постановке данный социальный комментарий не сохранен, но, скорее всего, и для самого Еллиева такая заявка является лишь одним из средств «эзопова языка». Ведь в Поволжье народ постоянно жил в трудных условиях, а массовый голод был и позже — в 1921–1922 гг., и в 1932–1933 гг. Герои пьесы, в том числе семья Симена, вынуждены терпеть огромные лишения. На протяжении всей пьесы герои говорят о том, что им не суждено быть счастливыми (*телейлӗ шӑна ҫырман пулмалла ӗнтӗ кире...*).

В пьесах Е. Еллиева важное значение имеет проблема счастья в национальном варианте. Чувашское «*телейлӗ*» — это не просто счастье, но еще и «доля», «судьба», «удел», «участь». В структуре пьесы «Потерянные счастья» значимым элементом является *халап* / сказка о поисках счастья. В одной бедной семье выросла очень красивая девушка. Но из-за бедности к ней никто не сватался. И родители отправили ее на поиски счастья. В конце концов девушка попадает в сказочное место: на горе стоит дом из золота-серебра, вокруг красивейшие сады, а ее встречает хозяин в дорогой одежде. Она выходит замуж за него, и нет теперь счастливее ее человека на свете. В этой сказке отражаются мечты простых людей, очевидно, вне зависимости от национальности, о сытой и красивой жизни. Но социальное положение (нищета) народа в пьесе постоянно и тесно взаимосвязано с национальным характером / менталитетом.

Характер чувашей неоднозначен. С одной стороны, к примеру, они послушны, исполнительны, терпеливы: «*Андрей Павлович. Чӑвашсем пурте ҫапла пурӑнмалла! Чӑваш ӗҫчен халах вӑл. Вӑл тӑрӑшатӑ. Пурӑнма пӗлмесӗҫ. Пурӑнӑҫ тума пӗлмесӗҫ. Семенч Степанч пурӑна пӗлет вӑл...*

Стражник. <...> Лайӑх ял вӑл чӑваш ялӗ. Тупата, юрататӑн... Нимӗскер те вӑл-ку тавраш пулмасть!...»¹⁷ (Андрей Павлович. Чувашаи все так должны жить! Чувашаи трудолюбивый народ. Он старается. Жить не умеют. Жизнь не умеют выстраивать. Семен Степанч он умеет...

¹⁶ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед.хр. 1561. Инв. № 8707. Л. 2. Еллиев Е.В. Ҫухалнӑ телейсем (5 сценӑллӑ драма).

¹⁷ Там же. Л. 22.

Стражник. <...> Чувашская деревня она хорошая деревня. Честное слово, люблю... Ничего такого не происходит!..).

С другой стороны, внутри народа таится огромная взрывная сила, бунтарство: «*Стражник*. *Çак чăваша макăрса йăлăннине курăттăм! Тăрать юпа нек! <...> Вăл йăлăнать-и? Пăхăнман кăмăл чăвашăн! Вăл кăмăла эпĕр! Ну! Пĕрре!..»¹⁸ (Бьют Сергея, а он не просит прощения. — В.Н). (*Стражник*. Хотел бы видеть я этого чуваша, со слезами просящего! Стоит как столб! <...> Разве он будет просить? Непокорный характер у чуваша! Этот характер мы! Ну! Раз!..).*

Атмосферу пьесы пронизывают печальные песни о неотвратимости судьбы: «*Манăн çамрăк пуçри йывăр хуйхă / Кайрĕ пулĕ ёмĕр те тăршишĕпе...*»¹⁹. (Тяжкое горе, выпавшее на мою голову, / Наверное, будет сопровождать меня всю жизнь...); «*Çырнă иккен Турă çамка çине / Шур супăньпе çуса каймасса...*»²⁰. (Написал Бог, оказывается, на лбу так / Что белым мылом не смоеся); «*Ай-хай манăн çамрăк пуççăм / Йывăр хуйхă айĕнче...*»²¹. (Ай-хай моя молодая головушка / Под тяжким горем находится...).

Пьеса не просто раскрывает изнутри жизнь чувашей начала XX в. Она заставляет читателя размышлять и искать причины тяжелой судьбы чувашей, пути выхода их сложившейся ситуации.

Заключение

Чувашский писатель Ефрем Еллиев творил в непростое время (1930-е гг.), когда в литературе начинал доминировать соцреализм. На становление художественного мира любого художника эпоха оказывает непереносимое влияние. Тем не менее Еллиеву удалось выработать собственный стиль письма, который основывается на национальных традициях, но одновременно отражает и дух современности. В его произведениях выражается такая особенность чувашского мышления, как *ытарлăх* (иносказательность, метафоричность). Мы проследили развитие данной особенности в его произведениях. Данное свойство в немалой степени соотносится с эзоповым языком в мировой литературе, но не тождественно ему, так как определяется природными, национальными особенностями родного народа. В варианте с эзоповым языком речь идет все же о более сознательном стиле изложения в художественной литературе.

Лучшие традиции чувашской метафорической прозы, в том числе традиции Е. Еллиева, получили яркое продолжение в творчестве прозаика рубежа

¹⁸ НА ЧГИГН. Отд. V. Ед.хр. 1561. Инв. № 8707. Л. 9.

¹⁹ Там же. Л. 19.

²⁰ Там же. Л. 43.

²¹ Там же. Л. 46.

XX–XXI вв. Георгия Федорова (1942–2015), трансформировавшись в особую жанровую форму — *ытарлă* (метафорический) эскиз «Ай мӑнтарӑн хир мулкачи» («У нас колесница одна», 1992–2015).

Список литературы

1. История чувашской литературы XX века. Ч. 1 (1900–1955) : коллективная монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015. С. 298–430.
2. Никитина Э.В. Специфика менталитета чувашского народа: Философский аспект исследования сущности этнического менталитета : автореф. дис... канд. философ. наук. Чебоксары, 2004. 28 с. EDN: ZMVFOR
3. Никифорова В.В. Борис Чиндыков: опыт реконструкции чувашского мира // Художественная словесность и проблемы чувашской духовной культуры : сб. материалов научно-практической конференции. Чебоксары : ЧГИГН, 2008. С. 202–225. EDN: WXHXZJ
4. Никифорова В.В. Литературные тексты как выражение национального менталитета (взгляд на чувашскую литературу второй половины XX века) // Менталитет и этнокультурное развитие волжских народов: материалы Межрегиональной науч.-практич. конф. Чебоксары : ЧГИГН, 2012. С. 223–233. EDN: WGCZFT
5. Кирчанов М. В. Концепт *чӑвашлӑх* как основа чувашского этнофутуризма // Вестник культуры и искусств. 2021. № 2 (66). С. 62–70. EDN: XTYIZD
6. Кирчанов М.В. «Чӑваш тӑнчи» как «изобретенная традиция» в поэтическом воображении чувашского модернизма и постмодернизма // Новый филологический вестник. 2022. № 3 (62). С. 262–278. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-262> EDN: YNFARJ
7. Яковлев Ю.В. Е. Еллиевӑн прозӑри пултарулӑхӗ (интерпретаци ыйтӑвӑсем) // Хальхи чӑваш литератури: илемлӗ ӑсталӑх ыйтӑвӑсем. Шупашкар : ЧЛИЭНТИ, 1990. С. 64–82.
8. Федоров Г.И. Художественный мир чувашской прозы 1950–1990-х годов : монография. Чебоксары : ЧГИГН, 1996. 304 с.
9. Никифорова В.В. Хайла как малый жанр чувашской прозы // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. 2022. № 3 (116). Июль — сентябрь. С. 91–95. <https://doi.org/10.37972/chgru.2022.116.3.011> EDN: BSDCSY
10. Яковлев Ю.В. Ефрем Еллиев: сталинла тоталитаризм тата прозӑри Эзоп чӑлхи, тарӑн шухӑш // XX ӗмӗрти чӑваш литератури, 1900–1950-мӗш ҫулсем: литература историйӗн тӑпчӑвӑсем. Шупашкар : ЧПГӐИ, 2012. С. 113–129.
11. Ефрем Еллиев. Ҫӗнӗ ӑнланупа ӑнлантару (Тӑпчӑвӑсем, аса илӑсем, «Сухалнӑ телейсем» драмӑн сцена валли хатӑрленӗ варианчӗ). Шупашкар : ЧПГӐИ, 2002. 120 с.

References

1. ICHL. 2015. *History of Chuvash Literature of the 20th Century*, part 1 (1900–1955): collective monograph. Cheboksary : Chuvash. book publishing house. Print. (In Russ.)
2. Nikitina, E.V. 2004. “The specifics of the mentality of the Chuvash people: A philosophical aspect of the study of the essence of ethnic mentality.” PhD thesis. Cheboksary. EDN: ZMVFOR Print. (In Russ.)
3. Nikiforova, V.V. 2008. “Boris Chindykov: the experience of reconstruction of the Chuvash world.” In *Artistic literature and problems of Chuvash spiritual culture*: collection of materials of scientific and practical conferences. Cheboksary, pp. 202–225. EDN: WXHXZJ Print. (In Russ.)
4. Nikiforova, V.V. 2012. “Literary texts as an expression of national mentality (a look at Chuvash literature of the second half of the twentieth century).” In *Mentality and ethnocultural*

- development of the Volga peoples: proceedings of the interregional scientific. Cheboksary, pp. 223–233. EDN: WGCZFT Print. (In Russ.)*
5. Kyrchanoff, M.W. 2021. “Çävašläh Concept as the Basis of the Chuvash Ethnofuturism.” *Bulletin of Culture and Arts*, no. 2 (66), pp. 62–70. EDN: XTYIZD Print. (In Russ.)
  6. Kyrchanoff, M.W. 2022. “Çävaš Tënçi” as “Invented Tradition” in the Poetical Imagination of Chuvash Modernism and Postmodernism.” *New Philological Bulletin*, no. 3 (62), pp. 262–278. <https://doi.org/10.54770/20729316-2022-3-262> EDN: YNFARJ Print. (In Russ.)
  7. Yakovlev, Yu.V. 1990. “E. Ellievän prozäri pultaruläxë (interpretaci y`jtävësem).” *Xal`xi chävash literaturi: ilemlë ästaläx y`jtävësem*. Shupashkar, pp. 64–82. Print. (In Chuv.)
  8. Fedorov, G.I. 1996. *The artistic world of Chuvash prose in the 1950s and 1990s: monograph*. Cheboksary. Print. (In Russ.)
  9. Nikiforova V.V. 2022. “Xajla as a small genre of Chuvash prose.” *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*, no. 3 (116), pp. 91–95. <https://doi.org/10.37972/chgpu.2022.116.3.011> EDN: BSDCSY Print. (In Russ.)
  10. Yakovlev, Yu.V. 2012. “Efrem Elliev: stalinla totalitarizm tata prozäri E`zop chëlxi, tarän shuxäsh.” In *XX ëmërti chävash literaturi, 1900–1950-mësh çulsem: literatura istorijën tËpchevësem*. Shupashkar: ChPGÄI publ., pp. 113–129. Print. (In Chuv.)
  11. Efrem Elliev. *Çënë änlanupa änlantaru* (TËpchevsem, asa ilýsem, “Çuxalnă telejsem” dramăn scena valli xatërlenë varianchë). 2002. Shupashkar: ChPGÄI publ. Print. (In Chuv. In Russ.)

Сведения об авторе:

Никифорова Вера Витальевна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0000-0003-0175-5678, eLibrary SPIN-код: 7855-6761. E-mail: vera.nikiforova@yandex.ru

Bio note:

Vera V. Nikiforova is a Candidate of Philological Sciences, Senior Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0175-5678, eLibrary SPIN-code: 7855-6761. E-mail: vera.nikiforova@yandex.ru

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-645-655

EDN: BXTMNM

Научная статья / Research article

Поэтика свободного стиха в творчестве Станислава Садур

И.В. Софронова^{ID}

Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова,
Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация
✉ muxtar2@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены особенности поэтики свободного стиха современного чувашского поэта Станислава Садур. Цель исследования — определить специфику свободного стиха С. Садур. Актуальность работы связана с необходимостью анализа особенностей развития современной чувашской поэзии в аспекте распространения в них нетрадиционных стихотворных форм. В ходе работы выявлено, что свободный стих С. Садур отличается краткостью формы, визуализацией, наличием словесного рисунка, элементов фольклоризма, звуковой гармонии, выражением философского смысла, чертами экзистенциализма. Произведения подобны развернутой метафоре, строятся по типу сравнения, образно-афористического выражения смысла, перечисления или сопоставления однородных образов, переживаний. Краткость и своеобразие формы требуют сосредоточенности мысли, емких выразительных средств. Установлено, что С. Садур продолжает традиции свободного стиха, выработанные в чувашской поэзии во второй половине XX в. Творческие поиски поэта рассмотрены нами как выражение авторской картины мира, сформированной под влиянием чувашского фольклора, традиций чувашской и мировой поэзии, жизненного опыта.

Ключевые слова: свободный стих, рифма, звуковая гармония, визуализация, чувашская поэзия, лирический герой, С. Садур

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: *Софронова И.В.* Поэтика свободного стиха в творчестве Станислава Садур // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 645–655. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-645-655>

Poetics of Free Verse in the Works of Stanislav Sadur

Irina V. Sofronova^{ID}

Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Chuvash State Institute of Humanities Sciences,
Cheboksary, Russian Federation
✉ muxtar2@yandex.ru

Abstract. The paper examines the features of the poetics of free verse of the modern Chuvash poet Stanislav Sadur. The purpose of the study is to determine the specifics of S. Sadur's free verse. The relevance of the work is caused by the desire to characterize the features of the development of

© Софронова И.В., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

modern Chuvash poetry. The results showed that S. Sadur's free verse is distinguished by brevity of form, visualization, the presence of a verbal picture, elements of folklore, sound harmony, expression of philosophical meaning, and features of existentialism. The works are similar to an expanded metaphor, built on the type of comparison, figurative-aphoristic expression of meaning, listing or comparison of homogeneous images, experiences. Brevity and originality of form require concentration of thought, capacious expressive means. S. Sadur continues the traditions of free verse developed in Chuvash poetry in the second half of the twentieth century. We consider the poet's creative searches as an expression of the author's picture of the world, formed under the influence of Chuvash folklore, the traditions of Chuvash and world poetry, and life experience.

Key words: free verse, rhyme, sound harmony, visualization, Chuvash poetry, lyrical hero, flow of speech

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Sofronova, I.V. 2025. "Poetics of Free Verse in the Works of Stanislav Sadur." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 645–655. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-645-655>

Введение

Свободный стих во многих литературах народов России занимает особое место. В русской поэзии он был особо популярен среди поэтов Серебряного века. В национальных литературах пик его активности приходится на 1960–1980-е гг. В марийской поэзии он широко представлен в творчестве Р. Сунгуловой, характеризующейся национальным, финно-угорским мировоззрением и мироощущением, внутренней глубиной и выразительностью. Для развития удмуртского верлибра значимы поэтические эксперименты В. Ар-Серги, А. Арзамазова, Л. Ореховой, продолжающих традиции Ф. Васильева и В. Владыкина. Их стихи базируются на национальной фольклорной основе, личных впечатлениях, освоении опыта соседних литератур [1]. Своеобразны свободные стихи татарских авторов А. Галимзянова, М. Мирзы [2. С. 220–241]. Имеющие внешние признаки восточных хокку и танка, их лирические произведения выражают философские размышления, дух татарского фольклора, свидетельствуют о поэтических исканиях авторов.

В чувашской поэзии основоположником свободного стиха, основанного на фольклорных традициях, является М. Сеспель. Его начинания нашли отражение в творчестве поэтов 1960-х гг. — Г. Айги, П. Эйзина, А. Аттылы, Л. Мартьяновой, С. Эрдивана. Своеобразные формы и композиция верлибра продолжают привлекать и поэтов начала XXI в. — М. Карягину, Н. Мордякова, С. Азамат, А. Сосаеву, С. Садура, В. Макарова и др.

Свободный стих — это форма произведения, которая сочетает в себе и поэзию, и прозу. В нем наблюдается «произвольное количество ударных и безударных слогов; неравномерное количество ударений в строках; нет пов-

торяющихся единообразных строф; может не быть и рифмы» [3. С. 110]. Отечественные и чувашские литературоведы внесли определенный вклад в изучение специфики свободного стиха. Основными теоретиками считаются В.М. Жирмунский, М.Л. Гаспаров, Л.И. Жовитс, В.В. Кожин и др. Ю.Б. Орлицкий в своих трудах определил такие подтипы свободного стиха, как: «чистый верлибр», верлибр с метрическими вкраплениями, акцентный стих, гетероморфный стих [4].

Чувашские литературоведы проблему свободного стиха в основном затрагивали в исследованиях творчества поэтов данного направления. Так, В.Г. Родионовым выявлены общие черты композиции, способ выражения смысла, фонетическая структура свободного стиха М. Сеспеля и традиций чувашского фольклора (заклинаний, молитвословий, приговора дружки на свадьбе). Свободный стих М. Сеспеля отличают звуковая организация стиха, повторяющиеся междометия и повелительная форма глаголов, наличие мифологических представлений в образе светлого будущего. Исследователь считает, что обращение к свободному стиху связано с внутренними переживаниями поэта, разрушением идеалов, влиянием исторических условий. «Чувашский свободный стих, исходящий из народной речитативной поэзии, развивался именно в такие периоды истории народа, когда действительность далеко отходила от идеалов общества...» [5. С. 312]. М.Г. Михуткина [6], анализируя чувашский свободный стих второй половины XX в., придерживается мнения В.Г. Родионова.

Цель исследования — определить специфику свободного стиха Станислава Садура. Его лирика в чувашском литературоведении недостаточно изучена. В основном проанализированы основные мотивы и образы, особенности визуализации в его поэзии [7]. А.П. Хузангай отмечает философское начало, наличие поэтических поисков в творчестве поэта, близость образной речи с фольклором. Он определяет свободный стих С. Садура как «поэзию языка», которая сопровождается присутствием некоего магического начала. По его мнению, поэт «испытывает на прочность синтаксис и лексику чувашского языка» [8. С. 4]. В то же время до сих пор поэтические, формальные, композиционные особенности свободного стиха С. Садура не стали объектом специального изучения. Этим обусловлена и актуальность написания данной статьи. Материалами исследования стали поэтические сборники «Юхӓмра» («В потоке», 2017), «„Эпӓ“ виӓ» («Модуль „Я“», 2019), «Чӓнӓллӓ ӓул» («Зов дороги», 2021) С. Садура. Теоретическую базу составляют работы в области стиховедения отечественных (В.В. Кожин, М.Л. Гаспаров, Ю.Б. Орлицкий и др.) и региональных (В.Г. Родионов, Д.Ф. Загидуллина, В.Л. Шибанов и др.) литературоведов. Для проведения исследования поэтики свободного стиха применены структурно-семантический, описательный методы и интертекстуальный анализ.

Обсуждение

Станислав Сакур — один из современных чувашских поэтов, пришедший в литературу в 80-х гг. XX в. Его ранняя лирика отличается стремлением к традиционному стихосложению. Силлабо-тоническим размером он пишет стихи на значимые для него темы: о малой родине, любви к чувашскому языку. Поэт пробует себя в написании драматического произведения. В 2003 г. выходит его книга «Сăмах майăн» («Вскользь»), в которой представлены первые опыты свободного стиха. Произведения отличаются тяготением к визуализации: «размещение текста на отдельном листе, не использование знаков препинания, отделение строк от строфы» [9. С. 367]. В будущем, можно сказать, поэт полностью переходит на свободный стих.

Свободный стих С. Сакура вобрал в себя особенности традиций фольклора и опыт чувашских поэтов-авангардистов. В то же время это садуровский свободный стих, отличающийся от других авторов. В его основе — наличие минимализма, ассоциативность образов, образного языка, построение композиции на перечислении однотипных переживаний и явлений или же одноментных описаний происходящего, близость к народным поэтическим традициям. К свободному стиху поэт приходит постепенно. Как и М. Сеспель, вначале он осваивает силлабо-тонический размер, а затем поэтапно отказывается от его составляющих. Поэт и сам отмечает, что увлечение творчеством классика чувашской поэзии сначала привело его к литературе, позже — к поиску новых форм в поэзии. Социально-политические перемены в стране в конце XX в., изменение облика нации, родной деревни, статуса родного языка также повлияли на его переход к свободному стиху.

Первоначально из-под пера С. Сакура выходят вольные стихи, в которых есть разделение на строфы, нечасто рифмующиеся строки. Для выражения важности смысла слова он отделяет его от строки, а строку от строфы, чем достигается неровное количество слогов в строках:

*Кёрхи вёрман катин —
кур —
урмайш сән:
Хўме-ши въл е чатър?
Ана йёпхўллё сумър чалайшийн
йълт сърмакланă авă.*

*Ката хура. Ашта-ши хурама?
Ашта-ши хурән?
Вёсем сине пăкса ырра шанма
Мана вёрентрё пурнăç.*

У опушки осеннего леса —
смотри —
нездоровый вид.
Забор ли это или шатер?
Его мелкий, косой дождь
вон всего измазал.

Опушка черная. А где же вяз?
А где же береза?
При виде их надеяться на лучшее
Меня научила жизнь¹.

¹ Сакур С. Чёнўллё сўл: савăсем. Шупашкар, 2021. С. 57. Здесь и далее подстрочный перевод с чувашского наш. — И.С.

Вторую и третью строки можно было написать в одну строку, отчего количество слогов не так сильно отличалось бы. Но выделение слова «кур — смотри» в отдельную строку, да еще обособление его с обеих сторон тире, способствует созданию длинной паузы, придает тексту новый смысл, разговорную интонацию. В тексте наблюдается рифмовка нечетных строк, а в конце — нечеткая (мнимая) параллельная рифма, которая больше напоминает звуковой повтор: шанма — пурнйҫ. Использование названий деревьев «вяз» и «береза» ассоциируется с названием повести А. Алги «Хурама та хурән» («Вяз да береза», 1979). Поэт создает словесный рисунок, в котором на фоне темного, черного осеннего пейзажа просматривается силуэт белой березы. Подобные словесные рисунки характерны для краткостишй П. Эйзина. Исследователь А. Хузангай трактует их как проявление философии дзен-буддизма, когда «изображаются слышимое и видимое рядом с пустотой, ничем» [10. С. 87]. У С. Садура — это свет от белой березы на фоне темного леса.

Поэт пробует себя в написании «чистого верлибра», верлибра с метрическими вкраплениями и гетероморфного стиха. Он не разделяет лирический текст на строфы в силу определенных причин: они небольшие по объему, в них смыслоносящие строки и так отделены друг от друга пробелом. Слова в стихотворении использованы в прямом и переносном значении. Они ассоциируются с известными произведениями литературы, фольклорными образами. Свободный стих С. Садура также богат художественными тропами, особенно метафорами и сравнениями. Единство содержания и формы проявляется в способе изложения смысла и его оформлении в строке. Описание любовных переживаний, размышлений о вере и смысле жизни, значимости малой родины близко восточным поэтическим традициям. В них больше чувств, эмоций. В гражданской лирике, передающей тревогу о судьбе родного языка и народа, проявляются особенности западного верлибра. Они основаны на логическом размышлении о причинах, последствиях того или иного явления, что характерно для «чистого» верлибра.

Ытарми ирѣкне туртса илнѣ,

анчах

унән ҫўл тўпене ҫѣкленес ѓмѣтне
татайман

кайкяр нек

манән халӑх, ача! —

лекнѣ вайсӑрлӑхӑн
ватӑлми ҫавраҕне!..²

С отобранной драгоценной свободой,

однако

мечту подняться в небо
не отдавшем

соколу подобен

мой народ, эх-ма! —

попал в круговорот
бесконечного бессилия!..

² Садура С. Чѣнўллѣ ҫул: сӑвӑсем. Шупашкар, 2021. С. 167.

В данном стихе восхищение свободолобивым народом сменяется указанием на сковавшую его цепь. Восклицательный знак в первом случае передает восхищение им. Художественный текст имеет неожиданный конец: бесконечная цепь бессилия будет сковывать этот свободолобивый народ. Две противоположные мысли разделены тире. Восклицательный знак в конце текста звучит как приговор. О свободе можно только мечтать, свободолобивая птица никогда не поднимется в небо.

В некоторых стихотворениях С. Садур представлена развернутая метафора:

Вирт

тип курака сисе

яла кайрӑ те...

пӑрерӑн суртсене хыпса-сӑтса

*вӑхӑт чиккине хуратрӑ!*³..

Пожар

поев сухой травы

ушел в деревню...

поглощая дом за домом

стер границы времени!..

В тексте описывается закат. Слово *вирт* имеет два значения: 1) степной пожар, сжигание хвороста; 2) *вирт-вирт кукамай* — насекомое красного цвета с черными крапинками, которые любят собираться на солнцепеке. Немного подзабытое слово *вирт* в значении «красный цвет» используется для обозначения красоты заката, от которого остановилось время. Ассоциация этого слова в значении насекомого для изображения большого природного явления напоминает знаменитую метафору В. Маяковского «закат расканарейте». Композиция стихотворений также выстраивается через сравнение, сопоставление. В них есть прямое указание на сопоставляемый предмет. На это указывают слова *пек*, *евӑр* — «словно, подобно», *асилтерет* — «напоминает». При этом автор больше внимания уделяет сопоставляемому предмету.

С. Садур в свободном стихе выражает «воспоминание, поэтическую реставрацию неписанных основ народного нравственного кодекса» [11. С. 123]. Поэт обращается к образному параллелизму древних чувашских песен или же дает новую интерпретацию содержанию пословиц и поговорок:

Кӑс-вӑсех!

Тен, ик-висӑ каҫалакранах

эсӑ те чӑваша чӑк тума тытӑнатӑн.

Ун тымарӑ — тӑву... Малашне те саплах

эс чӑваш хӑрнине ним тумасӑр сӑнас тӑк

сӑт тӑнче пӑтнине те — айван —

*курӑн акӑ!*⁴

Скоро-скоро!

Возможно, через два-три загона / полосы

И ты начнешь жертвовать чувашом.

Его стержень — дело!.. Если и дальше так

будешь только наблюдать, как чуваш исчезает,

как белый свет погаснет — наивный —

ты увидишь!..

³ Садур С. «Эпӑ» виҫе: сӑвӑсем. Шупашкар, 2019. С. 225.

⁴ Там же. С. 171.

В стихотворении интерпретируется поговорка «*Чăваш пĕтсен — тĕнче пĕтет*» («Когда уйдет последний чуваш — то и белый свет погаснет»). Если не приложить усилий, бездействовать, можно дожидаться худшего, т. е. конца света, — предупреждает лирический герой. В стихотворении наблюдаем постепенное увеличение и уменьшение количества слогов в строках. Односложные слова как бы сбивают постоянство ударения. Они специально поставлены в начале строк. Следующий за ним трехсложный амфибрахий в нечетных строках в самом конце сменяется хореем (3, 5, 6). Наличие четких и мнимых перекрестных рифм свидетельствует о природе свободного стиха с метрическими вкраплениями. Также стихотворение богато знаками препинания: многоточие, восклицательный знак, тире; парными словами. В тексте наблюдается повтор звуков: *ç*, *к*, *т*. Звук *к*, к примеру, характерен для первого слова в стихотворении, по мере удлинения строки уходит в ее конец, затем в последней строчке двойное *к* как бы завершает мысль. Он очерчивает границы, окольцовывает лирический текст.

Поэт размышляет о духовных ценностях народа, которые для него никогда не потеряют значимость. Для стихотворений о родном доме, судьбе чувашского языка характерны фольклорные образы: *хёрт-сурт* (домовой), *вучах* — *анне* (очаг — мать), *вучах* — *Кăвар* (очаг — Дух огня), *ăмăрт кайăк* (орел), *Киремет йывăçци* (дерево Киреметя), *чĕкеç* (ласточка), *кил* (родной дом). С. Садур подчеркивает сакральность родного дома и языка. Его лирический герой живет согласно традиционным народным представлениям, поэтому общается с одушевленным образом дома, духами родных мест. Его речь выглядит не как рассказ о них или дидактическое наставление о любви к родине, а как описание обыденности. Фольклорное начало сближает поэзию Садура с поэзией П. Эйзина, С. Эрдивана, которые, как и в народной песне, строят композицию стиха через повтор строк.

Исследователи выделяют *повествовательно-перечислительный тип* верлибра. Он строится на перечислении или градации тех или иных явлений или переживаний [6. С. 115]. Такой стих соответственно имеет перечислительную интонацию, своеобразный характер рассуждения, а также эпическое составляющее. Через подобные стихотворения С. Садур передает душевное состояние, глубину личных переживаний и философских размышлений. Перечисление разных состояний души может передаваться через простые словосочетания, которые чередуются развернутыми предложениями, сравнениями и дополнениями. Они демонстрируют эмоциональную глубину чувств:

Ай, ачалăхăм ман, эсĕ пĕр вăхăтрах

мĕн тери çывăхра,

мĕн тери аякра!

Мĕн тери санийнах тунсăхлатăп час-час...

Эй, детство мое, ты одновременно

ты так близко,

ты так далеко!

по тебе тоскую временами...

Мён чул эсэ җылман —
сухатсан
шаньҗа!..⁵

Не раз ты спасало —
когда терял
надежду!..

В стихотворении выражена не только тоска по детству, но и важность детских идеалов, ставших опорой в трудное время во взрослой жизни. Вопросительное слово «мён» («что») в начале строки создает иллюзию перечисления и впечатление постоянства. Антитеза в строках «как ты близко, / как ты далеко...» передает мысль о том, что детские годы, несмотря на их временность, постоянно продолжают жить в нашей душе. Отделение строк пробелом приобретают смысловую нагрузку.

Свободные стихотворения С. Садур представляют собой небольшой образно-афористический текст. Поэт изображает сиюмоментное, единичное переживание в образе. Часто данное переживание связано с душевным потрясением, осознанием чего-то значимого в сознании лирического героя:

Калем җинчи пўрнемён сытписем
пайшылтатаҗҗё
(эп сёнксе ларсан):
— Җўлти Виҗпёрлөх нек, пёр шутла-
сассайн,
Этем пўрни...
— Мён-мён?
Шайланчө
сасай!..⁶

Сомкнутые пальцы на ручке
шепчутся
(когда я задремал):
— Как Небесное Триединство, если по-
думать,
пальцы человека...
— Что-что?
Умолкли
голоса!..

Поэт изображает момент «рождения» художественного произведения. Эта мысль интерпретируется с восточными учениями, в которых говорится, что Бог через поэта передает истину людям. К тому же, когда рука находится в другой руке, пальцы смыкаются как при крестном знаменнии. Лирическому герою в полудреме слышится разговор пальцев. В состоянии между бодрствованием и сном активизируется работа бессознательного, что способствует усилению слуха, рождению произведения искусства. Наличие диалога придает стихотворению разговорный стиль. Возвышенный тон, который должен присутствовать при религиозных откровениях, передается через полные формы глаголов: *шутласассайн* — «подумать», *пайшылтатаҗҗё* — «шепчутся» и историзм — *калем* «перо». В стихотворении автор изображает сиюминутное явление, состояние потрясения. Объяснение или рассуждение о нем не приводится. В образно-афористическом тексте С. Садур также рисует

⁵ Садур С. Чёнўллө җул... С. 68.

⁶ Садур С. «Эпё» виҗе... С. 89.

мнимый, ирреальный мир, воссоздает переплетение прошедшего и настоящего времен или же передает философские размышления через художественные образы:

<i>ПА́Руш нек</i>	Как теленок
<i>эп хама астáватáп!</i>	Я себя помню!
<i>Ансáртран лекрём ПАРс хырáмне...</i>	Случайно попал в живот барса...
<i>Вилейсен</i>	После смерти
<i>хáй ўтне ПАРс хáварчэ</i>	свое тело барс оставил
<i>çёрти КУрáк та ХУрт</i>	земной траве и червям
<i>çáварне!..⁷</i>	на съеденье!..

Поэт изображает «пищевую цепочку» в природе. Не только барс поедает других животных, его тело также будет съедено мелкими червями. Трагедия теленка не так болезненно воспринимается при осознании того, что смерть хищника более бессмысленна. Можно предположить, что образы животных здесь имеют иносказательное значение и передают взаимоотношения между людьми. В подобных стихотворениях показано, как озарение, принятие смысла жизни происходит в спокойном, созерцательном состоянии. Нет такого, чтобы мысли и чувства не укладывались в строку, являлись следствием разрушения устоев традиционного стиха. Лирический герой — человек, много размышлявший о волновавшем его вопросе, спокойно выдает нам свои умозаключения. В таких случаях важно и значимо каждое его слово. Поэтому оно выделено в отдельную строку.

В то же время в лирике С. Садура немало примеров, передающих бурление чувств и переживаний. Особенно это касается стихотворений, в которых передается размышление о судьбе родного языка, народа, тоска по малой родине, протест против несправедливости. В таких текстах активизируются глаголы, выражающие возмущение, недовольство, предупреждение, поучение. Они отличаются большим объемом и частым чередованием коротких и длинных строк — поэма «Сывá пул, Атáл!» («Прощай, Волга!», 2000). Подобные тексты характерны для циклов «Лáпкá мар çёр-шив екки: хурашурлá халáх» («Неспокойна жизнь в стране: несчастный народ»), «Пурнáç хывнá йёр — астáвáм çулё» («Дорога жизни — есть воспоминание»). Стихи представляют собой повествование о прошлых событиях, философское рассуждение на тему жизни и смерти. В них ощутимо эпическое начало. К примеру, в стихотворении «Калинккене хупса эп тухрáм урама...» («Закрыв калитку, я вышел на улицу...»)⁸ изображен момент прощания с родным домом перед дальней дорогой. Лирический герой передает свои ощущения при виде опустевшего дома, внутренний разговор с ним, вспоминает прошлые веселые,

⁷ Саdur С. Чёнўллэ сул... С. 63.

⁸ Там же. С. 127.

наполненные солнцем глаза-окна. В неравномерных строфах описывается последовательность действий: ощущение ледяного ветра при выходе на улицу, воспоминания о вчерашнем дне, описание грустного вида дома. Лирический герой не в силах вынести осуждающего взгляда, поэтому отворачивается. Наплыв чувств передается через частые многоточия. Экзистенциальное начало представлено в тексте через образы нависающих черных туч, опустевших глаз-окон родного дома, осуждающий вопрос: *Манна сывпуллашма, т'аван'ам, с'ам'ал-и?* («Легко ли тебе, родной, прощаться со мной?»). Произведение можно прочитать и как прозаический текст. Однако построение его композиции в виде столбца придает осмысленность, возможность привлечь внимание к словам-образам.

Заключение

Развитие свободного стиха в современной литературе народов Поволжья мы связываем с поисками новых поэтических форм писателей. Они опираются на народные традиции, мировую поэзию. Анализ творчества С. Садура показал, что его свободный стих представляет собой синтез восточной чувствительности, краткости, ассоциативности и западной рассудительности и собственно национального мировидения. В его поэзии представлено разнообразие форм свободного стиха: вольный стих, «чистый» верлибр, свободный стих с метрическими вкраплениями и др. Структурно-жанровое своеобразие произведений выражено в кратком образно-афористическом выражении смысла и длинном, основанном на перечислении или сопоставлении однородных явлений или размышлений. Богата тематика стихов: от любовно-лирических до гражданских, выражающих переживание о судьбе родного языка, народа, страны; философских умозаключений, религиозных предпочтений, а также поиска глубины смысла, этимологии отдельных слов и понятий.

Список литературы

1. Шибанов В. Особый ход мыслей // Литературная Россия. 2015. 23 февраля.
2. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия рубежа XX–XXI веков (1986–2015) : эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань : Изд-во АН РТ, 2017. 268 с.
3. Жовтис А. Границы свободного стиха // Вопросы литературы. 1966. № 5. С. 105–123.
4. Орлицкий Ю.Б. Ранний русский свободный стих // Новое литературное обозрение. 2021. № 1. С. 269–286. EDN: NWLXRG
5. Родионов В.Г. Сеспель — цветок Земли и Неба (О жизни и творчестве великого чувашского поэта Михаила Сеспеля) : монография. Чебоксары : Новое Время, 2009. 384 с. EDN: QVBKWT
6. Михуткина М.Г. Развитие нетрадиционной метро-ритмики чувашского стиха : дис. ... канд. филол. наук. Чебоксары, 2009. 170 с. EDN: QEEVZT
7. Софронова И.В. С. Сатур пултарулаһёнчи туха́с лирики традицийсём // Язык, литература и культура в эпоху глобализации: тенденции развития : сб. статей. Чебоксары, 2008. С. 100–103.

8. Хусангай А.П. Хай умне сўллэ вице лартнӑ // Сатур С. «Эпё» вице: сӑвӑсем. Шупашкар, 2019. С. 3–6.
9. Никифорова В.В. Время перестройки и возвращение эстетических критериев (середина 1980-х–2000 гг.). Поэзия // История чувашской литературы XX века. Часть 2 (1956–2000 годы) : коллективная монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2017. С. 363–389.
10. Хусангай А.П. Поиск слова : литературно-критические статьи. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1987. 191 с.
11. Айги Г. Огонь молний и шум лесов (О современном состоянии чувашской поэзии) // Литература. Искусство. Культура. 2009. № 4. С. 116–126.

References

1. Shibanov, V. 2015. “A special train of thought.” *Literary Russia*. February 23. Print. (In Russ.)
2. Zagidullina, D.F. 2017. *Tatar poetry of the turn of the XX–XXI centuries (1986–2015): aesthetic guidelines and artistic searches*. Kazan: Publishing House of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan. Print. (In Russ.)
3. Zhovtis, A. 1966. “Boundaries of Free Verse.” *Questions of Literature*, no. 5, p. 77–87. Print. (In Russ.)
4. Orlitsky, Yu.B. 2021. “Early Russian free verse.” *New Literary Review*, no. 1, pp. 269–286. EDN: NWLXRG Print. (In Russ.)
5. Rodionov, V.G. 2009. *Sespeľ — a flower of the Earth and Sky* (About the life and work of the great Chuvash poet Mikhail Sespeľ). Cheboksary: New Time publ. EDN: QVBKWT Print. (In Russ.)
6. Mikhutkina, M.G. 2009. “Development of non-traditional metro-rhythmics of Chuvash verse”. PhD thesis. Cheboksary. EDN: QEEVZT Print. (In Russ.)
7. Sofronova, I.V. 2008. “Traditions of Eastern Lyrics in the Works of S. Sadur.” In *Language, Literature and Culture in the Era of Globalization: Development Trends: Collection of Articles*. Cheboksary, pp. 100–103. Print. (In Chuv.)
8. Khuzangay, A.P. 1987. *I set a high bar for myself. Sadur S. Module “I”: Poems*. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House, pp. 3–6. Print. (In Chuv.)
9. Nikiforova, V.V. 2017. “The time of perestroika and the return of aesthetic criteria (mid-1980s — 2000). Poetry.” In *History of Chuvash literature of the twentieth century*, part 2 (1956–2000): collective monograph. Cheboksary: Chuvash. Book Publishing House, pp. 363–389. Print. (In Russ.)
10. Khuzangay, A.P. 1987. *Word search: literary-critical articles*. Cheboksary: Chuvash. Book Publishing House. Print. (In Russ.)
11. Aigi, G. 2009. “Lightning fire and forest noise (On the current state of Chuvash poetry).” *Literature. Art. Culture*, no. 4, pp. 116–126. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Софронова Ирина Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры чувашской филологии и культуры, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 15; старший научный сотрудник филологического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29/1. ORCID: 0000-0001-7695-4968, eLibrary SPIN-код: 4820-2852. E-mail: muxtar2@yandex.ru.

Bio note:

Irina V. Sofronova is a Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Chuvash Philology and Culture, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, 15 Moskovsky Ave, Cheboksary, 428015, Russian Federation; Senior Researcher in the Philological Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-7695-4968, eLibrary SPIN-code: 4820-2852. E-mail: muxtar2@yandex.ru

ИСКУССТВО

ARTS

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-656-669

EDN: CAKVND

Научная статья / Research article

Волжско-камский этап истории чувашской музыки: источники и методы реконструкции

М.Г. Кондратьев^{ID}

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ Mikh-kondratev@yandex.ru

Аннотация. Рассмотрены основные черты музыкальной культуры предков чувашского народа на волжско-камском этапе его истории — третьем из четырех крупнейших этногенетических этапов, выделяемых на основе изучения переселений его булгароязычных предков. Указано, что при отсутствии письменных и иных данных о музыке той эпохи реконструировать ее основные черты удастся с помощью сравнительно-исторических и историко-типологических исследований устного музыкально-поэтического наследия чувашей в сопоставлении с данными о музыке родственных или контактировавших с ними народов той эпохи. Благодаря исследованиям историков утвердилось представление, что тюркоязычные предки чувашей на рассматриваемом этапе достигли высокого уровня социальной организации, ведения хозяйства и музыкальной культуры. Отмечаемая в источниках значительность влияния музыкальной культуры тюркских булгар на интонационную систему песен древних мадьяр свидетельствует о глубине ее основ. Хорошо сохранившиеся формы пентатоники, структурные закономерности квантитативной ритмики и сюжетосложения обрядовой народно-песенной лирики чувашей, по мнению автора, свидетельствуют, что на рассматриваемом третьем этапе существовали известные поныне интонационные и структурные основы вокальной музыки, а также музыкальные инструменты, унаследованные от предшествующих этапов и развитые в новых условиях. По данным исторической науки, третий этногенетический этап истории чувашского народа был временем оформления и кристаллизации основных черт чувашской народности. Сделан вывод, что в их числе и выявленные с помощью сравнительно-исторического и историко-типологического методов свойства чувашской музыкально-поэтической системы. Адаптированная к пространственным и временным условиям Волго-Камья музыка чувашей продолжает жить в современной культуре.

Ключевые слова: третий этногенетический этап, булгароязычные предки, глубина основ музыкальной культуры, методы реконструкции, адаптация к условиям Поволжья, система жанров, чувашская цитра, пентатоника, ритмическая система, сюжетосложение

© Кондратьев М.Г., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Кондратьев М.Г. Волжско-камский этап истории чувашской музыки: источники и методы реконструкции // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 656–669. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-656-669>

The Volga-Kama Stage of the History of Chuvash Music: Sources and Methods of Reconstruction

Mikhail G. Kondratyev^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ Mikh-kondratev@yandex.ru

Abstract. The paper discusses the main features of the musical culture of the ancestors of the Chuvash people at the Volga-Kama stage of its history — the third of the four largest ethnogenetic stages, identified on the basis of the study of the migrations of its Bulgar-speaking ancestors. It is indicated that, in the absence of written and other data on the music of that era, it is possible to reconstruct its main features with the help of comparative-historical and historical-typological studies of the oral musical and poetic heritage of the Chuvash in comparison with the data on the music of related or contacted peoples of that era. Thanks to the research of historians, the idea was established that the Turkic-speaking ancestors of the Chuvash at this stage reached a high level of social organization, housekeeping and musical culture. The significant influence of the musical culture of the Turkic Bulgars on the musical system of the songs of the ancient Magyars, noted in the sources, testifies to the depth of its foundations. Well-preserved forms of pentatonic scale, structural regularities of quantitative rhythmic and plot composition of ritual folk song lyrics of the Chuvash, in the author's opinion, testify that at the third stage under consideration there were still known intonation and structural foundations of vocal music, as well as musical instruments inherited from previous stages and developed in new conditions. According to historical science, the third ethnogenetic stage of the history of the Chuvash people was the time of formation and crystallization of the main features of the Chuvash people. It is concluded that among them are the properties of the Chuvash musical and poetic system revealed with the help of comparative-historical and historical-typological methods. Adapted to the spatial and temporal conditions of the Volga-Kama, the music of the Chuvash continues to live.

Key words: the third ethnogenetic stage, Bulgar-speaking ancestors, the depth of the foundations of musical culture, methods of reconstruction, adaptation to the conditions of the Volga region, the system of genres, the Chuvash zither, pentatonic scale, rhythmic system, plot composition

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Kondratyev, M.G. 2025. "The Volga-Kama Stage of the History of Chuvash Music: Sources and Methods of Reconstruction." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 656–669. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-656-669>

Введение

Волжско-камский этап в истории чувашей — третий из четырех крупнейших этногенетических этапов, выделяемых на основе изучения переселений его болгароязычных предков: *центральноазиатском, северокавказском, волжско-камском, казанском* [1. С. 3]. Значение волжско-камского этапа определяется тем, что на нем завершились процессы перехода предков, входивших в состав болгарских племен, к оседлой жизни [2. С. 18], ассимиляции тюркоязычными пришельцами местного финно-угорского населения и в итоге формирования основных черт чувашской народности [3. С. 9, 56]. Музыкальная культура этого этапа, к сожалению, не сохранила ни материальных памятников, ни письменных свидетельств, ее характеризующих. Показательно, что в исследованиях духовной культуры той эпохи в Волжско-Камской Булгарии, использующих письменные источники и данные археологии, музыка не упоминается вообще [4; 5]. Получить представление о ней удастся с помощью сравнительно-исторических и структурно-типологических исследований устного музыкально-поэтического наследия современного чувашского и прямо или косвенно связанных с ним народов.

Обсуждение

Сравнительно-исторические экскурсы. Возможность реконструировать некоторые существенные черты музыкально-поэтической культуры предков чувашей предоставляет сравнительно-исторический метод. Благодаря ему утвердилось представление, что, когда на Северном Кавказе явилось миру государство Великая Болгария (т. е. уже на втором этапе), сообществом создавших его племен — а в их числе находились тюркоязычные предки будущих чувашей — был достигнут высокий уровень социальной организации и хозяйственной деятельности. Этот уровень характеризовал и музыкальную культуру, о чем прямо говорят исследователи. Так, на собственный риторический вопрос «Зачем нам нужна чувашская музыка?» венгр Золтан Кодай отвечает: «Предки чувашского народа, тюркские болгары, жили когда-то, в V–VII веках, в течение приблизительно двухсот лет, вместе с венграми к северу от Кавказа. Наш язык до сих пор хранит память об этом в важнейших словах земледелия, скотоводства, общественной жизни. То же можно сказать о нашей музыке... листая чувашские собрания, мы то и дело находим родственные звучания» [6. С. 4]. В монографии «Венгерская народная музыка» З. Кодай иллюстрирует это утверждение сопоставлениями напевов старинных венгерских и чувашских песен. Одно из его сопоставлений приводим в нотном примере, наглядно демонстрирующем внешнее сходство венгерского (а) и чувашского (б) напевов (детальные совпадения показаны пунктирами) [7. С. 55]. Еще важнее общность логики развертывания ладоинтонационного процесса в четкой композиционной форме строфы обеих песен (рис. 1).

Parlando $\text{♩} = 76-72$

a Aj, Si-rass el-dea-a-nyám, míg el-löt-ted já-rolt,
b Tá-mak ço-már çy-sa ka-ré,
 Mer az-tán si-rat-íatsz, há-tő-led el-vá-lok, Aj
 Ар-ман пё-ви шат-са ка-рё.
 A jó Is-ten tud-ja, hol tőr-tén ha-lá-lom,
 Ар-ман хо-çi йох-са ка-рё,
 A jó Is-ten tud-ja, hol tőr-tén ha-lá-lom,
 Май-ри йол-чё тә-лă-ха.

Рис. 1. Нотный пример 57 из книги З. Кодая «Венгерская народная музыка»: *a* — архаичная песня из Трансильвании, обработанная З. Кодаем для сб. «Szekely siralmas»; *b* — песня из сборника С.М. Максимова «Песни верховых чуваш»
 Источник: Kodály Z. Венгерская народная музыка. Будапешт : Корвина, 1961. С. 55

Figure 1. Note example 57 from the book “Hungarian Folk Music” by Z. Kodály: *a* — an archaic song from Transylvania, arranged by Z. Kodály for the collection “Szekely siralmas”; *b* — a song from the collection “Songs of the Riding Chuvash” by S.M. Maksimov
 Source: Kodaly, Z. 1961. *Hungarian Folk Music*. Budapest: Korvina, p. 55

Через параллели в архаичных по происхождению пластах народной музыки оказалось возможным выявить такое существенное свойство проточувашской музыкальной системы, как ангемитонно-пентатонная интонационная основа. Причем венгерские исследователи обращают отдельное внимание на так называемую квинтовую транспозиционную структуру пентатонических мелодий, приводя несколько примеров такого «сходного мелодического развития в венгерском, марийском и чувашском напевах» [7. С. 36]. Пентатоника, как известно, являющаяся одной из весьма архаичных форм звуковысотной организации музыки древних цивилизаций Юго-Восточной

Азии, прежде всего Китая, не свойственна музыка большинства тюркоязычных народов. Лишь чуваши и их соседи волжские татары, также унаследовавшие элементы культуры и языка волжских булгар, широко используют эту ладовую систему. Характерность «китайской гаммы» для чувашской музыки, открытая В.А. Мошковым в 1893 г. [8. С. 32–37], в XX в. естественным образом была увязана с первым этапом упомянутой этногенетической концепции. Первым обратил на это внимание в 1923 году Ф.П. Павлов в статье «Чувашская музыка»: «Предки чувашей в древнейшие времена жили в соседстве с Китаем. С тех пор чуваши и помнят „китайскую гамму“» [9. С. 198]. В 1930-е гг. на этот «завезенный нами из Азии старинный пятиступенный лад (пентатоника)» указывал также Бела Барток в книге «Народная музыка Венгрии и соседних народов» [10. С. 12]. Отмечаемая исследователями значительность влияния на интонационную систему песен древних мадьяр убедительно свидетельствует о прочности и глубине основ музыкальной культуры тюркских булгар, с которыми предки венгров контактировали несколько веков в конце 1-го тыс. н. э.

Следствия адаптации к условиям Поволжья. Нет повода сомневаться в том, что древние основы музыкально-интонационной системы, не потерянные протобулгарскими и булгарскими предками в течение первого тысячелетия н. э., не исчезли из народного музыкального сознания на третьем этапе этногенеза. Вместе с тем известно, что в лесостепном Поволжье у бывших степняков-кочевников утвердился оседло-земледельческий хозяйственный уклад, адаптированный к новым природно-климатическим условиям. Земледелие и скотоводство, устройство жилья и домашнего быта здесь обрели несколько иной характер, нежели они имели когда-то в южных и восточных территориях. Изменились сроки земледельческого календаря, соответственно приспособились к ним предметный мир обрядов и соответствующих музыкальных жанров и атрибутика поэтических сюжетов. Такие отличительные особенности музыкальной практики чувашей, как доминирование вокального музицирования над инструментальным, а также преобладание высокоразвитой в песенном искусстве обрядовой лирики при полном отсутствии героического музыкально-поэтического эпоса, сложились, по-видимому, на волжско-камском этапе вследствие неактуальности древнейших родоплеменных сказаний для выживания. В общинном быту земледельцев сложился и стиль песнопений, отличающийся так называемым гетерофонным складом, естественным при коллективном проведении обрядов.

Музыкальный инструментарий, сместившийся на второй план (по сравнению с центральноазиатскими тюрками), тем не менее, культивировался на местных природных ресурсах. В частности, резонансные свойства древесины лесов Поволжья дали новые импульсы развитию ремесла по изготовлению щипковых и смычковых инструментов (которые, несомненно, имелись в

культуре и до этого). Известно, что в Казанской губернии вплоть до XX в. славился «особый сорт ели, который с успехом заменяет заграничную для приготовления струн[ных] инструментов» [11. С. 355]. Наряду с древним примитивным трехструнным гудком чувашские мастера и музыканты в XVIII в. освоили скрипку европейского образца. Особенно популярным здесь стал *кёсле* — цитровидный инструмент, который в современных источниках принято определять как шлемовидные (псалтиревидные) гусли. В документе 1770 г. сообщалось о новообращенных в православие чувашах: «А понеже без таковой гусельной игры у них, новокрещен, при поиле пива в доме никакая веселость не бывает, за тем что они от прежней своей чувашской природы до той игры великие охотники, чего для и держат те гусли почти в каждом доме» [12. С. 471]. Выдающиеся по своим музыкальным достоинствам шлемовидные цитры пользовались спросом и в городах. Например, чувашские мастера этого времени вывозили их в Нижний Новгород [13. С. 151]. В записках историка Г. Миллера чувашский *кёсле* определялся как «лежачая арфа» [14. С. 80], а начиная с XIX в. выражение «чувашские гусли» стало распространенным термином, который «вошел в обиход, и многие музыканты шлемовидные гусли называли „чувашскими“» [15. С. 113].

Дополняют картину музыкальных традиций эпохи волжско-камского этапа гипотезы о происхождении псалтиревидных гуслей, выделяющихся в арсенале народных музыкантов как один из самых сложных и совершенных. Сведения о «лежачей арфе» у болгарских предков восходят к самому началу третьего этапа этногенеза, когда произошел распад Великой Болгарии и ее племена разделились. В VII в. их часть — так называемые аспаруховы болгары — обосновалась на Дунае, в 681 г. н. э., создав государство, существующее поныне. Другая группа болгар тогда же начала движение на Север в сторону Среднего Поволжья. Здесь к X в. образовалось государство, получившее название Волжской (Волжско-Камской) Булгарии.

Бытование многострунной цитры раньше всех зафиксировано в культуре дунайских болгар. В главе о музыкальной культуре древней Болгарии «Всеобщей истории музыки» Р.И. Грубер приводит сведения, что на фресках VIII в. изображен «арфообразный цитровый инструмент, насчитывающий около 20 струн... Все музыканты в древнеболгарском одеянии» [16. С. 144]. А в X в. в записках секретаря багдадского посольства в Поволжье Ибн Фадлана упоминается струнный инструмент волжских болгар *тунбур*. Комментаторы источника допускают, что под этим названием могла фигурировать, наряду с другими хордофонами, и цитра (буквально: «Zither, Mandoline oder ein anderes Saiteninstrument») [17. С. 81, 148]. На Руси такая многострунная «лежачая арфа» появляется в XIV в. в изображениях народных профессионалов своего времени — русских скоморохов — причем сразу в нескольких церковных книгах и, что примечательно, в полностью сформированном виде (рис. 2, 3).

Рис. 2. Заставка новгородской рукописи XIV в. Шлемовидные полуовальные гусли в руках скомороха

Источник: *Финдейзен Н.Ф. Очерки по истории музыки в России. Т. 1. Вып. II. С древнейших времен до начала XVIII века. Москва; Ленинград: Музсектор Госиздата, 1928. С. 121*

Figure 2. Headpiece of a Novgorod manuscript from the 14th century. Helmet-shaped semi-oval gusli in the hands of a buffoon

Source: Findeysen, N.F. 1928. *Essays on the History of Music in Russia*, vol. 1, issue II. From Ancient Times to the Beginning of the 18th Century. Moscow; Leningrad: Music Sector of the State Publishing House, p. 121

Рис. 3. Заставка новгородского евангелия-апракос. 1358 г. Источник: *Финдейзен Н.Ф. Указ. соч. С. 122*

Figure 3. The opening of the Novgorod Gospel-Aprakos. 1358 Source: Findeysen, N.F. Op. cit. P. 122

Достаточно сравнить эти изображения с современным *кёсле* (рис. 4, 5), чтобы убедиться, что на волжско-камском этапе псалтиревидная цитра имела вполне современный вид.

Рис. 4. *Кёслеçё* (гусярша) Е.Н. Падерякова из д. Рысайкино Похвистневского р-на Куйбышевской (ныне Самарской) обл.

Источник: фото из Научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук. 1961 г.

Figure 4. *Kësleçë* (guslar) E.N. Paderyakova from the village of Rysaykino, Pokhvistnevsky district, Kuibyshev (now Samara) region

Source: photo from the Scientific Archive of the Chuvash State Institute of Humanities. 1961

Рис. 5. Л.Н. Журавлева, преподаватель Чебоксарской ДМШ им. С.М. Максимова с *кёсле*

Источник: фото М.Г. Кондратьева. 2025 г.

Figure 5. L.N. Zhuravleva, teacher of the Cheboksary Children's Music School named after S.M. Maksimova with *kësle*

Source: photo by M.G. Kondratyev. 2025

Говоря о появлении этого инструмента в изображениях XIV столетия в совершенно сформированном облике, напомним, что полуовальным корпусом чувашская цитра уникальна и существенно отличается как от европейских цитр, так и от традиционных древнерусских гуслей, имеющих ладьевид-

ный или крыловидный корпус, в том числе и в усовершенствованных современных вариантах. Объяснение сходства инструментов скоморохов с гуслиями волжских народов предложено Р.Б. Галайской: «Изображения... полуовальных гуслей... появляются в тот исторический период, когда в Поволжье и прилегающих к нему регионах активизировалась русская миссионерская деятельность, сопровождавшаяся, естественно, усилением контактов с местными жителями... То же могло произойти и с традиционным многострунным музыкальным инструментом, так похожим на русские гусли... нет ничего удивительного в том, что, подхватив разновидность многострунного музыкального инструмента у вновь обращенных в православие народов, они принесли его с именем „гусли“ в московские земли, где, безусловно, к инструменту должен был вспыхнуть интерес, подогреваемый теми же скоморохами — профессиональными игроками и музыкантами» [19. С. 23–24, 24–25]. В связи с этим вспомним и об этимологии названия этого инструмента в языке марийцев — ближайших соседей чувашей финно-угорского происхождения. Лингвисты указывают, что горные марийцы когда-то имели для своей древней цитры название *kārsh*, а общераспространенное в современном марийском языке название *kūsle* проникло в него из чувашского [20. С. 194]. С этим соглашаются и марийские ученые, которые относят заимствование названия инструмента «к болгарскому (древнечувашскому)» времени [21. С. 90], т. е. к раннему периоду волжско-камского этапа. Отсюда следует, что слово *kēsle* — а по-видимому, и обозначаемый им предмет — существовало в языке волжских болгар до контактов со скоморохами, полюбившими столь совершенный и красивый инструмент.

Данные структурно-типологических исследований. Известная сегодня музыкально-поэтическая система традиционной устной музыки чувашского народа отличается высокой организованностью и упорядоченностью структур. Наряду с четкими формами пентатоники ей свойственна так называемая квантитативная (времяизмерительная) ритмика. Ее типологические признаки определены М.Г. Харлапом следующим образом: «Измерение времени, лежащее в основе квантитативной ритмики, предполагает членение на четко разграниченные отрезки, которые могут быть измерены и сопоставлены по величине» [22. С. 74]. Такое членение, согласно концепции М.Г. Харлапа, характеризует музыкально-поэтические традиции ряда восточных и средиземноморских культур на стадии развития в них устного профессионализма. В обрядовых чувашских песнях обнаруживаются хорошо выраженные типологические признаки этой архаичной ритмической организации. В их напевах «четко разграниченные отрезки» образуют устойчивые формулы не менее чем на двух композиционных уровнях. Низший — это двуслоговые ритмические ячейки из короткой и долгой или равной длительностей, в сумме состоящих из двух, трех и более долей. Более высокий уровень ритмической

организации — музыкально-поэтические строки двух основных типов: 7–8-слоговые 4-ячейковые и многослоговые 5-ячейковые. Вполне типичный случай можно увидеть в вышеприведенном нотном примере из книг З. Кодая. Заимствованный им из сборника С.М. Максимова² чувашский напев имеет четыре 7–8-слоговые строки. Каждая состоит из четырех ритмических ячеек, которые складываются из 2-, 3-, 4-, 7-временных единиц. Общая ритмическая структура напева, таким образом, следующая: 2323+2324+2323+2327. Такие формулы впервые систематизированы в наших работах в 1980-е гг. Закономерности чувашской ритмической системы обобщены в 1990 г. в монографии «О ритме чувашской народной песни: К проблеме квантитативности в народной музыке» [23].

Столь же четкие структурные закономерности отличают и сюжетосложение обрядовой народно-песенной лирики чувашей. Многовековой опыт общинной и родовой философии, представлений о мироздании, этике взаимоотношений и т. п. спрессован в содержании афористических четверостиший, из которых складываются тексты многочисленных обрядовых песнопений. Типологически они родственны старинным персидско-таджикским дубейти и рубаи, турецким мани, арабским бейтам и др. краткосюжетным формам афористической поэзии народов Востока. Например, предельно обобщенные образы содержит традиционный зачин чувашского свадебного обряда:

*Сўлте турă, Сёрте патша,
Рахмат тёнче тытнишён!
Ах пиччесём, инкесём,
Рахмат ул-хёр тунишён!* [8. С. 126]

Небесный бог, Земной царь,
Благодарим за то, что держат мир!
Ах, дядюшка, тетушка,
Благодарим за то, что сыновей-дочерей родили! (Перевод наш. — М.К.)

Понятие об афористических четверостишиях отложилось в народном сознании в виде термина *савра юрă* (завершенный по смыслу четырехстиховой куплет, букв. «закругленная песня»), нередко встречающегося в фольклорных текстах, например:

*Сак тăвансем патне ай килсесён
Пёр савра юр[ă] юрларăм энё сав,
Тăвансенён чёрине хускатса,
Тăвансем, юрлар-им ратлăхпала!* [Там же. С. 136]

---

² Максимов С.М. Песни верховых чуваш. Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1932. С. 30.

К этой родне, ай, приехал когда,
Одно четверостишие спел же я,
У родных сердца растревожив,
Родные, споем-ка все вместе! (Перевод наш. — М.К.)

Естественно, такие окристаллизованные типологические структуры не родились в относительно новые для этноса времена, когда будущий чувашский народ, пребывавший на периферии крупных государственных образованных феодальных времен (Золотой Орды, Казанского ханства, позднее Российской империи), не имел возможностей для проявления столь мощной творческой субъектности. Но унаследованные предками от древних восточных цивилизаций формы поэзии и музыки настолько прочно укоренились в его художественном сознании, что пережили эти времена и легко выявляются в старых слоях устной поэзии с помощью теоретико-типологического анализа. В 1990-е гг. они были охарактеризованы в упомянутой выше книге о ритме, а также в монографии «Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели» [23; 24].

Заключение

Перемещение болгароязычных предков чувашей в Поволжье, происшедшее в VII–VIII вв., уже на излете эпохи «великого переселения» азиатских народов, ознаменовало начало волжско-камского этапа их этногенеза. Он длился более полтысячелетия. Неоднократно радикально менялись лингвокультурный, этнополитический, конфессиональный контексты жизни народа, находившегося в составе Волжско-Камской Болгарии вплоть до ее разрушения Золотой Ордой; на руинах последней в 1443 г. возникло Казанское ханство, в свою очередь покоренное Москвией в XVI в. Тем не менее освоенные здесь лесостепные пространства на четвертом — казанском (т. е. современном) — этапе своего этногенеза чувашаи уже не покинули.

Через все этапы этнокультурной истории современных чувашей сквозной нитью проходит язык болгарской ветви тюркской группы алтайской семьи языков. В духовной культуре сравнительно-исторический и структурно-типологический методы позволяют получить представление о древнейших архаичных формах обычаев, обрядов, мифах, поэтических сюжетах, которые «просвечивают» в современной культуре. Точно так же выявляются интонационные и структурные основы напевов, музыкальные инструменты, унаследованные из культуры предшествующих этапов. Для собственно музыки третий этногенетический период истории стал временем кристаллизации современной музыкально-поэтической системы. В ней хорошо видны специфические структуры ритмики, ладоинтонации, музыкально-исполнительского стиля, круг традиционных жанров. В этом отношении уместно согласиться

с обобщением Золтана Кодая: «У нас общие предки, от которых мы отошли дальше, вследствие того, что развивались под влиянием большего числа и сильнее отличавшихся факторов. Чувашская музыка тоже не могла сохраниться без изменений на протяжении полутора тысячелетий, но она осталась больше похожей на древнюю» [б. С. 4]. Адаптированная к иным пространственным и временным условиям, музыка чувашей обрела новую жизнь, продолжающуюся в культуре современного мира.

Список литературы

1. *Димитриев В.Д.* Вопросы этногенеза, этнографии и истории культуры чувашского народа : сб. статей. Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2004. 312 с. ISBN: 5-7677-0797-9 EDN: QOZKXV
2. Чуваш. Отв. ред. В.П. Иванов, А.Д. Коростелев, Е.А. Ягафов. Москва : Наука, 2017.
3. История Чувашской АССР / отв. ред. В.Д. Дмитриев. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1983. Т. I. 286 с.
4. *Давлетшин Г.М.* Волжская Булгария : духовная культура (Домонгольский период, X — нач. XIII вв.). Казань : Татар. кн. изд-во, 1990. 192 с.
5. *Давлетшин Г.М.* Отражение этнокультурной и этноконфессиональной ситуации в духовной культуре населения Волжской Булгарии // Волжская Болгария (Булгария) : этнокультурная ситуация и общественное развитие : материалы научного семинара (Чебоксары, 13 апр. 2011 г.). Чебоксары : ЧГИГН, 2012. С. 20–25.
6. *Кодай З.* Пентатоническая музыка. Вып. 2. Москва : Композитор, 1993. 96 с.
7. *Кодай З.* Венгерская народная музыка. Будапешт : Корвина, 1961. 186 с.
8. *Мошков В.А.* Мелодии Волго-Камья. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2011. 366 с.
9. *Павлов Ф.П.* Собрание сочинений : в 2 томах. Т. 2. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1971. 318 с.
10. *Барток Б.* Народная музыка Венгрии и соседних народов. Москва : Музыка, 1966. 80 с.
11. *Спасский Н.А.* Очерки по родиноведению. Казанская губерния. 2-е изд. Казань, 1912. 376 с.
12. *Димитриев В.Д.* История Чувашии XVIII века. Чебоксары : Чувашгосиздат, 1959. 531 с. EDN: VLSPQD
13. *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания : очерки истории чувашского народа с древних времен до середины XIX века. 2-е изд. доп. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1993. 447 с. EDN: WDLMKV
14. *Миллер Г.Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко-то: черемис, чуваш, вотяков. Санкт-Петербург, 1791. 101 с.
15. *Бусыгин Е.П., Яковлев В.И.* Гусли у поволжских народов // Советская этнография, 1985. № 2. С. 109–116. EDN: VJVZXF
16. *Груббер Р.И.* Всеобщая история музыки. Ч. 1. Москва : Госмузгиз, 1960. 488 с.
17. Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / пер. и комм. под ред. И.Ю. Крачковского. Москва; Ленинград : Изд-во Акад. наук СССР, 1939. 194 с.
18. *Финдейзен Н.Ф.* Очерки по истории музыки в России. Т. 1. Вып. II. С древнейших времен до начала XVIII века. Москва; Ленинград : Музсектор Госиздата, 1928. С. 105–236.
19. *Галайская Р.Б.* Исследование древнерусских гуслей в связи с финно-угорской проблематикой // Финно-угорский музыкальный фольклор и взаимосвязи с соседними культурами / сост. И. Рюйтель. Таллин : Ээсти раамат, 1980. С. 21–31.
20. *Федотов М.Р.* Этимологический словарь чувашского языка : в 2 томах. Чебоксары : ЧГИГН, 1996. Т. 1. 472 с.
21. *Герасимов О.М.* Народные музыкальные инструменты мари. Йошкар-Ола, 1996. 223 с. EDN: TZMTQX

22. Харлан М.Г. Ритм и метр в музыке устной традиции. Москва : Музыка, 1986. 104 с.
23. Кондратьев М.Г. О ритме чувашской народной песни : к проблеме количественности в народной музыке. Москва : Советский композитор, 1990. 144 с. ISBN: 5-85285-035-7 EDN: ULOPVN
24. Кондратьев М.Г. Чувашская *çавра юрă* и ее татарские параллели. Чебоксары, 1993. 80 с. EDN: IBPWDU

References

1. Dimitriev, V.D. 2004. *Questions of ethnogenesis, ethnography and history of culture of the Chuvash people*. Sat. st. Cheboksary: Chuvash book publishing. University. ISBN: 5-7677-0797-9 EDN: QOZKXV Print. (In Russ.)
2. *Chuvash*. 2017. Edited by V.P. Ivanov, A.D. Korostelev, E.A. Yagafov. Moscow: Nauka Publ. Print. (In Russ.)
3. *History of the Chuvash ASSR*. 1983. Edited by V.D. Dimitriev. Cheboksary: Chuvash book publishing, vol. I. Print. (In Russ.)
4. Davletshin, G.M. 1990. *Volga Bulgaria: Spiritual Culture (Pre-Mongol Period, X – Beginning of the XIII Centuries)*. Kazan: Tatarskoe kn. publ. Print. (In Russ.)
5. Davletshin, G.M. 2012. “Reflection of the ethnocultural and ethnoconfessional situation in the spiritual culture of the population of the Volga Bulgaria.” *Volga Bulgaria (Bulgaria): Ethnocultural situation and social development: materials of the scientific seminar*. Cheboksary: ChGIGN publ., pp. 20–25. Print. (In Russ.)
6. Kodály, Z. 1993. *Pentatonic Music*, vol. 2. Moscow, Kompozitor Publ. Print. (In Russ.)
7. Kodály, Z. 1961. *Hungarian Folk Music*. Budapest: Korvina. Print. (In Russ.)
8. Moshkov, V.A. 2011. *Melodies of the Volga-Kama*. Cheboksary: Chuvash book publishing. Print. (In Russ.)
9. Pavlov, F.P. 1971. *Collected Works* in 2 volumes, vol. 2. Cheboksary: Chuvash book publishing. Print. (In Russ.)
10. Bartók, B. 1966. *Folk Music of Hungary and Neighboring Peoples*. Moscow: Muzyka Publ. Print. (In Russ.)
11. Spassky, N.A. 1912. *Essays on Homeland Studies. Kazan province*. Kazan. Print. (In Russ.)
12. Dimitriev, V.D. 1959. *History of Chuvashia of the XVIII century*. Cheboksary, Chuvashgosizdat. EDN: VLSPQD Print. (In Russ.)
13. Dimitriev, V.D. 1993. *Chuvash Historical Legends. Essays on the history of the Chuvash people from ancient times to the middle of the XIX century*. Cheboksary: Chuvash book publishing. EDN: WDLMKV Print. (In Russ.)
14. Miller, G.F. 1791. *Description of pagan peoples living in the Kazan province, as follows: Cheremis, Chuvash, Votyakov*. Saint Petersburg. Print. (In Russ.)
15. Busygin, E.P., and V.I. Yakovlev. 1985. “Gusli u povolzhskikh narodov.” *Sovetskaya etnografiya*, no 2, pp. 109–116. EDN: VJVZXF Print. (In Russ.)
16. Gruber, R.I. 1960. *Universal History of Music*. Part 1. Moscow: Gosmuzgiz Publ. Print. (In Russ.)
17. *Ibn Fadlan’s Journey to the Volga*. Commentary edited by I.Y. Krachkovsky. 1939. Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences. Print. (in Russ.)
18. Findeizen, N.F. 1928. *Essays on the History of Music in Russia*, vol. II. *From ancient times to the beginning of the XVIII century*. Moscow; Leningrad: Muzsector Gosizdat publ., pp. 105–236. Print. (In Russ.)
19. Galayskaya, R.B. 1980. “Study of the Old Russ. Gusli in Connection with Finno-Ugric Problems.” In *Finno-Ugric musical folklore and interrelationships with neighboring cultures*. Tallinn: Eesti raamat publ., pp. 21–31. Print. (In Russ.)
20. Fedotov, M.R. 1996. *Etymological Dictionary of the Chuvash Language*. In 2 vols. Cheboksary: ChGIGN. T. 1. Print. (In Russ.)

21. Gerasimov, O.M. 1996. *Folk Musical Instruments Mari*. Yoshkar-Ola. EDN: TZMTQX Print. (In Russ.)
22. Kharlap, M.G. 1986. *Rhythm and Meter in the Music of Oral Tradition*. Moscow: Muzyka publ. Print. (In Russ.)
23. Kondratyev, M.G. 1990. *On the rhythm of the Chuvash folk song: On the problem of quantity in folk music*. Moscow: Soviet Composer publ. ISBN: 5-85285-035-7 EDN: ULOPVN Print. (In Russ.)
24. Kondratyev, M.G. 1993. *Chuvash çavra yură and its Tatar parallels*. Cheboksary. EDN: IBPWDU Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Кондратьев Михаил Григорьевич — доктор искусствоведения, профессор, главный научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0000-0003-0394-3170, eLibrary SPIN-код: 9632-0239. E-mail: Mikh-kondratev@yandex.ru.

Bio note:

Mikhail G. Kondratyev is a Doctor of Art History, Professor, Chief Research Worker of the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0003-0394-3170, eLibrary SPIN-code: 9632-0239. E-mail: Mikh-kondratev@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-670-681

EDN: CAVPQV

Научная статья / Research article

Эволюция концепта «национальное» в живописи художников Чувашии XX в.

А.И. Мордвинова

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ amordvinova@yandex.ru

Аннотация. Интерес общества к национальной истории, понимание самобытности и ценности традиционного художественного наследия становится сегодня одним из главных катализаторов в развитии изобразительного искусства Чувашии. В решении вопросов культурной идентичности художники высказались очень ярко и разнообразно во второй половине XX столетия, к концу которого понятие «национальное искусство» получило вполне ясное содержание. Его основой стали весь материальный пласт культуры, а также духовные и эстетические ценности этноса, сформированные в течение столетий. Рассмотрены формы и эволюция национального компонента в профессиональном искусстве Чувашии XX столетия, степень его присутствия в творчестве живописцев республики в разные периоды истории. На примере произведений наиболее выдающихся художников проанализированы процессы формирования новой концепции чувашской живописи, зачатки которой находим в конце 1950-х и в 1960-е гг. в картинах П.Г. Кипарисова, Ю.А. Зайцева и Р.М. Ермолаевой. Но подлинным выражением «чувашского мира», осознанным поиском национального языка искусства признано сегодня творчество А.И. Миттова (1932–1971), работавшего в 1960-е гг. Его живописное и графическое наследие свидетельствует о рождении нового по форме и содержанию искусства. Следом появились художники, ищущие собственные пути освоения духовного наследия чувашского народа. Так, в творчестве В.П. Петрова (Праски Витти) и С.Н. Михайлова (Юхтара) ценностные и образные эквиваленты концепта «национальное» рождены из целого комплекса мировоззренческих представлений и эстетических канонов. Зародившись в 1920-е гг., профессиональное искусство Чувашии к середине столетия обрело высокие качества советской реалистической школы. Но лишь во второй его половине определились выраженные черты национального характера. Анализ произведений чувашских художников, созданных в последние десятилетия XX в., позволяет утверждать высокую степень присутствия в них национального компонента.

Ключевые слова: искусство Чувашии, живопись, национальная идентичность, концепт

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Мордвинова А.И. Эволюция концепта «национальное» в живописи художников Чувашии XX в. // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 670–681. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-670-681>

© Мордвинова А.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Evolution of the ‘National’ Concept in the Painting of Chuvashian Artists of Twentieth Century

Antonina I. Mordvinova^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ amordvinova@yandex.ru

Abstract. Today, the public’s interest in national history, understanding of the identity and value of traditional artistic heritage is becoming one of the main catalysts in the development of the fine arts of Chuvashia. In addressing issues of cultural identity, artists expressed themselves very vividly and variously in the second half of the twentieth century, by the end of which the concept of “national art” had received a clear content. It is based on the entire material layer of culture, as well as the spiritual and aesthetic values of the ethnic group, formed over the centuries. The article examines the forms and evolution of the national component in the professional art of Chuvashia of the twentieth century, the degree of its presence in the work of the republic’s painters in different periods of history. Using the works of the most prominent artists as an example, the author analyzes the processes of formation of a new concept of Chuvash painting, the beginnings of which were found in the late 1950s and 1960s in the paintings of P.G. Kiparisov, Yu.A. Zaitsev and R.M. Ermolaeva. But the work of A.I. Mittov (1932–1971), who worked in the 1960s, is now recognized as a genuine expression of the “Chuvash world”, a conscious search for the national language of art. His pictorial and graphic heritage testifies to the birth of a new art in form and content. Artists appeared next, looking for their own ways of mastering the spiritual heritage of the Chuvash people. Thus, in the works of V.P. Petrov (Praski Vitti) and S.N. Mikhailov (Yukhtar), the value and figurative equivalents of the concept of “national” are born from a whole complex of worldviews and aesthetic canons. Having originated in the 1920s, the professional art of Chuvashia acquired the high qualities of the Soviet realistic school by the middle of the century. But it was only in the second half of it that the pronounced features of the national character were determined. An analysis of the works of Chuvash artists created in the last decades of the twentieth century allows us to assert a high degree of presence of a national component in them.

Key words: art of Chuvashia, painting, national identity, concept

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Mordvinova, A.I. 2025. “The Evolution of the ‘National’ Concept in the Painting of Chuvashian Artists of Twentieth Century.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 670–681. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-670-681>

Введение

В современном изобразительном искусстве национальная тематика формируется на основе исторических концепций науки о чувашском мире. Это дает художникам возможность уйти от внешней реконструкции «старины» к пониманию более глубокой этнической идентичности. Однако так было не всегда. Уникальность чувашской культуры в советский период истории мало для кого из живописцев стала определяющей линией. Профессиональное искусство республики более всего имело общие черты с общероссийским, зародившись,

как и в большинстве национальных республик Поволжья, лишь в 1920-е гг. Оно развивалось в соответствии с идейно-политической программой государства, в которой национальные проблемы решались в первую очередь в рамках формирования внутригосударственных территорий. «Рубеж XIX–XX вв. стал судьбоносным в развитии чувашского этноса. В этот период произошла консолидация чувашей в нацию. После Октябрьской революции окончательно оформилась и стабилизировалась конфигурация этнической территории чувашей» [1. С. 11]. В это время национальное движение обретает организованную форму, появляется печатный орган на чувашском языке (газета «Хыпар»), открывается Центральный чувашский музей (ныне Национальный музей Чувашской Республики) и другие учреждения культуры. В статье рассматриваются формы и эволюция национального компонента в профессиональном искусстве Чувашии XX столетия и степень его присутствия в творчестве живописцев республики в разные периоды истории. Следует иметь в виду, что опыта изображения трехмерного фигуративного искусства у чувашей не было. Традиционное декоративно-прикладное творчество развивалось в пределах орнаментального, плоскостного строя. Процесс подготовки специалистов для разных видов искусства в начале XX столетия, главным образом после Октябрьской революции, также не был равномерным. «Чебоксарская музыкальная школа возникла, когда здесь еще не существовало ни театральных студий, ни студий изобразительного искусства», — пишет музыковед М.Г. Кондратьев и подчеркивает, что это было учреждение именно профессионального характера [2. С. 135]. Так, театр берет начало в 1918 г. в Казани, где был организован коллектив «Чувашской драмы», Чувашский национальный хор — в 1924 г. А при наличии временно созданных студий и классов для рисования в 1920-е гг. первым профессиональным заведением изобразительного искусства стала Алатырская художественно-граверная школа, открытая лишь в 1934 г. Таким образом, до середины 1930-х гг. говорить о возможности решения крупных творческих задач, в том числе идеологических, преждевременно.

Обсуждение

Формирование новой, советской художественной среды в 1930-е гг. совпало с периодом усиления борьбы со всякого рода национализмом. Обращение к сюжетам из старинной жизни чувашей было чревато наказанием. Так, первые живописные опыты в стремлении выйти из «этнографизма» были сделаны Ю.А. Зайцевым, репрессированным по обвинению именно в этом. В 1930-е гг. потери, связанные и с политическими репрессиями, были в чувашской культуре немалыми: «...Уже со второй половины этого десятилетия процесс национально-государственного строительства фактически был приостановлен, проведение в жизнь декларируемых принципов национально-

государственного строительства приобрело формальный характер», — пишет историк В.Н. Клементьев [1. С. 33].

В 1930-е гг., когда в республике начинается формирование профессиональной художественной среды, в идеологии нового советского государства доминирует доктрина унификации культурных процессов. Началом этому послужило и более раннее внедрение общегосударственного «Плана монументальной пропаганды». Так, в Чебоксарах на набережной Волги 1 мая 1921 г. состоялось открытие памятника Степану Разину — «одному из рекомендованных к увековечиванию исторических персонажей по категории “Революционеры и общественные деятели”» [3. С. 461], созданному по этому плану. Принятое направление было особенно усилено с созданием Ассоциации художников революционной России (АХРР), отделение которой появилось и в Чебоксарах в 1926 г. Именно с этого времени можно начинать историю профессионального изобразительного искусства Чувашии, так как оно обрело черты организованной деятельности, хотя, несомненно, отдельные имена и события имели место и раньше — в конце XIX и начале XX в.

В специальной литературе история чувашского искусства в этом ракурсе не анализировалась, так как искусствоведческая наука возникла лишь в последней его трети¹. Первые искусствоведы республики А.Г. Григорьев, Н.А. Ургалкина и А.А. Трофимов решали иные проблемы, связанные с собиранием и освоением изобразительного и фактологического материала. Кроме того, в трудах XX столетия видим не только накопление фактов, осмысление их в контексте художественного пространства страны, но, не в последнюю очередь, решение и художниками, и искусствоведами задач идеологического характера. Это качество мы не можем исключить сегодня из имеющегося материала советского времени.

В искусствоведении 1970-е гг. стали временем всеобщего поворота к теме «национальное и интернациональное», в рамках которой зарождался интерес к собственной культуре. Так, А.А. Трофимовым была написана диссертация на соискание степени кандидата искусствоведения «Орнамент чувашской народной вышивки вышивки: вопросы теории и истории» (1977). С.М. Червонная в книге «Живопись автономных республик РСФСР (1917–1977)» (1978) затронула эту тему, обозначив общие и специфические черты в творчестве мастеров, но категория «национальное» не получила в ней серьезного анализа. Понятие «национальное» несло в себе в течение десятилетий лишь внешние признаки. Так, в 1975 г. Н.А. Ургалкина, перечисляя картины Спиридонова 1920-х гг. на сюжеты из старинного быта чувашей, пишет: «Это

---

¹ Сектор искусств был организован в Научно-исследовательском институте языка, литературы, истории и экономики при Совете министров Чувашской АССР (ныне Чувашский государственный институт гуманитарных наук) в 1966 г. В 1971 г. он превратится в отдел искусств.

были первые творческие достижения рождающейся **национальной** (выделено нами. — *А.М.*) профессиональной школы» [4. С. 26]. По сути это было освоение русской профессиональной школы. Констатация и решение проблемы национального в искусствоведении даже в 80-е годы прошлого века ограничивались внешней характеристикой. Не изменилась ситуация и в XXI в. Так, утверждая, что в 1960–1980-е гг. «достигает апогея в развитии национальная тема», А.Н. Автономова подразумевает под этим поиск и утверждение «национального героя», совершенно дискредитируя проблему [5]. Однако сегодня мы видим, что содержание картин концептуально менялось и в 1960-е гг. В поисках осознанного обращения живописцев к глубинам «чувашского мира», начала иного понимания «национального» возьмем, как пример, картину П.Г. Кипарисова «К.В. Иванов слушает песню», написанную в 1957 г. Под перо искусствоведов оно попало гораздо позднее. Ю.В. Викторov пишет, что на вернисаже выставки художника в 1988 г. искусствовед Н.А. Ургалкина назвала эту картину «эталонном чувашской национальной живописи» [6. С. 70]. Соглашаясь с этим, он сам (уже в 2018 г.) также не углубляется в эту проблему, ограничившись описанием выдающихся живописных качеств картины, красоты костюмов и сюжета [7].

Степень присутствия национального компонента в живописи менялась так же, как эволюционировали подходы к этому вопросу. По этой причине в предыдущих изысканиях не были учтены те глубинные движущие силы, которые были заложены уже в самой принадлежности художника чувашской земле и народу. Тысячелетний ментальный опыт будил в душе талантливого творца эти силы, он интуитивно пытался высказать на холсте свои чувства, часто неосознанно и нерешительно. Первые прецеденты видим в искусстве 1960-х гг., они совпали с периодом, когда профессиональная академическая школа, ее формальные характеристики достигли в живописи чувашских художников наивысшего уровня. Ведущие мастера республики написали в рамках «соцреализма» свои лучшие произведения. На фоне этих достижений не столь заметны были новые качества таких картин, как «К.В. Иванов слушает песню» П.Г. Кипарисова, «Невеста» М.С. Спиридонова, «Матери» Ю.А. Зайцева и «Портрет заслуженной артистки РСФСР и народной артистки ЧАССР О.И. Ырзем в роли матери Сетнера по драме К. Иванова „Нарспи“» Р.М. Ермолаевой. Написанные в этот период, они несли в себе потенциал к формированию новой концепции чувашской живописи. Это качество, не явленное открыто и декларативно, не было замечено исследователями. Высокое живописное качество картин привычно было возведено в главное достоинство произведения. На наш взгляд, важно отметить, что П.Г. Кипарисов и в те же годы М.С. Спиридонов в нескольких вариантах картины «Невеста» напряженно искали суть «чувашской» живописи. Рамки реалистического искусства, за пределы которого они не могли выйти по многим причинам, не позволили

им ясно сформулировать и решать наметившиеся задачи национального искусства, хотя они подошли к этому достаточно близко. Дальнейшее развитие чувашского искусства показало неизбежное условие для этого — выход из трехмерного пространства реализма и погружение в художественный мир чувашской архаики: пластическую строгость девичьих хороводов, холмистые силуэты ландшафта, порядок орнаментов традиционной вышивки, глубину и ветхозаветность народной поэзии и обрядовых мелодий. Во всей полноте впервые это было явлено в творчестве А.И. Миттова, предвосхитившего нарождающиеся идеи. Эволюционная линия 1960-х гг. от «Невесты» Спиридонова к картине «Матери» Зайцева, ставшая огромным шагом в освоении «национального» даже для самого художника на последнем этапе жизни, была «взорвана» появлением Миттова. Юрий Зайцев — самый «нетипичный» из художников первой половины XX столетия — нашел вслед за Миттовым новаторское решение для создания последнего и единственного шедевра. Не умаляя значимость и художественное достоинство его многочисленных произведений, написанных прежде, картина «Матери» находится все же на вершине достижений чувашского искусства.

На первоначальном этапе становления изобразительного искусства национальный компонент был незначителен. Наиболее ярким его проявлением стали произведения русских художников, побывавших в Чувашии в творческой экспедиции в 1925 г. в связи с подготовкой VIII выставки Ассоциации художников революционной России (АХРР) под названием «Жизнь и быт народов СССР». В Чебоксарах и пригородах работали Ф.С. Богородский, П.М. Байбарышев, Н.С. Козочкин, Г.Г. Медведев. Яркая, самобытная культура чувашей привлекла их в первую очередь, несмотря на установку отражения новой жизни страны. Интерес к внешнему — национальному костюму и быту — был уже отмечен современными исследователями. «...Этнография, любовно перерисованные узоры рукавов блузы крестьянки все же больше привлекают художника, чем отражение нового быта деревни <...> Бурьян старого быта... оказался столь густым, что за ним не стало видно ростков нового» [8]. Чувашские художники если и обращались в этот период к чувашской тематике, то национальное содержание было явлено через предметный мир крестьян — носителей традиционной культуры.

Во вновь формирующемся искусстве этот период можно характеризовать как этнографический. Так и Моисей Спиридонов, по праву считающийся основоположником чувашского изобразительного искусства, в первые послереволюционные годы создает ряд небольших картин бытового жанра — «В курной избе», «Варка пива», «Лаптеплетение» и др. В 1927 г. из-под его кисти появляется картина «Пузырист»², в которой художник как будто попытался

---

² Пузырь — «шәпәр» — музыкальный инструмент типа волынки, сделанный из бычьего пузыря.

подняться на новый уровень осмысления традиционного культурного наследия, выйти из прямого этнографизма. Она могла бы, по нашему мнению, открыть путь более глубоким поискам «чувашского». Но настали времена постепенного упразднения неофициальных направлений во всех видах искусства. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) 1932 г. «О перестройке литературно-художественных организаций» закрыло эту возможность. В 1935 г. М.С. Спиридонов уже создает большое полотно «Ударная бригада бетонщиков на строительстве Канашского вагоноремонтного завода». Культурная программа, нацеленная на отображение новой жизни, в полной мере осуществлялась и в последующих его работах, таких как «Доярка на ферме», «Школьница», «Трудовая Волга» «Столярный цех Шумерлинского комбината». На его примере, в первую очередь, можно проследить степень и характер присутствия национального компонента в живописи как в 1920–1930-е гг., так и в течение последующих десятилетий. Отношение к национальному вопросу после «Пузыриста» вплоть до «Невесты» во внешнем проявлении было индифферентным, хотя, по словам художника, он шел к образу невесты много лет.

Необходимо рассмотреть и другую сторону в истории изобразительного искусства Чувашии. О характере профессионального искусства можно судить по формированию художественной школы в Чувашии, ориентированной со дня открытия Чебоксарского художественного училища в 1940 г. на академическое образование³. Программа учебного процесса в училище, а также общегосударственная культурная программа не включали в себя вопросы национальной идентичности. Именно этот период развития изобразительного искусства исключил эти проблемы, породив единообразие в живописи всех национальных республик страны. Союз художников Чувашии, образованный в 1935 г. также способствовал усилению идеологического диктата по отношению к творцам. Показательной в этом смысле может стать тематика выпускных дипломных работ в Чебоксарском художественном училище, напрямую зависевшая от идейно-политических установок государства. Так, в 1949 г. были защищены работы с названиями «Клятва тов. Сталина», «Капитуляция», «Голосование», «Советская семья», «Горький на Волге» и т. п. В списке дипломных работ ЧХУ, представленных на Всесоюзную выставку дипломных работ в 1962 г. снова преобладает бытовая и производственная тематика, породившая термин «беспроblemного искусства» — «Помощники», «В обеденный перерыв», «Пришла весна», «В воскресный день», «В колхозе» и множество подобных. К дипломным работам этого круга можно прибавить только тему войны, которая звучала и звучит до сегодняшнего дня отдельной серьеz-

³ Основанное в 1934 г. граверное отделение школы ФЗУ при Алатырской типографии, претерпев несколько реорганизаций, было переведено в Чебоксары в конце 1940 г. После консервации в годы Великой Отечественной войны здесь было открыто педагогическое отделение, в программе которого приоритетным было живописное направление.

ной темой⁴. Доминирующими они оставались в течение почти четырех десятилетий, вплоть до конца 80-х гг. XX столетия. Из тридцати дипломных работ 1961–1962 гг. лишь две имеют названия «Чувашский праздник» и «Вышивальщицы». Однако их содержание мы не можем идентифицировать как национальное, исходя из нашей проблематики.

В чувашском изобразительном искусстве в XX в. сложилась особая ситуация, какой не было в других республиках Поволжья. Творчество Анатолия Миттова, работавшего в 1960-е гг., можно считать «культурной революцией». Зарождение самобытного национального искусства мы связываем именно с именем этого выдающегося чувашского художника. Его произведения до сегодняшнего дня остаются яркими и глубокими, не имеющими аналогий в выражении национального менталитета и культуры. Вместе с тем еще один гений стоял в начале уникального пути чувашской литературы и искусства — Константин Иванов, еще одно наиважнейшее культурное достояние чувашского народа — поэма «Нарспи», увидевшая свет в 1908 г. Исключительное значение для формирования устойчивого интереса к истории и культуре чувашского народа в течение всего XX в. мы связываем именно с поэмой К.В. Иванова «Нарспи». Национальная элита в лице писателей, драматургов, режиссеров, композиторов и художников обращалась к этой поэме как источнику вдохновения и познания «чувашского мира». Сложилась единственная в своем роде ситуация, когда, начиная с 1922 г. — первой ее постановки, она не сходила со сцены Чувашского драматического театра, была реализована позднее в оперном и балетном формате. В научном литературоведении открываются все новые грани поэмы, интерпретации событий и образов поэмы также разнообразны, они отвечают на актуальные запросы общества. Под углом современности переосмысливаются события и образы, ставшие некой моделью сущностного чувашского характера и судьбы. В изобразительном искусстве поэма «Нарспи» также получила воплощение во всех видах искусства — от монументального до миниатюрного формата, но более всего в качестве иллюстраций к ней в многочисленных изданиях. Первым выдающимся произведением А.И. Миттова также стало оформление поэмы Константина Иванова, давшее импульс новаторским поискам художника.

Творческая концепция Анатолия Миттова заключала в себе все составляющие «чувашского мира», как это можно оценить сегодня в отличие от его современников, живших в другом культурном измерении. Он первым озвучил составляющие подлинно национального искусства, включив в художественное поле произведения все виды традиционной народной культуры — музыкальные, песенные и танцевальные формы, выходявшие за пределы сугубо художественной изобразительной сферы. Он осознанно искал формы, адекват-

---

⁴ Из архива Чебоксарского художественного училища. Документы не систематизированы, без номеров страниц. Здесь: выписка из МК РСФСР от 14 мая 1962 г.

ные этим критериям, создавал произведения, ставшие после его смерти ориентиром, парадигмой национального. В искусстве народов Поволжья творчество Миттова стало единственным прецедентом столь яркой и неординарной, но очевидно национальной версии живописи. В атмосфере глубокого формализма в административно-политическом функционировании государства, его диктате в сфере культуры, стабильном существовании творческих организаций, обеспечиваемых материально, возникновение иных творческих запросов художника-одиночки было равноценно скорой гибели. Поэтому жизнь Анатолия Ивановича Миттова, позволившего себе противостоять целой системе и жесткой ее культурной программе ради утверждения национальной идеи, можно считать подвигом. Только гениальностью можно объяснить столь жертвенный и осозанный его путь в искусстве. Таким художникам трудно подражать, их стиль остается ярко индивидуальным, неповторимым. Форма и весь строй картины от композиции, силуэта и цвета до общего гармонического звучания становятся классическим образцом в национальном искусстве. Еще важнее внутренний посыл, заключающий в себе философию, историческое чувство и поэзию родного народа. Поэтому среди художников Чувашии найдется немного живописцев, последовавших по этому пути.

Появление сегодня множества картин с изображением старинных обрядов чувашей не означает, что это собственно чувашское национальное искусство, хотя они и могут рассказать о характере и внешних формах события: в них есть изображение необходимых действующих лиц, костюмов, украшений, музыкальных инструментов, характерного ландшафта... Но критерием национального определенно стали иные художественные элементы. Ведь множество картин с изображением, например, чувашской свадьбы не может встать вровень простому пейзажу Николая Енилина — одного из самых, по общему признанию, национальных чувашских живописцев. Без всякого «реквизита» в его картинах прочитываем то глубокое «историческое» знание и чувство, какие в подлинном произведении искусства становятся основополагающей составляющей.

Последние полтора десятилетия XX столетия заметно изменили духовное поле общества и картину художественной жизни вслед за государственными переустройством. «В Конституции ЧАССР 1978 г. не было даже упоминания о чувашском народе, а его статус титульного этноса отражался лишь в названии республики. <...> Демократизация советского общества и государства, начавшаяся в 1985 г. с перестройкой, в полной мере затронула и сферу национальных отношений и национально-государственного строительства», — пишет кандидат исторических наук В.Н. Клементьев [1. С. 36–37]. Эти события запустили процесс перестройки и в сфере культуры. Вопросы этнической идентичности в искусстве не только Чувашии, но и других национальных республик страны получили ярко выраженное воплощение в творчестве нового поколения живописцев.

В искусстве последних двух десятилетий XX в. была воспринята парадигма о национальной идентичности: расширялось тематическое пространство, открывались новые пути реализации национальной идеи и формы. Художники, в первую очередь живописцы, стали активно использовать ресурсы исторического прошлого и традиционной культуры своего народа. Такое явление, как этнофутуризм, объединило под своим знаменем мастеров национальных республик разных поколений, придав масштабность современному искусству. Присутствие этнофутуризма в чувашском искусстве не столь широко, но своеобразно. Еще прежде, чем утвердился этот новый термин, в творчестве Праски Витти (В.П. Петров) формы традиционного чувашского искусства стали стилистическим основанием почерка художника: в композиции — орнамент, в содержании — народная мифология и обрядовый сюжет. Главные творческие усилия Виталия Петровича положены, как он сам говорит, на утверждение уникальности чувашского народа, главная задача — «быть чувашским художником, рисовать родной народ и рисовать по-чувашски» [9, с. 6]. Он погружается в уникальный «чувашский мир», осваивая его интеллектуально, аналитически и эмоционально, веря в ментальную талантливость родного народа. Зрелость и широта познаний этого художника, высокое профессиональное мастерство позволили ему реализовать творческие идеи, главной из которых было создание чувашского искусства. Его творческая концепция отличается абсолютным совпадением с культурной концепцией современного общества.

Новый взгляд на традиционную культуру и ее интерпретацию находим в творчестве Станислава Юхтара (С.Н. Михайлов) и Георгия Фомирякова. Именно их причисляют сегодня к сообществу этнофутуристов, положивших свои усилия на сохранение народной культуры. Активный творческий процесс, в котором они пребывают, позволяет им двигаться по этой дороге, совершая прорывы, а иногда теряя найденное. В любом случае С. Юхтар, на наш взгляд, вышел на новый уровень художественного освоения духовного наследия чувашского народа и нашел собственный, оригинальный живописный язык.

Заключение

Представления о содержании и значении национального искусства обтачиваются и шлифуются временем, всеми его событиями социально-исторического и культурного плана. В отдельные времена проблемы национального становятся главными в жизни общества, что вызывает в искусстве появление огромной волны произведений на «заданную» тему. В художественном море Чувашии в последнее время вспенились псевдонациональные тенденции: появилась галерея портретов в национальных костюмах, бесконечные «чувашки» в головных уборах хушпу и тухья, «чувашские свадьбы» и натюр-

морты. Став пропуском на выставки, они во многом утратили художественные качества.

В данной статье мы попытались отделить зерна от плевел и утвердить ценность произведений выдающихся чувашских художников, которые начали поиски выражения «чувашского мира» задолго до сегодняшних запросов общества. Отдадим должное нашим классикам от живописи — Ю.А. Зайцеву с его картиной «Матери», М.С. Спиридонову с «Невестой», Р.М. Ермолаевой с изображением О.И. Ырзем в роли матери Нарспи и еще нескольким авторам, которые начинали эту тему. Анатолий Митгов и затем Праски Витти бесспорно определили лицо чувашской живописи не только своего времени, но и всего искусства XX столетия. Суть концепта «национальное искусство» в их ярком индивидуальном творчестве выражена в новых образах, но их основой стал весь комплекс традиционного культурного наследия чувашей, включающего в себя музыкальные, песенные, изобразительные, танцевальные и другие виды народного творчества. Идея и художественное воплощение, адекватные запросам времени, происходят не из внешней декоративной формы, а из внутренней необходимости. Так, и вопросы национальной идентичности были поставлены перед обществом исходя из острой проблемы сохранения национальной культуры, в итоге — чувашской нации.

Список литературы

1. *Клементьев В.Н.* Чувашская автономия: генезис, становление, динамика развития // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа : материалы Всерос. науч.-практич. конф. Чебоксары : ЧГИГН, 2020. С. 7–46. EDN: NTZWIG
2. *Кондратьев М.Г.* Музыкальное образование в современной Чувашии // ЛИК. 2009. № 1. С. 134–138. EDN: JLGDCI
3. *Кондратьев М.Г.* Проект «Государственное музыкальное строительство» и его реализация в Чувашии // Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа : материалы Всерос. науч.-практич. конф. Чебоксары : ЧГИГН, 2020. С. 460–472.
4. *Ургалкина Н.А.* Моисей Спиридонович Спиридонов : жизнь и творчество. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1975. 48 с.
5. *Автономова А.Н.* Проблема национального в исторической живописи Чувашии, Татарстана и Марий Эл (вторая половина XX — начало XXI века) // Вестник ЧПГУ им. Яковлева. 2011. № 2. С. 3–7.
6. *Викторов Ю.В.* Чувашская станковая живопись XX века. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 255 с.
7. *Викторов Ю.В.* Национальная тема в творчестве П.Г. Кипарисова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. 2006. № 6. С. 273–278. EDN: JZBCNT
8. *Шаняевская А.А.* Целевые творческие командировки советских художников и отечественное искусство 1922–1932 годов : дис. ... кандидата искусствоведения. URL: <http://www.dslib.net/teoria-kultury/celevye-tvorcheskie-komandirovki-sovetskih-hudozhnikov-i-otechestvennoe-iskusstvo.html> (дата обращения: 13.03.2025).
9. *Петров В.П.* Молитва в цвете. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2021. 278 с.

References

1. Klementyev, V.N. 2020. "Chuvash autonomy: genesis, formation, dynamics of development." In *The historical experience of nation-building and the development of national statehood of the Chuvash people: Materials of the All-Russian Scientific Conference*. Cheboksary: CHGIGN publ., pp. 7–46. Print. (In Russ.) EDN: NTZWIG
2. Kondratiev, M.G. 2009. "Musical education in modern Chuvashia." LIK, no. 1, pp. 134–138. Print. (In Russ.) EDN: JLGDCI
3. Kondratiev, M.G. 2020. "The project 'State musical construction' and its implementation in Chuvashia." *The historical experience of nation-building and development of national statehood of the Chuvash people: Materials of the All-Russian scientific conference*. Cheboksary: CHGIGN publ., pp. 460–472. Print. (In Russ.)
4. Urgalkina, N.A. 1975. *Moisei Spiridonovich Spiridonov: Life and work*. Cheboksary: Chuvash. Publishing house. Print. (In Russ.)
5. Avtomonova, A.N. 2011. "The problem of the national in historical painting of Chuvashia, Tatarstan and Mari El (the second half of the XX — beginning of the XXI century)." *Bulletin of ChPGU named after Yakovlev*, no. 2, pp. 3–7.
6. Viktorov, Yu.V. 2018. *Chuvash easel painting of the twentieth century*. Cheboksary: Chuvash. publishing house. Print. (In Russ.)
7. Viktorov, Yu.V. 2006. "National theme in the works of P.G. Kiparisov." *Bulletin of the Chuvash University. Humanities Scientific journal*, no. 6, pp. 273–278. Print. (In Russ.) EDN: JZBCNT
8. Shanyavskaya, A.A. 2018. "Targeted creative business trips of Soviet artists and domestic art of 1922–1932." PhD thesis. <http://www.dslib.net/teoria-kultury/celevyte-tvorcheskie-komandirovki-sovetskih-hudozhnikov-i-otechestvennoe-iskusstvo.html> (In Russ.)
9. Petrov, V.P. 2021. *Prayer in color*. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House. Print. (In Russ., Eng., Chuv.)

Сведения об авторе:

Мордвинова Антонина Ильинична — кандидат искусствоведения, ведущий научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, Чувашская Республика, Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0009-0005-7822-5204, eLibrary SPIN-код: 5453-6471. E-mail: amordvinova@yandex.ru.

Bio note:

Antonina I. Mordvinova is a Candidate of Art History, Leading Researcher of the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0009-0005-7822-5204, eLibrary SPIN-code: 5453-6471. E-mail: amordvinova@yandex.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-682-697

EDN: CBMOVY

Научная статья / Research article

Репрезентация образа невесты в живописи чувашских художников

А.А. Малинина^{id}

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ m-anila@mail.ru

Аннотация. Образ невесты в мировой живописи является воплощением молодости и красоты. Отражая тенденции времени и национальные идеалы женственности, художники создали целый ряд выдающихся произведений. Чувашские живописцы, стараясь выразить национальную самобытность, часто искали вдохновение в образе Нарспи, героини одноименной поэмы Константина Иванова. В своем развитии образ чувашской невесты всегда отвечал духовным и эстетическим запросам общества. Яркое воплощение он получил в картинах Моисея Спиридонова — основоположника профессионального искусства в республике. Актуальность исследования вызвана огромным интересом к традиционной культуре и поиском национальной идентичности. В чувашском искусстве свадебный обряд дал разнообразие сюжетов и новых художественных форм. Репрезентация образа невесты в произведениях мастеров разного времени включает в себе возможность наиболее выразительного воплощения традиций родного народа, а также красоты национального костюма. Материалом для исследования стали живописные полотна мастеров XX столетия как наиболее адекватно воплотившие народные обрядовые традиции. Сравнительный анализ художественно-стилистических особенностей стал его методологической основой. Цель исследования — рассмотрение и анализ произведений, посвященных одному из ключевых сюжетов свадебного обряда — моменту ожидания невестой жениха. Этот образ дает возможность раскрыть глубинный характер чувашского народа, его мировоззрение и смыслы бытия. В этом ракурсе выбранная тема в искусствоведении рассматривается впервые. Автор выделяет наиболее характерные произведения чувашских художников, воплотивших богатство художественного образа через портрет невесты.

Ключевые слова: чувашская невеста, чувашская живопись, национальная культура, обряд, традиции, М. Спиридонов

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Малинина А.А. Репрезентация образа невесты в живописи чувашских художников // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 682–697. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-682-697>

© Малинина А.А., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Representation of the Bride's Image in Paintings by Chuvash Artists

Alina A. Malinina^{id}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ m-anila@mail.ru

Abstract. The image of the bride in world painting is the embodiment of youth and beauty. Reflecting the trends of the time and national ideals of femininity, the artists created a number of outstanding works. Chuvash painters, trying to express their national identity, often sought inspiration in the image of Narspi, the heroine of Konstantin Ivanov's poem of the same name. In its development, the image of the Chuvash bride has always met the spiritual and aesthetic needs of society. He received a vivid embodiment in the paintings of Moisei Spiridonov, the founder of professional art in the republic. The relevance of the research is caused by a great interest in traditional culture and the search for national identity. In Chuvash art, the wedding ceremony gave a variety of subjects and new artistic forms. The representation of the image of the bride in the works of masters of different times contains the possibility of the most expressive embodiment of the traditions of the native people, as well as the beauty of the national costume. The material for the study was paintings by masters of the twentieth century, as the most adequately embodied folk ritual traditions. The comparative analysis of artistic and stylistic features became its methodological basis. The purpose of this article is to review and analyze works devoted to one of the key subjects of the wedding ceremony — the moment when the bride waits for the groom. This image makes it possible to reveal the deep character of the Chuvash people, their worldview and the meanings of existence. In this perspective, the chosen topic was considered in art history for the first time. The author highlights the most characteristic works of Chuvash artists who embodied the richness of the artistic image through the portrait of the bride.

Key words: Chuvash bride, Chuvash painting, national culture, ritual, traditions, M. Spiridonov

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Malinina, A.A. 2025. "Representation of the Bride's Image in Paintings by Chuvash Artists." *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 682–697. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-682-697>

Введение

В традиционной культуре чувашского народа свадебному обряду отводится значительное место. Создание семьи, продолжение рода считалось важнейшим событием в жизни человека. Умереть, не побывав в браке и не оставив потомства, считалось большим грехом. Традиционная свадьба — сложное поэтапное совершение обрядов, имеющих сакральный смысл. В их подготовке и проведении невесте отводилась центральная роль. В изобразительном искусстве Чувашии эта тема нашла яркое воплощение, главным образом, в живописном портрете и сюжетной композиции. Образ героини поэмы Константина Иванова «Нарспи» — «поэтического памятника» чувашского народа — положил начало созданию целого ряда живописных произведений. В отличие

от графики, преимущественно иллюстративной, в картинах чувашских мастеров-живописцев тема невесты обрела самостоятельный характер. В статье рассмотрены полотна, ставшие сегодня классикой чувашской живописи. Созданные основоположниками профессионального искусства республики Ю. Зайцевым (1884–1972), Н. Сверчковым (1891–1985), М. Спиридоновым (1890–1981), а позднее Н. Овчинниковым (1918–2004), они наиболее полно отразили тенденции времени. Для более объективного анализа заявленной темы мы обратились также к произведениям русского живописца М. Харитонова (1926–1996), связавшего свою судьбу с Чувашией.

Обсуждение

Невеста как олицетворение самых светлых и чистых идеалов — одна из вдохновенных тем в искусстве. Первым в чувашской живописи к этому образу обратился Юрий Зайцев. В 1940 г. он создал произведение, в основе которого лежит сюжет поэмы «Нарспи» К. Иванова. Известный литературовед Г. Ермакова считает, что «язык поэмы в потенции является „заместителем культуры“ чувашского народа, ибо он сконцентрировал в себе духовное богатство чувашского народа...» [1. С. 133]. Героиня Нарспи, как один из концептов «чувашского мира», заключает в себе представление о месте и роли в нем чувашской девушки.

Сюжет живописного произведения Ю. Зайцева интерпретирует выход невесты к жениху. Главная героиня является композиционным центром произведения (рис. 1). Он усилен продуманностью цветового строя: монохромный бело-черный наряд Нарспи выделяет ее на фоне ярких красных нарядов подруг, а также *сурбан*¹, украшающих двор. Эти предметы женской одежды девушка готовила себе с самого детства. Вывешенные напоказ, они демонстрируют мастерство и трудолюбие новобрачной.

Застенчиво приоткрыв *пёркенчёк*², девушка предстает перед суженым. Небольшой ковер под ее ногами, словно символический островок, отделяет ее от прошлой жизни.

*Там невеста под фатой
Изливает скорбь свою;
А вокруг нее подруги,
Заглушая плач, поют.*

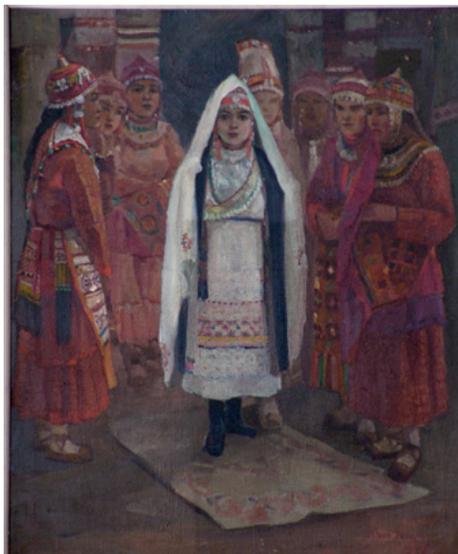
*И подруги вспоминают
В песнях горестных Нарспи;
Да, Нарспи, дочь Мигедера,
Это — ей прощальный пир*³.

¹ *Сурпан* — головной убор замужних чувашских женщин в виде полосы тонкого холста, с краями и концами, украшенными полосами из ярких тканей или вышивкой.

² *Пёркенчёк* (от гл. *пёркен* — покрываться, укутываться) — свадебное покрывало невесты, полностью закрывавшее девушку.

³ *Иванов К. Нарспи* / пер. с чувашского П. Хузангая. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2008. С. 139.

Зная печальную судьбу Нарспи, искренне сопереживаешь героине произведения «Выход невесты». В своем творчестве художник еще не раз обращался к поэме К. Иванова, но образ невесты не нашел дальнейшего развития. Время для его воплощения в чувашской живописи пришло много позже.

Рис. 1. Зайцев Ю.А. Выход невесты. Нарспи. 1940. Холст, масло. 61×50,5. Чувашский государственный художественный музей
Источник: Зайцев Юрий Антонович (1890–1972). Выход невесты. Нарспи // Госкаталог.рф. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4999356> (дата обращения: 10.03.2025).

Figure 1. Zaitsev Yu.A. The bride's exit. Narspi. 1940. Canvas, oil. 61×50.5. Chuvash State Art Museum
Source: Zaitsev Yuri Antonovich (1890–1972). "The Bride's Entrance. Narspi." *Goskatalog.rf*, 10 March 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4999356>

В изобразительном искусстве Чувашии 1940–1950-х гг. тема невесты уступила место Великой Отечественной войне, послевоенному и трудовому развитию страны. В 1960-е гг., когда окончательно утвердилась мирная размеренная жизнь, в которой нашел отражение и поэтический образ невесты. Никита Сверчков, один из авторитетных художников республики, представитель первого поколения профессиональных мастеров живописи, создает картину «Чувашская свадьба» (1963) (рис. 2). Во дворе зажиточной чувашской семьи гуляет пышная свадьба. Художник не отводит здесь невесте значительную роль, среди *туй халăхĕ*⁴ ее возможно узнать только по главному атрибуту ее наряда — покрывалу.

⁴ *Туй халăхĕ* — люди-участники свадебного гуляния.

Рис. 2. Сверчков Н.К. Чувашская свадьба. 1963–1967. Холст, масло. 124,5×210. Чувашский государственный художественный музей
Источник: Сверчков Н.К. Чувашская свадьба // Госкаталог.рф.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4997234>
(дата обращения: 10.03.2025).

Figure 2. Sverchkov N.K. The Chuvash wedding. 1963–1967.
Canvas, oil. 124.5×210. Chuvash State Art Museum
Source: Sverchkov N.K. “Chuvash wedding.”
Goskatalog.rf, 10 March 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4997234>

В стремлении передать неповторимость и глубину женского образа, а также особенности национального костюма и обрядовой культуры чувашские художники часто обращались к сюжету «невеста в ожидании жениха». Эту часть свадебного ритуала подробно описал в своей книге «Брак у чуваш» этнограф Константин Прокопьев: «Когда соберутся в доме невесты родственники и дружки ее (девушки, ее подруги), невесту ведут в амбар одевать... Одевшись в лучшее платье и украшения, она сверху покрывается белым покрывалом (*нёркенчёк*) с расшитыми краями так, что оставляет только небольшое отверстие пред глазами. Тогда начинает петь прощальные причитания (*йёрме*). Собственно, каждая девушка знает эти причитания с детского же возраста...» [2. С. 21]. Репрезентативный образ невесты, отражающий момент, когда ее уже обрядили в лучшее платье и украшения, покрыли голову расшитым покрывалом, является в чувашской живописи наиболее выразительным.

Самые выдающиеся произведения на этот сюжет создал Моисей Спиридонов, один из первых чувашских профессиональных художников. В своих полотнах он старался отражать жизнь земляков. В 1960 г., будучи уже зрелым мастером, он пишет произведение «Невеста», ставшее впоследствии классикой чувашской живописи. В нем он воплотил свой давний замысел. В книге воспоминаний художник делился: «Все годы моей жизни меня не покидала мысль о создании картины о чувашской невесте дореволюционного периода. К этому образу я шел долго и очень долго его вынашивал» [3. С. 137]. М. Спиридонов с самого детства, бывая на свадьбах своих сестер, племянниц, знако-

мых девушек, искренне сопереживал судьбе чувашской женщины. Ведь свадебный обряд для невесты символизировал переход из девичества во взрослую жизнь. Она прощалась с отчим домом, пела прощальные песни, в которых причитала о горькой судьбе чувашской женщины. Замуж часто выдавали по сговору родителей, и дальнейшая жизнь не всегда могла сложиться счастливо.

Для этого образа художник долго искал подходящую натуру с «трагическим», как он говорил, лицом. Такое видение исходило из собственных впечатлений о печальной неотвратимости женской доли в его семье. Его тетья Агрипина, очень живая и свободомыслящая, видя трагическую судьбу сестры Ксении, погибшей от рук мужа-пьяницы, замуж так и не вышла. Непростая судьба сложилась и у сестер художника. Скромная, трудолюбивая Мария недолго терпела от мужа грубости, умерла во время родов. Ольга, не найдя радости в мирской жизни, ушла в монастырь. Младшая — красавица Анна — рано овдовела, и ей одной пришлось поднимать детей.

В работе над картиной М. Спиридонов выполнял много эскизов, набросков, пытаясь найти наиболее выразительное психологическое решение. Наконец, «в работнице одного из заводов» [3. С. 137], он находит черты, отвечающие его замыслу, и в 1957 г. создает первый образ чувашской невесты (рис. 3).

Рис. 3. Спиридонов М.С. Невеста. Первый вариант. 1957. Холст, масло. 58,8×46,7. Чувашский государственный художественный музей Мемориальный музей-квартира Спиридонова

Источник: Спиридонов М.С. Невеста. Первый вариант // Госкаталог.рф.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16901126>
(дата обращения: 10.02.2025).

Figure 3. Spiridonov M.S. Bride. The first option. 1957. Canvas, oil. 58.8×46.7. Chuvash State Art Museum Spiridonov Memorial Apartment Museum

Source: Spiridonov M.S. “Bride. First option.” *Goskatalog.rf*,
10 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16901126>

По сути это портрет девушки в чувашской национальной одежде. На ней белая рубаша с вышивкой, пояс, девичий головной убор — *тухья*⁵. С головы ниспадает белое покрывало *пёркенчёк*, которым она застенчиво укрывается, скрывая наряд до самого подбородка. Правой рукой она сжимает платок, которым вытирала слезы во время исполнения «плача». В ее лице грусть и отрешенность, но вместе с тем едва теплящийся отсвет надежды на то, что ей повезет в замужестве и жизнь сложится благополучно.

Произведение выполнено на холсте небольшого размера, поэтому исключает подробную передачу деталей. Белый подвенечный наряд, символизирующий чистоту, кротость, подчеркнут плотным по тону фоном, написанным условно. Насыщенные умбровые с холодными оттенками цвета играют тончайшими охровыми, зеленоватыми, розовато-голубыми рефлексамии на светлых одеждах героини. Построенный на контрастах колорит добавляет трагизма всему образу.

Вероятно, этим вариантом художник не был удовлетворен. В поисках более совершенного образа М. Спиридонов задумывает новую работу. «Невеста», написанную им в 1959 г., своим размером и композицией практически повторяет предыдущую (рис. 4), при этом живописец несколько меняет пропорции фигуры: теперь ей уже не так «тесно» в формате холста.

Рис. 4. Спиридонов М.С. Невеста. 1959. Холст, масло. 57×44,5.

Источник: Спиридонов М.С. Невеста // Госкаталог.рф.

URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16901118>

(дата обращения: 12.02.2025).

Figure 4. Spiridonov M.S. Bride. 1959. Canvas, oil. 57×44.5.

Chuvash State Art Museum Spiridonov Memorial Apartment Museum

Source: Spiridonov M.S. “Bride.” *Goskatalog.rf*, 12 Feb. 2025,

<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=16901118>

⁵ *Тухья* — девичий чувашский головной убор, расшитый бисерным узором и монетами.

Для этой «Невесты» художнику позирует другая модель. Мастер, в передаче сходства с милостивым лицом натуры, детально прописывает упругость кожи, нежность румянца, мягкость губ, печально опущенный взгляд красивых глаз. Расшитая бисером и монетами *тухья*, в отличие от предыдущего произведения, не спорит здесь с главным — лицом невесты. Цветовая гармония произведения, решенная в теплых тонах, создает определенный психологический настрой. Колорит фона находит отклик в цветовых оттенках костюма героини — очень тактично написанных элементах вышивки на покрывале невесты, головного убора, тесьмы и красного пояса на платье девушки. Этот вариант «Невесты» стал этапом на пути к окончательному варианту, созданному в 1960 г.

В 1959 г. М. Спиридонов приступает к работе еще над двумя полотнами, посвященными чувашской невесте: «Ожидание (Невеста в амбаре)» (1960, х.м., 145×112) и «Невеста» (1960, х.м., 85×70,5). О картине «Невеста в амбаре» (рис. 4) он упоминает в письмах к дочери Татьяне. В письме от 07.03.1959 г. он сообщает, что пишет новую работу — «чувашскую девушку с покрывалом в виде невесты. Январь-февраль прошли в муках, все время переделывал и искал наиболее удачную композицию» [3. С. 202].

Иное композиционное решение позволяет по-новому раскрыть сюжет. Героиня третьей версии «Невесты» изображена в полный рост. Так художник решил показать подлинную красоту национального наряда. В темноте амбара луч света озаряет только героиню (рис. 5). В белом платье и красных сапожках в цвет пояса, в *тухье* и *шульгеме*⁶ с серебристым блеском монет она словно диковинная белая птица, как самое дорогое сокровище. Присев на сундук, она обернулась, ожидая, когда придут подружки и выведут ее к жениху. Все ее богатое приданое — *хушпу*, *теветь*⁷, *ама*⁸, расшитые одежды — лежит тут же большой грудой.

Приданое невесты напрямую определяло, в какую семью ее отдадут замуж, насколько хорошо к молодой будут относиться родственники мужа. М. Спиридонов вспоминал, как его сестра Мария с малых лет готовила себе богатое приданое — «рубихи, полотенца, передники, наволочки и т.д., хранилось в глинобитном амбаре, и его оттуда украли. Это было для нее огромное горе и большая неприятность для семьи. Потеря приданого тяжело сказалась на дальнейшей жизни Марии, муж, односельчанин, повел себя с ней грубо» [3. С. 17]. Так, богатое имущество «Невесты в амбаре» было залогом надежды на ее возможное семейное благополучие. Но над девушкой в светлых одеждах с яркой вышивкой, в окружающем ее сумраке амбара, уже сгущаются густые темные краски.

⁶ Шульгеме — женское нагрудное украшение, состоящие из кожаной пластины, на которую нашивались монеты.

⁷ *Теветь* (перевязь) — женское наплечное украшение.

⁸ *Ама* — женское нагрудное украшение верховых и низовых чувашей.

Рис. 5. Спиридонов М.С. Ожидание. (Невеста в амбаре). 1960.
Холст, масло. 145×112. Чувашский государственный художественный музей
Источник: Спиридонов М.С. Ожидание // Госкаталог.рф.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4997358>
(дата обращения: 22.02.2025).

Figure 5. Spiridonov M.S. Waiting. (The bride is in the barn). 1960.
Canvas, oil. 145×112. Chuvash State Art Museum
Source: Spiridonov M.S. “Expectation.” *Goskatalog.rf*, 22 Feb. 2025,
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=4997358>

Добиваясь наиболее выразительного решения своего замысла, художник тщательно обдумывал все частности, которые будут «работать» в произведении. Добавив в этом формате пространства и деталей, он был нацелен на более эмоциональное раскрытие темы. Завершив работу над полотном «Ожидание», сам М. Спиридонов все же не был удовлетворен: «И этот вариант не полностью отвечал моему замыслу, и я стал искать новое решение. Мне хотелось создать типичный обобщенный образ Чувашской Невесты в прошлом» [3. С. 138].

В том же 1960 г. художник начал новый, четвертый вариант «Невесты», в котором стремился быть более убедительным в передаче «глубоких переживаний невесты в связи с предстоящим неравным браком» [3. С. 138]. Ему приглянулась красивая, темноглазая, но с глубокой печалью в лице девушка, которая не сумела воплотить в жизнь свою мечту — стать актрисой. Из переписки с дочерью Татьяной известно, как была значима для художника работа над этим образом: «Ставлю очень большие требования, — писал художник, — и поэтому по многу раз переделываю... Такую сложную работу я еще не делал» [3. С. 203]. Долгие поиски, сомнения, их преодоления и колоссальная работа, учитывая эскизы, наброски и живописные версии, подвели мастера к созданию совершенного произведения, в котором он видел идеал молодой

чувашской женщины. В нем все — очарование, чистота, надежда, печаль. Вместе с тем это очень светлый образ. Художник нашел безусловно самое выразительное решение своего замысла. Чувашская «Невеста» М. Спиридонова является, на наш взгляд, символическим воплощением национального характера чувашского народа, много пережившего на своем веку, терпеливого и мудрого (рис. 6).

Рис. 6. Спиридонов М.С. Невеста. 1960. Холст, масло. 85×70,5.
Чувашский государственный художественный музей

Источник: Спиридонов Моисей Спиридонович (1890–1981). Невеста // Госкаталог.рф. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5035746> (дата обращения: 20.02.2025).

Figure 6. Spiridonov M.S. The Bride. 1960. Canvas, oil.
85×70.5. Chuvash State Art Museum

Source: Spiridonov Moisey Spiridonovich (1890–1981). “The Bride.” *Goskatalog.rf*, 20 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=5035746>

В сакральной культуре народа свадьба, наряду с проходами в рекруты и похоронным циклом, занимает особое место. Эти ритуалы обозначали переход в «другую жизнь». Прощание с новобранцем, обреченным на двадцатипятилетний срок рекрутской повинности, было практически тождественно прощанию с ушедшим в мир иной. В свадебном обряде у невесты особая роль, связанная с умиранием (для своих родителей, отчего дома, прежней жизни). *Хёр йёрри*⁹ (букв. «плач невесты») является «центральной сценой и украшением всего свадебного ритуала» [4. С. 68]. «Похоронив» свою прошлую жизнь, невеста перерождается в другом, новом качестве. В доме мужа с невесты снимали покрывало и называли *сёнё сын* (букв. «новый человек»).

⁹ *Хёр йёрри* — прощальная песня невесты.

«Невеста» (1960) М. Спиридонова — художественное высказывание мастера, результат его жизненного и профессионального опыта, запечатленный языком живописи. Художественным качеством этого образа, помимо основных достоинств — композиция–рисунок–колорит, утверждают такие критерии, которые важны своей смысловой значимостью — символичность–аутентичность–сакральность–идеал. Специалисты признают, что «по силе передачи внутреннего мира... картина „Невеста“ не имеет себе равных во всем изобразительном искусстве Чувашии» [5. С. 119]. Получив широкое признание, она положила начало популяризации темы невесты. Вслед за М. Спиридоновым в 1960–1970-е гг. свое видение образа раскрывают Михаил Харитонов, Николай Овчинников, а в 1980–2000-е гг. он становится массовым.

Русский художник М. Харитонов приехал в Чувашию в начале 1950-х гг. Погружение в традиционную культуру не было для него важной творческой задачей. На его полотнах — современницы живописца, подвенечный облик которых отвечал традициям советского времени. Одна из его «невест» изображена в наряде, утратившем традиционные элементы, популярном в 1950–1980-е гг. в сельской местности (рис. 7).

Рис. 7. Харитонов М.Ф. Невеста. 1962. Холст, масло. 100×50.

Чувашский государственный художественный музей

Источник: Харитонов Михаил Федорович (1926–1996). Невеста // Госкаталог.рф. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9859826> (дата обращения: 18.02.2025).

Figure 7. Kharitonov M.F. “The Bride.” 1962. Canvas, oil. 100×50. *Chuvash State Art Museum*

Source: Kharitonov Mikhail Fedorovich (1926–1996). “Bride.” *Goskatalog.rf*, 18 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9859826>

Поверх белого платья *саппун*¹⁰ розового цвета — фартук с широкими бретелями. Голова покрыта фабричным белым платком с цветочным принтом. На ногах сине-зеленые сандалии на белый носок. Платье невесты трудно назвать нарядным. Ему недостает монист — характерных для чувашского костюма украшения, пусть даже самого скромного, такого как, например, в «Выходе невесты. Нарспи» Ю.А. Зайцева (см. рис. 1).

Еще одна чувашская «Невеста» написана М. Харитоновым в 1970-е гг. (рис. 8). Репрезентация костюма молодой чувашки этого периода, в отличие от невесты-«шестидесятницы», являет собой идентичное выражение нового поколения родившихся в мирное и живущих в стабильное время. Ретроспективная стилизация подвенечного народного платья есть выражение образа мышления и стиля жительницы республики. Этот культурный феномен — декларация образа жизни представительницы древнего народа, живущей в многонациональной советской стране.

На полотне — девушка в белом «национальном» платье и *тухье*. Традиционную вышивку заменяют нашивки из тесьмы. Очевидно, что название полотна случайно. Художник, выполняя портрет молодой особы, не имел в виду свадебный обряд. Это скорее учебная постановка с элементами чувашского костюма, характер которой позволил соотнести возраст натуры с образом невесты.

Рис. 8. Харитонов М.Ф. Невеста. 1979. Холст, масло. 115×85.

Чувашский государственный художественный музей

Источник: Харитонов Михаил Федорович (1926–1996). Невеста // Госкаталог.рф. URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9859826> (дата обращения: 18.02.2025).

Figure 8. Kharitonov M.F. “The Bride.” 1979. Canvas, oil. 115×85. Chuvash State Art Museum

Source: Kharitonov Mikhail Fedorovich (1926–1996). “Bride.” *Goskatalog.rf*, 18 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9859826>

¹⁰ *Саппун* — чувашский передник.

Близкими по прочтению темы являются «чувашиские невесты» известного живописца Н. Овчинникова (рис. 9–11). Над их образами он работал в те же 1970-е гг. Их также следует отнести к костюмному портрету. Героини его полотно наряжены в условный чувашский наряд, в котором смешались элементы костюмов как девичьих, так и замужних женщин. Художника привлекает, прежде всего, красочность платья с богатой вышивкой, *тухья* и нагрудные украшения, обильно расшитые серебром, бисером, каури. Подобные постановочные произведения получили популярность среди многих чувашских художников. Такой подход в воплощении образа чувашской невесты, к сожалению, стал стереотипной моделью для живописцев. Рассматривать подобного рода портреты в ракурсе репрезентативного образа чувашской невесты не стоит. Решенные в декоративном характере, они не могут быть поставлены в один ряд с творческими произведениями М. Спиридонова. В чувашском изобразительном искусстве он являет достойный, хотя и одинокий образец, отвечающий высоким критериям национальной и общероссийской культуры в целом.

По утверждению А. Эймса, специалиста в области философии искусства, «из набора возможных интерпретаций воспринимаемых объектов человек выбирает только ту единственную, которая в наибольшей степени соответствует его жизненному опыту, отраженному в картине мира» [6. С. 200]. Произведения искусства, созданные чувашскими мастерами, создают в итоге образ национальной героини и «посредством трансляции формируют общественное сознание, делая их социальным достоянием» [7. С. 244].

Рис. 9. Овчинников Н.В. Невеста. 1979. Холст, масло. 100×80.
Вологодский музей изобразительных искусств им. И.И. Машкова
Источник: Овчинников Н.В. Картина. Невеста // Госкаталог.рф. URL:
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34278243> (дата обращения: 28.02.2025).

Figure 9. Ovchinnikov N.V. “The Bride.” 1979. Canvas, oil. 100×80.
Vologda Museum of Fine Arts named after I.I. Mashkov
Source: Ovchinnikov N.V. Painting. Bride // *Goskatalog.rf*, 28 Feb. 2025,
<https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=34278243>

Рис. 10. Овчинников Н.В. Чувашская невеста. 1979. Холст, масло. 120×88. Ульяновский областной художественный музей

Источник: Овчинников Н.В. Чувашская невеста // Госкаталог.рф.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9218901>
(дата обращения: 28.02.2025).

Figure 10. Ovchinnikov N.V. The Chuvash Bride. 1979. Canvas, oil. 120×88. Ulyanovsk Regional Art Museum

Source: Ovchinnikov N.V. “Chuvash Bride.” *Goskatalog.rf*, 28 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=9218901>

Рис. 11. Овчинников Н.В. Невеста. До 1973. Холст, масло. 136×65. Дагестанский музей изобразительных искусств

Источник: Овчинников Н.В. Чувашская невеста // Госкаталог.рф.
URL: <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29538404>
(дата обращения: 28.02.2025).

Figure 11. Ovchinnikov N.V. Bride. Before 1973. Canvas, oil. 136×65. Dagestan Museum of Fine Arts

Source: Ovchinnikov N.V. Chuvash bride // *Goskatalog.rf*, 28 Feb. 2025, <https://goskatalog.ru/portal/#/collections?id=29538404>

Заключение

В чувашском изобразительном искусстве образ невесты появился с сюжетом свадебного обряда. В традиционном красочном обряде он стал центральным. Ее костюм, манеры, характер представляются теперь исключительно так, как это сложилось в живописи. Наиболее близок к решению идентичного образа оказался Моисей Спиридонов. Его чувашская невеста, как и образ Нарспи, стал одним из значимых концептов национальной культуры. В попытке создать произведение «о чувашской невесте дореволюционного периода» он искал наиболее глубокое воплощение образа.

Однако очень часто образ молодой чувашки в национальных одеждах, написанный беспристрастным мастером живописи, остается лишь портретом. Такие произведения сообщают о внешних особенностях уникальной культуры народа, а также тенденциях изобразительного искусства в определенный период развития. Лучшие произведения формируют высокие художественные критерии. Они, уступая со временем место новым, не пропадают, а становятся частью культурной памяти и, уйдя на второй план, определяют понятие «качества».

Репрезентация образа чувашской невесты в их живописных полотнах выражает тенденции времени, его идеалов, а также понимание национального. Свое наивысшее проявление она нашла в произведении Моисея Спиридонова, в создание которого художник вложил не только профессиональные знания, опыт, мастерство, но и глубокое понимание народного мировоззрения. Изобразительными средствами ему удалось создать выразительный образ как культурный код чувашского этноса.

Список литературы

1. *Ермакова Г.А.* Концептосфера лирического универсума поэмы К. Иванова «Нарспи» // Современная Нарспиана: итоги и перспективы : материалы межрегион. науч.-практич. конф. Чебоксары : Чув. гос. ун-т, 2008. С. 129–136.
2. *Прокопьев К.* Брак у чуваш. Казань : Типо-лит казанского ун-та, 1903. 63 с.
3. *Спиридонов М.С.* Крылья памяти: Воспоминания художника. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1990. 207 с.
4. *Бушуева Л.И.* Чувашская музыкальная литература. Ч. 1 : Традиционная музыкальная литература. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2016. 143 с. ISBN: 978-5-7670-2548-0 EDN: YGVJVN
5. *Садюков Н.И.* Творящие прекрасное : статьи, очерки о художниках. Чебоксары, 2013. 208 с.
6. *Матюшова М.П.* Проблема оценки художественного произведения // Вестник РУДН. Серия: Философия. 2004–2005. № 1 (10–11). С. 197–209 EDN: IIZFPX
7. *Евсеева Л.В.* Специфика репрезентации образа женщины в культуре // Вестник ИрГТУ. 2014. № 2 (85). С. 240–245. EDN: RXABHL

References

1. Ermakova, G.A. 2008. “The conceptual sphere of the lyrical universe of K. Ivanov’s poem. ‘Narspi’.” *Modern Narspiana: results and prospects: Materials of the Scientific and practical conference*. Cheboksary: Chuvash State University publ., pp. 129–136. Print. (In Russ.)
2. Prokopyev, K. 1903. *Marriage among the Chuvash*. Kazan: Typo-lit of Kazan University. (In Russ.)
3. Spiridonov, M.S. 1990. *Wings of memory: Memoirs of an artist*. Cheboksary: Chuvash. Publishing House. Print. (In Russ.)
4. Bushueva, L.I. 2016. *Chuvash musical literature*, part 1. Traditional musical literature. Cheboksary: Chuvash Book Publishing House. ISBN: 978-5-7670-2548-0 EDN: YGVJVN Print. (In Russ.)
5. Sadyukov, N.I. 2013. *Creating beauty. Articles and essays about artists*. Cheboksary. (In Russ.)
6. Matyushova, M.P. 2004–2005. “The problem of evaluating an artistic work.” *Bulletin of the RUDN University*. Series: Philosophy, no. 1 (10–11), pp. 197–209. EDN: IIZFPX Print. (In Russ.)
7. Evseeva, L.V. 2014. “The specifics of the representation of the image of a woman in culture.” *Bulletin of the IrSTU*, no. 2 (85), pp. 240–245. EDN: RXABHL Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Малинина Алина Александровна — младший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0009-0004-4824-9443, eLibrary SPIN-код: 5560-2942. E-mail: m-anila@mail.ru.

Bio note:

Alina A. Malinina is a Junior Researcher of the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0009-0004-4824-9443, eLibrary SPIN-код: 5560-2942. E-mail: m-anila@mail.ru.

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-698-707

EDN: CBTSQO

Научная статья / Research article

Великая Отечественная война в судьбах и творчестве композиторов и музыковедов Чувашии

Л.И. Бушуева

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ niclub7@gmail.com

Аннотация. Перипетии суровых испытаний Великой Отечественной войны затронули судьбы многих деятелей художественной культуры Чувашии. Военная тематика разнообразно отразилась в творчестве чувашских композиторов XX в. В связи с этим очевидна актуальность обращения к творчеству и биографиям чувашских музыкантов. Цель исследования — выявить и проанализировать произведения, связанные с военной тематикой в национальной музыке. В задачи исследования входит рассмотрение образно-тематических и жанровых особенностей существующих сочинений, характеристика их музыкально-выразительных средств, уточнение биографических сведений об авторах-фронтовиках. В годы войны был популярен жанр массовой песни, призванный поддержать патриотический дух народа и объединить его в борьбе с врагом. Позже трагические реалии войны нашли осмысление в оперных и симфонических сочинениях лирико-драматического характера. Наиболее часто к этой тематике обращались воевавшие на фронте члены Союза композиторов Чувашии А.В. Асламас, Ф.С. Васильев, А.М. Токарев, Т.И. Фандеев. Огромный вклад в систематизацию данных об участниках сражений внес старейший чувашский музыковед, фронтовик Ю.А. Илюхин. Основным методом исследования в данной статье является источниковедческий, работа опирается на научные источники, архивные материалы, нотные издания и рукописи, публикации из периодики. Фактологический, проблемно-хронологический и аналитический методы позволили обобщить результаты исследуемого материала. В статье впервые собраны воедино многие малоизвестные широкому читателю факты и рассмотрены в контексте представленной темы.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, чувашские композиторы, песня, опера, симфония

История статьи: поступила в редакцию 10.04.2025; принята к печати 10.06.2025.

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Для цитирования: Бушуева Л.И. Великая Отечественная война в судьбах и творчестве композиторов и музыковедов Чувашии // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 698–707. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-698-707>

© Бушуева Л.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

The Great Patriotic War in the Lives and Works of Composers and Musicologists of Chuvashia

Lyubov I. Bushueva^{ID}

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ niclub7@gmail.com

Abstract. The vicissitudes of the trials of the Great Patriotic War affected the fate of many figures of artistic culture of Chuvashia. Military themes were reflected in the music of Chuvash composers of the 20th century in a variety of ways. In this regard, the relevance of addressing the work and biographies of Chuvash musicians is obvious. The purpose of the paper is to identify and analyze works related to military themes in national music. The objectives of the research include consideration of the figurative, thematic and genre features of existing compositions, characterization of their musical and expressive means, clarification of biographical information about the authors-veterans. During the war years, the genre of mass song was popular, designed to support the patriotic spirit of the people and unite them in the fight against the enemy. Later, the tragic realities of the war found their meaning in operatic and symphonic compositions of a lyrical and dramatic nature. Members of the Union of Composers of Chuvashia, A.V. Aslamas, F.S. Vasiliev, A.M. Tokarev, and T.I. Fandeev, who fought at the front, most often addressed this topics. The oldest Chuvash musicologist, veteran Yu.A. Ilyukhin, made a huge contribution to the systematization of data on participants in military battles. The main research method in this article is source-based, the work covers a wide variety of works: scientific sources, archival materials, music editions and manuscripts, publications from periodicals. Factual, problem-chronological and analytical methods allowed us to summarize the results of the material under study. For the first time, the article brings together many facts that are not widely accessible to the general reader and examines them in the context of the presented topic.

Key words: The Great Patriotic War, Chuvash composers, song, opera, symphony

Article history: received 10.04.2025; accepted 10.06.2025.

Conflict of interests: the author declares that there is no conflict of interests.

For citation: Bushueva, L.I. 2025. “The Great Patriotic War in the Lives and Works of Composers and Musicologists of Chuvashia.” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 698–707. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-698-707>

Введение

Суровые испытания Великой Отечественной Войны повлияли на судьбы и творчество многих деятелей художественной культуры Чувашии. Чувашские музыканты разных профессий: исполнители, композиторы, музыковеды — участвовали в боевых сражениях, выступали на фронтах в составе артистических бригад, создавали музыкальные произведения разных жанров. В статье выявлены и проанализированы произведения, связанные с военной тематикой в национальном искусстве, рассмотрены образно-тематические и жанровые особенности существующих сочинений, дана характеристика их

музыкально-выразительных средств, уточнены биографические сведения об авторах-фронтовиках. Тема войны, одна из ведущих в советской музыке XX в., получила разностороннее отражение в чувашском музыкальном искусстве.

Обсуждение

1941–1945 гг. стали периодом подъема советской массовой песни, призванной поддержать дух народа и объединить его в борьбе с врагом. В военное время песня занимала ведущее место и в творчестве чувашских композиторов — признанных мастеров и начинающих авторов. Наиболее плодотворно работал В.П. Воробьев, считавший необходимым внести личный вклад в приближение Победы: «Около трех месяцев длится война, жесткая и кровавая. Зверствам гитлеровских двуногих нет предела. Словами их не опишешь. Мечь — беспощадная мечь. Благодушные и беспечность — позор для каждого из нас... Что я должен делать?»¹. Военно-патриотическая тема стала главной в творчестве В.П. Воробьева, многогранно отразившись в более двух десятках сочинений. Скромнее затронули тему его современники А.Н. Тогаев и Г.Г. Лисков и композиторы следующего поколения Ф.М. Лукин, В.А. Ходяшев, Г.С. Лебедев, Г.Я. Хирбю.

Песни военного времени большей частью создавались на чувашском языке² и были востребованы в тылу и на фронте. В послевоенные годы они постепенно перестали звучать, почти исчезнув из репертуара исполнителей. Благодаря музыковеду Ю.А. Илюхину [1] сведения о многих образцах и о ведущих музыкально-поэтических типах сохранились для истории. Основные тематические линии возникли под воздействием символа героической борьбы — «Священной войны» А.В. Александрова, которая наряду с произведениями лирического и шуточного характера повлияла на развитие песенного жанра в советской музыке. В Чувашии актуальны были патриотические песни, вдохновлявшие на мужество и героизм, призывавшие к борьбе. Суровой решимостью, энергией, четкой ритмикой пронизаны «Смерть фашизму» В.П. Воробьева, «Боевая» Г.Г. Лискова, «Не отдадим вольного города» А.Н. Тогаева, «Песня борьбы» Ф.М. Лукина, «Смерть презренному врагу» Г.С. Лебедева. О подвигах земляков на полях героических сражений повествовали «Отважный орел» Г.Я. Хирбю, «Герой Иван Поляков» Ф.М. Лукина, «Пулеметчик Смирнов» Г.Г. Лискова. Военной дружбе и фронтовым будням посвящались «Друзья-фронтовики» Ф.М. Лукина, безвестным героям — «Фронтальная сестра» В.П. Воробьева, «За Родину» Г.Я. Хирбю.

Лирический настрой, восходящий к сердечности, искренности, душевной теплоте — тем чувствам, которых так не хватало в суровых условиях войны,

¹ Воробьев В.П. Рукопись // НА ЧГИГН. Отд. VI. Ед. хр. 102. Л. 271.

² Чувашские названия произведений в тексте статьи приводятся в русском переводе, не упоминаются авторы стихотворных текстов песен.

получил в чувашской музыке не меньший отклик. Темы любви, верности, духовной близости с воевавшими на фронте родными и близкими отразились в песнях В.П. Воробьева «Нас не победить», «Песня колхозных девушек», «Перед белой березой». Его задушевная, написанная еще в 1938 г. «Белая голубка» наряду с «Перед белой березой» стали выдающимися образцами проникновенной лирики и были опубликованы в 1944–1945 гг. Музыкальным фондом в г. Москве. К творческим удачам относятся также лирические «Белая роза» и «Песня молодежи» Ф.М. Лукина, «Во славу Родины» Г.Я. Хирбю. Песни Г.Я. Хирбю на стихи А.А. Суркова «Встреча» и «Прощальная» были премированы в 1942–1943 гг. на конкурсах песен о Красной Армии в Среднеазиатском военном округе.

Из лирико-патриотических песен выделился особый пласт, связанный с тематикой колхозного крестьянства и стилистически ориентированный на фольклорные образцы: «У нашего отца семь сыновей» и «Что в садочке растет» В.П. Воробьева, «Песня колхозной девушки» и «Частушки о Советской Армии» Ф.М. Лукина. Востребованы среди исполнителей были также песни на русском языке: «Одна дорога есть у нас» и «Бей врага!» В.П. Воробьева, «Журавли», «Помни о них» и вокальная сюита «Жди меня» В.А. Ходяшева.

Завершение войны привнесло новые темы о боевых успехах, прославлении Родины, армии и народа-победителя в эмоционально-приподнятых «Песня о Советской Армии» Г.Я. Хирбю, «Песня о Родине» и «Гимн победы» В.А. Ходяшева. Ликующий настрой пронизывает «Песню о Родине» Г.С. Лебедева, созданную в преддверии Победы для постановки пьесы «В родном краю» П.Н. Осипова. Прозвучав впервые в финале спектакля в 1945 г., она сразу же была восторженно принята, часто исполнялась, а в 1992 г. утверждена официальным гимном Чувашской Республики.

Значительно меньше в сравнении с песней военная тематика затронула музыку инструментальную. Ее немногочисленные образцы предназначались преимущественно для военных духовых оркестров, востребованных в условиях войны. К руководству коллективами на фронте привлекались гражданские специалисты, как военные дирижеры проявили себя выходцы из Чувашии, духовики С.И. Иванов, П.К. Алешин, Ф.Г. Чемоданов, К.П. Волков, И.Л. Лукоянов, альтист И.С. Шумилов и др. Некоторые остались в этой профессии и в послевоенное время. Именно таким был путь выпускника Чувашского музыкально-театрального техникума и военного факультета Московской консерватории майора П.Е. Галактионова, обладавшего неординарными дирижерскими способностями, руководившего оркестрами на Карельском, Северо-Западном, 2-м Прибалтийском, Ленинградском фронтах, Ансамблем песни и пляски 5-го Донского кавалерийского корпуса³. Война пробудила его

³ *Илюхин Ю.А.* Галактионов П.Е. // Чувашская энциклопедия. Том 1. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2006. С. 396.

творческое дарование, вдохновив на создание свыше сорока произведений для духового и эстрадного оркестров, в числе которых — два «Встречных марша», «Военная фантазия», «Украинская фантазия», песни «Солдатская строевая», «Кавалерийская песня», «Песня 7-го инженерного полка», «На Белгородском направлении».

После 1945 г. открылись новые актуальные темы, но трагические события суровых военных лет никогда не забывались. Оставшаяся в стороне от кровопролитных сражений Чувашия с горечью узнавала о своих потерях в музыкальном искусстве. На фронте погибло 28 преподавателей и студентов Чебоксарского музыкального училища, среди которых были дирижер-хоровик А.М. Ростиславин, пианист О.М. Круц, скрипач Ф.Г. Егоров, молодые музыканты: композитор О. Федоров, скрипач С. Федоров, валторнист В. Кутаркин, трубач Н. Мартъянов и многие другие. Сильным потрясением стало известие о безвременном уходе из жизни В.М. Кривоносова — автора первой национальной музыкальной комедии «Радость», готовившего в 1930-е гг. в классе композиции музыкального училища будущих композиторов Чувашии. Приказ об отзыве его из рядов народного ополчения пришел с опозданием на несколько часов, когда он ушел в бой, где пал смертью храбрых [2]. Ленинградец В.М. Иванишин, создавший первую чувашскую оперу «Нарспи» и «Чувашскую» симфонию, погиб в немецком плену.

Нравственные и физические страдания, боль утрат, всенародная скорбь и вечная память о погибших — новые грани военной тематики, вошедшие в чувашскую музыку послевоенных лет. Наиболее остро они прозвучали у находившихся на передовых рубежах фронта А.В. Асламаса, Ф.С. Васильева, А.М. Токарева — видных мастеров второй половины XX в., членов Союза композиторов Чувашии.

Ни один из композиторов не уделил столько внимания теме войны, как *Анисим Васильевич Асламас*. В 1944 г. появились его «Песня 362-й стрелковой Краснознаменной дивизии» («Марш»), песни «Письмо к любимой», «Шинель» и «Трио фронтовых поваров», в преддверии Победы для хора и военного духового оркестра был создан «Триумфальный марш» [3. С. 46]. Композитор не любил делиться тяжелыми воспоминаниями военных лет, считая, что «война для многих людей была катастрофой, перевернувшей всю жизнь»⁴. Трагическое начало пронизывает многие его сочинения на военную тему, из которых сам автор выделил оперы «Прерванный вальс» (1962), «Вера Сарьялова» («Певница», 1970) и «Саламби» (1976). После редакции 1980–1990-х гг. он назвал их оперной трилогией «Жди меня». Объединяющим началом выступила не только тематика и опора на традиции песенной оперы, господствовавшей в советской музыке 1960-х гг., но и сквозной персонаж —

---

⁴ *Ефимова Т.А.* Война и музыка — «две вещи несовместные» // Чебоксарские новости. 1995. 23 марта.

чуваши по национальности, капитан, бывший командир батальона Михаил Бичурин.

Лирико-драматический «Прерванный вальс» — единственная из трех опер А.В. Асламаса, увидевшая свет рампы в 1963 г. на сцене Чувашского музыкально-драматического театра. В основу либретто легла пьеса П.Н. Осипова «В родном краю», знаменитую песню-гимн к которой ранее создал Г.С. Лебедев. Сюжет о трудностях военной жизни, с эпизодами из быта блокадного Ленинграда и чувашской деревни, открывал возможности для разнообразного использования русских и чувашских интонаций. Поэтому стилистику оперы определяло «двуязычие» и постановка шла на русском языке. Спектакль вызвал разноречивые отклики и выдержал после премьеры лишь девять показов. Опера возобновилась к 70-летию Победы в 2015 г., но уже со значительными купюрами и в формате концертной постановки (*semistage*).

Теме военных испытаний посвящены сочинения А. Асламаса 1980–1990-х гг.: оперная трилогия «1941 год» и «Сталинградская симфония» (не завершены), баллада «Павшие в боях, останемся в живых» для солиста, детского хора и оркестра, Триумфальный марш «Парад Победы» для духовых и фортепиано, «Поэма-реквием» на стихи А.А. Галкина. В 1980-е гг. появились песни «о фронтовой встрече с земляком («На том берегу Вислы»), о народной борьбе и Победе («Можайская тетрадь», «За Родину», «Ода к Великой Победе»); он посвящает произведения памяти павших и судьбам оставшихся в живых («Памятники», «Солдатская мать», «На родине Фридерика Шопена», «Ветераны») [4. С. 36]. Все они, за исключением лирической «Ветераны», сурово-мужественного характера. Считая, что «война и музыка — две вещи несовместные», композитор смог отразить ее трагическую атмосферу в произведениях разных жанров.

Как и А.В. Асламас, Федор Семенович Васильев и Аверий Матвеевич Токарев в годы войны написали несколько произведений, с успехом исполнявшихся фронтовой самодеятельностью. У Васильева это были «Песня о нашей бригаде» и «Песня о Каменец-Подольске», у Токарева — «Марш мотоциклистов для духового оркестра». Крупные сочинения композиторов на военную тематику появились значительно позже, в 1970-е гг., когда в чувашской музыке интенсивно начали развиваться инструментальные жанры и в связи с празднованием 30-летия Победы.

Третья симфония «Воспоминание» (1974) А.М. Токарева и «Военная» симфония (1975) Ф.С. Васильева, восходя к традициям отечественного симфонизма, получились совершенно разными. Лирико-эпическая композиция Токарева произрастает из чувашской народной гостевой песни «Между печалью и горем», события войны представлены как трагедия человеческих судеб, образно-тематическое развитие сосредоточено на напряженных внутренних переживаниях. Эпико-философское начало и трагедийное мироощущение,

близкое симфоническим полотнам Д.Д. Шостаковича, повлияли на тематизм и драматургию.

Симфония Васильева для оркестра и солиста-тенора на стихи Я.Г. Ухсяя программного характера, подзаголовки каждой части отражают этапы военного времени: «На поле битвы», «Летите в небе, журавли», «За рекой Вислой», «Слава тебе, Родина отваги и счастья!». Война, признавался композитор, сделала его «„сиввине-йшшине курнӑ сын“ (испытавшим тепло и стужу) — человеком, много повидавшим в жизни» [5. С. 79]. Как и у Токарева, здесь встречается цитата из чувашского фольклора, но интонационные истоки сочинения иные, песенного характера. Композитор опирался на принципы песенного симфонизма, ощутимые в тематизме с четкими контурами, фактуре с преобладанием гомофонно-гармонического склада, драматургии с контрастным противопоставлением тем. Необычна третья часть «За рекой Вислой» с жанровыми признаками тарантеллы — быстрого, импульсивного итальянского танца. По-видимому, его характеристики ассоциировались у композитора с ощущением завершения войны, возникшим в освобожденной Европе.

Черты песенности и программности, интонации фронтовых военных песен также пронизывают хоровую пятичастную сюиту «Фронтовые эскизы» (1975) Ф. Васильева на ст. А.И. Лукашина. Среди разнохарактерных зарисовок-эпизодов из фронтовой жизни советского воина наиболее популярна четвертая часть, лирически проникновенное соло тенора «Положите цветы», нередко называемое также реквиемом. Оба произведения стали репертуарными и часто исполнялись, хотя критика находила в них немало спорных моментов в плане воплощения идеи [6. С. 111]. Помимо этих сочинений трагизмом военных потерь пронизана «Баллада о погибшем друге» для голоса с оркестром и поэма «Памяти павших» для скрипки и фортепиано, отчасти опера «Земляки».

В Союзе композиторов Чувашии ветеранами Великой Отечественной войны также были Т.И. Фандеев, Г.А. Анчиков и Ю.А. Илюхин. Тема войны отразилась в их творчестве сравнительно скромно. Т.И. Фандеев в годы войны написал «Весеннюю песню» и «Далекой любимой», позже появился марш «Слава победителям!» (1950) для симфонического оркестра. С военной тематикой связаны такие сочинения Г.А. Анчикова, как «Песнь славы», романс «В деревянном домотканом городке», хоровые песни «На Берлин», «Солдатская песня», «Партизанская».

Многие факты участия музыкантов из Чувашии в военных действиях известны благодаря первому чувашскому музыковеду *Юрию Александровичу Илюхину*. На фронте Юрий Александрович частично потерял зрение, что не помешало ему позже стать видным исследователем, автором 27 научных работ и свыше 1300 публикаций в местной и центральной печати.

В научном архиве Чувашского государственного института гуманитарных наук хранится его рукопись «Музыканты Чувашии в годы войны» (1991)

с бесценной информацией — воспоминаниями музыковеда о первых днях войны и множеством данных об участии других музыкантов в боевых действиях. Скрупулезность и точность — неотъемлемая черта Илюхина, и в этих материалах подробно отражены специальности, военные звания, род войск, названия фронтов, сражений, место службы, награды и многое другое. Музыковед находил адреса, вел обширную переписку, тщательно уточняя все детали. Собранные сведения позволили ему отметить, что «среди тех, кто сражался на фронте с оружием в руках, были танкисты, артиллеристы, саперы, автоматчики, авиаторы, политрабoтники и связисты (их было особенно много). Некоторые из них стали командирами Красной Армии и имели звания майора, капитана, старшего лейтенанта, лейтенанта и т. д. Большая группа чувашских музыкантов-фронтовиков отмечена орденами Славы, Красной Звезды, Отечественной войны, медалями»⁵.

Свой вклад в приближение Победы чувашские композиторы внесли не только личным участием в боевых сражениях и созданием произведений. В годы войны сложилась система фронтовых бригад, выступавших в непосредственной близости от фронта и комплектовавшихся из профессиональных артистов. Чувашия поддержала эту инициативу, три зимних месяца 1943 г. старейший национальный исполнительский коллектив — Чувашский государственный ансамбль песни и пляски — выступал в действующих частях Брянского и Калининского фронтов, где дал 120 шефских концертов. Незабываемые впечатления поездки отразились в произведениях композиторов: художественного руководителя коллектива *Филиппа Мироновича Лукина* и хормейстера *Германа Степановича Лебедева*. Героизм защитников Волгограда воспет Ф.М. Лукиным в «Песне о Волге», памяти погибших посвящен хор «Минута молчания», к юбилейным датам созданы сурово-драматичные хоровые баллады «Хлеб» (1975) и «Бессмертье павших сыновей» (1985). С военными образами связан «Танец победителей» Г.С. Лебедева и его же вокально-хореографическая сюита «Памятник», посвященная партизану «Чувашу» Якову Николаеву.

Отдельной областью претворения военной темы стала музыка к спектаклям драматических театров. Среди заметных постановок, озвученных в разные годы композиторами Чувашии, стоит упомянуть спектакли «Молодая гвардия» В.А. Ходяшева, «Земля и небо голубое» и «Салампи» Г.Я. Хирбю, «А зори здесь тихие» Н.Н. Казакова, «Ястребок» А.П. Галкина.

Заключение

Чувашия дала стране в 1941–1945 гг. немало защитников Отечества, воювавших с оружием в руках и посредством музыкального искусства. Для

---

⁵ *Илюхин Ю.А.* Музыканты Чувашии в годы войны. Рукопись // НА ЧГИГН. Ф. 2. Оп. 1. Д. 15. Инв. № 6793. Л. 29.

некоторых война стала трагическим исходом, оборвавшим полную дальнейших планов жизнь. Другие, пережившие трудности времени на фронте и в тылу, отразили события суровых лет в ярких художественных образах, формах и жанрах. Если в произведениях военных лет преобладал пафос героической борьбы и проникновенная лирика, то в послевоенный период усилилось внимание к внутреннему миру, нравственным переживаниям людей, приближавших Победу. Многопланово тема войны прозвучала в творчестве композиторов-фронтовиков. Оперы, симфонии, вокально-хоровые и инструментальные сочинения воспели величие народа, высветили содержание понятий «Родина» и «Отечество», затронули грани нравственной проблематики. Философское осмысление опыта войны, нравственная глубина внутреннего мира человека, готового к испытаниям и героизму стали направлениями плодотворных поисков нескольких поколений композиторов Чувашии.

Список литературы

1. *Илюхин Ю.А.* Чувашская АССР // История музыки народов СССР : в 7 томах. Т. III. 1941–1945 / Институт истории искусств Министерства культуры СССР. Москва : Сов. композитор, 1972. С. 269–273.
2. *Лившиц А.Я.* Владимир Кривоносов // Жизнь за Родину свою : очерки о композиторах и музыковедах, погибших в Великую Отечественную Войну. Москва, 1964. С. 112–122.
3. *Макарова С.И.* В творческой мысли — активность, в работе — целеустремленность (А.В. Асламас) // Мастера музыкального искусства. Т. 7. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 41–52. (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. 7).
4. *Кондратьев М.Г.* Песенное творчество чувашских композиторов в 80-е годы. Очерк первый: Песенное творчество А.В. Асламаса // Вопросы современного художественного творчества : сб. статей ЧНИИ. Чебоксары, 1990. С. 34–53.
5. *Абрукова Т.А.* «Я буквально пропитан народной музыкой» (Ф.С. Васильев) // Мастера музыкального искусства. Т. 7. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2009. С. 75–86. (Библиотека Президента Чувашской Республики. Т. 7).
6. *Кондратьев М.Г.* Новые симфонические и вокально-симфонические произведения чувашских композиторов // Современное чувашское искусство. Чебоксары, 1978. С. 110–118. EDN: YRJYVN

References

1. *Plyukhin, Yu.A.* 1972. “The Chuvash ASSR.” In *History of music of the peoples of the USSR*. In 7 vol., vol. III, 1941–1945, Institute of Art History of the Ministry of Culture of the USSR. Moscow: Soviet comp. publ., pp. 269–273. Print. (In Russ.)
2. *Livshits, A.Ya.* 1964. “Vladimir Krivonosov.” In *Life for his Homeland. Essays on composers and musicologists who died in the Great Patriotic war*. Moscow, pp. 112–122. Print. (In Russ.)
3. *Makarova, S.I.* 2009. “In creative thought – activity, in work – determination (A.V. Aslamas).” In *Masters of musical art*. Cheboksary: Chuvash. Publishing house, pp. 41–52. (Library of the President of the Chuvash Republic, vol. 7). Print. (In Russ.)
4. *Kondratiev, M.G.* 1990. “Songwriting of Chuvash composers in the 80s. The first essay: The songwriting of A.V. Aslamas.” *Issues of modern artistic creativity*: collection of articles by the Central Research Institute, Cheboksary, pp. 34–53. Print. (In Russ.)

5. Abrukova, T.A. 2009. “I am literally soaked in folk music» (F.S. Vasiliev).” In *Masters of musical art*. Cheboksary: Chuvash Publishing house, pp. 75–86. (Library of the President of the Chuvash Republic, vol. 7). Print. (In Russ.)
6. Kondratiev, M.G. 1978. “New symphonic and vocal-symphonic works by Chuvash composers.” In *Modern Chuvash art*. Cheboksary, pp. 110–118. EDN: YRJYVN Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Бушueva Любовь Ивановна — кандидат искусствоведения, доцент, старший научный сотрудник искусствоведческого направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский пр-т, д. 29/1. ORCID: 0000-0002-1132-7055, eLibrary SPIN-код: 1321-8267. E-mail: niclub7@gmail.com.

Bio note:

Lyubov I. Bushueva is a Candidate of Art History, Associate Professor, Senior Researcher of the Art Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0002-1132-7055, eLibrary SPIN-code: 1321-8267. E-mail: niclub7@gmail.com.

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-708-716

EDN: CCTGXU

Интервью / Interview

Интервью с Юрием Николаевичем Исаевым

(к 95-летию Чувашского государственного института гуманитарных наук)

А.Д. Гаврилов

Чувашский государственный институт гуманитарных наук, г. Чебоксары, Российская Федерация

✉ artmaster28@rambler.ru

Для цитирования: Гаврилов А.Д. Интервью с Юрием Николаевичем Исаевым (к 95-летию Чувашского государственного института гуманитарных наук) // Полилингвильность и транскультурные практики. 2025. Т. 22. № 3. С. 708–716. <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-708-716>

Interview with Yuri Nikolaevich Isaev

(on the 95th Anniversary of the Chuvash State Institute of Humanities)

Artem D. Gavrilo

Chuvash State Institute of Humanities Sciences, *Cheboksary, Russian Federation*

✉ artmaster28@rambler.ru

For citation: Gavrilo, A.D. 2025. “Interview with Yuri Nikolaevich Isaev (on the 95th Anniversary of the Chuvash State Institute of Humanities).” *Polylinguality and Transcultural Practices*, 22 (3), 708–716. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2618-897X-2025-22-3-708-716>

© Гаврилов А.Д., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

2025 год для Чувашского государственного института гуманитарных наук (ЧГИГН) — юбилейный. Старейший научный центр Чувашской Республики отмечает 95-летие службы на ниве чувашеведения. Встречая круглую дату, принято подводить итоги и ставить новые цели. Об истории института, ключевых событиях, научных школах и исследовательских проектах, вдохновляющих результатах и планах работы сотрудников — в беседе с директором ЧГИГН, доктором филологических наук **Юрием Николаевичем Исаевым**. Интервьюировал научный сотрудник ЧГИГН, кандидат филологических наук **Артем Дмитриевич Гаврилов**.

— *Юрий Николаевич, нашему институту — 95. Что лично для Вас как ученого и одновременно директора значат эти цифры?*

— Чувашский государственный институт гуманитарных наук для нескольких поколений исследователей чувашского языка, литературы, фольклора и искусства, а также истории, этнологии, социологии и археологии чувашского народа является местом профессиональных ориентиров, солидной ресурсной базой для решения теоретических и научно-прикладных проблем в сообществе единомышленников. И я — не исключение. Я начал работать в Чувашском государственном институте гуманитарных наук в 2010 г. в должности директора, однако мое знакомство с учреждением, с исследованиями трудившихся в нем в разные годы ученых, с редкими книгами и документами из его архива и библиотеки началось еще в студенческие годы. И с тех пор погружение в научную жизнь института не прекращалось.

95 лет — это солидный возраст. За это время его сотрудниками сделано уже столько, что каждый год заслуживает отдельного изыскания историка. Созданный 18 августа 1930 г. в Чебоксарах на базе Совета науки и культуры как Чувашский комплексный научно-исследовательский институт с секторами промышленности и экономики, сельского хозяйства, научной педагогики, культуры и быта, несколько раз преобразованный и переименованный, ЧГИГН, несмотря на тяжелые годы Великой Отечественной войны, потрясения и переломные моменты второй половины XX в., полноценно сохранился как научное учреждение академического типа и по праву получил известность единственного в мире центра, занимающегося вопросами чувашской гуманитарной науки.

Юбилей института для меня — это еще один прекрасный повод вспомнить наших учителей, основателей ряда научных школ, чьи теории и гипотезы мы по сей день продолжаем развивать, чьи традиции в написании трудов, проведении экспедиций, организации конференций сохраняем, в научном диалоге с которыми в своих статьях и монографиях остаемся и сегодня. Это еще одна возможность поблагодарить их за достойный пример, выразить им свое восхищение. Историю и имя ЧГИГН невозможно представить без вклада филологов И.А. Андреева, А.Е. Горшкова, В.Г. Егорова, Н.И. Его-

рова, И.П. Павлова, В.И. Сергеева, П.Я. Яковлева, М.Я. Сироткина, Г.Ф. Трофимова (Юмарта), А.В. Васильева (Вазана), В.Г. Родионова, Г.И. Федорова, историков И.Д. Кузнецова, В.Д. Димитриева, П.В. Денисова, А.В. Изоркина, И.И. Бойко, В.Н. Клементьева, экономиста С.Р. Малютина, этнологов В.П. Иванова, А.К. Салмина, Г.Б. Матвеева, археологов В.Ф. Каховского, Е.П. Михайлова, Н.С. Березиной, искусствоведов Ф.А. Романовой, А.А. Трофимова, М.Г. Кондратьева, А.И. Мордвиновой и многих других.

— *Вы упомянули, что с начала организации учреждения в нем действовали секторы промышленности, экономики, сельского хозяйства, научной педагогики, культуры и быта. Скажите, в каких направлениях гуманитарных наук ведется работа в институте в настоящее время?*

— ЧГИГН — это координирующий научный центр в области чувашской гуманитарной науки. Учрежденный как Чувашский комплексный НИИ в 1930 г., был реорганизован в 1933 г. в Чувашский НИИ социально-культурного строительства, с 1938 г. — Чувашский НИИ языка, литературы и истории, с 1956 г. — Чувашский НИИ языка, литературы, истории и экономики, с 1994 г. — Чувашский государственный институт гуманитарных наук. Основная задача института — проведение фундаментальных и прикладных исследований в области чувашской филологии, истории и искусствоведения. Новые шаги по разработке и углублению фундаментальных исследований были приняты администрацией института в 2010-е гг. Сегодня в институте успешно функционируют четыре направления — историческое, археологическое, филологическое и искусствоведческое.

Сотрудники ЧГИГН занимаются исследованиями индивидуально, профильными и междисциплинарными группами. Только за последние 5 лет было проведено более 20 археологических, комплексных, этнографических и социологических экспедиций, организовано более 50 научных конференций, семинаров и круглых столов разного уровня, издано около 80 научных трудов: авторских и коллективных монографий, сборников научных трудов и сборников документов, научных докладов, отчетов и других видов научных работ. Среди них — международная конференция «Поэтическое и культурное пограничье / безграничье творчества Геннадия Айги» (2019), всероссийская конференция «Исторический опыт нациестроительства и развития национальной государственности чувашского народа» (2020), «Национальные миры народов Поволжья и Приуралья в произведениях художников XX в.» (2022), «Традиционный и современный фольклор народов Волго-Уралья» (2023) и др.

— *Раз мы с Вами затронули итоги последних 5 лет, хотелось бы подробнее обсудить приоритетные научные проекты сотрудников каждого из структурных подразделений института.*

— Работы специалистов-историков ЧГИГН охватывают широкий спектр научных проблем от древней истории до современного этапа развития

чувашского народа. 100-летие Чувашской автономии было отмечено изданием монографий «Истоки государственности чувашей» (2018) и «Создание чувашской государственности (1920–1925)» (2018) В.Н. Клементьева. Успешно разрабатываются проекты по изданию сборников документов «Свод памятников истории Чувашии и чувашского народа», «Чебоксары в записках современников и путешественников» (2019), «Архимандрит Иакинф (Н.Я. Бичурин) и члены 9-й Российской духовной миссии в Пекине: судебные материалы 1822–1823 гг.» (2022), «Образование и христианское просвещение чувашей Волго-Уралья во второй половине XIX — начале XX века» (2023), первого тома собрания сочинений В.К. Магницкого «Труды по этнографии народов Поволжья» (2024) и др.

Тематика последних научных изысканий этнологов включает вопросы этнической истории чувашского народа, этнические и этнокультурные процессы в Волго-Уралье, религию и мифологию, культовые памятники, обычное право и этноправосудие, этническую психологию, гендерные отношения и ряд других. Они отражены в изданиях «Чувашская мифология» (2018), «Чуваши» (2019), «Исследования по этнологии чувашского народа» (2021), «Очерки по истории и этнографии Чувашии» (2022), «Чувашское пиво = Чăваш сăри (Традиционная технология пивоварения. Пиво в празднично-обрядовой культуре народа)» (2022), «Подгруппы в составе этнографических групп чувашей: формирование и картографирование» (2024) и др. С нетерпением ждем завершения проекта «Мифология чувашей». На базе ЧГИГН успешно функционирует Чувашское региональное отделение «Ассоциации антропологов и этнологов России».

Сотрудники секции социологии ежегодно проводят анкетный опрос населения региона по теме «Этнокультурное развитие и межнациональные отношения в Чувашской Республике». Результаты их недавних исследований опубликованы в ряде научных статей, а также в монографиях «Язык и идентичность: антропологическое исследование ситуации в России» (2021), «Языковое многообразие в российских регионах: возможности развития» (2021) и др. С 2020 г. наметилось новое направление в работе социологов ЧГИГН, связанное с изучением медиапотребления в Чувашской Республике и практик использования интернета молодежью региона.

Археологами института в последние годы была разработана концепция развития археологической науки Чувашии, сделаны важные шаги по систематизации фондов археологических материалов, создана лаборатория. Важным проектом обозначился труд «Археологическая карта Чувашии» в 3 т. В ходе разведочных работ и раскопок открыто и исследовано несколько десятков археологических памятников. Особенно важными из полевых работ за прошедшее время стали работы, посвященные изучению памятников каменного века (Мукшумский, Утюжский комплексы памятников, стоянка «Шолма», Новая Деревня), 1-го тыс. н. э. (Сендимиркинский могильник, Ивановково-Ленинский

комплекс памятников). В институте действует постоянная археологическая экспедиция, важную роль в которой играет межрегиональное научное сотрудничество, позволившее расширить круг поисков и усилить качество проводимых работ. Полевые работы проходят совместно с Институтом археологии им. А.Х. Халикова АН РТ и Марийским научно-исследовательским институтом языка, литературы и истории им. В.М. Васильева. В целом они связаны с эпохой Средневековья: раскопки болгарского памятника «Большетаябинское городище», новых средневековых могильников (Тигашевский, Амоксарский, «Чебоксарский городок»), исследование поселений эпохи Золотой Орды и чувашских могильников XVI–XVIII вв. Большое внимание уделяется исследованию исторических центров Чувашии (Чебоксары, Алатырь). По итогам перечисленных археологических раскопок увидели свет такие издания чувашских археологов, как «Каменный век Чувашского Поволжья» (Казань, 2021), «Чувашская археология» (2022), «Балановский могильник в системе археологических культур эпохи бронзы юга лесной полосы Среднего Поволжья» (2023), «Озеро Аль — Эль кўлли» (2024) и др.

Деятельность искусствоведов ЧГИГН направлена на разработку проблем формирования и развития традиционной и профессиональной культуры и искусства чувашского народа. Мы можем утверждать, что ими восстановлена подлинная история чувашской народной музыки. Отдельные результаты ее исследования отражены в монографии «Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации» (2018), в двух томах «Полвека музыкальной жизни Чувашии: публицистика» (2023) и «Многоликий мир музыки: вопросы теории и истории» (2023). Изучению композиторского фольклоризма в чувашской музыке посвящена монография «Чувашская народная песня в творчестве композиторов: композиторский фольклоризм, фольклорные „волны“, жанр обработки» (2021). В поле зрения чувашских искусствоведов находится и творчество современных живописцев, графиков и скульпторов республики. В последние 5 лет увидели свет монографии «Скульптор-монументалист Анатолий Брындин. Принципы стилиобразования и пластическая структура» (2020), «И.Я. Яковлев в изобразительном искусстве: книга-альбом» (2021), «„Будущее не спешило ко мне...“ Художник Анатолий Миттов» (2023).

Основным направлением исследований в области языкознания является реализация проекта «Строй чувашского языка», в рамках которого запланировано издание серии фундаментальных монографий о звуковом, грамматическом и лексическом строе современного чувашского литературного языка, об истории его развития и его диалектах, стилистике, современном состоянии графики, орфографии, пунктуации и орфоэпии, исторической фонетике, лексикологии и грамматике, современной лексикологии, фразеологии, ономастике, где чувашский язык будет сопоставлен с другими тюркскими языками и т. п. На сегодняшний день изданы книги «Морфология чувашского языка:

словоизменение, формоизменение и формообразование» (2017), «Фонетика и фонология чувашского языка» (2020), «Словообразование в чувашском языке» (2023), «Синтаксис чувашского языка: Словосочетание. Простое предложение» (2024). С 2020 г. языковедами ЧГИГН активно ведется работа по разработке и созданию национального корпуса чувашского языка.

На всем протяжении деятельности института подготовка различных словарей (переводных, этимологических, терминологических, орфографических и т. д.) была одним из приоритетных направлений. Современным, максимально полным сводом чувашской лексики призван стать многотомный «Толковый словарь чувашского языка», создаваемый коллективом авторов. Благодаря усилиям сотрудников секции словарей было опубликовано четыре тома и активно ведется работа над пятым томом. Кроме того, ими изданы «Чувашско-русский словарь» в 2 томах (2021, 2022), «Тематический диалектологический словарь чувашского языка: названия животных и растений» (2021).

Итогом многолетней работы сотрудников секции литературоведения стали коллективные монографии «История чувашской литературы XX века» в 2 частях (2015, 2017), «История чувашской литературы XVIII–XIX вв.» (2020), ориентированные на новые методологические подходы и достижения современного литературоведения. Сегодня сотрудники разрабатывают проблемы становления и развития национальной драматургии, исследуют основные тенденции развития современной чувашской прозы и поэзии.

Достижением сотрудников секции фольклористики, их значительным вкладом в текстологическое освоение фольклорного богатства чувашского народа является подготовка и издание многотомного систематизированного фольклорного свода «Чăваш халăх пултарулаĕ» (Чувашское устное народное творчество). С 2019 г. свод издается с параллельным переводом на русский язык, что способствует введению чувашского фольклорного материала в российское научное пространство: «Богатырские сказки» в 2 книгах (2019, 2020), «Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей» (2021), «Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей» (2022), «Былички» (2023).

— *Комментируя научные проекты ЧГИГН, Вы отметили, что в их реализации участвуют и представители других научных и образовательных учреждений Волго-Уралья, России в целом и некоторых зарубежных стран. С кем институт сотрудничает на регулярной основе?*

— Важно подчеркнуть, что научная деятельность предполагает диалог, объединение на одной площадке людей с разными взглядами для поиска ответов на сложные исследовательские вопросы. Для этого мы регулярно проводим всероссийские и международные конференции, форумы, семинары, круглые столы, привлекаем ученых со всего мира к обсуждению актуальных проблем гуманитарной науки.

Так, организованная нами в 2024 г. Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Славяно-тюркский мир: история и современность» собрала более 130 докладчиков из крупнейших научных и образовательных учреждений Российской Федерации, Азербайджана, Республики Беларусь, Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана, Узбекистана. Проведенная в этом году Международная конференция «Победа единства: народы Евразии в борьбе с фашизмом в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)», посвященная 80-летию Победы в Великой Отечественной войне, вызвала интерес более 150 ученых-гуманитариев из России, Азербайджана, Республики Беларусь, Болгарии, Китая, Кыргызстана, Сербии, Таджикистана, Туркменистана и Узбекистана.

В международной деятельности ЧГИГН особое место занимает сотрудничество с научными учреждениями и музеями Республики Беларусь, Институтом истории, археологии и этнологии им. Б. Джемгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики, Азиатским технологическим университетом Республики Узбекистан, Институтом фольклора Национальной академии наук Азербайджана и др. ЧГИГН также в тесном контакте работает с научными и образовательными учреждениями Чувашии, имеет и развивает профессиональные связи с ведущими научными центрами России. Эффективной формой общероссийского и регионального сотрудничества исследователей и научных центров являются конференции. Из мероприятий последних лет, проведенных совместно с коллегами из соседних регионов, важно выделить Межрегиональные конференции «Чуваши и марийцы — соседи по общему дому» (2019), «Мордва в Чувашии: история и современность» (2020), «Татары и чувашы — ветви одного древа» (2021), «Мари и чувашы — этнокультурный диалог в исторической перспективе» (2023). Наши сотрудники принимают активное участие в комплексных экспедициях совместно с учеными Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, Марийского научно-исследовательского института языка, литературы и истории им. В.М. Васильева и др.

— *Не могу обойти стороной вопрос преемственности поколений. Как в институте организована работа по передаче накопленного исследовательского опыта молодым ученым?*

— В настоящее время в авангарде ЧГИГН — три поколения ученых. В каждой секции есть старшие, ведущие или главные научные сотрудники. Для молодых ученых, работающих в институте, они выступают наставниками: помогают определиться с темой исследования и поставить цель, выбрать подходящий инструментарий и найти нужные источники, рецензируют их первые работы, выносят замечания и рекомендации. Такое ежедневное взаимодействие позволяет молодым людям не просто понять специфику научной

работы, но и стать полноценным учеником той или иной научной школы. Вместе с тем в институте ежеквартально работает школа молодого ученого. Опытные коллеги проводят лекции и мастер-классы, отвечают на вопросы, делятся профессиональным и жизненным опытом. Молодые исследователи института также вовлечены в деятельность Совета молодых ученых и специалистов Чувашской Республики, регулярно участвуют в Конгрессах молодых ученых, проводимых на федеральной территории «Сириус».

Институт имеет развитую инфраструктуру. В распоряжении сотрудников — уникальные библиотека и архив. Научная библиотека имеет богатое собрание литературы по профильным отраслям знания, достигающее 152 тыс. единиц хранения. Особую ценность представляют дореволюционные издания. В фондах научного архива находится более 15 тыс. единиц хранения по истории и культуре чувашского этноса, других народов страны. Информационные возможности архива поистине огромны. В нем хранятся рукописные собрания ученых и писателей, личные архивы деятелей науки и культуры, материалы комплексных научных экспедиций и археологических разведок, фотографии и карты, предметы бытового искусства, картины, нотные произведения композиторов, записанные фонографом на восковые валики чувашские песни и мелодии, номера первой чувашской газеты «Хыпар» (Вести), редкие книги, личные дела известных уроженцев Чувашской Республики, статистические сборники.

В институте созданы все возможности для повышения квалификации — написания кандидатской и докторской диссертаций. С 2006 по 2024 г. издавался научный журнал «Чувашский гуманитарный вестник», а с этого года запустили новый — «Современная гуманитаристика», который выпускается на русском, чувашском и английском языках. Для ученых — это отличная площадка для освещения результатов своих исследований. Пользуясь случаем, хотел бы предложить академическому сообществу присмотреться к нашему журналу, мы будем рады вашим статьям.

— *Юрий Николаевич, в ближайшем будущем институт будет отмечать вековой юбилей. Чего бы Вы хотели достичь к этому времени?*

— Коллектив Чувашского государственного института гуманитарных наук — сплоченная команда людей с общими целями, схожими ценностями и приоритетами. Мы сохраняем традиции авторитетных ученых, наших предшественников, не боимся внедрять новации. Наши надежды связаны с информационными технологиями. В планах совершенствование и расширение национального корпуса чувашского языка, создание электронных словарей, электронного каталога топонимов Чувашской Республики и др. Мне бы очень хотелось, чтобы сотрудники института, несмотря на разные обстоятельства, ставили перед собой амбициозные цели, планомерно развивались и оставались преданными делу чувашеведения. Это наша формула успеха.

— Благодарю Вас за содержательную беседу. Поздравляю с юбилеем, желаю институту дальнейшего процветания, а сотрудникам — достижения намеченных целей!

Сведения об авторе:

Гаврилов Артем Дмитриевич — кандидат филологических наук, научный сотрудник исторического направления, Чувашский государственный институт гуманитарных наук, Российская Федерация, 428015, г. Чебоксары, Московский проспект, д. 29/1. ORCID: 0000-0001-6031-2725; eLibrary SPIN-код: 3601-9440. E-mail: artmaster28@rambler.ru.

Bio note:

Artem D. Gavrilov is a Candidate of Philological Sciences, Researcher in the Historical Department, Chuvash State Institute of Humanities Sciences, 29/1 Moskovsky Prospekt, Cheboksary, 428015, Russian Federation. ORCID: 0000-0001-6031-2725; eLibrary SPIN-code: 3601-9440. E-mail: artmaster28@rambler.ru.

АКТУАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

CURRENT LITERATURE

DOI: 10.22363/2618-897X-2025-22-3-717-723

EDN: CDTKJK

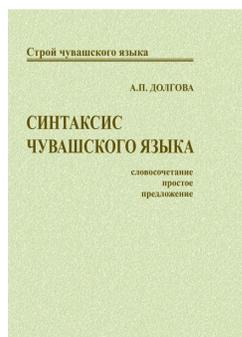
НОВЫЕ КНИЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

NEW BOOK EDITIONS

Представляем вашему вниманию научные издания, словари, фольклорные сборники, подготовленные сотрудниками Чувашского государственного института гуманитарных наук.

Долгова А.П. Синтаксис чувашского языка : Словосочетание. Простое предложение : монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2024. 236 с. (Строй чувашского языка). ISBN 978-5-87677-291-6.

Монография посвящена исследованию синтаксического строя чувашского языка. Главное внимание в ней уделяется комплексному описанию словосочетания и простого предложения. Простое предложение рассматривается как многоаспектная и полифункциональная языковая единица. В книге также представлены краткий обзор основных направлений синтаксической науки и достаточно подробная история изучения синтаксиса чувашского языка.

Ыр-усал халапёсем = Былички. Тексты : в 2 книгах. Т. IV / сост. Г.Г. Ильина, Е.В. Федотова / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2023-2024. 400 с. (Чувашское устное народное творчество).

Книга 1. ISBN 978-5-7670-3201-3

Книга 2. ISBN 978-5-7670-3256-3

Том «Былички» из серии «Чувашское устное народное творчество» на чувашском и русском языках. В книгу вошли широко распространенные сюжеты рассказов о встрече отдельного человека с лесными, домашними, водными, банными и другими мифологическими персонажами. Они основываются на древних религиозных верованиях и мифологических представлениях чувашей. Содержание текстов складывается вокруг мифологического персонажа, показывает трагизм момента встречи.

Кириллова В.Ю. Парные слова в чувашском и марийском языках : монография / ЧГУ им. И.Н. Ульянова. Чебоксары, 2024. 160 с. ISBN 978-5-7677-3766-6.

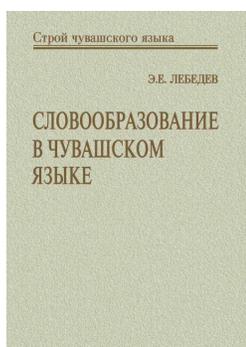
Рассмотрены чувашские и марийские парные слова. Дана характеристика фонетико-семантических особенностей, морфологической, дериватологической структуры парной лексики, представлен опыт лексикографирования и орфографирования парных слов в сопоставляемых языках.

Дубанов И.С., Исаев Ю.Н. Словарь топонимических названий и терминов Чувашии. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2023. 584 с. ISBN 978-5-7670-3228-0.

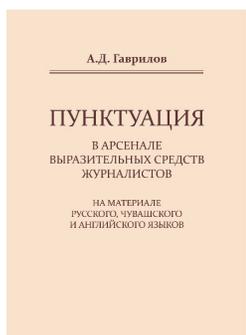
В словаре представлено около 4000 топонимов (названий населенных пунктов, озер, рек, оврагов, урочищ и т. д.) и географических терминов. В книге раскрывается происхождение большинства значимых географических названий, включая микропонимы Чувашской Республики.

Словарь адресован филологам, историкам, географам, краеведам и всем интересующимся историей, культурой и природой родного края.

Лебедев Э.Е. Словообразование в чувашском языке : монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2023. 212 с. (Строй чувашского языка). ISBN 978-5-87677-278-7.

Монография включает в себя главы, посвященные общим проблемам и истории изучения словообразования в чувашском языке, аффиксальному именному и глагольному словообразованию, а также таким способам словообразования, как словосложение и конверсия. В книге представлен анализ основных особенностей словообразовательной системы чувашского языка, дается подробный перечень как продуктивных, так и непродуктивных словообразовательных аффиксов, изучаются случаи неаффиксальной деривации именных частей речи и глагола.

Гаврилов А.Д. Пунктуация в арсенале выразительных средств журналистов (на материале русского, чувашского и английского языков) : монография. Чебоксары: Чуваш. гос. ун-т, 2023. 176 с. ISBN 978-5-7677-3627-0.

В монографии рассматриваются выразительные возможности пунктуационных средств русской, чувашской и английской медиаречи. Эмпирической базой выступают заголовки аналитических материалов сетевых версий изданий на исследуемых языках за 2017–2021 гг. В ходе сопоставительного анализа, основываясь на интенциональном подходе, выявляются уникальные и универсальные пунктуационные практики разноязычных журналистов.

Родионов В.Г. Избранные труды по литературоведению и этнологии = Суйласа иллисем : литература тата этнос пелёвёсемпе сырнă ёссем / ЧГИГН. Чебоксары, 2022. 196 с. ISBN 978-5-87677-271-8.

В книгу включены избранные труды известного чувашского ученого-филолога, доктора филологических наук, профессора В.Г. Родионова. В них рассмотрены отдельные вопросы истории развития чувашской художественной литературы и чувашского просветительского движения во второй половине XIX в., а именно просветительской деятельности Н.И. Золотницкого и его учеников. Ряд работ публикуется в переработанном варианте.

Мординова А.И. Будущее не спешило ко мне... Художник Анатолий Миттов : монография / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. 272 с. ISBN 978-5-7670-3116-0.

Книга издана к 90-летию Анатолия Ивановича Миттова (1932–1971), выдающегося чувашского художника, новаторские идеи которого во многом предопределили пути развития чувашского изобразительного искусства XX в. Высокая художественность его произведений, глубина замыслов, опередивших свое время, сделали творческое наследие подлинной ценностью чувашской культуры.

Анат енчипе тури чăвашсен никрут юррисем = Рекрутские песни средненизовых и верховых чувашей. Тексты. Т. II / сост. Т.И. Семенова / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2021. 495 с. ISBN 978-5-7670-3008-8.

Том «Рекрутские песни» из серии «Чувашское устное народное творчество» на чувашском и русском языках. В издании представлены песни средненизовых и верховых чувашей, исполняемые на проводах новобранцев, а также отображающие жизнь солдат на ратной службе.

Издание снабжено предисловием, комментариями, списком сокращенных слов, примечаниями, указателем ключевых слов и библиографией.

Анатри тата республика тулашёнчи чăвашсен никрут юррисем = Рекрутские песни низовых и этнотерриториальных групп чувашей. Тексты. Т. III / сост. Т.И. Семенова / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2022. 415 с. ISBN 978-5-7670-3094-1(3).

Том «Рекрутские песни» из серии «Чувашское устное народное творчество» на чувашском и русском языках. В книгу вошли тексты рекрутских песен низовых и этнотерриториальных групп чувашей. Издание снабжено предисловием, комментариями, списком сокращенных слов, примечаниями, указателем ключевых слов и библиографией.

Бушueva Л.И. Чувашская народная песня в творчестве композиторов: компози- торский фольклоризм, фольклорные «волны», жанр обработки : монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2021. 304 с. ISBN 978-5-87677-265-7.

В монографии предпринята попытка анализа и обобщения широкого круга явлений чувашского профессионального музыкального искусства, связанных с жанром обработки и проблемой композиторского фолькло- ризма. Опираясь на наиболее показательные образцы, автор рассматри- вает художественные идеи композиторов через характеристику создан- ных ими произведений, выявляет и систематизирует особенности претво- рения чувашского фольклора в профессиональном творчестве от периода зарождения национальной музыки до современной композиторской.

Дегтярёв Г.А. Тематический диалектологический словарь чувашского языка: названия животных и растений = Чăваш чĕлхин тематикăлла диалектологи саварĕ : чĕрчунпа ўсен-тăран ячĕсем / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2021. 159 с. ISBN 978-5-7670-3027-9.

Словарь является универсальным справочником по чувашской народной лексике флоры и фауны. В данном издании впервые представлено все многообразие общеязыковых, диалектных и узколокальных обозначений домашних животных и птиц, трав и сельскохозяйственных культур. При- ведены русские соответствия названий, краткие определения, сведения об ареале распространения. В приложении дан список населенных пунк- тов, упомянутых в книге, с указанием их административно-территори- альной принадлежности.

Паттър юмахĕсем = Богатырские сказки. Тексты : в 2 книгах. Т. I / сост. Н.Г. Ильина / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2019–2020. (Чувашское устное народное творчество).

Книга 1. ISBN 978-5-7670-2792-7.
Книга 2. ISBN 978-5-7670-2902-0.

«Богатырские сказки» — первый том из серии «Чувашское устное народ- ное творчество» на чувашском и русском языках. В книгу вошли чуваш- ские богатырские сказки, сохранившие в своей основе древнейший мифологический пласт. Мотивы, уходящие корнями вглубь веков, позво- ляют лучше понять духовно-нравственные традиции и ценностные ори- ентиры родного народа. института гуманитарных наук, а также из ранее изданных сборников.

Лебедев Э.Е., Родионов В.Г., Семёнова И.П., Касимов Е.В. Н.И. Ашмарин — корифей чувашской филологии : монография. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2020. 270 с. ISBN 978-5-7670-2925-9.

Монография посвящена жизни, научной и общественной деятельности выдающегося ученого, члена-корреспондента АН СССР Николая Ива- новича Ашмарина. Книга представляет собой первое подробное описа- ние биографии известного чувашоведа и тюрколога с мировым именем, автора знаменитого семнадцатитомного «Словаря чувашского языка». В отдельных главах и параграфах представлен анализ его основных науч- ных трудов в области чувашского и тюркского языкознания, устного народного творчества и мифологии.

Чăваш чĕлхин ăнлантарулă сăмах кĕнеки = Толковый словарь чувашского языка : в 7 томах. Т. 1–4 / под ред. Г.А. Дегтярёва / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2020. 327 с. ISBN 978-5-7670-2941-9.

Первые четыре тома «Толкового словаря чувашского языка» содержат слова на буквы А — С. Дается толкование слов и устойчивых сочетаний, приводятся иллюстрации словоупотреблений. Словарь составлен с учетом изменений, которые произошли в лексике чувашского языка в постсоветское время.

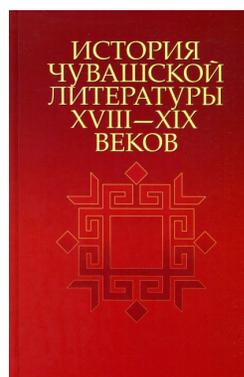
История чувашской литературы XVIII—XIX веков : коллективная монография / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2020. 296 с.

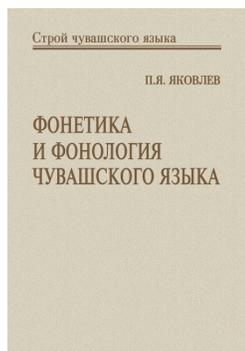
ISBN 978-5-7670-2917-4.

История чувашской литературы XX века : коллективная монография : в 2 книгах / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2015-2017. 431 с.

ISBN 978-5-7670-2361-5.

Трехтомная коллективная монография «История чувашской литературы» охватывает литературный процесс Чувашии с этапа формирования чувашской художественной словесности до конца XX в. Развитие чувашской литературы исследуется в контексте общественно-политического, религиозно-философского и литературно-эстетического сознания народа, а также в сопоставлении с литературными феноменами других народов Поволжья и Приуралья. В книгу включены проблемно-обзорные статьи и творческие портреты наиболее выдающихся чувашских писателей.

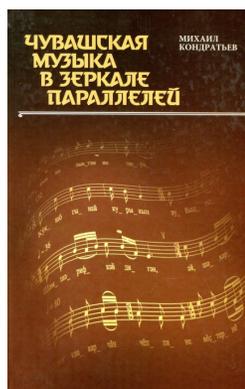
Яковлев П.Я. Фонетика и фонология чувашского языка : монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2020. 288 с. (Строй чувашского языка). ISBN 978-5-87677-255-8.

В монографии рассматриваются основные вопросы чувашской фонетики, артикуляционно-акустические признаки звуков речи, излагаются принципы классификации гласных и согласных. Немалое место в книге уделено сингармонизму и словесному ударению. Несмотря на бережное отношение к трудам предыдущих исследователей, многие вопросы автор трактует по-новому. К примеру, описывая консонантизм, критически анализирует выявленные до сих пор коррелятивные признаки и предлагает свои. Основной упор в работе сделан на фонологии чувашского языка.

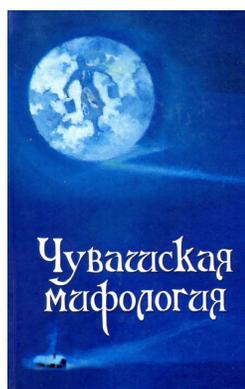
Исаев Ю.Н. Фитонимическая картина мира в разноструктурных языках : монография. Чебоксары : Чуваш. гос. ун-т, 2019. 348 с. ISBN 978-5-7677-2951-7.

В работе приведен обзор фитонимических исследований по языковым семьям, рассмотрены различные картины мира, описана тематическая группа «растения», освещено содержание понятий «концепт» и «концептосфера» в антропоцентрической парадигме как универсалий языковой картины мира.

Кондратьев М.Г. Чувашская музыка в зеркале параллелей: к проблеме Волго-Уральской музыкальной цивилизации : монография / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 447 с. ISBN 978-5-7670-2701-9.

В монографии обобщен опыт сравнительных исследований традиционной музыки народов Волго-Уральского региона, предпринимавшихся автором на протяжении нескольких десятилетий. Своего рода «точкой отсчета» для него стала чувашская музыкально-поэтическая система, отличающаяся глубокой структурированностью. В сравнении с ней рассматриваются аналогичные явления в традиционной культуре волжских татар, марийцев, удмуртов и других народов.

Чувашская мифология : этнографический справочник / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 591 с. ISBN: 978-5-7670-2750-7.

Основу этнографического справочника составляют мифы, легенды и предания, тексты заговоров и молитв, мифологизированные элементы обрядовой практики чувашей. При подготовке издания авторы опирались на архивные источники и ранее опубликованную литературу по этой теме. В научно-справочном издании представлены более двухсот базовых понятий, библиография, приложения с текстами на чувашском и русском языках, иллюстрации.

Викторов Ю.В. Чувашская станковая живопись XX века : монография / ЧГИГН. Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 2018. 255 с. ISBN 978-5-7670-2761-3.

В монографии представлена целостная картина зарождения, становления и развития чувашской станковой живописи в XX в. Обозначены знаковые события и мастера. Издание богато иллюстрировано произведениями исторического, бытового, портретного, пейзажного и натюр-мортного жанров. Адресуется искусствоведам, художникам, специалистам, изучающим духовную культуру чувашского народа, широкому кругу читателей.

Кириллов К.Д. Особенности становления и развития чувашской драматургии в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья (1920-е годы) : монография / ЧГИГН. Чебоксары, 2024. 144 с. ISBN 978-5-87677-288-6.

В монографии представлена история становления и развития чувашской драматургии в 1920-е гг. в контексте тюркских литератур Урало-Поволжья. На основе глубокого научного исследования выявлены основные тенденции и особенности жанрово-стилевой системы национальной драмы, определена роль ведущих авторов, проанализированы их значимые произведения.

*Подборку новых книжных изданий подготовила
кандидат филологических наук, доцент
И.Ю. Кириллова*

